

ISSN: 2229-7146

**A journal of the
Centre of Russian Studies**

CRITIC

Issue No. 21, 2023

ISSN: 2229-7146

CRITIC

A journal of the Centre of Russian Studies

Issue No. 21

2023

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi – 110067

CRITIC Issue No. 21, 2023

**2023, Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU, New Delhi, India, 110067
ISSN: 2229-7146**

Chief Editor: Dr. Richa Sawant

Editors: Dr. Ashutosh Anand
Dr. Vinay Kumar Ambedkar
Dr. Radha Mohan Meena

Our reviewers:

Prof. Hem Chandra Pande (Retd.), Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Prof. Varyam Singh (Retd.), Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Prof. Charanjit Singh (Retd.), Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Prof. Irina A. Poplavskaya, Tomsk State University, Russia
Prof. Pankaj Malviya, Panjab University, Chandigarh, India
Dr. Uma Parihar (Retd.), Vikram University, Ujjain, India
Dr. Anna Chelnokova, St.Petersburg State University, Russia
Dr. Pushp Ranjan, EFL University (Lucknow Campus), Hyderabad, India
Dr. Sajal Dey, EFL University (Shillong Campus), Hyderabad, India
Dr. Chandan Suman, Faculty of Arts, BHU, Varanasi, India
Dr. Shradhha Pal, SFUS, DU, New Delhi, India
Dr. Suman Beniwal, SFUS, DU, New Delhi, India
Dr. Sunita Acharya, Visva-Bharati University, Shantiniketan, West Bengal, India
Dr. Shitanshu Bharti, SFUS, DU, New Delhi, India
Dr. Anagha Bhat Behere, Savitribai Phule Pune University in Pune, India
Dr. Hawa Singh Yadav, EFL University, Hyderabad, India
Dr. Gaurav Kumar, CSPILAS, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Dr. Sushant Saini, MS University of Baroda, Vadodara, India
Dr. Sourabh Kumar, Central University of Gujarat, Gandhinagar, Gujarat, India

Published by: Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067

Critic is a blind peer reviewed annual research publication of the Centre of Russian Studies. It publishes articles in the field of Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means without the prior written permission of the publishers.

Editor's Note

It is a matter of immense pleasure to bring out the present issue No.21. This issue of Critic includes total thirty six articles, which are divided into various sections such as: literature, language, culture and translation studies.

Seventeen articles have been included in the literature section of the present issue, emphasizing on various aspect of literary criticism, literary works and literary cultures of Indian and Russian literature vis-à-vis world literature. Inna Viktorovna Ledovskaya's article «Дети с особенностями психофизического развития – персонажи русских новеллистических сказок» examines Russian short-story fairy tales, which have a fundamentally different attitude towards image-characters than in fairy tales, in particular, towards child characters. Kunwar Kant's article «Сопоставительный анализ стихотворений «Молитва» Булата Окуджавы и «Прартхана» Сарвешвара Даяла Саксены» shows a comparative analysis of the poems "Prayer" by Bulat Okudzhava in Russian and "Prārthana" by Sarveshvar Dayal Saxena in Hindi. Nagendra Shreeniwas's article 'Понятие нравственного образца в романе Солженицына «В круге первом»' deals with the moral models painted by Solzhenitsyn in his novel. Jyoti's article 'Развитие темы «Квир-сексуальность» в литературе' attempts to explore "queer" as an issue and phenomenon in the history of queer sexuality. Shashi Kumar's article 'Вопль ужаса в философии диалектики Хоркхаймера и Адорно' attempts to look at the horizon of this fear in the philosophy of dialectics of Horkheimer and Adorno. Suhail Akhtar's article 'Нарративные категории повествователя в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»' attempts to analyze the narrative structure of Mikhail Afanasyevich Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Akhauri Nitish Kumar's and Divyam Prakash's article 'Image of nihilist in Fathers and sons' emphasize on the concept of Nihilism in Russian society of 19th century through the Ivan Turgenev's novel "Fathers and sons". Aniket Vaibhav's article 'Continuity and change in folklore: contribution of Russian scholars to the discussion of folklorism in postwar Germany' tried to create understanding of the socio-cultural, medial transformation, which has shaped the folklore across the globe. Arpita Paul's and Subhash Kumar Thakur's article 'Reception of Tolstoy

in Japan - An Introduction' emphasize on the influence of Leo Tolstoy on Japan in the late 19th and early 20th centuries. Dharani Rathnasamy's article 'Indo-Russian Cultural Relations: Cultural relativism in Russian and Indian literature with special reference to the folktales of Tamil Nadu and Russia' emphasizes on cultural relationship through the folktales of India and Russia. Irshad Abdulkarim Vadagaonkar's article 'The theme of history and freedom in Vasily Grossman's "Everything flows"' deals with socio-cultural and ideological aspects of Soviet life. Pallavi's article 'Nexus of memory, forgetting and history of 'White Russian' as prisoner in the Nazi concentration camps: Memoir of Alexandra Jusefowitsch' explores how the individual memory moved from the periphery to the center of memory discussions in Germany through the digital archiving of memory. Parijat Bhattacharjee's article 'Baba Yaga – The antithesis of the quintessential witch of the Russian folklore' analyses Baba Yaga and her different character traits. Pooja Chauhan's article 'Mother-daughter dyad and jealousy: a comparative literary analysis' analyses three novels namely "The Dark Holds No Terrors" by Shashi Deshpande, "Fasting, Feasting" by Anita Desai and "The Time: Night" by Lyudmila Petrushevskaya. Suja Mathew's article 'Space-power-knowledge configurations: panoptic heterotopias in Laszlo Krasznahorkai's Satantango' examines the Hungarian author Laszlo Krasznahorkai's depiction of heterotopic spaces in the novel Satantango in the light of Foucault's notions of panopticism. Swati Singh's article 'Space and narration: spatial reading of Ekaterina Isachenkova's «*ostorozhno! Stantsiya Sokol'niki*»' presents a literary spatial study on disability in contemporary Russia. Mukesh Kumar's, Vinay Kumar Ambedkar's and Adarsh Kumar's article 'Adaptation of Spanish picaresque in 19th century Russian literature: a study of Quevedo's El Buscon and Gogol's Dead Souls' explored the adaptation of Spanish picaresque novels in 19th-century Russian literature, focusing on Francisco de Quevedo's El Buscón and Nikolai Gogol's Dead Souls.

In the 'Culture' section of of the journal Ashutosh Anand's and Jyoti Kumari's article 'Intersecting cross-cultural perspective of Indo-Russian culture' reflects the Indo-Russian relationship that is frequently described as an all-weather and time-tested cooperation built on similar interests, civilizational commonality, mutual trust, and uniformity of perspective on global concerns and geopolitical goals. The article focuses on music, history and travel. Janashruti Chandra's article 'The scary old women –

comparing Russia's Baba Yaga and Japan's Yamauba in folklore' draws a few parallels and distinctions between the demonic ambivalent female forms of Yamauba, an aged woman living in the mountains away from civilization in Japanese folklore and the strikingly similar Baba Yaga seen in Russia's cultural motif. The two demonic characters that devour unsuspecting people trespassing on their turf have made their appearance in folklore and still live on in the hearts and minds of people. In Pooja Sinha's paper 'The journey of Soviet underground music from x-ray plates to cassettes' the underground culture of bootlegging music in the Soviet Union is discussed. The innovative ways in which music was smuggled throughout the Soviet Union using x-ray plates which were turned into music plates and finally the use of tape-recorders to duplicate music and record original songs was unique as a phenomenon in the Soviet Union. Richa Sawant's paper 'The evolving Russian lexicon in the context of social movements in the beginning of the XXI century' attempts to analyse the lexeme 'креативный' as a neologism and as a part of the phrase relating to a new profession. It drew the attention of native speakers, linguists, and scholars of Russian as a Foreign Language, who attempt to differentiate it from the adjective 'творческий' in meaning, style and usage.

In the 'Language' section of the journal Ashutosh Anand's paper 'Трудности обучения фразеологизмам русского языка в индийской аудитории' focuses on the complexities of teaching Russian phraseologisms reflecting spirituality to Indian students. Such phraseologisms reflect the religious traditions and rituals specific to a culture. In his paper 'Структурно-функциональная особенность применения антитезы в поэтическом тексте русского языка' Kumar Chandan studies the structural and functional specificities of the antithesis as reflected in Russian poetry. In her paper 'Свободный ассоциативный эксперимент: уроки РКИ с магистрантами' Richa Sawant discusses teaching the method 'free associative experiment' as a part of an introductory course on methodology to graduate students. This method can be used for a contrastive study of socio-cultural concepts in different cultures. In her paper 'Устойчивые единицы русского языка с компонентом «душа» в сопоставлении с языком хинди' Khushboo Kumari undertakes a contrastive study of set expressions of Russian and Hindi having the component 'soul'. Components reflecting the semantic, expressive as well as the value

system in the lexeme 'soul' have been analysed. Ujjwal Kumar Vidyarthi in his paper 'Сопоставительное изучение цветов «Черный» и «Белый» в русском языке и в языке хинди' studies the symbolic role that colours play in a culture, as reflected in Russian and Hindi.

The 'translation' section Hari Madhab Ray in his paper 'Lost in translation: A case study in translating idiom, proverb, Lullaby and riddle from Hindi to English' studies the translation of a few selected Hindi Proverb, riddle, lullaby, game rhyme which form an integral part of everyday life of the Hindi speaking community. The author wanted to see if English can indeed convey the essence, meaning, originality, accuracy and aesthetics that lie behind these Hindi proverbial expression, limerick and rhymes. Meenu Bhatnagar's paper 'On the translation of film titles from Hindi into Russian: Challenges & Strategies' focuses on the translation of Hindi Film titles into Russian language. It analyses the translation of various Hindi film titles into Russian and discusses the strategies and techniques used in translating them. Megha Pansare in her paper 'Proper names in Russian-Marathi literary translations' seeks to analyse the problems of transfer of proper names in the translation of Russian literature into Marathi. As the proper nouns are closely associated with the culture of the language they belong to, their translation is a challenge for translators. Sonu Saini and Amit Jhakhmola discuss "The shadowing techniques in simultaneous interpretation: the first step' learning. The article provides a window into the world of interpreters.

This issue of 'CRITIC' also has translations of literary works from Russian to Hindi. Mona Agnihotri has translated the poems of the National Poet of Turkmenistan Makhtumkuli Fragi from Russian to Hindi. Radha Mohan Meena has translated Alexander Kuprin's 'The last Word' from Russian to Hindi with commentary. Sonu Saini has translated into Hindi of an interview with Olga Slavnikova, recently conducted in Russian by the Institute of Translation in Moscow. Subhash Kumar has translated Mikhail Zoschenko's 'Lemonade' from Russian into Hindi. Yogesh Kumar Rai and Shambhavi have translated Anton Chekhov's 'Papasha' into Hindi. Vinay Kumar Ambedkar, Ujjwal Vidyarthi and Kumar Chandan have translated Ivan Turgenev's 'Two Landowners' from Russian into Hindi'.

Editorial board

Contents

Title of the article	Author	Page No.
Literature		
Дети с особенностями психофизического развития – персонажи русских новеллистических сказок	Инна В Ледовская	1
Сопоставительный анализ стихотворений «Молитва» Булата Окуджавы и «Прартхана» Сарвешвара Даяла Саксены	Кунвар Кант	11
Понятие нравственного образца в романе Солженицына «В круге первом»	Нагендра Шринивас	20
Развитие темы «Квир-сексуальность» в литературе	Jyoti	32
Вопль ужаса в философии диалектики Хоркхаймера и Адорно	Shashi Kumar	48
Нарративные категории повествователя в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»	Suhail Akhtar	54
Image of nihilist in Fathers and Sons	Akhauri Nitish Kumar Divyam Prakash	63
Continuity and change in folklore: contribution of Russian scholars to folklorism in post-war Germany	Aniket Vaibhav	71
Reception of Tolstoy in Japan- An Introduction	Arpita Paul Subhash Kumar Thakur	77
Indo-Russian cultural relations: cultural relativism in Russian and Indian literature with special reference to the folktales of Tamil Nadu and Russia	Dharani Rathnasamy	87
The theme of history and freedom in Vasily Grossman's 'Everything Flows'	Irshad Abdulkarim Vadagaonkar	96
Nexus of Memory, Forgetting and History, 'White Russian', as a Prisoner in the Nazi Concentration Camps: Memoir of Alexandra Jusefowitsch	Pallavi	105
Baba Yaga – the antithesis of the quintessential witch of the russian folklore	Parijat Bhattacharjee	113

Mother-daughter- dyad and jealousy: a comparative literary analysis Pooja Chauhan	120
Space-power-knowledge configurations: panoptic heterotopias in Laszlo Krasznahorkai's Satantango Suja Mathew	124
Space and narration: a spatial reading of «Ostorozhno! Stantsiya Sokol'niki» by Ekaterina Isachenkova Swati Singh	132
Adaptation of Spanish picaresque in 19th century Russian literature: A study of Quevedo's El Buscon and Gogol's Dead Souls Mukesh Kumar Vinay Kumar Ambedkar Adarsh Kumar	142
Culture	
Intersecting cross-cultural perspective of Indo-Russian culture Ashutosh Anand Jyoti Kumari	149
The Scary old women – Comparing Russia's Baba Yaga and Japan's Yamauba folklore Janashruti Chandra	156
The journey of soviet underground music from x-ray plates to cassettes Pooja Sinha	164
The evolving Russian lexicon in the context of social movements in the beginning of the XXI century Richa Sawant	173
Language	
Трудности обучения фразеологизмам русского языка в индийской аудитории Ашутош Ананд	179
Структурно-функциональная особенность применения антитезы в поэтическом тексте русского языка Кумар Чандан	186
Свободный ассоциативный эксперимент: уроки РКИ с магистрантами Рича Савант	197
Устойчивые единицы русского языка с компонентом «душа» в сопоставлении с языком хинди Khushboo Roy	204
Сопоставительное изучение цветов «Черный» и «Белый» в русском языке и в языке хинди Уджвал Кумар Видяртхи	213

Translation	
Lost in Translation: A Case Study in Translating Idiom, Proverb, Lullaby and Riddle from Hindi to English Hari Madhab Ray	219
On the translation of film titles from Hindi into Russian: challenges & strategies Meenu Bhatnagar	237
Proper names in Russian-Marathi literary translations Megha Pansare	246
Shadowing Technique in Simultaneous Interpretation: The First Step Sonu Saini Amit Jhakmola	255
Перевод стихотворения туркменского национального поэта - Магтумкули Фраги с русского на язык хинди Mona Agnihotri	262
अलेक्सांद्र इवॉनविच कुप्रिन की कहानी 'आखिरी शब्द' का रूसी से हिंदी में अनुवाद और विश्लेषण Radha Mohan Meena	270
साहित्य का मिशन : ओल्गा स्लाव्निक्वा का साक्षात्कार का अनुवाद Sonu Saini	276
नींबू पानी (लेखक: मिखाइल जोर्षेको) Subhash Kumar	281
अंतोन चेखव की कहानी पपाशा का हिंदी में अनुवाद Yogesh Kumar Rai Shambhavi	287
दो जर्मीदार (Translation of Ivan Turgenev's short-story "Два помещика" from Russian to Hindi) Vinay Kumar Ambedkar Ujjwal Kumar Chandan Kumar	293

Дети с особенностями психофизического развития – персонажи русских новеллистических сказок

Инна Викторовна Ледовская

Доцент кафедры русского языка как иностранного
Тульского государственного педагогического
университета им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия
ladybird-big@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются русские новеллистические сказки, реализующие принципиально иное, нежели в сказках волшебных, отношение к образам-персонажам, в частности, к персонажам-детям. Анализируются идейно-художественные доминанты исследуемых сказок - равнозначные чуду сказок волшебных необычные события и явления, включаемые в жизнеподобный бытовой контекст. Реализуя влияние литературных источников, новеллистические сказки сосредоточены не на мифологических и семейных конфликтах, а на отдельно взятых неординарных судьбах. Интерпретация функционирования детских персонажей с особенностями психофизического развития, совмещающих проявления гонимого ребенка и способности волшебного помощника, для названной сказочной разновидности весьма актуальна.

Ключевые слова: русские новеллистические сказки, детские образы-персонажи, особенности психофизического развития.

Идейно-художественной доминантой русских новеллистических сказок служит не чудо, как в сказках волшебных, а явление необычное, выходящее за рамки обыденности, однако включаемое в жизнеподобный бытовой контекст. Названную жанровую разновидность принято выделять в особую группу в соответствии с общим зерном сюжета – наличием событий, «носящих характер необыкновенных, странных приключений, вторгающихся в течение обычной, реальной жизни» [1, с. 23]. Общие историко-генетические истоки – «мифологические сказания о первопредках» [2, с. 318], многовековое тесное взаимодействие и взаимопроникновение жанров позволяют говорить о «трансформации волшебной сказки в новеллистическую» [Там же, с. 320]. При этом сказки-новеллы реализуют принципиально иное отношение к образам-персонажам. Испытав известное влияние литературных источников, они тяготеют не к поэтизации мифологических и семейных конфликтов, а к истолкованию отдельно взятой неординарной судьбы, являя тем самым «интерес к внутреннему миру человека» [3, с. 227]. Поэтому,

применительно даже к самым юным персонажам, в сказках-новеллах «чудесные силы уступают место уму и судьбе, испытания становятся или превратностями судьбы, или проверкой моральных качеств» [2, с. 320]. Показательно наименование «романической, авантюрно-бытовой» сказки, данное этому жанру Е. М. Мелетинским [Там же, с. 319].

В соответствии с конкретным содержанием сюжета и исходя из систематизации сюжетного фонда в «Сравнительном указателе сюжетов» [4], в русских новеллистических сказках функционирует 9 типологических разновидностей детских образов-персонажей (46 вариантов), тогда как в волшебных сказках налицо 36 сюжетных типов (241 вариант). Однако персонажи с особенностями психофизического развития для сказок-новелл более актуальны: 88% сюжетного фонда, тогда как в волшебных сказках их только 25%.

Существенна ограниченность социальных параметров: в интересующих нас сюжетах функционируют исключительно представители среднего и низшего сословий – дети купцов, мещан, крестьян или же безродные бедняки (вдовьи дети, дети женщин сомнительной репутации, внуки бедных старушек). Членов царских семей, равно как и потомков тотемных существ здесь нет: судьбу героя определяет не опоэтизированная традиция, а счастливый случай.

Жизнеподобной, нарочито бытовленной детализации («небольшая хата» [5, с. 243] при дороге; «живот у них оставши - один гусь» [Там же, с. 242]; «дети сидят без хлеба да горькими слезами заливаются» [6, т. 2, с. 398]; «пристали в ветхую лачужку, попросились ночевать у старика со старухой» [7, кн. 1, с. 459]; «Заходит в одну избушку маленькую, ста-рушка живёт старенькая» [8; с. 186]) соответствуют обобщенные наименования персонажей: братец, детушки, ребятишки. Возможны вполне ординарные имена: Ваня, Коля, Вася; «два сынишка — Мишка да Гришка» [9, т. 1, с. 256]. Имена маркирующие – Семилетка, Калика, Василий Бессчастный – неотъемлемая часть конкретных сюжетных типов.

Характерно отсутствие внешней детализации персонажей: ее полностью заменяет половозрастная характеристика («дети малы» [6, т. 2, с. 51], «два мальчика, лет по двенадцаты» [10, с. 118]) или

оппозиция старший (большой, большак)/младший (меньший, меньшей, малый, младшой) сын (брат). Единственный сюжет, в котором дитя наделено особенной, светозарной внешностью, - СУС 883 А Оклеветанная девушка – трансформация известного волшебного сюжета о чудесных детях в контексте скудной крестьянской повседневности. Однако история ребенка, у которого «по колен ножки золоти, по локоткам ручки в серебри, позади светел мисяць, попереди красно солнышко, по каждой волосиноцьки по скатной по жемчуженьки» [11, с. 220], не является здесь зерном сюжета. Изгоняя мать, завистливые родственники ей «сына не дали, ёна и пошла куды голова несёт» [Там же, с. 221], но вернувшись из отлучки отцу «сына в ызбы показали, так он сияэ, сияэ; ну ён видит, что сын хороший» [Там же]. Таким образом, роль компонентов солярного мифа, включенных в более демократичный контекст, нежели в сюжете волшебном, здесь ограничивается пассивной защитой несправедливо обиженной матери, живущей в работницах в доме собственного мужа, и воссоединением семьи: «стали у ей спрашивать: “Что ты, скае, что нашего робёнка возьмёшь на руки и плачешь?” И ёна взяла им и раскрылась» [Там же].

Доминантой характеристики детских персонажей в большинстве новеллистических сюжетов являются необычные социоповеденческие признаки. К ним относятся как способности врожденные (умение предсказывать судьбу, понимать язык животных и птиц, истолковывать сны, угадывать мысли), так и благоприобретенные: персонаж, съевший голову чудесной птицы, должен стать царём (королём, купцом); съевший сердце или облизавший косточки «станет золотом плевать» [Там же, с. 51]; добродетельная православная семья награждается заветом: «народится счастливый сын: что ни скажет - то и сбудется, чего ни пожелает - то и даст Господь!» [Там же, с. 242]; новорожденный мальчик-бедняк со временем сумеет овладеть «богатством Марка Богатого» [Там же, с. 346].

Проявление названных признаков или предположение об их наличии инициирует в сюжете СУС 567 Чудесная птица жестокий внутрисемейный конфликт. Жизнеподобные вредители: гость [12, с. 230]; учитель [Там же, с. 208]; родители и «богатой брат» отца [5, с. 225]; барин - воспитатель [Там же, с. 242]; мать и ее любовник [7, с. 458-459], реже отец – готовы жестоко расправиться с мальчиками, в

неведении, случайно заполучившими то, на что они сами претендовали. Дети вынуждены подкупать прислугу: «Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь дадим тебе золота, только пожалей нас — отпусти на волю» [6, т. 2, с. 56]; сторожу «целую горсть золота высыпали. “Выпусти, говорят, сделай милость, мы век вечный будем за тебя Бога молить”» [12, с. 209]; убегать от злодейки-матери: «Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится: — Отпусти нас, матушка, в сад погулять. — Ну ступайте, да далеко не уходите. А мальчики не то что гулять, ударились в беги» [6, т. 2, с. 52].

Подмена детей щенками, характерная для волшебных сказок с чудесными детьми, имеет здесь иную мотивацию и принципиально иной, саркастически конкретизированный результат: сочувствуя маленьким беглецам, повар «зарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, зажарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал — и сделался ни королем, ни королевичем, а напроосто хамом!» [Там же, с. 56].

Маленьким героям бескорыстно помогают посторонние люди, не подозревающие об их особенных психофизических свойствах: так, незнакомый пастушок отдает «уморившимся и оголодавшим» детям последний свой кусочек хлеба: «Вот вам кусочек, — говорит пастух, — только всего и осталось! Кушайте на здоровье» [Там же, с. 52].

Взаимоотношения братьев лишены соперничества, свойственного тотемным братьям в сказках волшебных: «Старший брат отдает <кусочек хлеба> меньшому: — Скушай ты, братец, ты малосильнее, а я подюжее — могу и так стерпеть. — Нет, братец, ты всё меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедим пополам! Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали» [Там же]. И хотя выбор собственного пути для каждого из персонажей свободен, младший добровольно и осмысленно уступает старшему: «...на распутии столб стоит, на столбе написано: кто в правую руку пойдёт — царём сделается, кто в левую руку пойдёт — богат будет. Малый брат и говорит большому: — Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь» [Там же].

Добрый помощником одного из беглецов становится также некая бабушка-задворенка. В сказках волшебных этот персонаж, как правило, изъясняет конфликтную ситуацию: «рассказ о беде

исходит не от родителей, а от различных старушек, случайных встречных и т. д.» [13, с. 47]. Здесь же старушка из «инога царства» [6, т. 2, с. 52] принимает мальчика «ночь ночевать» [Там же], а поутру отправляет в церковь, где «собираются все люди со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет» [Там же]. Проявление необычных способностей у никому не известного ребенка поначалу встречает всеобщий протест: «только что входит туда — у него свеча и загорелась; другим князьям да боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать» [Там же]. Однако царевна «сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царем и вышла за него замуж» [Там же]. Распространенный вариант помощи другому персонажу – вплоть до его сказочного совершеннолетия - договор со старушкой – квартирной хозяйкой: принятый «во взятушки <сыно-вья>» [8, с. 186], мальчик использует свои чудесные способности: «Вдруг этот Мишка вынимает золотые горстья и подаёт этой бабке. — “На вот, бабушка! Вот тебе горсть золотых, купи нам на ужин!”» [9, т. 1, с. 257]; «Дал деньги старушке. “На, купи муки, ты пирожки будешь печь, а я носить торговать буду”» [8, с. 186].

Таким образом, не только необычные социоповеденческие признаки, но и проявление милосердия, взаимовыручки, бескорыстной или взаимовыгодной помощи детям со стороны окружающих определяют их дальнейшую судьбу.

Необычные способности героя (СУС 652, Счастливое дитя) реализуются в быту не только применительно к собственной судьбе, но и к судьбе близких. Мотивы-аналоги волшебных сказок здесь уже не только обытовляются, но и профанируются. Так, в волшебных сказках чудесное дитя превращалось вредителем в голубя; здесь же вредитель (работник, лакей, приказчик) губит птицу, чтобы оболгать героев и заполучить ребенка, совмещающего характеристики чудесного помощника из сказок волшебных и жизнеподобные качества обычного мальчика: «позавидовал чужому счастью: в глухую полночь, как все в доме крепко заснули, поймал голубя, зарезал его и замарал кровью постель, руки и уста родильницы; а ребёнка украл и отдал на сторону выкормить» [6, т. 2, с. 242-243]. В вещном мире сказки жизнеподобная детализация, в соответствии с жанровой установкой, доминирует над условно-фантастической: антагонистичны «мост через топи-болота

непроходимые» [Там же, с. 242], выстроенный купцом-отцом для людей, и возвращение на стороне его собственного сына; «богатый, знатный город с белокаменными палатами, церквами и татарскими теремами» [Там же, с. 243], заполненный вредителем, и жизнь впроголодь, горькие слёзы обманутого им ребенка. Подросший герой не стремится ни к обогащению, ни к воцарению: случайно подслушав откровения вредителя и осознав свой дар, он превращает обидчика в поганого пса, а затем, придя в родной дом, предлагает пса накормить «горячим угольем» [Там же]. В ответ на протесты окружающих заявляет: «А где видано, чтоб мать могла съесть свое родное детище?» [Там же]. Таким образом, апогей его неординарных психофизических способностей – наказание обидчика и воссоединение с родителями.

Случайное проявление удивительных способностей ребенка, «не по годам смышленного» [6, т. 2, с. 223], в сюжете СУС 725 Нерассказанный сон + 671 Три языка внезапно подрывает устои семейного благополучия. Сын по требованию родителей истолковывает пение соловья-вещуна: «...придёт пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать» [Там же]. Обиженные родители «решились сбить своё детище; построили небольшую лодочку, в тёмную ночь положили в неё сонного мальчика и пустили в открытое море» [Там же]. Но особенные социопсихологические умения помогают подрастающему мальчику утвердиться в социуме, среди чужих, более милосердных людей. Корабельщик, спасший ребенка и обещавший «держат и любить его, как родного сына» [Там же], с течением времени прислушивается к его предсказаниям («Соловей-де напевает, что подымется буря, поломает мачты, порвёт паруса»; «навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон нас возьмут!» [Там же]), успешно избегая опасности. Король полулегендарного города Хвалынска «взял мальчика к себе, и жил он при нём в большой милости и чести» [Там же, с. 224], поскольку сумел «отжить от дворцовых окошек ворона с ворониною» [Там же, с. 223], истолковав и призвав самого короля рассудить их спор. Показателен финал сказки-новеллы: выросший молодец, путешествуя, остановился ночевать в родном доме, где сбывшееся пророчество вовсе не смущает хозяев, - ведь перед ними царский воспитанник. Но и сын не помнит зла: «узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским» [Там же, с. 224].

Герой одного из вариантов сюжета СУС 671 Е* Чудесный мальчик вдвойне – и внешне, и поведенчески - неординарен. Прозвище Калика дано ему, поскольку он, живя с родителями-старичками в некоей деревушке, «не говорил, не ходил и руками не мог ничего делать» [11, с. 514], «был калекой до двенадцети лет» [Там же]. «У вас этот парень вместо колотки живет» [Там же, с. 515]; «я его буду вместо музея держать» [Там же], - иронизирует антагонист, с которым ребенок идет на сговор: «Купи меня у отца у матери, по времени я тебе пригожусь» [Там же]. Выясняется, что Калика умеет разгадывать сны: «сну не разгадать до тех пор, покуда я не скажу» [Там же, с. 514]. Отправка в новую жизнь предваряется трансфигурацией: в момент купли-продажи безнадежно больной ребенок «вскочил на ноги», «поклонился отцу-матери в ноги и говорит: “Спасибо, что двенадцать лет прокормили и пропоили, а теперь я вам не слуга”» [Там же, с. 515].

В другом сюжетном варианте герой изъясняется на иносказательном языке: советует ворожцу при разгадывании сна отдать крестьянину «первое счастье, а он у вас будет просить последнее счастье» [14, с. 284]. Уезжая из дома вместе с ворожцом, мальчик думает не только о своем жизнеустройстве, но и о бабушке, его воспитавшей: ведь им больше «не видаться: я знаю, что он <ворожец> меня далёко увезёт» [Там же, с. 285], - и мальчик обеспечивает старость бабушки богатым выкупом.

События могут развиваться крайне драматично. Антагониста, эксплуатирующего дарование ребенка, «начала давить зависть, ён понял што мальцык этот, пожалуй, будя знать больше его» [7, с. 327]. Вредитель «в полночь, когда все спали, приказал слуге подать лошадей и мальцыка сонного» [Там же] увез из родного дома; затем повару «приказал вынуть из этого мальцыка сердце, сжарить ево и подать ему» [Там же]. Следует сговор мальчика с поваром; позже повар отыщет уже подросшего мальчика для истолкования царского сна: «Государь мальчыка за это наградил...» [Там же].

Таким образом, неординарные способности персонажа-ребенка в сюжете СУС 671 Е* Чудесный мальчик мотивируют как его разрыв с родным домом, так и утверждение с течением времени на более высокой социальной ступени.

Безродный мальчик (Иван Несчастный, Василий Бессчастный) – герой сюжета СУС 461 Марко Богатый - не подозревает о своем талане - невероятной судьбе, которую не сломить тяжелыми испытаниями: при рождении предсказано «счастье ему - Маркино» [6, т. 2, с. 350]: он будет награжден «Марки Богатого, говорит, именем. Вырастет и будет владать» [10, с. 254]. Дарителями выступают персонажи, привносящие в сюжет религиозно-христианские мотивы: Господь «с апостолами» [8, с. 278]; «два седеньких старичка» и «ангел Божий» [6, т. 2, с. 346]. Опасный, взрослый вредитель «взъелся злобою, что другому даётся его талан» [Там же, с. 350]; «сердце закипело — надо мальчика извести» [8, с. 306]; «рассердилсе: “Как так, што-бы мужицкий сын наследовал мое имяне! Не бывать этому!”» [7, с. 235]. Забрав / выкупив новорожденного у родителей-бедняков / матери-вдовы / девицы-блудницы, Марко становится его крёстным отцом, обещает вывести в люди, однако прилагает все усилия для того, чтобы погубить его: «сделал дубовую бочку, набил на нее железные обручья, посадил в нее этого ребенка, закупорил и отпустил по океану-морю» [Там же, с. 411]; бросает «в овраг, а дело-то было зит-мой в стужу» [Там же, с. 236]; «положил мальчика в мочило» [16, с. 100]. Происходит событие, соотносимое не только с традицией возрастания младенца в бочке в волшебных сказках: «Приплыла бочка к монастырю. Распечатали - а там мальчик» [Там же], - но и с житийно-христианскими сюжетами: лютая стужа не пагубна для невинного ребенка: «Тоё же минуто дохнул теплый воздух, круг его снег растаял, и он лежит <...> тепло ему» [10, с. 255]; «Лежит малый въюнош — снег коло ево весь вытаялши — и цветочкам играе, цветы цвятуть», «Холод такой — и въюнош тветам игратся» [15, с. 33].

Таким образом, происки вредителя обречены на неудачу благодаря богохранимости обычного в своих проявлениях ребенка. Персонаж не является носителем неординарных качеств: они абстрагируются в образе судьбы, сбывшегося пророчества, подкрепляются народной мудростью: «Божьей судьбы на кони не объедешь и птичей не улетишь» [11, с.354], «Священное писание прямо гуторит: не рой яму другому, а то сам там будешь» [6, т. 2, с. 351].

Значимая жанровая особенность сказок-новелл - присутствие в числе персонажей-детей с необычными психофизическими способностями единственной героини-девочки (СУС 875

Семилетка). Мудрая крестьянка, разгадывающая хитроумные загадки барина, достойно выполняющая его каверзные задания, активно защищает честь и имущество своей семьи, что отличает ее от героинь волшебных сказок, которым предписаны покорность, уступчивость и пассивность [Там же, т. 3, с. 19-20].

Итак, в рассмотренных нами сюжетах новеллистических сказок, как и в сказках волшебных, ребенок с особенностями психофизического развития доминирует / значим в системе персонажей. Его неординарность имеет в большинстве случаев не внешний, а внутренний, социоповеденческий характер. Именно необычные проявления, как правило позитивные, а не шутки нехорошие или неповиновение старшим, как это свойственно героям сказок волшебных, инициируют здесь конфликтную ситуацию. Предательство близких, возможность наказания / гибели в родном доме, поиски лучшей судьбы мотивируют отставку (уход / бегство / изгнание). Функционируя в жизнеподобном пространстве новеллистического сюжета, герой совмещает проявления гонимого ребенка и способности волшебного помощника. Он вправе рассчитывать на бескорыстную или взаимовыгодную помощь людей посторонних. Проявляя активность и расчетливость в достижении собственных целей, он способен на сознательный сговор с опасным вредителем. Будучи не только персонажем особенным (причем неординарность приемлема и для героини-девочки), но и носителем позитивного, гуманистического начала, герой готов исчерпать конфликт: примирить семью, простить близких, достойно утвердиться в социуме.

Литература:

- Юдин Ю. И. Русская бытовая сказка. - М.: Академия, 1998. - 256 с.
- Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. – Ин-т высш. гуманит. исследований, 1998. - 576 с.
- Зуева Т.В. Русский фольклор: Слов.-справ.: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 2002. - 334 с.
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л., 1979. - 438 с. Далее в статье: СУС.
- Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подготовка текстов: В. И. Жекулина; Вступ. ст., коммент.: В. И. Еремина. - СПб.: Алетейя, 2000. - 488 с.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / Изд. подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. - М., 1984 (т. I); 1985 (т. II, III). Т. 1 - 511 с.; Т. 2 - 463 с.; Т. 3 - 495 с.

Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А. М. Смирнова. В 2 книгах. - СПб.: Тропа Троянова, 2003. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. - Т. 9). - Кн. 1 - 479 с.; Кн. 2 - 448 с.

Сказки Белозерского края / Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы; [сост. и коммент. Л. В. Федоровой; вступ. ст. А. И. Баландина]. - Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1981. - 334 с.

Русская сказка. Избранные мастера: В 2 т. / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. - М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. - 422 с., Т. 2. - 415 с.

Сказки и предания Самарского края. / Собраны и записаны Д.Н Садовниковым. - СПб.: Тропа Троянова, 2003. - 447 с.- (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. - Т.10).

Ончуков, Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая г. / сборник Н.Е. Ончукова. - СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. - XLVIII, 643 с. - (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33).

Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. - М.; Л.: Наука, 1964. - 302 с.

Пропп В.Я. Морфология сказки. «Academia» - Л., 1928. - 152 с.

Великорусские сказки Пермской губернии. Сокровищница отечественного собирательства / Сборник Д.К. Зеленина. Сост., подг. текста, послесл. и комм. Т. Г. Берегулёвой-Дмитриевой. - М.: Правда, 1991. - 544 с.

Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исслед. В. И. Чернышева / Под общ. ред. Комиссии АН СССР; Подг. Н. П. Гринковой, Н. Т. Панченко. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 342 с. — (Лит. памятники).

Традиционный фольклор Новгородской области. Серия Памятники русского фольклора. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963-1999г. - СПб.: Алетей, 2001. — 534 с.

Сопоставительный анализ стихотворений «Молитва» Булата Окуджавы и «Прартхана» Сарвешвара Даяла Саксены

Кунвар Кант

К.Ф.Н. Русская литература, перевод.
Младший профессор русского языка,
Ун-т английского и иностранных языков,
г. Хайдерабад - 500007, Индия.
kunwarkant@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу стихотворений “Молитва” Булата Окуджавы на русском и “Прартхана” Сарвешвара Даяла Саксены на хинди. Оба писателя принадлежат к 20-ому веку, писали поэзию, прозу и книги для детей, а также и редактировали несколько журналов. В обоих рассматриваемых стихотворениях лирические герои обращаются к богу, но их молитвы совершенно противоположны друг другу: лирический герой Булата Окуджавы просит милосердие от бога для всех, включая себя, тогда как лирический герой Сарвешвара Даяла Саксены, как ни странно, желает, чтобы бог никак не вмешивался в его жизнь и не жалел его, ибо он хочет самостоятельно бороться со всеми проблемами жизни!

Ключевые слова: Булат Окуджава, Сарвешвара Даяла Саксена, молитвенная лирика, компаративистика

Введение

С античных времён молитва служит средством обращения ко Всевысшему. Человек, почувствовавший себя слабым и беспомощным перед какими бы то ни были силами, обращался ко Всемогущему с просьбой оказать помощь, а при недовольной жизни обращался и с жалобами.

В онлайн словаре dic.academic.ru пишут “Молитвой называют такое действие, когда вы обращаетесь мыслями или словами к Богу или святым.” В словаре русского языка С.И. Ожегова пишется «Молитва - установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым с просьбой о ниспослании блага и отвращении зла». На вебсайте проекта по православию под названием Рублев пишут “Молитва в христианстве — это обращение священника или простого верующего к Богу, Пресвятой Деве, ангелам или Святым.” Сри Ауробиндо в своей книге “Молитва и мантра” описывает суть

молитвы в индийской традиции как одно из средств упрочнения связи между человеком и богом.

Тема молитвы отражалась на всех этапах развития русской литературы. Начиная с плача Ярославны из памятника античной русской литературы Слово о полку Игореве до установления устойчивой традиции молитвенной лирики имеется большое количество проникнутых этой темой текстов различных русских авторов.

Наряду с любовной, пейзажной и философской лирикой существует и термин молитвенная лирика. Определяя этот термин, Юртаева О.В. в своей работе Молитва в русской поэзии пишет: “Молитвенная лирика — это исповедь измученной житейскими невзгодами человеческой души, стремящейся к духовному совершенствованию”. Она утверждает: “Почти у каждого русского поэта, за редким исключением, есть стихотворения-молитвы”.

В двух-томной антологии Молитвы русских поэтов содержится более тысячи стихотворений. Яркими представителями молитвенной лирики являются Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Анна Ахматова, Есенин и др., а к исследованию этой темы посвящают свои работы многие видные ученые. Например, в 2021-ом г. вышла монография Э.М. Афанасьевой под названием Молитвенная лирика русских поэтов.

Индийская литература со своим великим духовным наследием естественно представляет бесконечное число текстов молитвы: ими полны как Древне-санскритская литература, ведическая литература, эпическая литература, литература Буддизма и Джайнизма и классическая санскритская литература, так и литература на разных языках Индии. Здесь особо следует упомянуть поэтов т.н. Бхакти Кáла (эпохи преданности богу), которые относятся к периоду 14-17 вв. Такие поэты этого периода, как Видьяпати, Кабирдас, Сурдас, Мира Баи, Кешава Дас, Туласи Дас и др. творили лучшие произведения духовного характера, которые вошли в т.н. Бхакти Кáвью (преданную поэзию). Молитва является неотъемлемой частью преданности (Бхакти).

Исследователям стихотворений-молитв в русской литературе доступны многочисленные ресурсы в виде книг и вебсайтов, однако

изучающих же данную тему в литературе на языке хинди ждут весьма ограниченные ресурсы. Поскольку нам известно, существует один единственный вебсайт “hindwi.org”, где собрано около 100 стихов разных поэтов языка хинди, посвященных теме молитвы.

Мы выбрали для сопоставительного анализа стихотворения Молитва Булата Окуджавы и Прартхана Сарвешвара Даяла Саксены потому, что оба стихотворения посвящены одной и той же теме, причем и с идентичными названиями - слово прартхана как раз обозначает молитва - и оба поэта были современниками.

Булат Шалвович Окуджава

Булат Шалвович Окуджава (1924-1997), советский и российский поэт, прозаик, сценарист, бард и композитор, сочинил более 200 авторских песен на основе своих собственных стихов. Он родился 9 мая 1924 года в коммунистической семье. Его отец Шалва Степанович Окуджава по национальности был грузин, а мать, Налбандян Ашхен Степановна, родом была из Армении. Окуджава провёл своё детство на Арбате в Москве.

В 1932 году Окуджава переехал с родителями в Нижний Тагил. Здесь же в 1937 году его отец был арестован, а позже и расстрелян. Мать тоже арестовали в Москве и послали на ссылку. Будущий поэт жил сначала с бабушкой, а потом с сестрой матери.

Во время Второй мировой войны Окуджава служил на фронте добровольцем. В 1944 году был ранен и в последствии демобилизован.

В 1950 году окончил институт и стал учителем в селе Шамордино Калужской области. Однако учительская работа ему не понравилась и он начал работать в местной газете.

После смерти Сталина в 1953 году родители Окуджавы были реабилитированы. Окуджава переехал в Москву и начал работать при издательствах “Молодая гвардия” и “Литературная газета”. Он любил исполнять под гитару песни на собственные стихи. Гости записали эти песни на магнитофоне и распространяли по всей России. Окуджава стал широко известным и регулярно выступал и в России, и за рубежом. Он умер в Париже 12 июня 1997 г.

Сарвешвар Даял Саксена

Сарвешвар Даял Саксена (1927-1984) родился в небольшом городе Басти в Индийском штате Уттар Прадеш. Его отец Вишвешвар Даял работал смотрителем детдома, а мать Саубхагьявати Деви - учительницей.

Саксена получил начальное образование в Басти, вскоре переехал с матерью в Варанаси и продолжал учёбу, но из-за семейной бедноты бросил учёбу и начал работать учителем в своём родном городе Басти. Он не был доволен этой работой и переехал в Аллахабад (ныне Праяградж) и окончил магистратуру в 1949 году. В этом же году его мать умерла. До 1964 года Саксена работал при Всеиндийском Радио в разных городах Индии.

По приглашению известного автора Агьея Саксена бросил работу, переехал в Дели и принимал участие в издании журнала "Динман". В 1982 году он стал редактором детского журнала "Параг". В это же время его жена умерла и сестра начала ухаживать за его двумя дочерьми. Он скончался в 1983 году.

Сарвешвар Даял Саксена написал стихи, рассказы, романы, пьесы, детские рассказы. Критиками особенно положительно отмечаются сборники стихов Гарм хавайен "Горячие ветра" (1966), Куано нади "Река Куано" (1974) и Джангал ка дард "Боль джунглей" (1976). Л.А. Стрельцова пишет о Саксене: "Он был одним из семи поэтов, впервые опубликовавших в одном из "Тар Саптак", который вступил в эпоху Праёгваад (Экспериментализм), которая со временем эволюционировала, чтобы стать движением "Найи Кавита" (Новая Поэзия)."

В советское время издательство Прогресс напечатало перевод некоторых стихов Сарвешвара Даяла Саксены, а недавно известный индолог Александр Николаевич Сенкевич перевел некоторые его стихи на русский язык.

Социально-исторический фон создания стихотворения "Молитва" Булата Окуджавы После смерти Сталина в 1954-ом году во время хрущевской оттепели развивается идея демократизации: литераторы имеют относительную свободу творческого самовыражения. Но, в 1960-х гг., когда это стихотворение было написано, в СССР постепенно усиливалась цензура.

Окуджава написал Молитву в 1963 году, когда едва ли было возможно опубликовать стихотворение духовного характера. Поэтому, с целью обойти цензуру он переименовал работу «Молитва Франсуа Вийона». Поэт сам объяснил впоследствии: «Никакого отношения к Франсуа Вийону эта песня не имеет. Я написал стихи о себе, о своей жизни. Но в редакции не захотели это так печатать, и я назвал их «Молитва Франсуа Вийона» (“POKPOVA”). Следует отметить, что Окуджава был хорошо знаком с произведениями этого французского средневекового поэта, так как переводы его работ были опубликованы неоднократно в пятидесятых гг. До середины восьмидесятых годов это стихотворение так и называлось. Потом Окуджава “порекомендовал шведской исполнительнице своих сочинений Кристине Андерсон называть песню просто «Молитвой», не тревожа тень грешного француза” (“POKPOVA”).

Молитва остаётся одним из самых популярных работ Окуджавы: в словах Дмитрия Быкова, “Не будет преувеличением сказать, что «Молитва» — в первых публикациях и записях «Молитва Франсуа Вийона» — наиболее цитируемое произведение Окуджавы”, а по словам священника Георгия Чистякова, Молитва Булата Окуджавы “стала для миллионов наших современников, никогда не молившихся и вообще не знавших, что это такое, их первой заученной наизусть молитвой” (Оганян).

Социально-исторический фон создания “Партхана” С.Д. Саксены В Индии 20-ого века все без исключения писатели и критики воспевают социалистические идеалы. На них сильное влияние оказали как учения Маркса и деятельность Ганди, так и работы русских писателей и литературоведов.

Сарвешвар Даял Саксена тоже был целиком предан социалистической идеологии. Он оказался под влиянием социалистов Рама Манохара Лохии и Джая Пракаша Нарайана.

В 60-ых гг., когда Саксена пишет свою "Партхану", в стране происходят колоссальные события: две войны с соседними странами, смерть двух премьер-министров и даже засуха. Всё это привело к атмосфере рухнувших надежд на светлое будущее после независимости от Британского правительства. Саксена был

полностью разочарован политической ситуацией в стране. В своей журналистике и в литературных произведениях он критически относится к существующему порядку.

Прартхана входит в Гарм Хаваен (Горячие Ветра), сборник стихов, написанных поэтом в течение 1966-69 гг. Критик Абхишек Пратап Сингх отмечает в журнале Апни Мати, что в этом сборнике звучит боль поэта из-за хаотической ситуации в стране, тогда как в его первом сборнике были одни любовные стихи.

Сопоставительный анализ

В "Молитве" Окуджавы - четыре восьмистишия с перекрестной рифмовкой, тогда как в "Прартхане" Саксены четыре строфы, написанные верлибром, состоящие из 16, 14, 20 и 16 строк, соответственно.

Оба стихотворения принадлежат к жанру молитвенной лирики и имеют два главных образа - лирический герой и бог.

Лирический герой стихотворения Окуджавы в основном молится не ради себя, а ради других. Он утверждает: "Господи, дай же ты каждому, чего у него нет" и желает, чтобы Бог тоже не забыл о нем, "И не забудь про меня".

В стихотворении "Прартхана" лирический герой тоже молится Богу, но с верой в собственные силы и просит Бога никогда не приходиться спасти его, даже если он в беде.

Лирический герой стихотворения Окуджавы верит в Бога, в его способность исполнять просьбы и говорит: "Я знаю: ты все умеешь, я верую в мудрость твою". Но, Саксена заявляет в самой первой строке: Нет, нет, Господи, от тебя силы не потребую.

Попросив голову для мудрого, коня для трусливого, деньги для счастливого, власть для человека, стремящегося к власти, передышку для щедрого и раскаяние для Каина, лирический герой Окуджавы поднимает вопрос об этике желаний. С одной стороны, кажется, что эти желания основаны на постулатах традиционной этики, на понятиях добра и блага, а с другой стороны, они оказываются парадоксальными, противоречащими логике. Евгений Шраговиц в своей статье "За что и кому молился Окуджава" освящает эти противоречия и пытается доказать, что "Формула

Окуджавы, использованная в «Молитве», построена на антифразисе, ... , когда в тексте истинное значение сказанного противоположно прямому значению.» (Шраговиц)

Одни и те же строки этого стихотворения понимаются по-разному. Например, зачем трусливому нужна конь? На этот вопрос Шраговиц отвечает так: “а для трусливого Окуджава просит не храбрости, а коня, который понадобится, если тот захочет сбежать с поля боя.” А с другой стороны, Зулихан пишет: “Трусливому нужна конь, не для того чтобы убежать, а для того чтобы он сел на коня и стал смелым. Трусливому не хватает мужества, чтобы совершить поступок. Но если подарить ему коня, это в какой-то степени отрезет ему пути к отступлению. (Зулихан)

В стихотворении Сарвешвара Даяла Саксены нет таких противоречий. Лирический герой стихотворения “Прартхана” утверждает, что он хочет добиться всего собственными усилиями, жертвуя собой, т.е. он верит только в человеческую способность исполнять желания и не просит никакой помощи у Бога. Он сравнивает себя с цветком без запаха и острым шипом, которые существуют в том же виде, в каком их создал Бог. Он желает Богу всего наилучшего и просит для себя всевозможных трудностей в жизни: неудач; глаз, полных слез; усталых ног; даже смерти. Он гордится своей слабостью и осознает свои пределы.

И Окуджава, и Саксена употребляют различные религиозные и мифологические мотивы из своих собственных культур.

Образ Бога в стихотворении Б. Окуджавы имеет много библейских мотивов. Православный христианский замысел выражается через эпизоды из Евангелий. Р.Ш. Абельская в своей статье “О некоторых библейских образах в поэзии Б. Окуджавы” подробно раскрывает эти связи. Она утверждает, что “Молитва” Окуджавы по своим жанровым характеристикам ближе к индивидуальной молитве, своего рода псалму. Выражение из этого стихотворения “Господи мой Боже” встречается - с одной инверсией - в некоторых псалмах” (Абельская). В этом стихотворении используется очень распространенный в псалтыри прием синтаксического параллелизма. Фраза Как верит каждое ухо тихим речам твоим... широко встречается в Евангелиях.

В стихотворении С.Д. Саксены образ Бога ближе к стихиям природы, что естественно ввиду его индуистских корней. Стихия изображена в виде падающих гор, непроходимых дорог, расплавляющей силы и смерти. Также используются религиозные понятия, свойственные системе индуизма, такие как брахманда, сварга, нарака, ваджра, нарака-агни, кальпа-чакра. Последние четыре строки намекают на легенду из Шива-пураны о происхождении вселенной из слез Брахмы. Лирический герой обращается к Богу и говорит: У горя глаза весьма велики, чего же в них невместимо? Эта вселенная весьма мала, а ты ею якобы гордиться стал. Дай мне возраст одной капли, а Кальпа-чакры возьми с собой". Легенда гласит, что Брахма был опечален, потому что он не успел создать вселенную в желаемой форме, и в результате на его глазах появились слезы. Из этих слез потом появились какие-то существа.

Выводы

Булат Окуджава написал стихотворение "Молитва" в то советское время, когда религиозная тема была необычной и почти запретной. Сам он не верил в Бога и в одном из своих последних интервью сказал: "Я православный по своим предкам. Но в душе я абсолютный атеист..." (Эпштейн). По словам Эпштейна, "Вместе с Россией своего времени Окуджава был атеистом, таковым и остался, но, как поэт, художник, певец, отвечал на самые дальние, "последние" запросы души. Песенная лирика Окуджавы - одно из чистейших выражений бедной религиозности поздней советской эпохи".

Сарвешвар Даял Саксена твердо верил в социалистическую идеологию. В его стихотворении звучит голос нового советского человека (HomoSovieticus), нового человека, который не готов сдаться перед Всевышним. Он не хочет счастья, которое люди получают, припадая к стопам Всевышнего. Напротив, он хочет самостоятельно справляться со всеми жизненными взлетами и падениями. Но присутствие Бога и индуистская принадлежность лирического героя также отчетливо ощущаются на протяжении всего стихотворения. Индуистские религиозные идеи переплетены по всему тексту. Все монологи этого лирического героя о своих способностях обращены к богу, в которого он верит. Вот почему в конце стихотворения он просит Всевышнего восхвалить его: "Мою смелость и храбрость похвали, коли ты добрый."

Ссылки:

Абельская, Р. Ш. "О некоторых библейских образах в поэзии Б. Окуджавы." <https://elar.ufru.ru/bitstream/10995/20374/1/dc2-2011-01.pdf>. Accessed 7 December 2021.

"молитва." Словари и энциклопедии на Академике, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2384/%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0>. Accessed 11 December 2021.

"Булат Окуджава: биография, личная жизнь, фото и видео." Истории успешных людей, <https://stories-of-success.ru/bulata-okudzhavy>. Accessed 14 December 2021.

Быков, Д. Л. Дмитрий Быков. ЖЗЛ: Булат Окуджава (2006-2009), http://belousenko.imwerden.de/books/bykov/bykov_okudzhava.htm. Accessed 24 December 2021.

Двिवеди, Санджай. "सर्वेश्वर – जीवन परिचय एवं रचनात्मक आयाम." |सर्वेश्वर दयाल सक्सेना और उनकी पत्रकारिता||, http://sampadakji.blogspot.com/2007/01/blog-post_4591.html. Accessed 14 December 2021.

Зулихан. "Журнал Зулихан." Живой Журнал, 24 Апрель 2014, <https://zulikhan.livejournal.com/192910.html>.

Мазин, Виктор А. "Этика Желания." ВикиЧтение, <https://psy.wikireading.ru/89776?ysclid=laiw6zeyv317825921>.

Пылаев, М. А. "Феноменология молитвы: примитивная молитва." Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, vol. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение, no. 22, 2008, pp. 45-59. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-molitvy-primitivnaya-molitva>. Accessed 12 December 2021.

Сингх, А. П. "समीक्षा प्रतिरोध का कवि सर्वेश्वर दयाल सक्सेना." अपनी माटी, vol. 2, no. 21, 2016. अपनी माटी, https://www.apnimaati.com/2016/01/blog-post_17.html. Accessed 31 12 2021.

Стрельцова, Л. А. "«НОВАЯ ПОЭЗИЯ» В ЛИТЕРАТУРАХ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ (НА ПРИМЕРЕ ХИНДИ, БЕНГАЛЬСКОГО И НЕПАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)." Бесплатная библиотека научно практических конференций, <http://libed.ru/knigi-nauka/476311-1-novaya-poeziya-literaturah-severo-vostochnoy-indii-na-primere-hindi-bengalskogo-nepalskogo-yazikov.php>. Accessed 14 декабря 2021.

"Шива-Пурана." 5 August 2020, <https://mahashivpuran.wordpress.com/2020/08/05/7-12/>. Accessed 11 January 2023.

Шраговец, Евгений. "За что и кому молился Окуджава." ЛитБук, Семь искусств, 28 Сентября 2019, <https://litbook.ru/article/13450/>. Accessed 18 Декабря 2021.

Эпштейн, М. Н. Религия после атеизма. Москва, АСТ-ПРЕСС, 2013, https://imwerden.de/pdf/epstein_religiya_posle_ateizma_2013.pdf

Юртаева, О. В. "Молитва в русской поэзии." Центр Сулакшина, 11 January 2015, <https://rusrand.ru/spring/molitva-v-russkoj-poezii>. Accessed 12 December 2021.

Понятие нравственного образца в романе Солженицына «В круге первом»

Нагендра Шринивас

Доцент Центра Русских Исследований,
в школе языковых, литературных и культурных исследований,
в университете имени Джавахарлала Неру,
Нью Дели-110067, Индия,
nshreeniwas@gmail.com

Аннотация: Творчество Солженицына изображает Сталина как врожденное зло, которое управляет советским государством и советской жизнью. Солженицын, изображая зло Сталина, дает читателям возможность лучше понять это зло через свои антитезы Сталины: нравственные образцы. Для этого он противопоставляет Сталина разным людям, которых автор считает морально стоящими на более высоком уровне, чем Сталин. Эти врожденные добродетели показываются через образы Матрены («Матренин двор»), Шухова («Один день Ивана Денисовича»), Нержина, Сологдина и Спиридоны (« В круге первом») и Костоглотова и Шулубина («Раковый корпус»). Солженицын наблюдает, что всюду в Советском Союзе при Сталине есть жажда власти и тщеславия. И эта жажда не готова ни учитывать мнение оппозиции. Она не ограничена ни законом, ни нравственностью. Тех, которые были талантливые и свободно-мыслящие, или расстреляли, или выгнали из страны, или послали в ссылку или в шарашку бесплатно работать. А те, которые поднимались во власти, были посредственными, невежественными, льстивыми, зверскими и без морали, без целостности. Они готовы на все, чтобы подниматься на государственном строе. Следовательно, Солженицын заморожен понятием нравственного образца как антитеза Сталина и его зла. Настоящая статья занимается такими нравственными образцами, которых рисовал Солженицын в своем романе «В круге первом».

Ключевые слова: Солженицын, Сталин, нравственный образец, сталинщина, антитеза, добро

Александра Исаевича Солженицына (1918-2008) можно считать антисоветским писателем, произведения которого разоблачают разные пороки Советского Союза, сильно критикуют Сталина и его политику за то, что Сталин создал общество, лишенное свободы и нравственности. Произведения Солженицына резко критикуют

советский социализм, который существовал во время сталинского режима. Солженицын находится в оппозиции с таким обществом, которое не обеспечивает человеку индивидуальной свободы, и поэтому, он рекомендует такое общество, где нравственность, свобода и равенство занимают центральное место.

В творчестве Солженицына, наблюдается продолжение русской традиции критического реализма. «Верно, Солженицын принадлежит к породе *реалистов*, писателей, которые буквально одержимы действительностью, реальностью. Ему нужно видеть каждую мелочь в комнате, где дремлет угрюмый и дряхлый тиран из *Круга Первого*, каждый предмет в салон-вагоне Великого Князя Николая Николаевича (*Август Четырнадцатого*), каждый горшок с цветами в жалкой избе колхозницы Матрены.» (Нива, 57) Такая одержимость Солженицына действительностью раздражала пролетарских писателей, которые требовали от него, чтобы он перестал продолжать писать по традиции «русского реализма» (Labeledz, 93) и стал социалистическим реалистом.

Действующие лица в творчестве Солженицына выбраны из реальной жизни. Точнее говоря, автор в действительности встречал своих героев, которых он изображает в своих произведениях. В его произведениях не трудно узнать его друзей, родственников даже первую жену и товарищей по армии и по лагерю. Лев Рубин, в романе «В круге первом», в действительности – Лев Копелев – известный германист и автор известных воспоминаний. (Нива, 58) Интересно заметить, что Солженицын, в некоторых случаях, даже не изменил первое имя своего персонажа, например – Рубин (Лев Рубин – Лев Копелев) и Сологдин (Дмитрий Сологодина – Дмитрий Панин). Наталья Алексеевна Решетовская, первая жена Александра Исаевича Солженицына, объясняет эту его тенденцию такими словами:

«Он испытывает потребность черпать из действительности, вплоть до того, что ищет имя для персонажей в старых справочниках. Так из *Золотой книги* Рязанской гимназии за 1904 год он взял – имена Варсанофьева и Ободовского (для *Августа четырнадцатого*) и немецкое имя Гангарт (для *Ракового корпуса*). Портреты друзей

настолько правдоподобны, что Дмитрий Панин воспользовался для своих мемуаров именем, которое ему дал Солженицын (*Записки Сологдина*).» (Нива, 58)

Солженицын сам почти всю свою жизнь был жертвой сталинщины. Следовательно, персонажи в его произведениях, чаще всего, являются или палачами вроде Сталина или их жертвами. Изображая обоих – и палачей и их жертв, Солженицын, бесспорно, показывает проблемы советского социализма и подчеркивает, что они возникли из-за отсутствия каких-либо нравственных элементов. Автор очень ясно и точно предлагает, что культ личности Сталина является злом, потому что в нем нет никаких элементов нравственности. Солженицын развивает свою моральную концепцию при помощи своих заключенных – нравственных образов, через их общественную и частную жизнь, и сложное взаимодействие между ними в течение их проживания в различных *кругах* сталинского ада. В этом контексте Солженицына можно сравнить с греческим поэтом Данте, потому что как Данте, он тоже сумел расположить в свой ад своих политических врагов, и поэтов и философов, которых волнуют проблемы человеческой жизни.

В творчестве Солженицына, Сталин изображается как врожденное зло, которое управляет советским государством и советской жизнью. Портрет Сталина самым ярким образом изображается в романе «В круге первом», где Сталин вторгается в повествование как злой гений, каприз которого определяет судьбу всех остальных персонажей и сюжетное действие романа. Автор не только изображает Сталина на вершине пирамиды первого круга ада, но также изображает его подчиненных в зависимости от их ранга в советском государственном порядке – от Абакумова, главы тайной службы до рядовых шпионов, работающих в специальной тюрьме *шарашке*. Важно отметить, что каждый подчиненный выступает точно как раб перед своим начальником и становится владельцем по отношению к своим подчиненным. Их поведении полностью отсутствует каких-то моральных принципов, на базе которых, формируется любая человеческая личность.

Если Солженицын рисует картину врожденного зла в художественном образе Сталина, то он изображает врожденных добродетелей как антитезу ему. Эти врожденные добродетели показываются через образы Матрены («Матренин двор»), Шухова («Один день Ивана Денисовича»), Нержина, Сологдина и Спиридона (« В круге первом») и Костоглотова и Шулубина («Раковый корпус»). Солженицын также демонстрирует, что, если интерес класса, а не нравственное поведение, руководит руководством, то они станут бесчувственными и эгоистичными. Это приводит к созданию общества с опасностью того, что самые великие гуманисты станут жертвами карательных и репрессивных государственных систем. В таком обществе, существует такая ирония, что даже самые верные администраторы всегда находятся в опасности (Например, Яконов в романе «В круге первом»).

Автор наблюдает, что всюду в Советском Союзе при Сталине есть жажда власти и тщеславия. И эта жажда не готова ни учитывать мнение оппозиции. Она не ограничена ни законом, ни нравственностью. Тех, которые были талантливые и свободно-мыслящие, или расстреляли, или выгнали из страны, или послали в ссылку или в *шарашку* бесплатно работать. А те, которые поднимались во власти, были посредственными, невежественными, льстивыми, зверскими и без морали, без целостности. Они готовы на все, чтобы подняться на государственном строе (например, Русанов в повести «Раковый корпус»). Следовательно, Солженицын заморожен понятием *нравственного образца* как антитеза Сталина и его зла.

Солженицын, изображая зло Сталина, дает читателям возможность лучше понять это зло через свои антитезы Сталины: нравственные образцы. Для этого он противопоставляет Сталина разным людям, которых автор считает морально стоящими на более высоком уровне, чем Сталин. В романе «В круге первом» автором представлен перед читателями один из моральных образцов – Дмитрий Сологдин, который «сидел уже двенадцать лет» (*В круге первом*. т.1, г.26, Стр.190) в лагерной тюрьме и работает над секретным проектом Сталина кодирования голоса, «получал в

месяц тридцать рублей – на три килограмма сахара, и то не наличными» (*В круге первом*. т.1, г.26, Стр.191), и «дышать свежим воздухом он мог только в определенные часы, разрешаемые тюремным начальством» (*В круге первом*. т.1, г.26, Стр.191), но «был нерушимый покой в его душе. Глаза сверкали, как у юноши. Распахнутая на морозце грудь вздымалась от полноты бытия.» (*В круге первом*. т.1, г.26, Стр.191)

У Сологдина душа прекрасная благодаря его моральным принципам, которым он жестко следует даже в тяжелом плену. Если Сталин характеризуется эгоизмом, лицемерием, притворством и извитостью, то образ Сологдина связан со строгой дисциплиной, самоотречением и духовностью. Сологдин, который является последователем учения Платона, полагает, что человек не учится из книг, он просто находит в них только те мысли, которые удовлетворяют его личные мнения. По нему каждый человек должен иметь свое мнение и свой мысль:

«мысль!! – он вскинул голову и руку. – Первоначальная сильная мысль определяет успех всякого дела! И мысль должна быть – своя! Мысль, как живое дерево, дает плоды, только если развивается естественно. А книги и чужие мнения – это ножницы, они перерезают жизнь твоей мысли! Сперва надо все мысли найти самому – и только потом сверять с книгами.» (*В круге первом*. т.1, г.27, Стр.200)

Опасно владеть такую точку зрения в коммунистическом обществе, где делают упор на коллективное сознание. Это объясняет тот факт, почему социалистические реалисты не хотели публиковать это произведение и сказали, что оно не уважает марксистские принципы. (Labeledz, 96) Мнения Сологдина о других аспектах советской жизни тоже носят такое же антикоммунистическое настроение. Сологдин считает, что прекрасные идеи рождаются только в свободном, открытом и восприимчивом уме. По нему, высшая задача каждого человека состоит в том, чтобы он развивал у себя силу воли, которая должна действовать в соответствии с его разумом, и самое главное, что он умел рассуждать. Он говорит: «... чем выше цель, тем выше должны быть и средства! Вероломные средства уничтожают и самую цель!» (*В круге первом*. т.2, г.69, Стр.152)

Девиз Сологодина для общественных действий сразу напоминает читателям о философии Толстого и Ганди. Сологдин, как Толстой и Ганди, проповедует то, что если цель великая, то приходится достигнуть ее честным путем. Он очень ясно и четкими словами говорит, что цель никак не может оправдывать средства. (*В круге первом*. т.2, г.69, Стр.152) По его мнению, цель должна быть направлена к достижению совершенства: «Цель всегда – не в скорейшем окончании, а в достижении совершенства!!» (*В круге первом*. т.1, г.27, Стр.204)

Сологдин считает, что человечество не в состоянии разрешить создание равноправного общества на основе бесконечного кровопролития и террора. Он объясняет террор Сталина такими словами как невежество и ложные принципы. Следовательно, он жестоко критикует все попытки Сталина оправдывать все злодеяния – массовое убийство, ужасы и террор во имя высокой цели:

«... Да разве у вас – революция? У вас – одно злодеяние, кровь с топора! Кто бы взялся составить только список убитых и расстрелянных? Мир бы ужаснулся!» (*В круге первом*. т.2, г.69, Стр.152)

Солженицын представляет Сологодина по абсолютному контрасту к Сталину. Сологдин считает, что жизнь – это постоянная духовная борьба. Для него словосочетание «железная воля» приобретает реальное значение и пафос. Попутно можно добавить, что есть еще один ранний вариант романа, в котором Сологдин не отдает властям свое изобретение, и поэтому, его посылают из *шарашки* в строгий трудовой лагерь. В действительности, такова была судьба того инженера Дмитрия Сологодина, на жизни которого основан образ Сологодина в романе. (Нива, 58)

Другим нравственным образцом в романе «В круге первом» является зэк-художник Кондрашев-Иванов (в реальности Ивашев-Мусатов) (Нива, 63). Для него задача художника состоит в том, чтобы он изображал *духовную действительность* и его субъективную эстетику. Он считает, что это изображение духовной действительности и субъективности помогает зрителям обнаруживать их собственное понимание красоты. Он как будто своей субъективностью выступает против социалистического

реализма, который делает упор на объективное изображение в искусстве. Весьма естественно, что он рисует «Замок Святого Грааля» (*В круге первом*. т.1, г.46, Стр.368), как духовную антитезу *Зачарованного замка* (*В круге первом*. т.1, г.27, Стр.204), то есть шарашки. Его живопись захватывает тот момент из библии, когда всадник, перед пропастью, мельком увидел *Замок святого Грааля*.

Солженицын постулирует основные гуманные мотивы через две картины художника Кондрашова. Первая картина – «Изувеченный Дуб» – показывает одинокий дуб, который рос с таинственной силой на голом утесе. Это упрямое, угловое дерево со сломанными и искривленными ветвями со всей силой борется против шторма. Эта живопись в символической форме изображает Россию, ее выживание в течение всех беспощадных варварских лет террора и репрессии, начиная с революции. Вторая картина показывает одинокого всадника на лошади на крае пучины, окруженной враждебными уродливыми кустами в лесу. «Но всадник не смотрел на бездну перед лошадью. Растерянный, изумленный, он смотрел туда, перед нами вдаль, где на все верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние, исходящее то ли от Солнца, то ли отчего-то еще чище Солнца, скрытого от нас за замком.» (*В круге первом*. т.1, г.46, Стр.368)

Эта картина символически отображает поиск российским художником-символистом – поиск прекрасного общества, представленного замком Святого Грааля. Важно отметить, что Солженицын использовал традиционный христианский символ Святого Грааля и рыцаря. Это указывает любовь автора (как Достоевского, Толстого и Соловьева) к христианской нравственности. Нет сомнения в том, что автор, стремится к более свободному обществу – обществу с нравственными принципами, и не принимает марксистский девиз: «О хлебе едином жив будет человек». (*Владимир Соловьёв: Социальное измерение духовности*)

Третьим нравственным образцом является швейцар Спирidon. Спирidon, как Иван Денисович Шухов, простой крестьянин, который действует чаще на основе гуманных невысказанных импульсов, чем в соблюдении сознательно сформулированных принципах общества. Спирidon, в сущности, символически представляет российский народ двадцатого века. Ему было лет семнадцать во время Октябрьской Революции. Он боролся за Красную Армию

против Белой Армии. Он помог подавлять Кронштадтский мятеж. Потом он стал «зажиточным крестьянином», и дальше «кулаком», а затем колхозником. Он участвовал в построении Беломорского канала. Он, впоследствии, боролся против немцев, был заключен в тюрьму. После того как его освободили американцы, он возвратился в Россию. Но, сразу же его сослали в исправительно-трудовой лагерь и специальный концентрационный лагерь. Но дело в том, что все эти годы и всюду он оставался верным своей семье.

В Шарашке, Нержин задает Спиридону такой философский но важный в жизни вопрос: Как можно поступать, как можно сказать, кто прав и кто неправ? Ответ Спиридона на эти вопросы привлекает наше внимание своей простотой. С готовностью и с жестокой уверенностью отозвался просветленный Спиридон: «Волкодав прав, а людоед – нет» (*В круге первом*. т.2, г.68, Стр148). Можно понимать ответ Спиридона так: правильно убить животное, которое угнетает нас, терроризирует нас или угрожает нашему существованию, но неправильно вредить нашей собственной семье, соседям или людям.

Нержин является самым видным защитником нравственности в романе «В круге первом». Нержин отвергает оба и коммунизм и капитализм. Он неспособен понять советскую коллективизацию. Нержин, в своей секретной книге по истории, написанной в подмосковской тюрьме, и которую он сам уничтожил позже, осуждал целую структуру коллективизацию. Он поддерживает мнение самого Маркса, что победным пролетариатам необходимо проживать вместе с состоятельными и богатыми крестьянами. Это означает, что Маркс видел возможность какого-то экономического способа включить всех крестьян в новую социальную систему. Однако такого никогда не случилось в Советском Союзе.

Общаясь с другими заключенными и простыми людьми во время его ссылки, Нержин чувствует, что у большинства из этих людей нет своего личного мнения и точки зрения, которые автор считает драгоценнее, чем жизнь и материальные блага. У него большое уважение к индивидуальности человека. Он верит в то, что человек должен постоянно стараться совершенствовать свою душу, чтобы стать настоящим человеком:

«Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать *человеком*. И через то – крупицей своего народа.

С такою душой человек обычно не преуспевает в жизни, в должностях, в богатстве. И вот почему *народ* преимущественно располагается не на верхах общества». (*В круге первом*. т.2, г.66, Стр132)

В сталинском обществе (и в лагерях и вне лагерей) существовало достаточно стимулов, чтобы люди стали «людоедами». Даже пленный швейцар в лагерях находится в этой опасности. Спиридона тоже подталкивали к этой опасности, но он отказался от того, чтобы осудить другого зэка. Другие персонажи также находят себя в подобной ситуации. Нержину приходится помочь секретным службам в криптографии кодирования голоса, (глава 9). Студентке Музе приходится шпионить за своими сокурсниками университета (глава 44). Зэк Каган сообщает администрации о своих сотрудниках (глава 49) и также о других зэках (глава 74). Зэк Доронин сообщает администрации о других зэках (главы 43 и 74). Герасимович приобретает инструмент для подслушивания (глава 81) других разговоров по телефону.

Беда в том, что помощь секретным службам приносит человеку материальные выгоды и очевидную жизненную безопасность, но она одновременно также заставляет человека участвовать в злодействе и приближает его к опасной близости к самому дьяволу (здесь Сталин). Отказ приносит наказание и возможное уничтожение. Но этот отказ также предоставляет и внутреннюю честность и силу быть чистым перед своей совестью. В третий день в *шарашке*, двое (то есть Сологдин и Рубин), которое соблюдало государственные указы, поддалось искушению, остается в первом круге. С другой стороны, те, которые сохранили совесть и отказались или мешали системе, спускаются в чрезвычайный ад концентрационных лагерей (Нержин, Хоробров, Доронин, Герасимович) или Лубянки (Володин).

В романе «В круге первом» каждый характер, кто пытается ответить на вопрос Нержина честно, представляет себя перед читателем как нравственный образец. Но, дело в том, что каждый должен дать свой собственный ответ, так, как, по мнению автора, сущности жизни никогда не выражены одной формулой, даже самой блестящей. (*В круге первом*. т.2, г.57, Стр121) Автор поддерживает такое мнение, что у человека только одна жизнь, поэтому человек должен использовать ее ради своего окружающего мира. По нему, человек рождается с одной же совестью, следовательно, нужно жить с чистой совестью.

У Сологодина, Кондрашева-Иванова и Спиридона такое мнение, что нужно очищать душу, чтобы стать человечным. Нержин также развивает его собственный метод, чтобы следующие поколения познакомились с истиной его времени. Он начинает записывать истину своего времени для будущего поколения. Но, ужас в том, что ему пришлось сжечь свою рукопись об эпохе Сталина. Он сжег ее перед тем, когда его переслали из *шарашки* в концентрационный лагерь. Он полагал, что когда-нибудь он сумеет воссоздать эту книгу по памяти.

Зло Сталина, в романе «В круге первом», в основном нарисовано с точки зрения морали. Его исторические и политические источники показываются в «Архипелаге ГУЛаг». Солженицын через портрет Сталина показывает, как работает злой разум Сталина, как Сталин выражает себя в истории, и каким путем можно бороться против такого зла. Антитезы Сталина, взятые вместе, составляют всю моральную систему для любого человека, желающего действовать ради добра. Человек должен остаться верным своему врожденному идеалу совершенствования, должен формировать свои принципы и применить их в жизни, должен отказаться от участия в любом зле, и если возможно, распространять правду. И в этом отношении (то есть, принцип самосовершенствования) Солженицына можно сравнить с Толстым и Достоевским.

Солженицын противопоставляет два типа характера друг другу. Одни следуют чувству собственного достоинства и человечности, а другие следуют за карьеризмом, бесчеловечным и безжалостным поведением. В повести «Один день Ивана Денисовича» крестьянин Шухов противопоставлен администратору лагеря, в повести «Матренин двор» Матрена – директору колхоза. В романе «В круге первом» Нержин, Спиридон и Сологдин являются антитезами Сталина и его подчиненных. В повести «Раковый корпус» автор противопоставляет бывшего солдата Костоглотова Русанову – наследнику Сталина. Таким же делает Солженицын почти во всех своих книгах, в том числе и в романе «Архипелаг ГУЛаг», где заключенные противопоставлены членам секретной службы.

Спиридон, в романе «В круге первом», является мужиком и относится к кругу таких образов как Матрена (в повести «Матренин двор») и Иван Денисович Шухов (в повести «Один день Ивана Денисовича»). Он лично испытывал почти все ужасы своего времени: неуверенность и изменчивость, хаос во время революции,

гражданскую войну, НЭП, коллективизацию, тюрьму, вторую мировую войну, немецкий плен, советский лагерь и другие. Видно, что в этом процессе он был лишен всех своих вещей, которыми он владел: земли, семьи и зрения и так далее. Но красота образа необразованного Спиридона заключается в том, что даже в таких трудных ситуациях он не потерял пронизательность, храбрость, здравый смысл, человеческое достоинство и умеренность. Этот «герой гражданской войны» (*В круге первом*. т.2, г.67, Стр136) Спиридон «не доступен был легкому пониманию и классовому анализу». (*В круге первом*. т.2, г.67, Стр136) Он образец нравственности, к которому Солженицын имеет большое уважение:

«Так же и в учении о добродетели все у Спиридона было бесшумно и одно к одному подогнано. Он никого не оговаривал. Никогда не лжесвидетельствовал. Сквернословил только по нужде. Убивал только на войне. Дрался только из-за невесты. Ни у какого человека он не мог ни лоскутка, ни крошки украсть, но со спокойным убеждением воровал у государства всякий раз, как выпадала возможность. А что, как он рассказывал, до женитьбы "клевал по бабам", – так и властитель дум наших Александр Пушкин признавался, что заповедь "не возжелай жены ближнего твоего" ему особенно тяжела.» (*В круге первом*. т.2, г.68, Стр141)

Хотя Солженицын изображает некоторых врожденных добродетелей как антитеза врожденного зла в Сталине, он не в состоянии изобразить того, кто смог бы занимать место Сталина-руководителя. Конечно, в этом виноват тоталитарный строй Советского Союза, где любой вид оппозиции не смог выжить. Вся интеллигенция, все независимые мыслители, философы, писатели и ученые стали или подчиненными или были устранены.

Список литературы:

Солженицын, А.И. *В круге первом*. т.1, <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt>

Солженицын, А.И. *В круге первом*, т.2, <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp2.txt>

Нива, Ж. *Солженицын*. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1984.

Владимир Соловьёв: Социальное измерение духовности.

<http://palomnic.org/filosofiya/fenomen/soloviev/5/>

Labeledz, Leopold. *Solzhenitsyn: A Documentary Record*. Penguin, 1970.

Rothberg, A. *Aleksandr Solzhenitsyn: The Major Novels*. Cornell University press, New York, 1971.

Ericson, Jr. E. E. *Solzhenitsyn - Voice from the Gulag*. Eternity, October 1985.

Развитие темы «Квир-сексуальность» в литературе

Джиоти

Аспирант

Центр русских исследований,

Школа языковых, литературных и культурных исследований

Университет им. Джавахарлала Неру, Нью Дели

miss.jyotiverma@gmail.com

Аннотация: Данная статья является попыткой исследовать «квир» как проблему и явление в истории квир-сексуальности, к которому почти одинаково относятся во всем мире, однако в настоящее время есть много стран, где квир-сексуальность относится хуже всего. Мы упомянем женскую гомосексуальность в этой статье, отметим гораздо позже из-за мужчин, по сравнению с мужской гомосексуальностью, которая, в свою очередь, даст большую часть конкретной информации на эту тему. Но Лесбиянки и Геи оба существовали в античной философии, и истории, очень давно. Это просто термин не был придуман до девятнадцатого века. Гомосексуалисты всегда существовали, но в широком масштабе не идентифицировались как чужие. Даже если гомосексуалисты вернутся к своей анонимности, гомосексуализм не исчезнет; это просто дало бы тем слоям общества, которые не хотят воспринимать реальность. Насколько мы можем судить, опираясь на историю человечества, квиры существовали.

Ключевые слова: квир, античность, лесбиянство, гомосексуальность, врожденное, приобретенное, Урнингин.

Термин «квир» так определяется в различных словарях: «Хотя термин «Квир», означающий «гомосексуалист», по-прежнему считается крайне оскорбительным, когда его используют не гомосексуалисты, его часто используют сами гомосексуалисты в качестве положительного термина. Квир также относится к любому человеку, который не соответствует традиционным представлениям о сексуальности и поле, и его положительно используют многие люди, которые идентифицируют себя таким образом.» (Collins dictionary)

«Слово «Квир» впервые использовалось для обозначения «гомосексуалист» в конце XIX века; когда оно использовалось гетеросексуальными людьми, оно изначально было агрессивно уничижительным. Однако к концу 1980-х некоторые Геи начали сознательно использовать слово «Квир» вместо Гея или

гомосексуалиста, пытаюсь, используя слово «положительно», лишить его отрицательной силы. Квир также получил более широкую коннотацию, касающуюся не только гомосексуализма, но и любой сексуальной ориентации или гендерной идентичности, не соответствующей гетеросексуальным нормам. Нейтральное использование квира в настоящее время хорошо известно и широко используется, особенно как модификатор прилагательного или существительного, и существует наряду с уничижительным использованием.» (Oxford dictionary)

На английском языке слово «Квир» употребляется как «странный, необычный, сомнительный, чудной, подозрительный» и.т.д. Когда это слово сочетается со словом сексуальность оно приобретает добавочное значение. Это означает люди, которые принадлежат к этому роду «гомосексуалист», то есть эти люди, которые имеют другой род, ни мужской, ни женский, а другой род. Раньше это считалось странным, необычным, это считалось даже не сомнительным, но сегодня мы знаем, что в английском языке и теперь и в русском это принятое слово, а границы этого слова значительно расширились. Раньше если существовали только два рода женский и мужской, то теперь вполне нормальным считается существование людей «квир-сексуальность». Мы используем слово «квир» как основное слово, потому что оно более воспринимается гомосексуальными людьми, чем другие слова, чтобы представить себя.

1.1 Положение квира: в время настоящее

Гомосексуальность называет, среди прочего, грехом, болезнью, образом жизни, ненормальным вариантом сексуального поведения, нарушением поведения и преступлением. Говорят, что гомосексуалисты были вовлечены в гомосексуализм взрослым, стали гомосексуалистами из-за отсутствия сильных родителей или негативного влияния родителей; из-за неспособности привлечь человека противоположного пола; оказались в кругу людей с чрезмерным либидо или, напротив, имеющих дефицит сексуальности; из-за нахождения на более низком уровне человеческой эволюции или, быть может, стали жертвой различных видов травмирующих переживаний. (Bullough 01)

В дополнение к термину «гомосексуальность» для них также использовались такие слова, как, «пидор», «фея» и «извращенец»,

и в разное время в истории их помещали в приюты, заключали в тюрьму, казнили, лечили лекарствами, проводили психоанализ; но они продолжали существовать. Большинство выжили, оставаясь в тени, то есть они никогда публично не провозглашали себя, а стремились замаскировать свои сексуальные предпочтения, живя и действуя, как это делали их соседи. (Bullough 01)

В последние годы большое количество людей публично заявили о своей гомосексуальности и потребовали лучшего обращения. Большинство из них, которые провозгласили себя «квирыми», намеревались предложить «аморальную» жизнь, которую они вели. Признаваясь публично, гомосексуалисты, безусловно, рискуют вызвать обратную реакцию, особенно если враждебная и не осведомленная публика считает, что растущая гомосексуальность является угрозой для их семьи и традиционных ценностей.

В нацистской Германии, гомосексуалистов помещали в концентрационные лагеря, а на коммунистической Кубе их бросали в политические тюрьмы, и когда правительство Кастро наконец открыло тюрьмы, им все еще было отказано в правах простых граждан. В Соединенных Штатах Америки они подвергались преследованиям, даже они были задержаны, заключены в тюрьму и разоблачены полицией. (Bullough 02) Сегодня ситуация в этих странах и во всем мире несколько смягчилась. По крайней мере, на каком-то уровне мышления люди начали принимать их. Например, недавно в Индии появилось решение Верховного суда, которое гласит: «Гей-секс не является преступлением». (Supreme Court Verdict on Section 377)

Решение, вынесенное конституционным судом верховного суда страны, защитило раздел 377 британской эпохи Уголовного кодекса Индии (МПК), по которому однополый секс является наказуемым преступлением. Теперь, по Разделу 377, однополые сексуальные отношения по взаимному согласию больше не являются преступлением. (Supreme Court Verdict on Section 377)

Граждане высоко оценили это решение на высоком уровне, которое показывает, что люди в какой-то момент принимают реальность. Но все же, когда дело доходит до членов их собственной семьи, ситуация меняется из-за того, что их приглушенное православное мышление доминирует над реальностью.

Несомненно, первое, что многие люди с гомосексуальными наклонностями делают, когда узнают о них, — это отрицают их. Как и люди, которые наиболее важны в их жизнь: их родители, их братья и сестры, их учителя, их сверстники. Такие заявления, как «это просто проходящий этап» или «это нормально для всех детей этого возраста», приводят к отрицанию реальности. Однако, чем больше реальность отрицают, тем больше этот человек становится изолированным, чувствуя, что он урод, один в мире. Именно это отрицание иногда приводит к крайностям мужественности или женственности. Человек, который по-настоящему боится раскрыть себя (там же) или неизбежно принимает плохое представление о себе. Самоубийства, алкоголизм и подобные попытки избежать общественного осуждения были обычным явлением среди них. (Bullough 80)

Нелегко ответить, где сейчас самые опасные места в мире для гомосексуалистов.

«Всесторонних данных о преступлениях на почве ненависти и спонсируемых государством актах насилия в отношении ЛГБТ (Шторн Евгений and Кондаков Александр) во многих странах просто не существует», говорит Джессика Стерн, исполнительный директор «OutRight International», группа защиты интересов. «Наиболее постоянное насилие обычно происходит в тех местах, где меньше правительственной документации [о насилии] и менее развитое гражданское общество». (The Guardian)

Гомосексуализм до сих пор является преступлением в «72 странах». (Carroll 11) И даже в странах, где нет юридических барьеров, таких как США, уровень преступлений на почве ненависти огромен - с 2013 по 2015 год были убиты 53 трансгендера, и никто не был привлечен к ответственности. (Says New Report | The Guardian) Исходя из имеющихся данных, здесь представлены семь (Ирак, Иран, Гондурас, Уганда, Нигерия, Египет, Россия) стран, где права ЛГБТ находятся под наибольшей угрозой, но где избиратели также иногда делают небольшой шаг вперед.

«Это зависит от того, в какой части страны вы находитесь, но в двух словах я бы назвал Ирак «небезопасным» для ЛГБТ-людей», - говорит Амир Ашур, единственный открытый гей-активист Ирака,

объясняя это не просто угрозой со стороны Исламского государства в Мосуле и Гавайях. «В Багдаде и в центре Ирака насилие на самом деле более заметно со стороны групп, поддерживаемых правительством, которые проводят «кампании убийств». Мы знаем нескольких человек, которые были убиты, но ходили слухи, что был список из 100 имен». (Chulov) «Широко сообщалось» систематические кампании убийств геев в Ираке предшествуют террористической группе и продолжаются по сей день.(OutRight Action International)

Ашур, основатель ЛГБТ-группы «IraQueer», считает, что «с 2006 года кампания убийств проводится один раз в год» (Alim) Подозрительные общественные места были сожжены или взорваны в различных частях Ирака.

Иранские лидеры называют гомосексуальность «моральным банкротством» или «современным западным варварством». По оценкам «Amnesty International», после иранской революции 1979 года было казнено 5000 геев и лесбиянок. (Encarnación) Хотя сейчас это менее распространено, но все же происходит. Летом 2016 года в иранской провинции Маркази был повешен 19-летний мальчик (Benjamin): в 2014 году были казнены двое мужчин. (Encarnación) Угроза шантажа является огромной проблемой для геев, объясняет Саги Гахраман, основатель иранской организации «Queer». (Iranian Queer organization) По отдельному законодательному акту, отцы и деды по иранскому законодательству имеют право убивать своих детей, делая убийства «чести» законными. (Nayyeri M)

Гондурас, «глобальное исследование» показало, что в Гондурасе зарегистрировано самое большое количество убийств трансгендеров по сравнению с населением. Но не только трансгендеры подвергаются риску. (“Trans Murder Monitoring 2015 - TGEU”) После президента Мануэля Селайи в 2009 году убийства ЛГБТ резко возросли. (Joseph)

Важно также понять более широкий контекст - в последние годы люди могли безнаказанно убивать, независимо от сексуальной ориентации жертвы. Гондурас и сегодня является столицей убийств в мире с национальным уровнем убийств 60 на 100 000 человек. (Mimi) Но, согласно отчету, доклад «Inter-American Commission on Human Rights», убийства ЛГБТ, скорее всего, остаются

безнаказанными из-за дискриминационных стереотипов, популярных среди полиции. (Antoine et al.) Интересно, что, несмотря на угрозу убийств, гондурасцы-ЛГБТ активны как в гражданском обществе, так и в политике. Рене Мартинес был убит, когда он был членом правящей Национальной партии президента Хуана Орландо Эрнандеса. (Lavers)

Уганда, число ЛГБТ-беженцев из Уганды, является еще одним показателем того, насколько опасна страна для ЛГБТ-людей. является еще одним показателем того, насколько это опасна страна для ЛГБТ-людей (Kushner J.) В 2014–2016 гг. «the Friends Ugandan Safe Transport Fund», американская ассоциация квакеров, сообщает, что они поддержали более 1800 групп ЛГБТ, бежавших из Уганды.

Легко понять, почему люди хотят уйти. В 2014 году правительство Уганды попыталось ввести «противоречивый закон против гомосексуализма», который сначала включал смертную казнь. (Houttuin S.) Однако он был объявлен неконституционным в угандийских судах, но настроение официальной власти было понятно, и гомофобное насилие было узаконено. Люди были разоблачены в угандийских газетах, одна из которых опубликовала список «200 лучших гомосексуалистов», (Association press in Kampala) несмотря на то, что они знали, что раскрытие личности ЛГБТ может привести к их гибели. (Gettleman J.) Доклад угандийской неправительственной организации «SMUG» показал, что преследования по признаку сексуальной ориентации усилились за два года после этого акта. (Lavers)

Египет считается самым большим тюремщиком геев - по оценкам «New York Times», (Stack) с 2013 до 2016 года было арестовано не менее 250 ЛГБТ-людей, в то время как в блоге ЛГБТ-76 говорится, что это число приближается к 500. (Colin) Быть геем или транссексуалом не является незаконным в Египте, но с тех пор, как военные вытеснили президента Мохамеда Мурси в 2013 году, власти предприняли репрессии против сообщества ЛГБТ, заключив их в тюрьму по обвинению в «разврате», что влечет за собой тюремный срок до 17 лет. (Tree B)

Нигерия- на основе исследования, проведенного для «Глобального исследования отношения ILGA-RIWI», на ЛГБТ обществе, 51%

нигерийцев сказали то они «полностью согласны» с утверждением «быть лесбиянкой, геем, бисексуалом или трансгендером должно быть преступлением», что делает ее самой гомофобной страной из 45 обследованных. (Aengus and George) Страна грозит 14-летним тюремным заключением за гомосексуальные действия, и в соответствии с законом, принятым в 2013 году, любой нигериец, принадлежащий к гей-организации, также может быть приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Эти законы, а также законы шариата в мусульманских районах страны означают, что во многих частях Нигерии публично нельзя идентифицировать себя как ЛГБТ. (Human Rights Watch)

Россия весьма лояльно относится к геям, но лишь в Москве. (Chris et al.) Правительство Путина открыто выступает против геев и обсуждал еще один гомофобный закон, который предлагает заключать людей в тюрьму за публичные демонстрации не гетеросексуальной ориентации или гендерной идентичности. (Cooper) ЛГБТ-группам было отказано в праве на проведение «гордых шествий» (Duffy) в соответствии с анти-пропагандистскими законами, (Miriam) а широко освещавшиеся события были сорваны насильственными бандитами. (Gillian) Кроме того, не предпринимается никаких действий, против групп, которые открыто преследуют представителей ЛГБТ, таких как «Оскуру Pedophilia», национальная сеть россиян, которые подвергают пыткам геев, а затем публикуют чрезвычайно популярные видео своих действий в Интернете. (Sharlet)

В этих странах социальное признание является более важной проблемой, чем правовая защита сообщества ЛГБТ. У нас могут быть все законы, которые мы хотим, но это не имеет значения, если у нас не будет общественного одобрения «Квир» людей из чрезмерно религиозных групп, любое взаимодействие должно быть на критическом массовом уровне, чтобы изменить подход.

1.2 Что говорили в далёкой древности о «квир-сексуальности»
Если считать, что раньше в обществе не было уверенности в том, как бороться с гомосексуализмом, потому что мы очень мало знали об этом.

Один из самых ранних объяснений явления гомосексуализма было предложено одним из участников «Симпозиума Платона», (Р.Г.)

который объяснил, что человечество изначально состояло из людей с четырьмя ногами и четырьмя руками, которых в итоге боги разделили на двух человек. Некоторые из этих двойных людей, однако, полностью состояли из мужских или женских элементов, и после того, как они были разделены, они тратили свои жизни, пытаясь вернуться к своей первоначальной второй половине. Таким образом, гомосексуальная любовь и гетеросексуальная любовь были частью плана природы. (Lamb)

Другие греческие писатели считали, что люди стали гомосексуалистами, потому что в момент зачатия они не были ни мужчинами, ни женщинами из-за дефекта, болезни или генной мутации, унаследованной от родителей.

Аристотель изложил это убеждение на несколько более научной основе, заявив, что гомосексуалисты рождаются в состоянии, при котором, часть из них недееспособна. В этом смысле сам человек не несет ответственности за свои действия. Аристотель добавил, что некоторые люди остаются гомосексуалистами по привычке, поскольку мужчины «получают удовольствие от всего, что они привыкли делать». (Bullough 80) Это подразумевало, что гомосексуализм был одновременно приобретенным состоянием и врожденным дефектом; оба эти объяснения появляются в большей части западной истории. (E. S. Forster V.)

Гомосексуализм в античности: врождённый или приобретенный? Горячая тема обсуждения среди историков, биологов, психологов и антропологов - найти причины гомосексуализма. В настоящее время ведутся дебаты о том, является гомосексуализм результатом природы - биологии и генетики человека или его воспитания - среды и окружения человека. Большая часть человеческой сексуальности остается неизвестной, и дискуссия продолжается до настоящего времени без какого-либо окончательного решения. Скорее всего, существуют как врожденные факторы, так и факторы окружающей среды.

Этот аспект был подчеркнут средневековыми писателями. Например, Альбертус Магнус (1206-80) (Graf) согласился, «что гомосексуализм проистекает из жгучего безумия (без объяснения источника этого безумия) и что людям, которые стали зависимыми от такого поведения, редко удается освободиться. Но он считал, что

гомосексуализм также заразен и может быстро распространяться от одного человека к другому». (Bullough 09)

Карл Генрих Ульрихс (1825–1895) немецкий журналист, адвокат, писатель и пионер движения за права сексуальных меньшинств. Он был одним из первых, кто поставил вопросы на предположения о гомосексуализме в обществе. Он под своим собственным именем и под псевдонимом «Numa Numantius» написал серию полемических, аналитических и теоретических брошюр о гомосексуализме в период между 1865 и 1875 годами. Ульрихс утверждал, что инстинкты, которые он обнаружил в себе, не были «ненормальными», но они врожденные и, следовательно, естественные, а не воспитанные или приобретенные. Он также пытался найти не уничижительные термины для описания людей, у которых были сексуальные предпочтения, такие как у него.

Он придумал термин «Урнинг» (Urning), от намека на Бога Урана (Uranus) в Симпозиуме Платона, чтобы изображать гомосексуальных личностей. Не довольствуясь этим, он развил весь словарный состав: «Урнингин» (Urningin) для лесбияки; «Дионинг» (dioning) (после Дионисия) для гетеросексуального мужчины; «Маннлинг» (mannling) для гомосексуалиста, который предпочитал женоподобных мужчин, и «вэйбинг» (weibing) для того, кто предпочитал мощного мужского типа и т.д.

Ульрихс сделал вывод, что до определенного этапа развития полы были одинаковыми, после чего делятся на три категории. Мужчина, женщина и Урнингин, последняя группа, состоящая из людей, у которых есть физический инстинкт другого, и это приводит к изменению сексуального желания. Поскольку нормальные мужчины имеют рудиментарную грудь, а нормальные женщины имеют рудиментарный пенис, по его мнению, было понятно, почему люди не могут развиваться в соответствии с ожидаемыми линиями, и почему тело может иметь один пол и другую душу. (Bullough 06)

Термин «гомосексуалист» был придуман венгерским писателем Кароли Марией Бенкерт, который под псевдонимом Кертбени в 1869 году опубликовал брошюру на эту тему. (Bullough 07)

1.3 По сравнению с гомосексуализмом мужчинам лесбиянства появились поздно:

Причины игнорируемого лесбиянства в сравнении с геями
Термин «лесбиянство», как указывался ранее, пришел с острова Лесбос, где родился гомосексуальный поэт «Сапфо». Женские гомосексуалисты также называли «сапфик» (sapphic) или «сапфист» (sapphist) в ее честь. Слово «трибада» (tribade), заимствованное из греческого слова, означающего «трение», являлся третьим термином, который обычно употреблялся в отношении женской гомосексуальности. Мужчины-писатели часто были заинтригованы лесбиянством, и на него нередко ссылаются. Например, в Римские времена поэт Марциал посвятил эпиграмму лесбиянке Бассе, которая никогда не была близка с мужчинами, но всегда была окружена женщинами. Он подразумевал, что, хотя ей не хватало полового члена, ее «куннус» мог удовлетворить другую женщину. Он заявил, что она стала чудом Фиванской тайны, потому что «здесь, где нет человека, было прелюбодеяние». (Bullough 120)

В целом, мужская гомосексуальность подвергалась осуждения, в то время как женская гомосексуальность, лесбиянство, была проигнорирована. Этот двойной стандарт, возможно, существовал так долго, потому что мужчины, которые доминировали в написании истории и в создании законов, предполагали, что женщины ничто без мужчин, и что пол не может иметь место без участия пениса.

Всякий раз, когда женщина кажется агрессивной в любом обществе, ее, скорее всего, называют мужеподобной и пытающейся сыграть роль мужчины. И наоборот, если мужчина имеет тенденцию действовать нежно, он будет помечен как женоподобный. В целом, наше общество терпимо относится к мужеподобным женщинам лучше, чем к женоподобным мужчинам, возможно, потому что мужчины обычно ищут женщин для сексуальных отношений. (Bullough 132) Таким образом, мы считаем естественным для женщин стремиться достичь статуса, становясь более мужским, при условии, что они не переусердствуют, и это, вероятно, помогает объяснить нашу большую терпимость к лесбиянству. (Bullough 132)

Главная причина иногда упоминаемой женской гомосексуальности заключается в том, что почти вся наша историческая информация - религиозная, правовая, литературная и политическая - ориентирована на мужчин, написана мужчинами для другого мужчины. Мы не знаем, как большинство женщин в прошлом

видели себя, так как почти все, что мы знаем о них, начали оставлять записи о себе как о состоявшихся личностях.

Изредка женщине удавалось прорваться на страницы истории, но общее число не очень велико. Мужчины были генералами, королями, писателями, композиторами, мыслителями и деятелями; женщины были женами, любовницами, компаньонами, друзьями и помощниками, но не более того. (Bullough and Bullough) Это помогает объяснить, почему лесбиянки были в авангарде за права женщин, а не за права геев. Лесбиянки пострадали больше от дискриминации, потому что они женщины, а не гомосексуалисты.

Исторически, лесбиянство менее враждебно, чем мужской гомосексуализм. Часто бывает удивительно, что женщины могут делать все вместе без мужчины, что секс может происходить без проникновения. Когда мужчины в прошлом осознавали существование женских гомосексуальных пар, такие отношения не воспринимались серьезно. Мужчины иногда жалели лесбиянок, потому что они не могли поймать настоящего мужчину, и часто предполагалось, что все, что лесбиянке действительно нужно, — это хороший «трах» от «настоящего» мужчины, чтобы вылечиться. (Bullough 118)

Такое отношение ставит женщин-гомосексуалистов в несколько иную позицию, чем мужчин. Как правило, лесбиянство не является незаконным, и общество терпимо относится к женщинам, которые живут вместе или путешествуют группами. Фактически до недавнего времени две незамужние женщины, живущие вместе, считались подходящими и уместными, в то время как женщина, живущая одна, была объектом подозрений. Но даже если общество было более терпимым к лесбийским парам, лесбиянка все еще сталкивалась с уникальными трудностями.

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается женщины - лесбиянки, гетеросексуалы или бесполы (асексуалы) — это способ поддержать себя. Работа вне дома, вплоть до почти двадцатого века, была мужской работой, и в западном обществе тоже женщины по закону всегда находились под контролем какого-то мужчины - отца, мужа, брата, сына. В прошлом женщинам, которые хотели быть монахинями, всегда приходилось преодолевать больше препятствий, чем мужчинам, которые хотели стать монахами просто

потому, что общество не хотело лишать слишком многих женщин их «естественной» функции деторождения. Кроме того, для участия в половом акте не обязательно необходимо, чтобы сама женщина была возбуждена, и, хотя она вполне могла быть гомо-эротична в ориентации, это было женским долгом подчиниться своему мужу. Это означает, что большинство лесбиянок были замужними, вероятно, большинство из них были матерями, и лишь в редких случаях они были исключительно гомосексуалистами.

Гомосексуализм существовал в древнем Египте, в долине реки Тигр-Евфрат, в древнем Китае и в древней Индии. (Bullough 02) Хотя мы можем сказать, что это происходило на протяжении веков в Индии, в то же время квир-сексуальность не была «явно» упомянута в религиозных текстах, являющихся центральными для индуизма, если мы говорим о вековой истории, то самая большая и древняя религия в Индии, индуизм занимал различные позиции, от положительных до нейтральных и антагонистических. Ригведа, священный текст индуизма, гласит, что Викрути Эвам Пракрити (Sherry) (то, что кажется неестественным, является естественным), которое, как полагают некоторые ученые, признает постоянство гомосексуальных / французских аспектов человеческой жизни, подобно всем формам универсального разнообразия. Далее резные фигурки в знаменитых храмах «Кхаджурахо», (Kalra et al.) «Конарк», (Chakraborty and Thakurata) предполагают принятие гомосексуализма. Эта концепция была частью индийской культуры с момента зарождения социальной организации, и все же к ней относятся со стыдом, смотрят свысока и рассматривают ее как чужую концепцию.

Индия также является местом «Камасутры Ватсьяны», которая известна как культовый текст об интимных действиях, который включает в себя полную главу, касающуюся гомосексуализма. (Burton et al.) Этот классический скрытый текст знакомит без двусмысленности или лицемерия со всеми аспектами сексуальной жизни, включая брак, супружескую измену, проституцию, групповой секс, садомазохизм, гомосексуализм мужчин и женщин и трансвестизм.

Текст рисует удивительный портрет Индии, чья открытость сексуальности породила высоко развитое выражение эротизма. Сутра XII описывает множество возможностей того, что некоторые

называют сегодня ненормативным сексом: «Органы действия — это язык, рука, нога, задний проход и половой орган». (Danielou) Описанные эротические действия рекомендуется выполнять или нет, опираясь на личный образ мышления, а также на контекст: литература, место и время. Лесбийская деятельность описана в начале главы в гаремах, где женщины живут вместе в отсутствие мужчин.

Если мы говорим о России, гомосексуалисты несомненно существовали, несмотря на несколько запретительных законов, сексуальность в дореволюционной России значительно меньше регулировалась, чем в других странах Европы в то же время. Некоторые исследователи утверждают, что исторические свидетельства показывают, что до XX века российское общество придерживалось довольно снисходительных взглядов на гомосексуализм. Тем не менее, не только было зарегистрировано несколько случаев применения этих законов, но и быстрая урбанизация, последовавшая за отменой крепостного права в 1861 году, позволила сообществам ЛГБТ сформироваться в столице, Санкт-Петербурге, а также в Москве и других крупных городах. (Sasha)

Список литературы:

- Aengus, Carroll, and Robotham George. The Personal and the Political and the Political Attitudes to LGBTI People around the World. 2016, https://ilga.org/downloads/Ilga_Riwi_Attitudes_LGBTI_survey_Logo_personal_political.pdf.
- Antoine, Rose-Marie Belle, et al. Situation of Human Rights in Honduras. 2015, <http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/honduras-en-2015.pdf>.
- Bel, Trew. "How Distaste of LGBT People in Egypt Has Turned into State-Sponsored Persecution | The Independent | The Independent." INDEPENDENT, 2015, <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/how-distaste-of-lgbt-people-in-egypt-has-turned-into-statesponsored-persecution-10256869.html>.
- Benjamin, Weinthal. "Iran Executes Gay Teenager in Violation of International Law - The Jerusalem Post." THE JERUSALEM POST, 2016, <https://www.jpost.com/Middle-East/Iran-News/Iran-executes-gay-teenager-in-violation-of-international-law-463234>.
- Bullough, Vern L. Homosexuality: A History (From Ancient Greece to Gay Liberation). Routledge, 2019.
- Bullough, Vern L., and Bonnie Bullough. Subordinate Sex. University of Illinois, 1973.
- Bullough, Vern L., et al. Homosexuality: A History. 2019, <https://libgen.rocks/ads.php?md5=DCD84E660B0D2BB7E45B5C16D3EFFDCA>.
- Burton, Richard, et al. The Kama Sutra of Vatsyayana. for the Kama Shastra Society of London and Benares, and for private ..., 1883.
- Carroll, Aengus. "State Sponsored Homophobia Report (11th Edition)." ILGA, 2016, https://ilga.org/downloads/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf.

Chakraborty, Kaustav, and Rajarshi Guha Thakurata. "Indian Concepts on Sexuality." *Indian Journal of Psychiatry*, vol. 55, no. Suppl 2, Wolters Kluwer -- Medknow Publications, 2013, pp. S250–S250, doi:10.4103/0019-5545.105546.

Chris, Michael, et al. "Gay in Putin's Moscow: Why the City Is Pinker than You Think | Cities The Guardian." *The Guardian*, 2015, <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/13/gay-putin-moscow-life-nightlife-clubbing-law-lgbt>.

Chulov, Martin. Iraqi Government 'Likely Complicit' in Persecution of LGBT Community | Iraq | *The Guardian*. 2014, <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/19/militia-lgbt-iraq-report-gay-lesbian-persecution>.

Colin, Stewart. "Egypt, 'One of the World's Biggest Jailers of Gay Men.'" *ERASING 76 CRIMES*, 2016, <https://76crimes.com/2016/09/06/egypt-one-of-the-worlds-biggest-jailers-of-gay-men/>.

Collins. Queer Definition and Meaning | Collins English Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/queer>.

Cooper T., Researcher. "Dispatches: Jail Time for Being Gay in Russia | Human Rights Watch." *HUMAN RIGHT WATCH*, 2016, <https://www.hrw.org/news/2016/01/14/dispatches-jail-time-being-gay-russia>.

Danielou, Alain. "The Complete Kama Sutra." Part Street Press, Rochester Ng KH, Siar CH, Ganesapillai T (1997) Sarcoid-like Foreign Body Reaction in Body Piercing: A Report of Two Cases. *Oral Surg Oral Med Oral Pathol Oral Radiol Endod*, vol. 84, 1994, pp. 28–31.

"Dispatches: Jail Time for Being Gay in Russia | Human Rights Watch." *HUMAN RIGHT WATCH*, 2016, <https://www.hrw.org/news/2016/01/14/dispatches-jail-time-being-gay-russia>.

Duffy, N. "Moscow Pride Banned for a Tenth Year in a Row." *Pink News*, 2015, <https://www.pinknews.co.uk/2015/05/22/moscow-pride-banned-for-a-tenth-year-in-a-row/>.

Encarnación, Omar G. Trump and Gay Rights The Future of the Global Movement. 2017, https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-and-gay-rights?cid=nlc-fatoday-20170213&spJobID=1102227291&spMailingID=53412954&spReportId=MTEwMjlyNzI1MQS2&spUserID=MjEwNDg3MDc2NzQ4S0&sp_mid=53412954&sp_rid=dmljdG9yLnN0ZXBpZW5AZ21haWwuY29tS0.

Gettleman, J. "David Kato, Gay Rights Activist, Is Killed in Uganda - The New York Times." *The New York Times*, 2011, https://www.nytimes.com/2011/01/28/world/africa/28uganda.html?_r=1&.

Gillian, Mohney. "Photos Show Activists Being Attacked and Arrested at Gay Pride Parade in Moscow." *VICE News*, 2015, <https://www.vice.com/en/article/d398gx/photos-show-activists-being-attacked-and-arrested-at-gay-pride-parade-in-moscow>.

Graf, Bollstaadt. ALBERTUS MAGNUS (c.1200- 80) | A HISTORY OF SCIENCE. <https://geoffneilsen.wordpress.com/western-science/albertus-magnus-1206-1280/>.

Insight Iran. 2015, https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CRC/SharedDocuments/IRN/INT_CRC_NGO_IRN_19745_E.pdf.

Jeff, Sharlet. Being Gay in Putin's Russia | GQ. 2014, <https://www.gq.com/story/being-gay-in-russia>.

Joseph, McCormick. Drastic Increase in LGBT Killings in Honduras since US-Backed Coup. 2016, <https://www.pinknews.co.uk/2016/04/07/drastic-increase-in-lgbt-killings-in-honduras-since-us-backed-coup/>.

K., Lavers Michael. Activists Forge Ahead in Violence-Plagued Honduras City. 2017, <https://www.washingtonblade.com/2017/02/20/activists-forge-ahead-violence-plagued-honduras-city/>.

Kalra, Gurvinder, et al. "Sexual Variation in India: A View from the West." Indian Journal of Psychiatry, vol. 52, no. Suppl1, Wolters Kluwer--Medknow Publications, 2010, p. S264.

Kampala, Associated Press in. Ugandan Tabloid Prints List of "top 200 Homosexuals" | Uganda | The Guardian. 2014, <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/25/ugandan-tabloid-prints-list-top-200-homosexuals>.

Kheraj, Alim. What It's Really Like To Fight For LGBTQ Rights In Iraq | The FADER. 2017, <https://www.thefader.com/2017/02/22/amir-ashour-iraqueer-interview-lgbtq-iraq>.

Konark Sun Temple: The Sign of a Once Sexually Liberal India - Be On The Road | Live Your Travel Dream! 2016, <https://www.beontheroad.com/2016/05/konark-sun-temple-odisha-sign-of-once-sexually-liberal-india.html#>.

Lamb, W. R. M. Plato Symposium 191E-192D. HARVARD UNIVERSITY PRESS LONDON WILLIAM HEINEMANN LTD, 1978, <https://ryanfb.github.io/loebolus-data/L165.pdf>.

Liam, Stack. "Gay and Transgender Egyptians, Harassed and Entrapped, Are Driven Underground - The New York Times." The New York Times, 2016, <https://www.nytimes.com/2016/08/11/world/africa/gay-egyptians-surveilled-and-entrapped-are-driven-underground.html>.

Michael, Lavers. Report: Anti-LGBT Persecution Increased under Uganda Law. 2016, <https://www.washingtonblade.com/2016/04/22/report-anti-lgbt-persecution-increased-under-uganda-law/>.

Mimi, Yagoub. What's Behind Honduras' 30% Drop in Murder Rates? 2016, <https://insightcrime.org/news/brief/what-behind-honduras-30-percent-drop-murder-rates/>.

Miriam, Elder. "Russia Passes Law Banning Gay 'propaganda' | Russia | The Guardian." The Guardian, 2013, <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/11/russia-law-banning-gay-propaganda>.

"Nigeria: Anti-LGBT Law Threatens Basic Rights | Human Rights Watch." HUMAN RIGHTS WATCH, 2014, <https://www.hrw.org/news/2014/01/14/nigeria-anti-lgbt-law-threatens-basic-rights>.

Sasha, Raspopina. Secret Histories: LGBTQ Life in Pre-Revolutionary Russia — The Calvert Journal. 2019, <https://www.calvertjournal.com/features/show/9567/being-lgbtq-secret-histories-lgbtq-life-in-pre-revolutionary-russia>.

Saskia, Houttuin. "Gay Ugandans Face New Threat from Anti-Homosexuality Law | Uganda | The Guardian." The Guardian, 2015, <https://www.theguardian.com/world/2015/jan/06/-sp-gay-ugandans-face-new-threat-from-anti-homosexuality-law>.

Sherry, Joseph. "The Law and Homosexuality in India.P.150-154 - DocsLib." CEHAT. International Conference on Preventing Violence, Caring for Survivors: Role of Health Professionals and Services in Violence, YMCA, 1998, pp. 150–52, <https://docslib.org/doc/131562/the-law-and-homosexuality-in-india-p-150-154>.

Supreme Court Verdict on Section 377: 'Gay Sex Is Not a Crime,' Says Supreme Court in Historic Judgement | India News - Times of India. 2018, <https://timesofindia.indiatimes.com/india/gay-sex-is-not-a-crime-says-supreme-court-in-historic-judgement/articleshow/65695172.cms>.

Timeline of Publicized Executions for Alleged Sodomy by the Islamic State Militias | OutRight Action International. 2016, <https://outrightinternational.org/content/timeline-publicized-executions-alleged-sodomy-islamic-state-militias>.

“Trans Murder Monitoring 2015 - TGEU.” Transrespect vs Transphobia (TvT), Press, Global Resources, 2015, <https://tgeu.org/tmm-idahot-update-2015/>.

V., S. “The Works of Aristotle. Translated into English under the Editorship of W. D. Ross. Vol. VII Problemata. By E. S. Forster. Oxford: Clarendon Press, 1927. 15s.” *Journal of Hellenic Studies*, vol. 48, no. 2, 1928.

Vatsyayana. *The Kama Sutra of Vatsyayana* : Vatsyayana : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive. Benares ; New York : Printed for the Society of the Friends of India, <https://archive.org/details/kamasutraofvatsy00vatsuoft/page/n13/mode/2up>.

Where Are the Most Difficult Places in the World to Be Gay or Transgender? | Working in Development | The Guardian. 2017, <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2017/mar/01/where-are-the-most-difficult-places-in-the-world-to-be-gay-or-transgender-lgbt>.

Евгений, Шторн, and Кондаков Александр. Какие Города России Наименее Безопасны Для ЛГБТ | OpenDemocracy. 2017, <https://www.opendemocracy.net/ru/kakie-goroda/>.

Р.Г., Апресян. “Идейная Композиция Диалога «Пир» и Платоновская Философия Любви.” *Философия Культуры*, https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=30702.

Вопль ужаса в философии диалектики Хоркхаймера и Адорно

Шаши Кумар

К.Ф.Н. Младший профессор русского языка,
Ун-т английского и иностранных языков,

г. Лакнау, Индия.

shashioctober@gmail.com

Аннотация: Вопль ужаса в понятии диалектики Макса Хоркхаймера и Теодора В. Адорно очень актуален. Вопль ужаса можно назвать синонимично страхом. Праисторическая и историческая траектория страха продолжается и до философии диалектики Хоркхаймера и Адорно, как это видится в их совместной работе «Диалектика Просвещения», опубликованной в 1947 году первый раз. Эти теоретики диалектики рассмотрели этот вопль ужаса, пронизывающий еще общественную среду человека мира. Попытка здесь делается смотреть горизонт этого страха в их философии диалектики.

Ключевые слова: Вопль ужаса, страх, диалектика, Просвещение, цивилизация, философия, Хоркхаймер, Адорно, Бахтин

Вопль ужаса свидетельствуется в общем понятии их диалектики и оказывается первой человеческой реакцией «при встрече с непривычным» и в лицо чего-то неведомого. Можно сказать, основой для диалектики в случае хоркхаймеровского кружка, который включает в себе кроме Макса Хоркхаймера, Теодора В. Адорно, Герберта Маркузе и еще других, считается страх. Поэтому в подлинной работе «Диалектика Просвещения» авторы сосредоточивают на страх, его возникновение, его проявление в разных формах и продолжение его до настоящего времени т.е. точнее, до второй мировой войны. Значит, страх в своих проявлениях и превращениях движется по стадиям. Поэтому в философии диалектики Хоркхаймер и Адорно называют «воплъ ужаса» как «святость ужаса» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 29).

В совместной работе Хоркхаймера и Адорно критическая стихия и страх равноправны и равновесны. Критическая стихия, как отражается в философии диалектики – это воплощение торжествующей мысли человечества. Этим способом страх в воплощенной форме входит и в философию, и в подлость Бонапарте. Словами Хоркхаймера и Адорно:

«Когда она (ШК – торжествующая мысль в человечестве) намеренно покидает свою родную критическую стихию, становясь просто средством на службе некоего существующего порядка, против ее воли принуждается она к тому, чтобы превращать то позитивное, что она избрала для себя, в нечто негативное и разрушительное. В восемнадцатом столетии философия, несмотря на сожжение на кострах книг и людей, внушавшая смертельный страх подлости, при Бонапарте перешла на ее сторону». (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 09).

Здесь торжествующая мысль противостоит страху и в некоторое время торжествующая мысль принуждается против своей воли с целью превращать что-то избранное для себя позитивное в что-то отрицательное. Этим методом, появляется новая формулировка, где торжествующая мысль минус критическую стихию равно страху. И вследствие этого страх продолжает проявляться везде даже в Просвещении и Просвещение оказывается лишенным торжествующей силы т.е. победы над страхом. Здесь сам страх проник внутрь в торжествующую силу в качестве заражения. Поэтому торжествующая мысль бросала свою родину т.е. свою критическую стихию существа. Итак, торжествующая мысль минус критическую стихию равно страху. Так выявляется здесь. Этот страх продолжает свое существование и в эпохе Просвещения, и до восемнадцатого века. Этим способом философия восемнадцатого века имеет свой корень в предыдущую стадию философии, но как известно, что она лишена торжествующей мысли и критической стихии, поэтому философия этого века тоже имеет элемент страха, в результате ее (т.е. философию) не называют Просвещением, а отличают от Просвещения. В этом условии в философии диалектики от Просвещения ожидают, что в качестве прогрессивного мышления, оно «преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 16). Итак, Просвещение делает попытку освободить людей от страха и люди становились своими господами чтобы побеждать свой страх. Однако, способ избавления страха не отмечен. Теоретики замечают, что просвещение – прогрессивное мышление, в котором сохраняется сдвиг вперед. Прогрессивное мышление называется диалектикой, цель которой заключается в избавления народных масс от страха. Просвещение должно было бы стать средством дойти до своей цели, а не целью само по себе, но это другая область исследования.

Этот страх и свидетельствует о «притязании универсалий на истинность как суеверие» т.е. о «всеобщих понятиях», которые посмотрели назад на древние силы, демоны и мифы «посредством изображений которых люди пытались в ходе магического ритуала влиять на природу» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 19). Восход страха в форме «вопля ужаса», вырвавшийся «при встрече с непривычным». Как утверждают Хоркхаймер и Адорно:

«Вопль ужаса, который вырывается при встрече с непривычным, становится его именем. Им фиксируется трансцендентность неведомого по отношению к известному и тем самым - святость ужаса. Раздвоение природы на видимость и сущность, на воздействие и силу, лишь благодаря которым становятся возможными как миф, так и наука, порождено страхом человека, сам способ выражения которого становится объяснением» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 29).

Здесь очевидно, что вопль ужаса – это первая человеческая реакция в лицо чего-то «непривычного». Непривычное здесь можно воспринимать как природные естественные явления, в лицо которых человек боится. Например, человеческая реакция в лицо землетрясения, молнии или так далее. Этим образом, вопль ужаса является синонимом страха, точнее вид страха. Эта вопль ужаса рождается, когда человек встречается впервые с чьим-то непривычным и незнакомым. Вследствие этого, страх сам оказывается отпечатком на слова, точнее, на части речи (морфологическое процесс начиная с междометия до имен существительных). Этим способом страх накладывает свой отпечаток на имена и становится именем такого непривычного и неведомого до сегодня. Имя — значит слово, разум или логос, который этим способом сохраняет в себе страх. Потом передвигается в разные этапы включая миф, науку и «всеобщее понятие». Страх мать и мифа, и науки и страх проявляется даже в объяснениях т.е. в диалектике, которая производится в мире человечества. Это замечается по утверждению Хоркхаймера и Адорно:

«Но эта диалектика остается бессильной постольку, поскольку развивает себя из того вопля ужаса, который сам есть лишь

удвоение, тавтология ужаса. Боги не могут взять на себя страх человека, окаменевшие звуки которого они носят в качестве своих имен. От страха, мнится ему, будет он избавлен только тогда, когда более уже не будет существовать ничего неведомого. Этим определяется путь демифологизации. Просвещения, отождествляющего одушевленное с неодушевленным точно так же, как мифом отождествлялось неодушевленное с одушевленным. Просвещение есть ставший радикальным мифологический страх» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 30).

Отпечаток вопля ужаса продолжается и до стадии проявления диалектики. В диалектике тоже видится этот страх первой человеческой реакции и после вопля ужаса ее следующие проявления (равны древним силам) в форме магии, мифов, имён (в эпоху метафизики) тоже прикрепляются к диалектике. Страх передвигается до степени диалектики, где сама диалектика рождается в вопле ужаса. Вопль ужаса – родное место диалектики и здесь очевидно, что вопль ужаса сам оказывается тавтологией ужаса. В результате этого, диалектика стала бессильной из-за того, что диалектика происходит от страха или вопля ужаса, а не от смеха. По утверждению теоретиков диалектики, как видится в работе «Диалектика Просвещения» страх исчезает, когда не бывает ничего неведомого для человечества. Однако, это не получилось даже в эпоху Просвещения, поэтому теоретики диалектики считают просвещение как «ставший радикальным мифологический страх». Можно сказать, что просвещение это процесс или попытка процесса демифологизации и оно начинает демифологизировать. При этом процессе демифологизации т.е. Просвещения по мнению Хоркхаймера и Адорно:

«Просвещением, в конце концов, изничтожаются не только символы, но и их преемники, всеобщие понятия, в результате чего от метафизики не остается ничего, кроме абстрактного страха перед коллективом, из которого она возникла» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 38).

После приобретения своего бытия Просвещение начало разрушать символы и преемники этих символов страха. Просвещение даже разрушил «всеобщие понятия». Метафизика Просвещения была такая, что в конце остался какой-то абстрактный страх перед

коллективом. Вследствие этого по мнению теоретиков диалектики т.е. Хоркхаймер и Адорно замечают:

«Наконец-то постигнутая цивилизацией самость разрешается в стихию той бесчеловечности, избегнуть которой цивилизация стремилась с самого своего начала. Сбывается самый древний страх, страх утраты собственного имени» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 47).

Цивилизации считаются раздробленными частями культур, точнее, народно-смеховой культуры, которая тоже имела свое влияние на человеческую жизнь. Как немецкий теоретик культуры Освальд Шпенглер (1880-1936) заметил, что «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры» (Шпенглер 74). Но, возвращая своей теме страха в диалектике при способом цивилизации создается своей утратой своего собственного имени. Значит, когда собственное имя утрачивает страх это становится именем нарицательным (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 47). Значит, в цивилизации есть, до значительной степени, переход от собственного имени к нарицательному имени. Этим способом свидетельствуется элемент страха в цивилизации. Поэтому в конце концов цивилизация человечество не могла освободить человека от страха, напротив она сама стала страхом.

«В поворотных пунктах западной цивилизации, начиная с перехода к религии Олимпа и кончая Ренессансом, Реформацией и буржуазным атеизмом, когда все новыми и новыми народами и слоями миф решительно вытеснялся, страх перед непостижимой, грозной природой, последствие ее же собственного овеществления и опредмечивания, низводился до анимистического суеверия, а порабощение природы внутренней и внешней превращалось в абсолютную цель жизни» (Хоркхаймер и Адорно, Диалектика Просвещения 48).

Здесь видно, что западная цивилизация имеет свои поворотные пункты в своей истории, которые начинаются с перехода к религии Олимпа и продолжаются до Ренессанса, Реформации и буржуазного атеизма т.е. после Просвещения. И по пути этих стадий с времени Олимпа до Средневековья мифы были созданы народами. Значит, мифы имеют свои корни в народе т.е. народной культуре. Поэтому мифы решительно вытеснялись перед

человеком или народами, а страх присоединился с явлениями «непостижимой, грозной» природы. Корень мифов тоже оказывается непостижимым и грозным явлением природы. То, что овеществляется или опредмечивается в культуре, по всей вероятности, называется цивилизацией. Итак, цивилизация образуется в природных явлениях, в народной культуре, в мифах, в религиях начиная с Олимпа, в Ренессансе, в Реформации и в буржуазном атеизме т.е. после эпохи Просвещения. В результате этого цивилизующего поступка страх низводился до анимистического суеверия. Поэтому человек поработает природы чтобы изгнать страх. Значит, поработание природы оказывается какой-то победой над страхом и этим способом цивилизация движется и в этом состоит цель человеческой жизни цивилизованного человека в философии диалектики Хоркхаймера и Адорно.

Итак, было видно, что страх существовал и существует в разных формах и в метафизике, и в именах, и в эпоху Просвещения, и в цивилизации, и в самой диалектике, в языке и в других проявлениях. Но, Хоркхаймер и Адорно не могли видеть победу над страхом, поэтому страх проявляется в каждой формах мышлениях человечества т.е. метафизики. Победа над страхом философствует и русский философ Михаил Михайлович Бахтин. бахтинская философия о страхе при анализе французского ренессансного писателя Франсуа Рабле диаметрически противоположит тому же воплю ужаса Хоркхаймера и Адорно.

References:

- Бахтин, Михаил Михайлович. Собрание сочинений в семи томах 4(2). Vol. 4(2). Москва: Языки славянских культур, 2010. 7 vols.
- Владислав, Такаревич. История Философии: Античная и средневековая философия. Пермь: Изд. Пермского Ун-та, 2000.
- Гайденко, П.П. и др. Античная философия: Энциклопедический словарь. Москва: Прогресс-Традиция, 2008.
- Гомер. Одиссея. Москва: Эксмо, 2018.
- Рабле, Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. Trans. Н. Любимова. Москва: Художественная литература, 1973.
- Хоркхаймер, Макс и Теодор В. Адорно. Диалектика Просвещения. Москва - Санкт-Петербург: Медиум-Ювента, 1997.
- Шпенглер, Освальд. Закат Европы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Нарративные категории повествователя в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»

Сухел Ахтар

К.Ф.Н. Старший преподаватель

Кафедра иностранных языков

Алигархский мусульманский университет

akhtarsuhail13@gmail.com

Аннотация: Данный научный обзор посвящён глубокому анализу нарративной структуры романа Михаила Афанасьевича Булгакова "Мастер и Маргарита". Центральной оси анализа служит нарратологическая концепция, разработанная французским теоретиком Жераром Женеттом. Эта теория стремится расшифровать внутренние механизмы, которые придают художественному произведению его уникальную значимость и характер литературности. Основное внимание в концепции Женетта уделяется семиотическому аспекту произведения и его поэтическим особенностям. В "Мастере и Маргарите" одним из ключевых элементов является фигура повествователя, который представляет собой различные точки зрения героев произведения, их внутренний мир и отношение к окружающим событиям. Данная статья представляет детальный анализ нарративных механизмов, рассматривая специфику каждой перспективы, а также акцентируя внимание на роли повествователя и моментах его активного вмешательства в структуру повествования романа. Данная статья является частью кандидатской диссертации автора.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», нарратология, повествовательный анализ, роль повествователя

Роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова имеет большую значительность в русской литературе и культуре. Этот роман несомненно считается одним из высококачественных произведений, не только русской литературы, но мировой литературы. Его творец – Михаил Булгаков очевидно занимает свое назначенное место среди мировых лауреатов сразу после того, как опубликовали этот роман в полной его редакции. Сложность романа не только вызывает особого интеллектуального размышления, а заставляет читателей осуждать позиции действующих лиц за их поступки. Роман «Мастер и Маргарита» не просто повествует события, произошедшие и в XX веке и в библейском времени, вместе с тем, он описывает столкновение между противоположными философскими взглядами, т.е. добром и злом, истиной и долгом, богом и дьяволом, правдой и ложью, порядком и хаосом и т.д.

Михаил Булгаков с долгих лет хотел творить исторический роман о дьяволе. Роман «Мастер и Маргарита» не только является нормальным произведением для Булгакова, но в нем он вложил важные события, которые произошли в его жизни. Например, Его последняя жена стала прототипом главной героиней романа Маргариты; исчезновение голова человека (в романе Берлиоза) из гроба, именно произошло в 1884 г. в Киеве (Богданов).

Согласно известному российскому литературоведу М. О. Чудакове, рукописи «Мастера и Маргариты», написанные с 1928 г. до 1940 г., содержат восемь последовательных версий (редакций) романа (Чудакова и Архив). Создание романа о дьяволе было желание Булгакова с многих лет, но постоянные обыски правительством и НКВД и запрещения многих его произведений в 30-х годах заставили автора оставить мысль романа. Булгаков сам горел первые рукописи этого романа, как это сделал в романе главный герой Мастер. Сюжет известной пьесы Гете «Фауста» очень сильно вдохновляет автора с детства и желание создать такое мифическое содержание опять вернуло его к роману о дьяволе. В того времени написать против правительства и вне сюжетной линии коммунистической партии запрещено, поэтому Булгаков намерен поставить эти вопросы в сатирическом образе.

Для Булгакова роман «Мастер и Маргарита» не просто является одним из его произведений, а целый образ его жизни и знания. Он хотел передать свои внутренние чувства и реминисценции, которые он тяжело пережил. Булгаков страдал от разных сторон в его жизни, от постоянной военной ситуации, от стороны семьи и любовницей, от постоянного обыска НКВД и т.д. Он хотел, что его последний роман должен быть полон всей его надеждой и фантазией.

Для того чтобы в полной мере осуществить коммуникацию идей, связанных с надеждой, философскими рассуждениями и воображением, автор прибегал к созданию экстраординарных литературных персонажей и оригинальных ситуационных контекстов. Повествователь, рассказавший о московском мотиве, представляет читателями рядовой смешной горожанин. Главный антагонист Воланд рассказал начальные ершалаимские мотивы, протагонист Мастер сам рассказал о своем переживании. Так в одном же романе Булгаков успешно использовал разные повествователи. В этой статье нужно объяснить роль

повествователя с точки зрения теории нарратологии, разработанной Ж. Женеттом.

Нарратология как область изучения рассматривает внутренние механизмы повествования. В области повествовательного дискурса стремится выявить общие, почти универсальные принципы композиции текста. Нарратология представляет собой риторика повествования, она допускает возможность нулевого отклонения, точного совпадения сюжета и фабулы, событийной истории и рассказа о ней, а затем измеряет величину действительных расхождений между ними в тексте (Зенкин 465).

Самую развитую теорию нарратологии предлагал французский литературный критик Жерар Женетт. Одна из наиболее известных теорий нарратологии была предложена в книге *Discours du récit* (Повествовательный дискурс) Женеттом. Нарратология Женетта – это риторика повествования, она допускает возможность нулевого отклонения, точного совпадения сюжета и фабулы, событийной истории и рассказа о ней, а затем измеряет величину действительных расхождений между ними в тексте (Зенкин 465). Жерар Женетт является центральным персонажем, вклад которого допускает нарратологию к семиотике.

По теории нарратологии роль повествователя осуществляется в категориях дистанции, функции повествователя, повествовательного лица и нарративной перспективы. Категории дистанции и функции повествователя входят в состав модальности; и повествовательное лицо и нарративная перспектива являются частей нарративной инстанции.

Модальностью повествования является регулировка нарративной информации (Женетт 181), и эта категория подвергается отношению между повествованием и историей. Для уточнения понятия модальности повествования, Женетт опирается на определение «литтре», определяя грамматическое значение наклонения: «термин, применяемый к разным формам глагола, используемым для более или менее утвердительного высказывания о предмете и для выражения... различных точек зрения, с которых рассматривается чье-либо существование или действие» (Женетт 180).

В ходе творения литературного текста некоторые способы применяются, чтобы достичь определенный итог от вербального предствления истории. Таким образом, повествование использует дистанцию и функции повествователя для создания особой модальности повествования, управляющей регулировку. По теории Женетта, все повествования необходимо являются диегезисом (повествованием), в котором они могут достичь не более чем иллюзии мимесиса (показа), делая историю реальной и живой. Таким образом, каждое повествование подразумевает повествователя.

Дистанция помогает определить степень точности повествования и точность передаваемой информации. Независимо от того, является ли текст повествованием о событиях (рассказывает о том, что делает персонаж) или повествованием о словах (рассказывает о том, что персонаж говорит или думает), существует четыре типа дискурса, каждый из которых демонстрирует всю большую дистанцию, занимаемую повествователем по отношению к тексту (Женетт 181-182). Эта дистанция между повествованием и историей помогает повествователю оценить представленную повествовательную информацию, «так же как мое видение некоторой картины зависит своей четкостью от дистанции, которая меня от нее отделяет» (Женетт 181). Дистанция устанавливает место или расположение повествователя в повествовании. Выделяются четыре типа дистанции; нарративизированный, или пересказанный, дискурс; транспонированный дискурс, передаваемый посредством косвенной речи; транспонированный дискурс, несобственно прямая речь; и цитатный дискурс.

Женетт также представляет собой функции повествователя (Женетт 263-266). Он перечисляет пять функций, которые также показывают степень вмешательства рассказчика в его повествование, основываясь на желаемой степени отстраненности или вовлеченности.

- Нарративная функция – это основная функция. Всякий раз, когда имеется повествование, эту роль (отстраненность) берет на себя повествователь, присутствует ли он в тексте или нет. Это собственно нарративная функция, от которой не может отвернуться никакой повествователь без потери самого свойства быть

повествователем и к которой он вполне может вообще сводить всю роль (Женетт 262).

- Режиссерская функция – повествователь выполняет режиссерскую функцию, когда он прерывает рассказ, чтобы прокомментировать организацию или артикуляцию своего текста (вовлечение). повествователь может говорить в рамках особого метаязыкового (в нашем случае — метанарративного) дискурса, обозначая его членения, связи, внутренние отношения, словом его внутреннюю организацию (Женетт 262-263).

- Коммуникативная функция – Повествователь обращается непосредственно к адресату (то есть потенциальному читателю текста), чтобы установить или поддерживать контакт с ним (вовлеченность).

- Свидетельская функция – Повествователь утверждает истинность своей истории, степень точности своего повествования, свою определенность относительно событий, свои источники информации и тому подобное. Эта функция также вступает в игру, когда повествователь выражает свои эмоции по поводу истории, то есть аффективные отношения, которые он имеет с ней (вовлеченность).

- Идеологическая функция – Повествователь прерывает свой рассказ, чтобы ввести поучительные комментарии или общую мудрость, касающуюся его повествования (вовлеченности).

Нарративная инстанция соединяет в себе в основном три явления; лицо, время наррации и перспектива. Лицо представляет собой повествователя, т.е. кто говорит; время наррации определяет момент повествования, относительно к истории; и перспектива имеется в виду средство, с помощью чего мы воспринимаем повествование. Как и в случае с модальностью, исследуя нарративную инстанцию, мы можем лучше понять отношения между повествователем и историей в данном повествовании.

Повествовательное лицо - если присутствие повествователя заметно в повествовании, то повествователь может приобрести определенный статус, в зависимости от способа передачи истории. Согласно Женетту, «Будем различать здесь два типа

повествования: одно — с повествователем, отсутствующим в рассказываемой им истории (примеры: Гомер в “Илиаде” или Флобер в “Воспитании чувств”), другое — с повествователем, присутствующим в качестве персонажа в рассказываемой им истории (примеры: “Жиль Блас” или “Грозовой перевал”). Первый тип я называю, по очевидным причинам, гетеродичетическим, а второй тип — гамодиегетическим» (Женетт 253). Кроме того, если гамодиегетический повествователь является героем рассказа, он/она называется автодиегетическим (Lévesque).

Нарративной перспективой является точка зрения, принята повествователем. Женетт называет эту точку зрения фокализацией. По Женетту, фокализация представляет собой ограничение поля, выбор повествовательной информации по отношению к традиционно называемому всеведению (Genette 74). Женетт описывает три типа фокализации:

- Нулевая фокализация: Повествователь располагает более обширным знанием, чем персонаж или, точнее, — говорит больше, чем знает любой персонаж (Женетт 204). Это традиционный всеведущий романист.
- Внутренняя фокализация: Повествователь говорит только то, что знает персонаж. Этот персонаж фильтрует информацию, предоставляемую читателю. Он не может передать мысли других персонажей.
- Внешняя фокализация: Повествователь знает меньше, чем знает персонаж. Он следует за действиями и жестами главных героев извне; он не в состоянии угадать их мысли.

В ходе повествовательного анализа мы уточнили применение разных нарративных категорий. С точки зрения повествования роман имеет разные повествователи (Pearce) и некоторые повествовательные модальности (Kejna-Sharratt). Нарративные категории в романе служат связью объединения повествования, которое раскрывается последовательно и передает структуре поэтику. Многоуровневая повествовательная структура романа обусловлена ее связью с разными нарративными дискурсами.

В романе «Мастер и Маргарита» самыми используемыми способами дистанции являются нарративизированный дискурс и цитатный дискурс, так как когда повествователь рассказывает какое-то событие, он совершает в третьем лице и отмечает точно диалог между характерами.

Во всех главах романа господствуют нарративизированный дискурс и цитатный дискурс. Событие в романе уже произошло в прошедшем времени, т.е. повествователю уже известны раскрывающие события. Кажется, что повествователь и его повествование объединяются в романе. Диалогом непосредственно является объединенная часть этого произведения, без персонажей и их участия невозможно повествование. Поэтому цитатный дискурс является неотъемлемой частью этого романа. Почти во всех главах употребляется цитатный дискурс. В рассказах о Маргарите и о беседе существования Иисуса употребляется транспонированный дискурс, передаваемый посредством косвенной речи. Также писатель однажды использует в романе транспонированный дискурс, несобственно прямая речь при догадке о самобытности Воланда.

Функции повествователя, показывающие степень вмешательства повествователя в его повествование. Выделяются пять функций повествователя - нарративная функция; режиссерская функция; коммуникативная функция; свидетельская функция; и идеологическая функция. Нарративная функция в основном присутствует во всех главах романа, поскольку отказ от этой функции невозможен в повествовательном тексте. Второй главной функцией повествователя в этом романе является свидетельская функция. Мы наблюдали, что в романе повествователь несколько раз утверждает истинность своего повествования. Например, «нужно признаться, хоть это и неприятно, что Никанор Иванович был по натуре несколько грубоват» (Булгаков 111); «Варенуха не ездил в Пушкино, и самого Степы в Пушкине тоже не было. Не было пьяного телеграфиста, не было разбитого стекла в трактире, Степу не вязали веревками... – ничего этого не было» (Булгаков 177); и «казалось, что великан кентурион в силах ходить так весь день, всю ночь и еще день» (Булгаков 199).

Третьей главной функцией повествователя в этом романе является идеологическая функция. Несколько раз повествователь прерывает

свой рассказ, чтобы объяснить причины характера человека или о состоянии какого-то события. Например, «Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет тому назад в долине дев кричал Пилат своим всадникам слова» (Булгаков 36); «Ах, кричали они напрасно: не мог Михаил Александрович позвонить никуда. Далеко, далеко от Грибоедова, в громадном зале, освещенном тысячесвечевыми лампами, на трех цинковых столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем» (Булгаков 68); и «Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует. Этот несуществующий и сидел на кровати» (Булгаков 291). Писатель употребил три раза режиссерскую функцию в романе, чтобы вносить в повествование свои оценки. Например, «Принарядившийся Аззелло уже не походил на того разбойника, в виде которого являлся Маргарите в Александровском саду» (Булгаков 290); и когда повествователь объясняет черты характера Левия Матвея и другого человека, который был у Пилата во дворце. Присутствие повествователя также видно в романе, повествователь три раза обращает к читателям в повествовании. Например, «Ну владела или не владела – мы того не знаем» (Булгаков 63). Таким образом, коммуникативная функция также присуща в повествовании.

В нарративной инстанции выделяются: лицо и перспектива. В этом романе мы нашли в основном гетеродегетический повествователь, так как он только повествует события и не выступает в качестве персонажа. Однако, история Мастера и обращение повествователя к читателям в романе подвергаются гамодиегетическому повествователю. В категории нарративной перспективы нулевая фокализация господствует в повествовании, также мы утверждаем в некоторых местах присутствие внешней фокализации. Например, «прокуратор в затененной от солнца темными шторами комнате имел свидание с каким-то человеком, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном, хотя в комнате лучи солнца и не могли его беспокоить» (Булгаков 43). Таким образом, повествователь иногда не узнал, что именно происходит в рассказе, или он хотел создать тайну для читателей.

Анализируя структуру и характер повествования данного романа, можно выделить следующие аспекты: категории дистанции, функции повествователя, лицо, с которым он обращается, и

перспективу, из которой он рассматривает события. В этом контексте повествователь не просто является инструментом передачи информации; его роль глубоко интегрирована в сюжетное взаимодействие и является ключевой для интерпретации и восприятия происходящих событий.

Повествователь занимает уникальное позиционирование в романе, позволяя ему осмысливать и анализировать события в широком контексте. Он периодически вносит коррективы в ход повествования, дополняя его или меняя акценты, что обогащает текст и делает его более многогранным.

Несмотря на то что сам повествователь редко участвует в событиях романа, его комментарии, рефлексии и уточнения придают глубину и актуальность рассказываемому. Отсутствие этой активной роли повествователя могло бы привести к потере интереса читателя, поскольку именно благодаря ему сюжет приобретает дополнительные оттенки смысла и становится более насыщенным.

Литература:

1. Genette, G. (1988). *Narrative Discourse Revisited*. (J. Lewin, Trans.) Ithaca: Cornell University Press.
2. Kejna-Sharratt, B. (1974). *Narrative Techniques in The Master and Margarita*. *Canadian Slavonic Papers* 16.1, 1-13.
3. Lévesque, L. G. (2016). *Narratology in Louis Hébert*. Retrieved from Signo [online], Rimouski (Quebec): <http://www.signosemio.com/genette/narratology.asp>.
4. Pearce, C. E. (1980). A Closer Look at Narrative Structure in Bulgakov's *The Master and Margarita*. *Canadian Slavonic Papers* 22.3, 358-371.
5. Богданов, Н. (2007). Киевские реминисценции в «московском» творчестве Михаила Булгакова. *Литература в школе* 8, 836-844.
6. Булгаков, М. (2013). *Мастер и Маргарита*. Лондон: JiaHuBooks.
7. Женетт, Ж. (1998). *Фигуры*. В 2-х томах. Том 1-2. Москва: Изд.-во им. Сабашниковых.
8. Зенкин, С. (2017). *Теория литературы. Проблемы и результаты*. Москва: Новое литературное обозрение.
9. Чудакова, М. О., & Архив, М. А. (1976). Булгаков: Материалы для творческой биографии писателя. *Записки Отдела рукописей*, 37, 25-151.

Image of nihilist in Fathers and Sons

Dr. Akhauri Nitish Kumar

Assistant Professor (Russian)

Amity School of Languages, Amity University Haryana

nitish.akhauri@gmail.com

Dr. Divyam Prakash

Assistant Professor,

Department of Russian, B.R.A. Bihar University

prakash.divyam@gmail.com

Abstract: Concept of Nihilism is not new to human society. More than two thousand years ago, philosophers identified these ideas within religious philosophy. Modern understanding of nihilism became popular mainly after Turgenev's novel 'Father and Sons'. The period in which this novel was written is particularly important in Russian history. This period of revolutionary change brought many political and social reforms in Russia, which are very well represented in the novels of that time. Rise of Raznochintsy (the new middle class of 19th c.) was a major event of that time. The 'new men' of the 1860s or the 'Nihilists' were representatives of this Raznochintsy class. This period also saw a major conflict between the old and new generations of society. Turgenev himself faced a similar type of conflict in his professional life as he depicted in his novel 'Fathers and Sons'.

Keywords: Nihilism, Raznochintsy, Turgenev, Bazarov, Nihilist, Fathers and Sons

Introduction

The concept of 'Nihilism' should not be considered a thing of the past. It isn't only the idea of a character in Turgenev's well-known book "Fathers and Sons"; in fact, it still holds true today. In contemporary culture, nihilism has become a popular ideology especially among youth. This is largely due to complex living conditions, like social tension, economic troubles, moral and psychological instability of a young person in society. However, one should not forget the historical reasons in Russia during the second half of the XIX century: centuries-old serfdom, autocracy, government control etc., which constantly reproduced and multiplied the idea of nihilism.

Nihilistic attitudes (not necessarily in the political sense that many people interpret it) initially appeared as a fundamental component of Buddhist

and Hindu philosophy, which acknowledged the "meaninglessness" of existence, millennia ago. Human existence, according to this philosophical point of view, is a series of sufferings, and human salvation is the escape from life and suffering. The term appeared in many different contexts. This term was used by various philosophers, and each interpreted it differently. The main purpose of this article is to examine nihilism as a phenomenon that occurred in 19th-century Russia and its effects on the Russian intelligentsia's consciousness.

First popular Nihilist in Russian Literature

If we mention nihilists in Russian literature, it is impossible to not to talk about Yevgeny Bazarov, the main character of the Turgenev's novel 'Fathers and Sons'. In this article, we have made an attempt to analyze the image of Yevgeny Bazarov from various aspects. Turgenev worked on the book 'Fathers and Sons' between the months of August 1860 and August 1861. During this time, the question of "fathers" and "sons" was important, not just from a political standpoint but also in a far larger sense.

Various characters appear before the reader in the novel: the Kirsanov brothers (Nikolai Petrovich and Pavel Petrovich), belonging to the camp of 'fathers', the son of Nikolai Kirsanov - Arkady (who, however, ultimately ends up in 'fathers' camp, despite the initial imitation of Bazarov and admiration for his ideas), the widow Anna Odintsova, who in general can hardly be attributed to one camp or another, her sister Katya, with whom Arkady gradually became close. Turgenev wrote the following for Bazarov: "at the basis of the chief character, Bazarov, there lay the personality of a young provincial doctor who had much impressed me. (He died shortly before 1860.) In this remarkable man were embodied - in my eye- *that scarcely conceived, still fermenting principle which later received the name of nihilism.* (Freeborn, 1973)

Bazarov in relations with the society

Bazarov has the nature of an activist and a fighter, which distinguishes him from the noble heroes. He acquired knowledge in the field of natural sciences. He developed confidence in himself, relying only on his own mind and energy. Bazarov puts himself in opposition to other people. He has no affection for anyone, including his parents, and finds neither pity nor sentiments for them. This is where Bazarov's sharpness and unceremonious tone come from. The relationship between a man and a woman, according to Bazarov, is reduced exclusively to physiology.

Visiting the Kirsanov's family, Bazarov tries to pay little attention to Pavel Petrovich and Nikolai Petrovich and spends most of his time in his scientific work. Treatment of Nikolai Petrovich towards Bazarov is like a good-natured old man, an old romantic. Nikolai Petrovich and Bazarov have little in common: they are representatives of different generations, and their views do not have anything in common, the heroes do not enter into either friendly or hostile relations. The main reason for this is Nikolai Petrovich's peacefulness and non-conflicting nature. Bazarov's main opponent in disputes is Pavel Kirsanov, a bitter and passionate man. Pavel Kirsanov has little resemblance to his brother and nephew: he does not succumb to other people's influence and hates those whose opinions differ from own. Pavel Petrovich, an aristocrat, dandy, hated Bazarov from the very first meeting. Bazarov is also unfriendly to him: he is critical of Pavel Petrovich for his lordship and aristocracy. The passionate nature of Bazarov is visible to everyone, and Pavel Petrovich (perhaps only he) is able to call Eugene into a long meaningful conversation. Bazarov once kissed Fenichka, and Pavel Petrovich, who, as it turned out, was not indifferent to Fenechka, became a witness of this incidence. This was the last straw for Pavel Petrovich, after which he challenged Bazarov to a duel. It should be noted that Bazarov, having agreed to a duel, gave up his principles. The duel comes out ridiculous: Bazarov, wounded Pavel Petrovich, but assists his opponent.

Bazarov looks at Arkady as if he was a child. Arkady is an enthusiastic young man, who has subtle feelings for the beauty of nature, art, gets easily influenced by people and just as easily carried away by them. It would be wrong to say that Arkady has a strong character, but he is certainly a harmonious person. In contrast to Bazarov, there is no aggression or harshness in him, although he displays very good qualities of the mind. Nevertheless, Arkady is a meek person, and there is no originality in him. Arkady is a devoted (up to a certain point in the novel) student of Bazarov, constantly trying to match his teacher. He is presented in the novel as a dependent character. During the course of the novel, Arkady's fondness towards art, which his friend denies, is evident. Y. V. Lebedev, popular Russian literary critic and writer, noted: Arkady, in the eyes of the democrat Bazarov, is soft and liberal. The definition is very precise: there is lordship in the character of Arkady. But Bazarov does not want to accept and recognize what is hidden, in addition to the lordship, in the depths of his soul. Indeed, both Arkady's kindness and Nikolai Petrovich's dovish meekness are also a consequence of the artistic talent of their natures, i.e. poetically

melodious, and sensitivity to music and poetry. Turgenev considers these qualities not specifically lordly, but deeply Russian. At a certain point, the relationship between Bazarov and Kirsanov acquires certain troubles; they have disagreements. And this shouldn't surprise the reader, as already at those moments when we are just beginning to recognize the nature of Arkady, it becomes clear that they are people of different nature and, therefore, the conflict is quite natural and inevitable. One of the key characters in the novel is Anna Sergeevna Odintsova, a woman who managed to melt Bazarov's heart. She does not look like traditional Turgenev heroines, because such a type could not fascinate Bazarov. It surprisingly combines aristocratic origin and worldly experience. Bazarov was conquered by Madame Odintsova's sharp, lively mind, combined with her refined femininity. If it were not for this meeting, the reader would probably not have had the opportunity to fully see and unravel the image of Yevgeny Bazarov. Bazarov is quite clearly aware that there is almost no hope for reciprocity of feelings. According to Bazarov's logic and worldview, he should have pulled himself together and left, forever forgetting about this woman. But Bazarov, with his logical, rational attitudes, unexpectedly discovers something truly human in himself: the desire for happiness burns too strongly in him. The novel contains a scene in which Anna Sergeevna tries to start a conversation with Yevgeny about happiness, as if pulling a confession out of him, and when he confesses his feelings to her and hugs her, she jumps back in fright. Presumably, this event broke Bazarov: after leaving Madame Odintsova, he became irritated. He is somehow angry from this failure, he is annoyed to think that happiness has beckoned him and passed by, and it is annoying to feel that this event makes an unpleasant impression on him. We remember that nihilism is an ideology that implies a complete rejection of many human weaknesses and a firm adherence to principles. In this sense, Bazarov can hardly be called unambiguously a nihilist; often he violates his own principles. Being much closer to the common people than the noble heroes, Bazarov still remains a gentleman for the peasant.

The novel was created at a time when nihilistic ideas were not fully developed. In the novel, there is not a single character with whom Bazarov could get along and feel comfortable. Perhaps nihilism is a kind of mask; this is how Bazarov calls his views, his aspirations, and his dissimilarity to other people.

Nihilist hero of Turgenev: Bazarov

In the 1850s, government reforms along with abolition of serfdom divided Russian educated society into three camps: 1) conservative nobles who opposed any changes; 2) noble liberals (Western liberals) who supported the policy of then Tsar Alexander II; 3) young radicals, who demanded the end of autocracy. Most of these young radicals were from Raznochintsy (the new middle class of 19th c.) class, who didn't believe in Tsar's reforms and were against conservatives and liberals.

Turgenev himself was inspired by western ideas and after completing university left for Germany in 1838. While in Berlin he attended lectures on Hegelianism and became interested in German idealism. Turgenev was very much impressed by Western European values. The young student came to the conclusion that only the blend of universal culture can bring Russia out of the darkness in which it is immersed. In this sense, he became a convinced Westerner. As for his attitude towards young radicals, it was quite complicated. In the 1850s, he became quite familiar with the young people who later became ideological leaders of young radicals-raznochintsy; N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov. All three collaborated in Nekrasov's journal 'Sovremennik'.

Turgenev believed that Russia could progress only by the integration of best of Russian people be it liberal or radical. He wanted cooperation between noble liberals, with their intelligence, education and the high ideal of European culture, and young raznochintsy, with their energy and desire to change the socio-political climate of Russia. Contrary to him, radicals like Dobrolyubov and Chernyshevsky believed in the struggle against nobles and aristocratic culture. Such a radical position of young raznochintsy did not suit Turgenev, as it seemed to him going against the cultural norms of European civilization.

While working on the novel 'Fathers and Sons', Turgenev experienced repeated conflict with people who were important to him (the editorial Board of *Sovremennik*). Turgenev believed in uniting all progressive-minded people regardless of their social status and ideologies. Turgenev tried to organize the people against serfdom. He sent a letter to the authorities about the publication of the journal "Khozyaystvennyy ukazatel" (economic indicator), trying to convince the government that the Nobility was not ready for the emancipation reforms, as they do not have all the skills for independent farming. But unfortunately, no one agreed with him, and the idea of publication of this journal was not implemented. Creation of a society for the promotion of primary

education was another project of the writer which also did not receive support and was not implemented. Turgenev also realized a huge gap among the people: he started a farm, freed his serfs, and started cultivating land through freelance labor, but was never satisfied with what he had done because the reaction and behavior of the people were not cooperative. The peasants sometimes blocked the master's path, sometimes led a herd of horses into the master's garden and threatened anyone who dared to drive them out. Contempt and anger were often felt between serfs and their masters.

Pisarev saw the great merit of Turgenev in that. Despite his views, the Turgenev was able to reflect the historical truth, saw in the 'Bazarov' the leading force of Russia. It is also interesting that the writer, creating the image of a Democrat-Raznochinets Bazarov, by his own, felt sympathy for the hero. Turgenev wrote: "If the reader does not love Bazarov with all his rudeness, heartlessness, ruthless dryness and sharpness - if he does not love him, I repeat - I am to blame, and I have not achieved my goal". It should be noted that the very Russian reality of that era required the prominence of the figure of raznochinets, and a true image of life was the main artistic principle of Turgenev, who in the article about 'Fathers and Sons' wrote the following: "to accurately and strongly reproduce the truth, the reality of life, is the highest happiness for a writer, even if this truth does not coincide with his own sympathies". Dmitriy Ovsyaniko-Kulikovskiy in book 'Sketch of the work of Turgenev' divided artistic creativity into subjective and objective, saying that it is the author's desire to reproduce such types and characters that are alien to the artist or completely opposite to him. The literary critic spoke about the author of 'Fathers and Sons' as he is the greatest representative of subjective creativity is Turgenev.

In the novel, there is no such character that would have the right to trial Bazarov. Pavel Petrovich, although in opposition to Eugene, is not his judge. In this regard, we dare to assume that a kind of trial of Bazarov was performed by Turgenev himself. By 'killing' his hero, he showed that the time for the implementation of Bazarov's ideas has not yet come. Turgenev's certain sympathy for his hero-raznochinets and the desire to justify him does not mean that the writer believed in Bazarov's 'victory'. Turgenev casts a tragic shadow on his character and considers the hero doomed to death. Bazarov's death, according to the plot, is accidental and at the same time heroic (opening the corpse of the deceased from typhus, he becomes infected himself). The writer did not reveal the

prospects of Bazarov's tomorrow and left him on the threshold of the future because the main thing before us is not the hero of the future, but the figure of the present.

Here we consider it proper to mention the assessment of M. A. Antonovich, who saw in the novel 'Fathers and Sons' exclusively liberal views of the author and his polemic with revolutionary democracy. The critic assessed the work as a gross reactionary lampoon directed against the young democratic generation. Antonovich writes in his article 'The Asmodeus of our time' (1862), that he saw in the novel a reconciliation of Turgenev's personal accounts with representatives of the younger generation. He writes that Turgenev despises and hates his main character from the bottom of his heart, still he considered Bazarov a bold and self-confident man.

Turgenev was upset that Bazarov's character was called a caricature, although it is rather tragic. The writer's annoyance at this is quite fair: there is absolutely no caricature in Bazarov. Everything that happens to the hero can cause the reader to sympathize with him. Bazarov's death is a final chord in the creation of a tragic image. As some might have assumed; Pavel Petrovich, it would seem, a character closer to Turgenev, also dies, but not physically, but spiritually. Probably, Turgenev wanted to show that both sides - the radical (Bazarov) and the liberal (Pavel Petrovich) - did not unite (which the writer himself wanted in life) and, subsequently, turned out to be unviable.

Having conducted a fairly detailed analysis of the image of Bazarov and the circumstances under which the novel 'Fathers and Sons' was written, it can be noted that Bazarov's detachment from other characters, his loneliness, first of all, shows a certain intermediate social status of *raznochintsy*, and there is no unity with either the class of nobles or the common people. To some extent, this also refers to the fact that Turgenev himself, during the years of preparation for the peasant reform, failed to enlist the support of either the intelligentsia or the people.

Bibliography:

Freeborn Richard Turgenev at Ventnor *The Slavonic and East European Review* Vol. 51, No. 124 (July 1973)
Spengler, Oswald. *The Decline of the West*. V. 1, Alfred A. Knopf, 1926
Turgenev I., *Sochineniya*, XIV, Moscow: 1955

Алексеев М.П., Добрынин М.К., Пруцков Н.И. История русской литературы в 10 т. Том восьмой: Литература шестидесятих годов: ч. 1.2. М.-Берлин: Дирест-Медиа, 2014.

Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Этюды о творчестве И.С. Тургенева. – Харьков : тип. и литогр. Зильберберг, 1896

http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1894_05_turgenev_i_tolstoy.shtml
(22/12/2022)

<http://russkay-literatura.ru/analiz-tvorchestva/34-turgenev-is-biografiya/105-tochno-i-silno-vosproizvesti-istinu-svoeobrazie-turgene-romanista.html> (23/12/2022)

<http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/lebedev/turgenev-22.htm> (21/12/22)

https://orient.spbu.ru/books/actual_problems_turkic_studies_180/311/ (23/12/2022)

<https://studfile.net/preview/8117695/page:2/> (10/01/2022)

Katz:

<https://fayllar.org/michael-r-katz-middlebury-college.html?page=16> (20/12/2022)

Continuity and change in folklore: contribution of Russian scholars to the discussion of folklorism in postwar Germany

Aniket Vaibhav

Assistant Professor (German)

Amity School of Languages, Amity University, Haryana

aniket09@gmail.com

Abstract: Although the pursuit of the authentic has intrigued the scholars of folklore since its inception as a scientific discipline during the 19th century in Germany (Bendix 1997), however, the debate of differentiation between the 'folk' and the 'fake' gets exacerbated around the 1960s as scholars seek to analyse the effects of the Second World War on the disciplinary practices. Hans Moser (1954) coins the term "Folklorismus" around this time, and defines it as second hand mediation and presentation of folk culture. Although there was lack of elucidation on the part of Moser to define what the term second hand meant, his ideas engendered a vigorous debate among scholars. Hermann Bausinger (1969) joined the debate and defined the second hand, as a context foreign to the original tradition. These discussions are important for our understanding of the socio-cultural, medial transformation that was taking shape across globe after the World War II. A process often characterized as globalization. How did the new media shape the contours of folklore? Were they constraining, contaminating for the flourishing of folklore or did they facilitate a transformation of the discipline and the subject matter both?

Keywords: Folklore, Folklorism, Germany, Russia, World War II

Drawing arguments from the research of Guntis Šmidchens (1999) on Viktor Gusev as well as from my own reading of the ideas of Vladimir Propp, taken mainly from his significant book *Theory and History of Folklore* (1997), this paper traces the role of Russian folklorists to the debates on the influence of the structural changes on folk and their lore that reinvigorated the distinction between the genuine and the spurious in academic circles. It argues that the Russian folklorists, if their ideas preceded the coinage and discussion of folklorism in Germany as shown by Šmidchens, paved the way for evaluating these changes not as contaminating, as was the general perception but as carriers of transformation. To that end, this paper is divided into three parts. The introductory part offers brief overview of the systematization of folklore as an academic discipline in Germany during the early 19th century. It ends with highlighting the existential crisis which the discipline has to face in the aftermath of atrocities committed by the Nazis. In the next

section the re-emergence of this debate during the 1960s in the backdrop of the Second World War and its geopolitical consequences will be critically analysed. The last and concluding part will discuss the role of Russian folklorists like Viktor Gusev and Vladimir Propp in widening the understanding of the difference between the folk and the fake. This section will also shed light on the relevance of carrying out the present research in the context of the contemporary discussions about decolonizing academic practices. The questions that provide this paper with the basic framework for analysis read: Does it matter to discuss the distinction between the folk and the fake in current times? And if it does matter, then in what sense vis-à-vis why?

Considered to be the Golden Age of Folklore, the early 19th century experienced a huge collection of folk materials-tangible and intangible both- across continents. The British Empire is a prime example of this transcontinental enterprise with regard to folklore during the 19th century and there is hardly any parallel to the humongous corpus it generated and archived. Scholars, and also administrators in the context of the British Empire, developed various scientific strategies, including anthologies, encyclopaedias, surveys, and translations to study, what has been termed as the traditional cultural expressions (TCE) of people in the parlance of the various dossiers and conventions of the UNESCO.

I. As far as Germany is concerned, the questions of certain fix point or a father-figure as the initiator of folklore studies is still contested. Some scholars give credit to Herder, whereas others grant Brothers Grimm this status. Andreas Hartmann terms this enterprise of finding a fix point or a father figure to be misleading, and thus, to be futile. Worthwhile, therefore, is to investigate the contribution of all these scholars with regard to the debate their ideas engendered.

If not as the father figure, then certainly as one of the foremost influential thinkers, Herder brought the issues of folk and their lore into the mainstream debates of his times. His ideas were quite centripetal, in that the voices of the marginalised community lying on the periphery of the society thus far found their reverberations at intellectual epicentres through various emerging forms of Mass-Media and communication at that time. Like Museums, Salons, and Universities to name a few. These spaces, either individually or combined with others, facilitated the creation of a new kind of space, that later came to be studied as “Public Sphere”, or “Public Culture”.

Inspired by the ideations of Giambattista Vico, who himself offered a new science which was critical of the objective, scientific way of inquiry itself, Herder through his writings conceptualized a 'poetic scientificity' which offered space for the peripheral, the miniscule, the immeasurable to flourish, and in turn then, can offer the researcher an insight into the ways human beings negotiate through multifaceted exigencies in their day to day life. In the course of his discussions Herder coined the terms like 'Volks poesie'; attempted at defining what vis-à-vis who constitutes folk. Although his description of 'Volkskpoesie' is full of details, but his tangential treatment of the definition of folk and folklore doesn't offer any substantial ground in this debate.

The same line of thought is carried forward in the writings of the Grimm Brothers. They also published collection of folk- and fairy tales spanning over eight editions during the period of 1812-1857, and making significant changes in the process. Jack Zipes () and Heinz Rölleke () have done detailed study of the meaning as well as reason behind these editions. Suffice it to summarise here, that the concern of genuine and spurious in folklore remained in doldrums.

Further on, two more prominent figures in German folkloristics, namely W H Riehl and Hans Naumann, brought in paradigm shifts pertaining to the debate of the folk and the fake in the discipline. W H Riehl, quite like a status-quoist, sought the roots of folklore in an antiquated past prevalent among the peasantry. His concept of the four S (Stamm, Sprache, Siedlung, und Sitte), which in his opinion are quintessential prerequisite for the understanding of the folk and their lore, substantiates that. What Riehl failed to accommodate in his writings is the overall structural transformation taking shape, the contemporaneity of his times.

Although Naumann takes the on-going transformations into consideration, but his conviction that the credit of folk creativity must go to the mainstream culture, as it trickles down from the upper strata towards the lower strata of the society irrespective of what constitutes this stratification, be it caste, gender, race, religion or simply the place of one's belonging, turns the discourse on its head. In contradistinction to the long line of thought from Herder to Riehl, which has been quite appreciative of the life and lore of the common people and claimed them to build the core of other artistic expressions, including the high-culture, experienced a rupture through the introduction of the ideas of Naumann.

It was this misconception of Naumann that folk creativity emanates from the high culture offered a loophole in the understanding of folk, which then led to fatal appropriation of the folk at the Hands of the Nazis. It was argued by scholars later that this misappropriation by the Nazis was never forced, as the ideas propagated over the period of last 50-60 years in folklore themselves were quite concomitant to the commitments of the Führer. The discipline of folklore was misused to an extent that it faced an existential crisis immediately after the World War II. Sadhana Naithani in her book *Folklore Theory in Post war Germany* adumbrates the prominent reasons that posed challenges in front of the discipline in Germany after the war with regard to its continuity. The question that lay at the centre of academic deliberations was whether to discontinue the enterprise of folklore or to continue it in order to transform it from within.

II. Like the metaphor of the mythical bird Phoenix, the Post war Germany society had to rise again from the rubble, not to mention folklore as a discipline. Paradoxically, a society which was tired of remembering had to come to terms with an atrocious, anguishing past. As far as folklore is concerned, although a critical assessment of the pitfalls in the discipline started right after the end of the Second World War, that too initiated by a sociologist and not a folklorist. But these scholarly contributions during the first one and half decades primarily offered analyses of what needs to be done, they fail to suggest measures as to how it needs to be done.

It is only during the 1960s that, partly inspired by the socio-political transformations taking place in outside wider world and partly by the intellectual interventions carried out within the discipline of folklore, a major tectonic shift with regard to thematic universe takes place. It is also the time when suggestions are made by scholars like Hermann Bausinger to enrich the epistemological horizon of folklore by incorporating aspects of it which, due to puritanism, have lied outside of academic deliberations for long. The discussion of technology and its role in propagating myriad mutations of folklore by Bausinger is a prime example of one such aspect.

Although Bausinger made significant contribution to the study of folklore, his ideas however, couldn't move the discourse of the distinction between the genuine and the spurious much. One area where Bausinger

lacked clarity was elucidating his ideas about the concept of authorship, considered to be one of the quintessential features of folklore.

Since in folklore as well its studies the focus for long has been on the rural, the real time face to face communication, and thus on the orality. As a result, whatever lay beyond the boundaries of the rural, the real time, or the oral was not to be entertained as folklore. This kind of an attitude, which is studied by scholars like Charles Briggs or Stephan Zeitlin under different nomenclature, is quite constraining on the part of the practitioners of folklore, academic and public both. The belief in rurality as the place and peasantry as the people to be the harbinger of folklore reluctantly recognised new genres emerging through interaction with various upcoming media at different junctures. That meant meaningful negotiations that the folk had made with their surroundings, including media, were not registered in academic discussion. And this is precisely where the role and relevance of the Russian folklorists come to the fore. For they sought to highlight how medial transformation- from oral to print or from analogue to digital- has blurred the boundaries between the folklore being performed in its primary, face-to-face context and its various representations, including the academic discussions.

III. In order to grasp the importance of Russian scholars like Gusev and Propp in the development of overall discourse of folk and their lore in Germany, a discussion of their ideas and the discursive displacement which they engendered becomes imperative. As mentioned earlier, the salient contributions of Russian scholars come only after WWII to the fore. The two thinkers, Gusev and Propp, help quench major theoretical dilemmas. On one hand Propp distinguishes between the folklore of the first order and the second order, on the other hand Gusev throws light on the various possible mutations of folklore with an emphasis on the relevance of their study. Thus, the Russian scholars offered some critical conceptual arguments to expand the horizon of folklore than to restrict it.

A befitting question to end this conclusive section can be: Why does it matter for me, an Indian student, discussing the contribution of Russian scholars in the development of some important line of thought in folklore in Germany? The answer to this question lies at the core of the on-going debates about decolonization. Coloniality, simply put, is a state of confiscation of material and immaterial properties by the so called superiors from people whom they consider inferior. Decolonization, then, is a process of consciously taking the place of people, including

researchers into consideration. It is only through a heterogeneous approach to the academic enterprise that can guarantee and safeguard a sustainable, peaceful future for the coming generations.

As is well documented, Europe served as the locus classicus for the matters pertaining to folklore, as it is the place from where majority of the influential intellectual interventions regarding the discipline came from. But it was not the only place to do so. Recent research by Naithani and Briggs argues that there were many places, including India, where institutionalized folklore was flourishing at par with the European thought tradition. Therefore, they plead for a multigeneological perspective encompassing as many examples as possible that went into rejuvenation of folklore. This paper is to be understood as one such humble attempt, where by bringing multiple perspectives in to play, it has shown how it is always worth to refer the neighbour, be it a country or a discipline for that matter, to gain deeper insight into the problems at hand. And what better way can there be to emphasise this transcontinental collaborative possibility as well as potential, if not this paper.

References Cited:

- Bendix, Regina. (1997). *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Bausinger, Hermann. (1969). Folklorismus in Europa: Eine Umfrage, In: *Zeitschrift für Volkskunde* 65:1-8.
- Briggs, Charles L. (2008). Disciplining Folkloristics, In: *Journal of Folklore Research* 45: 91-105.
- Briggs, Charles and Naithani, Sadhana. (2012). The Coloniality of Folklore: Towards a Multi-Generational Practice of Folkloristics, In: *Studies in History* 28: 231-270.
- Moser, Hans. (1954). Gedanken zur heutigen Volkskunde. Ihre Situationen, ihre Problematik, ihre Aufgaben, In: *Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde* 23: 208-34.
- Naithani, Sadhana. (2014). *Folklore Theory in Postwar Germany*. Jackson: University Press of Mississippi
- Propp, Vladimir. (1997). *Theory and History of Folklore*. Translated into English by Ariadna Y. Martin and Richard P. Martin. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Šmidchens, Guntis. (1999). Folklorism Revisited, In: *Journal of Folklore Research* 36:51-70.

Reception of Tolstoy in Japan - An Introduction

Dr. Arpita Paul

Assistant Professor
Department of Japanese
Bhasha-Bhavana, Visva-Bharati
arpita.paul@visva-bharati.ac.in

Dr. Subhash Kumar Thakur

Assistant Professor of Russian
Centre for Modern European Languages,
Literature and Cultural Studies
Bhasha-Bhavana, Visva-Bharati
sk.thakur@visva-bharati.ac.in

Abstract: Tolstoy's influence on Japan was significant and multifaceted. In the late 19th and early 20th centuries, Japan experienced a period of rapid modernization and Westernization, which led to a growing interest in European literature and philosophy. Tolstoy's works, which were widely translated into Japanese, profoundly impacted Japanese intellectuals, especially those interested in social reform and pacifism. His realistic and psychological approach to fiction, as well as his emphasis on ethical and social issues, was highly influential on Japanese intellectuals such as Tokutomi Sohō, Tokutomi Roka, Kinoshita Naoe, Kitamura Tōkoku, Natsume Sōseki, Kawabata Yasunari, Arishima Takeo, Anesaki Masaharu and Kōtoku Shūsui. This paper is an attempt to shed light on how Tolstoy's moral and spiritual aspects of human life, realism and psychological depth, pacifism and social critique, literary techniques, and narrative structure resonated with Japanese writers who were grappling with the rapid changes and uncertainties of modernity.

Keywords: Russo-Japanese war, pacifism, socialism, *narodniki*, *shirakaba-ha*

As Japan stepped out of nearly 250 years of silent vigil in the far reaches of the Pacific Ocean, phasing out the Shogunate world, the rapid introduction of Western technology, literary theories, and ideologies began shaping a new Meiji State. Russian cultural presence in the shaping of modern Japanese transnational intellectual, cultural, academic, and artistic production was immense. With the establishment of a modern education system, Japan looked to Europe and Russia for inspiration and ideas, leading to the translation of foreign literature in abundance. Among Russian writers, Dostoevsky, Anton Chekhov,

Maxim Gorky, and Nikolai Gogol were the most popular. However, Leo Tolstoy saved a special place amongst Japanese intellectuals.

One of the primary reasons for Tolstoy's influence in Japan was the translation and dissemination of his works. In the late 19th century, Japanese scholars and intellectuals were actively engaged in translating Western literature. These translations introduced Japanese readers as well as the intellectual circle of the times to Tolstoy's storytelling prowess and philosophical ideas.

Tolstoy's essay "Bethink Yourselves" (1904) was first published in Japanese translation as "Nanjira, Kuiaratameyo" in Heimin Shimbun on 7 August 1904. His novel *War and Peace* (1867) had a significant impact on Japanese intellectuals during the Meiji era (1868-1912). The novel was first introduced to Japan in the late 19th century, and it quickly became popular among the intellectual elite. One of the reasons for the novel's popularity was its themes of individualism and self-reliance, which resonated with the Japanese as they navigated the transition from feudalism to modernization. Tolstoy's journey as a social reformer was deeply intertwined with his personal struggles. Despite his noble birth and wealth, he felt a profound dissatisfaction with his time's societal norms and inequality. Tolstoy's intellectual and spiritual quest led him to challenge the existing order and advocate for radical change. His ideas were disruptive and aimed at upending the established power structures and injustices in Russian society.

Tolstoy's critique of the aristocracy and the military also appealed to Japanese intellectuals who were critical of Japan's own social and political hierarchy. They saw *War and Peace* as a warning against the dangers of imperialism and war, influencing their views on Japan's role in the world. It would not be wrong to say that in a time when the world was deeply engaged in power-play, Tolstoy emerged as a messenger of peace whose influence was felt across the globe. His book *The Kingdom of God is Within You* (1893) was read by Gandhi in 1894, and the ideas of love, forgiveness, and non-resistance to evil mentioned in the book had a profound impact on him. Tolstoy's rejection of the trappings of wealth and privilege and living a life of simplicity became a model for Gandhi, which he saw as a "source of illumination" in his autobiography (Shifman).

The Russian writer's ideas on nonviolence and social justice were incredibly influential in Japan. His belief in non-resistance to evil and the rejection of violence as a means of resolving conflicts resonated with many Japanese intellectuals, who were opposed to Japan's militaristic government and its aggressive foreign policies. Tolstoy's ideas on nonviolence directly impacted the development of pacifism in Japan, which became a central feature of the country's post-World War II identity. Japanese writers were inspired by his works and sought to emulate his style and themes. In the late 19th century, translations of Leo Tolstoy's works began to circulate in Japan, introducing his fiction, philosophy, and accounts of his life to Japanese readers. This availability of Tolstoyan literature had a profound impact on the younger generation of intellectuals in the early 1900s. Tolstoy's ideas on the individual, religion, society, and politics resonated with these individuals, leading to a surge in his popularity among Japanese youth.

One significant aspect of Tolstoy's influence in Japan was his emphasis on the peasantry and agricultural reform. Although he had tried more than once before the Emancipation of 1861 to free his serfs, without success for one reason or another, he did not want them to cease being peasants. He was as enamored of the peasant life as he was of the countryside itself (Green). This focus appealed to the Japanese intellectuals who were already inspired by the *narodniki* lifestyle, a Russian populist movement that advocated for the rights and welfare of the rural working class. Tolstoy's works provided a further impetus for these individuals to delve deeper into the issues facing the peasantry and explore potential solutions. Eto Tekirei (1880-1944) was a budding intellectual who, under the strong influence of "Tolstoy current," abandoned his studies of law and politics in 1906 to become a farmer. He went to the extent of taking up residence in the village of Takaido in the Musashino and practicing Tolstoyan life to the fullest while incorporating Buddhist and Christian elements into his thought in his new home, Hyakushō Aidōjō (Farmer's Institute of Love) established in 1910 (Shields).

Mushakōji Saneatsu (1885-1976), founder of the Shirakaba movement, too was an ardent Tolstoyan pacifist who opposed the Russo-Japanese War and also founded the agrarian commune Atrashiki Mura (New Village) in 1918. (Maya, 2004) Mushakōji's introduction to Tolstoy was through a Japanese translation of *The Kingdom of God Within* by Katō Naoshi in his maternal uncle, Kadenokōji Sukekoto's library (Mortimer).

Saneatsu self-published his first book, “Arano” (Wilderness), in April 1908. In the collection of essays in “Arano” (Wilderness), Tolstoy’s name is scattered throughout several of them. In the essay “The Value of Humanity” (June, 1907), the Russian writer is described as “Leo Tolstoy, who is considered the greatest living man of our time.” Additionally, the essay “The Power of Justice” (July 1907) states, “We do not believe that we can achieve the establishment of the laws of justice through revolutionary strikes. We cannot approve violence as a means to counter violence. The only way to overcome evil is through goodness (Hosomi).” These statements reflect Mushakōji’s humanism deeply influenced by Tolstoyan ideals.

Also, Tolstoy’s female protagonist Anna in *Anna Karenina* (1877) is known to have inspired the portrayal of “Yoko,” who is considered the embodiment of the “New woman” in the novel of feminist Arishima Takeo (1878-1923), *Aru Onna* (1919). However, the extent to which Anna’s image in *Anna Karenina* influenced the character of Yoko is a subject of discussion among literary scholars and critics. The degree of influence may vary depending on the interpretation and analysis of each researcher, as it involves the nuanced relationship between two literary characters created in different cultural and societal contexts.

The achievements of Min’yūsha, the Tokyo publishing company of Tokutomi Sohō (1863-1957), in introducing Tolstoy and Russian literature in Japan are also well-known. Tokutomi Sohō continued to play a significant role in introducing Western ideas into Japan, and his company published monthly pamphlets introducing new foreign-language books. In this work, his association with Fukai Eigo (1871-1945) is important, whose initial work in Min’yūsha was to read English-language books and write Japanese synopsis (Helen Hardacre). Fukai also wrote articles on foreign countries for Sohō’s *Kokumin Shinbun*. In the spring and summer of 1896, Fukai took his first trip to America and Europe as Sohō’s interpreter and assistant (Helen Hardacre).

From the fact that Sohō visited Tolstoy in Russia in 1896, it can be understood that Sohō developed a fascination with Tolstoy before Tokutomi Roka (younger brother of Sohō), another passionate Tolstoyan, did. After Sohō’s visit, it inspired the decision to include “Tolstoy” in the previously extended “Twelve Literary Figures” series. *Jūni Bungō* (Twelve Literary Masters) was one of the nooks published in a series published in the 1880s and 1890s by Min’yūsha. Among the

foreign literary masters included in the book, which was compiled by Kitamura Tōkoku, Tokutomi Roka, and Yamaji Aizan, were Carlyle, Macaulay, Wordsworth, Goethe, Emerson, Hugo, and Tolstoy. On the other hand, the five people honored as Japanese literary masters were Ogyū Sorai, Chikamatsu Monzaemon, Arai Hakusei, Rai Sanyo, and Takizawa Bakin (Bourdagh).

In *Junrei Kikō* (A Pilgrim's Travel Diary) (1906), Roka wrote about his special five days spent at Yasnaya Polyana, the former home of Tolstoy, and his memorable interactions with Tolstoy that were to influence the rest of his life. For Roka, writing "Tolstoy" was different from the work of translation or introducing Western figures. It was the first time he engaged in it voluntarily and joyfully, approaching the task with enthusiasm. The writing took place in January 1897, just after Roka had moved to Zushi as a fresh start, seeking a new beginning. In April of the same year, "Tolstoy" was published by Min'yūsha. The work, titled *Torustoi*, consisted of a biography, plot summaries, and commentaries on Tolstoy's childhood, boyhood, and youth, *The Cossacks* (1863), *War and Peace*, and *Anna Karenina* (1878), as well as a brief account of short stories written during and about Tolstoy's days in the military. Regarding his impressions at the time of writing "Tolstoy," Roka expressed the following in the magazine "Fuji." "No matter how you look at it, he is a person who shares the same mold. Despite the difference between Japan and Russia, we are not strangers. In this honest, self-centered, and conflicting Russian man, I was able to find a part of myself. It was a pleasure to see an expanded self in him" (Komiz)

Roka aspired to emulate their way of life and character, seeing them as ideals to be practiced. It is evident in Roka's later life that he was significantly influenced by Tolstoy's way of life, even more so than his literary works. "Roka's socialism was a means of denouncing the irrationality of society from the perspective of the underprivileged. It can be seen as synonymous with humanitarianism. Indeed, during that time, many advocates of socialism were also Christians, and there were also individuals involved in the Freedom and People's Rights Movement who supported socialism.

One of such figures was Kitamura Tōkoku (1868-1894). In his brilliant essay "Tolstoy" (1893), Tōkoku has tried to perceive him through various perspectives: Tolstoy who belonged to Russian Farmers, Tolstoy's Christianity, Count's Morality, Count's Opinion on War, and Tolstoy's

Simplicity. It is interesting to note that this perspective also sheds light on Tōkoku's personal experiences as he had while he was an active member of jiyumin ken undō, his shift from politics to literature, his association with the farmers and peasants of Odawara, and his intellectual trajectory towards transcendentalism. Tōkoku came to advocate pacifism through a search for individualism in the strongly group-oriented society. He advocated for world peace more than a decade before the Russo-Japanese War. Though he would not survive to see the blooming of the seeds that he had sown, his prolific writing would trigger the intellectual community to be genuinely concerned with war and peace. In co-operation with Katō Kazuharu (1861-1932), Tōkoku established the first peace society in Japan, The Nihon Heiwa-kai, in November 1889 and became editor-in-chief of the society's journal Heiwa (Peace). His 'no war' sentiment was similar to Tolstoy, who condemned all wars as 'the universal stupefaction and brutalization of men.' Tōkoku had a profound influence on many younger poets and novelists in the Meiji period. During his brief stint as a teacher at Meiji Women's College after graduation, Shimazaki Tōson (1872-1943), a very close friend and an admirer of Tōkoku, preached his spiritual ideals to his students.

Tōson witnessed four wars during his long and prolific career. His work Hansenshi (anti-war poetry), titled Nōfu (The Farmer, 1898), identifies him as a writer after Tōkoku, who expressed his opposition to war. Miyazaki Koshoshi (1864-1922), thought to have influenced Tōson, was an advocate of pacifism, used imagery from the natural environment, and wrote poems opposing war with greater emotional intensity and euphonious flow. These poets, like Tolstoy, rejected the romanticized ideals of war prevalent at the time, which was depicted as a noble and heroic pursuit. Instead, they presented war as a brutal and chaotic experience that dehumanizes individuals and creates an atmosphere of violence and despair.

On 25 March 1904, six weeks after war had been declared against Russia, Kinoshita Naoe (1869-1937), whose pacifism was shaped under the influence of Tolstoy, wrote in Mainichi Shinbun that "the loyalty and patriotism that reporters now extol are nothing but cheap demagoguery and cannot be called true love of country." (Rabson)

Naoe paid attention to Tolstoy's activities before and after the Russo-Japanese War, focusing on Tolstoy's developments after a pivotal

moment. For instance, in his commentary titled “War and Religion,” published in the “Mainichi Shimbun” newspaper on November 4, 1903, Naoe evaluated Tolstoy as follows: “The Russian military praising and worshipping God as the Creator of the world, believing that they were using God’s divine power to defeat foreign nations for the sake of Russia, is far from a convenient farce. True believers in Russia regard God as the God of the entire world and all people as His beloved children. Hence, they consider war to be a grave sin against God, and for this reason, they refuse to engage in military service, even at the cost of their lives. Authors like Tolstoy, the writer of “Resurrection,” serve as eloquent advocates who explain this ideology and faith in the most explicit manner”. (Kami)

The anti-war and peace movements during the Russo-Japanese War were, from a broader perspective, the efforts of a very small minority in Japan. However, Kinoshita Naoe’s anti-war and peace ideals were exceptionally robust, as they firmly rejected war and militarism itself. His strong convictions found resonance within Japan and with the original Christian-based ideas of Tolstoy, who advocated for peace within Russia despite being on the opposing side of the conflict. Naoe’s interest in Tolstoy primarily revolved around the Russian Revolution. Furthermore, this interest stemmed from the connection between the Russian Revolution and its interactions with the Russian religious sphere.

Naoe, while tracing Russia’s modernization under Tsar Nicholas II, found it fascinating that there were contrasting perspectives. On the one hand, there were those who submissively worshiped the Tsar as God’s representative, while on the other hand, many people saw the Tsar as the embodiment of evil, akin to an archenemy. Notably, figures like Tolstoy represented a civilized rejection of the Orthodox Church’s barbaric sentiments, and their emergence was by no means coincidental. These barbaric anti-Orthodox Church sentiments and the superstitions against the Tsar could not alone sustain a revolution. However, with the influx of Western academic influences, rational new beliefs and even rational anarchism emerged, as Naoe argued. (Kami)

The significance of examining the Russian Revolution, as perceived by Naoe, can be summarized as follows: “In Russia, there are ignorant masses, as one might observe in places like Japan, but there are also some of the world’s greatest scholars. In Russia, there are loyal and patriotic citizens to an extent rarely seen even in Japan’s history, but

there are also fierce revolutionaries rarely found in history. These two extremes now find themselves competing on the global stage. We must discover lessons from Russia's tumultuous support, or we will not find them." This helps to elucidate Naoe's interest in Tolstoy as a dissident intellectual opposing tourism, stemming from his interest in the Russian Revolution.

The Japanese society, deeply concerned about Russia's imperialistic expansion, watched the course of the Russo-Turkish War with great interest. Information about the Crimean War initially reached Japan mainly through British accounts, and later, Russian literature's narratives took over. Leo Tolstoy's "Sevastopol Sketches" (1855) belongs to this lineage. Still, Tolstoy's influence on socialists, the Shirakaba-ha (White Birch Society), and Taisho Humanists in Japan is prominent, leading to an image of him as the embodiment of pacifism. However, he consistently maintained an interest in war literature and continued to write on the subject. In the "Sevastopol Sketches," his anti-war sentiments are not always explicit. Compared to the representation of the Crimean War in English literature, Tolstoy's notable feature was his tendency to thoroughly separate war from rational concepts. This perspective later joined his pacifist ideas in his later works. (Yokota-Murakami)

While Tolstoy's pacifism influenced Western pacifism, many anti-war activists found his approach discomfiting because Western pacifism was rooted in the rational and reasoned control of warfare. Japanese anti-war activists were more influenced by Tolstoy's anti-rationalism-based pacifist thought. The difference in these pacifist ideals seen in the representation of the Crimean War continued in Tolstoy's ideological development and his reception in Japan from the late Meiji period to the Taisho era.

- i. The Shirakaba movement was a significant cultural and literary movement in Japan during the early 20th century, primarily in the Taisho period (1912-1926). It was named after the literary magazine "Shirakaba" (White Birch), which played a central role in promoting modernism and new ideas in art and literature
- ii. Beshink Yourselfes was first published in Japanese translation as 'Nanjira, Kuiaratameyo' 爾悔改めよ, in Heimin Shimbun, 7 August 1904.

- iii. Sino-Japanese War (1894-95), Russo-Japanese War (1904-05), World War I (1914-18) and World War II (1939-45)
- iv. The Shirakaba-ha was an influential Japanese literary coterie, which published the literary magazine Shirakaba, from 1910 to 1923

Bibliography:

1. Helen, Hardacre. Adam Lewis Kem (Ed.), *New Directions in the Study of Meiji Japan*, BRILL, 1997
2. James, Mark Shields. *One Village, One Mind? Eto Tekirei, Tolstoy and the Structure of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taishoo Japan*, International Research Centre for Japanese Studies, 2014
3. Komiz, Laurence. *Pilgrimage to Tolstoy: Tokutomi Roka's Junrei Kikō*, Monumenta Nipponica, Vol. 41, No.1, 1986, pp. 51-101
4. Kublin, Hyman. *The Japanese Socialists and the Russo-Japanese War*, The Journal of Modern History, Vol. 22, 1950, pp. 322-339
5. Martin Green, *Tolstoy as Believer*, The Wilson Quarterly (1976-), Spring, 1981, Vol. 5, No. 2 (Spring, 1981), pp. 166-177
6. Michael K Bourdaghs. *The Linguistic Turn in Contemporary Japanese Literary Studies: Politics, language and Textuality*, Centre for Japanese Studies, University of Michigan, 2010
7. Noriko Hosomi, Ph.D. Thesis, *An Exploration of the Early Works by Roka Tokutomi: A Background of Establishment and Oeuvres of Natural Theology*, Department of Humanities, Jeju National University Library, December 2014
8. Numano, Mitsuyoshi. *The Role of Russian Literature in the Development of Modern Japanese Literature from the 1880s to the Present: Some Remarks on Its Peculiarities*, Journal of Contemporary Literary and Cultural Studies, Vol. 6, The School of Humanities and Sociology and the Faculty of Letters at the University of Tokyo, 2009, pp. 333-339
9. Shield, James Mark. *Future Perfect: Tolstoy and the Structures of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taishoo Japan*, Religions, Vol. 9, MDPI, 2018, pp.1-12
10. Shifman, Alexander. *Tolstoy and India*, Sahitya Akademi, 2017
11. Sho, Konishi. *The Nonwar Movement in the Russo-Japanese War: The Invention of the People without the State*, (Book Chapter in *Anarchist Modernity*), BRILL, Harvard University Asia Centre, 2013, pp. 142-208
12. Steve Rabson, *Shimazaki Toson on War*, Monumenta Nipponica, Vol. 46, No. 4. 1991, pp 453-481
13. Tolstoy, Graf Leo. *Bethink Yourselves: Tolstoy's Letter on the War Between Russia and Japan*, Hammersmark Publishing Company, 1904
14. 上 保宏之、『日本における初期社会主義とトルストイーキリスト教社会主義者木下尚江・野上富治の検討を通して・その1』、人文科学論集。人間情報学科編、33号、信州大学人文学部、1999年、頁91～105 (Yasuyuki Kami, *Early Socialism and Tolstoy in Japan: Through an Examination of Christian Socialists Naoe Kinoshita and Tomiharu Nogami, Part 1*, Humanities Journal, Department of Humane Informatics, No. 33, Shinshu University, Faculty of Humanities, 1999, p. 91-105)
15. 溝淵 園子、『戦争が描く『コーカサスのとりこ』 日露戦争期の日本におけるトルストイ受容の一

面』熊本大学文学部、寺田光徳編、日仏国際ワークショップ 国際化時代の異文化受容、広島大学、頁107～119 (Sonoko Mizobuchi, War Depicts the Capture of the Caucasus: An Aspect of Tolstoy's Reception in Japan During the Russo-Japanese War, Department of Literature, Kumamoto University, edited by Mitsunori Terada, Japan-French International Workshop: Intercultural Reception in the Age of Internationalization, Hiroshima University, p. 107-119)

Indo-Russian Cultural Relations: Cultural Relativism in Russian and Indian Literature with special reference to the Folktales of Tamil Nadu and Russia

Dharani Rathnasamy

Professor

Department of English of Government Arts & Science College,

Avinashi, Tamil Nadu

akilmohanrs@yahoo.co.in

Abstract: Russia, the country which is vast spread in the Eastern Europe, is the land of rich cultural heritage and tradition like the peninsular India. The Indian terrain had been ruled by many invaders from alien lands and magnanimous kings from within. India too stands as an emblem of long tradition of art and culture. It would be highly fascinating to learn the cultural relationship of these colossal nations through the possible ways. For any academician, literature would serve as the right platform to explore such aspects of culture, art and values. The research paper makes an attempt to analyze the similarities to be noted between the folktales of Russia and Tamilnadu (One of the Southern States of India where Tamil is the spoken language). Being a part of literature, folktales can be the springboard to lead the readers to different areas of Cultural Studies of the nations the tales belong to. Tales from Russian Folklore: New Translation by Alexander Afanasyev (Author), Stephen Pimenoff (Translator) and Moral fictions: Tamil folktales from oral tradition by H Stuart Blackburn (Author) are the two books which have been utilized as the primary source for the research paper.

Keywords: Cultural Relativism, Folktale themes, Tradition-bound, family values, Collective Unconscious, myths, Archetypal characters

The Cross-Cultural connectivity facilitates people from diverse cultures to share special relationships that could concede, esteem and help to appreciate the wide-ranging lives of the entire humanity across the globe. Apparently, when the Homo sapiens evolved, some basic sets of norms were created in the beginning of civilization in order to regulate and monitor the lives of their ethnic groups which could have been named as “Culture” in totality. In this view as the base, the term “Cultural Relativism” has been widely used in the recent times which actually paved the way to the understanding of any new culture on its own terms and not to make judgment using the standards of an outsider’s culture.

Russia, the country which is vast spread in the Eastern Europe, is the land of rich cultural heritage and tradition like the peninsular India. Russian culture has an extensive cultural history, expressed in literature, ballet, painting and classical music. The country has great cultural past, from its meaningful folk tales to its ornate spiritual symbols. Russian literature, with writers such as Leo Tolstoy, Anton Chekov and Fyodor Dostoevsky are still being prescribed in the curriculum of many universities and colleges in India and other countries too.

In the past, the Indian terrain had been ruled by many invaders from alien lands and some magnanimous kings from within the country as well. India too stands as an emblem of long tradition of art and culture. It would be highly fascinating to learn the cultural relationship of these colossal nations through the possible ways. For any academician, literature would serve as the right platform to explore such aspects of culture, art and values. Here too, the research is done with the aid of the folktales of these two remarkable lands.

India, being a secular and sovereign land, has an assorted variety of languages, customs, art forms, unique kinds of music and dance, architecture and traditions. Among the division of the county into 28 States, Tamilnadu, the land of Tamil ethnic group occupies the southern part of India where the language spoken is Tamil. This is the only State in India which carries the name of the classical language that is spoken in the land. Starting from earlier times, roughly before 2000 years, a magnificent corpus of great literature had been produced by stalwart poets like Thiruvalluvar, Ilango adikal, Nakkeeran and others who embellished Tamil Language with their enormous contribution of poetry and drama.

Objective of the Study

The research paper makes an attempt to analyze the similarities to be identified between the folktales of Russia and Tamilnadu. Being a part of literature, folktales can be the springboard to lead the readers to different areas of Cultural Studies of the nations the tales belong to. Tales from Russian Folklore: New Translation by Alexander Afanasyev (Author), Stephen Pimenoff (Translator) and Moral fictions: Tamil folktales from oral tradition by H. Stuart Blackburn (Author) are the two books which have been utilized as the primary source for the research paper. Other than those two, some other secondary sources have also been referred to.

Folk Tales- General features

Folk tales are the soul of any nation, as they generally have some sort of elements which are blended with reality and imagination. They carry the national themes along with some additional features that would appeal to the entire humanity such as magic, witch-craft, fantasy and highly incredible events like the speeches of animals and other creatures. Conventionally speaking, the themes revolve around the conflict between good and evil. A nation's religious and philosophical outlooks also could be witnessed in such tales. Originally, when the civilization of the humanity began, folk tales were primarily oral in nature, meant to be sung for the purpose of communication and enjoyment. Later, these folk tales had been collected in the form of books so as to pass on the messages of these sagas to the future generations.

In this connection, it could be detected that the common features like supernaturalism, carnivalesque, and vivid descriptions of natural phenomenon or man-made celebrations are the inevitable features of the tales of Russia and India. Each country offers certain stories which have special reference to its own culture and tradition, and by analyzing such tales as these, cultural relativism could be developed among the nations. Piecing together the puzzle picture of folk tales of one nation, it is possible to create a marvellous portrait of the nation. When two portraits are comparatively researched, more understanding of the customs and culture of two nations could be well presented.

As a part of the Indo-Russian Diplomatic Relations, it would be an ideal prospect to make a comparative analysis of the cultural reflections of Russia and Tamilnadu which would lend itself to a better understanding of the cultural and societal similarities through the tales of the soils. Select folk tales of Russia and Tamilnadu have been chosen for the research work based on the predominant features such as the themes, characters (archetypes) and the contemporary significance and social relevance of them in the present scenario.

Themes in Russian Folktales:

The fantasy or magical tales of Russia is known as volshebnaya skazka. These tales contain an assorted variety of characters from animals to kings. Hence, there are a mixture of themes related to the lives and behaviour of these characters. The physical location of the tales adds more advantage to the themes. In the story "Sister Alyonushka and

brother Ivanushka,” the runaway brother and sister pass through a dense forest. Being thirsty, the boy tries to drink water in the spring that they come across. But, the sister prevents him every time, as the water appears dangerous and bewitched by their evil stepmother. This atmosphere and environment of the tale directly add the feeling of fear and uneasiness in the mind of the reader. Apart from the theme of stepmother harassing the children, there exists a fraternal bond between the children. As expected of such tales, finally a prince saves both of them.

The other principal themes of Russian folklore include the adventures of a hero as to be found in “The Death of Koschei, the Immortal.” The awakening of the self is the principal theme in “Vasilisa, the Beautiful.” The juxtaposition of the survival techniques of humans and the upholding of the moral values by the animal kingdom is one such common theme. Like George Orwell’s *Animal Farm*, Russian folktales do display the thought processes of the action-oriented creatures that stand as the role model for the humanity. Tales like “The Cat, the Rooster and the Fox,” “The Wolf and the Goat” and “The Fox and the Crane,” expose the theme of “the survival of the fittest” and the Janus-faced nature of the titular animals.

Themes in Tamil Folktales:

The folktales of Tamilnadu could be categorized under four heads. They are:

Tales of Humans/tribal people/ tales from Indian Mythology

Tales of Animals

Fantasy or magic tales

Tales from the epics

Tamil, being a classical language, consists of infinite folktales with a range of themes from birth to death of human life. Most of the tales carry some common ethical concepts which are suitable to the people with different ways of life. The tales and ballads of Tamilnadu are well connected by the oral tradition of a group of “wandering bards” and the women of the clan *kurati* which means “fortune-telling” women. *Kutrala kuravanji* is the title of the book by Rasapaa Kavirayar in which the focal point is the character of *kurati*. These women were known for their wisdom couched songs with inherent layer of irony. They sing songs in colloquial language in praise of the Hindu deities and mountain gods to endow them with immense wisdom in fortune-telling.

Some other common tales of Tamilnadu spread the messages of moral, social and family values through the plots. Culture-bound proverbs of Tamilnadu carrying equivalent meanings of English proverbs such as “Unity is Strength,” “Straightening a dog’s tail,” “All that glitters is not gold” and “Birds of a feather flock together” have been the core themes of the widespread tales of Tamilnadu. The popular western fantasy folktales like Cinderella and the Snow White and the Seven Dwarfs have also been domesticated with all the culture-bound features of Tamilnadu.

Archetypal Characters: Russian tales

The Russian Literary critic and folklorist Vladimir Propp had classified the characters of the tales under seven archetypal groups. According to him, the hero being the protagonist of the tale and other characters’ actions revolve around his activities. Some important archetypes are as follows:

The hero is the central character of any tale who is the embodiment of all virtuous qualities who is admired for his outstanding achievements and sometimes has superpower to defeat the evil creatures. He is the romantic hero of the princess or a pretty girl of the tale whom he marries finally. In the tale “Tsarevich Ivan, the Firebird and the Grey Wolf,” Ivan happens to be one such archetypal hero who fulfills all the qualities of a classical hero.

The villain can be a human or a monster or some supernatural evil character like a witch or wizard whose sole aim is to harm the hero and his associates ever so as to maintain the impish atmosphere in the tale. These archetypal villains do exist in most of the Russian tales. Yet some stories like “The Fiend” have the villain as the major character who plays the hypocritical role of Dr. Jekyll and Hyde.

The dispatcher is the character who initiates the journey of the hero, coercing him to move from his comfort zone to the dangerous outer world to take up the dangerous ordeals. In the story “The Frog Princess” the Tsar (the father) orders his sons to find his wives which eventually lead the hero to marry the frog princess and encounter further consequences.

Apart from human characters, the Firebird is one of the best-recognized archetypal characters of Russian folklore. The bird has, undoubtedly, an

enchancing appearance. Yet, it has the habit of stealing golden apple from the garden of the king. The king orders his son Ivan to find out the mythical creature. So, in a way, the firebird is the cause of the journey of the hero. Like many other European fairy tales, there are some recurring archetypes of cruel stepmothers and unkind fathers. Baba Yaga, who initially symbolized Mother Nature but later evolved to be partly evil and partly good in many other versions of the same tale.

Archetypal Characters: Tales of Tamilnadu

At the outset, as found in the folktales of Russia, the archetypes like hero and villain do exist in the folktales of Tamilnadu too. Typically, these types of tales from mythology have either a king or a prince to be the hero who performs some great action and become a national hero. As these mythological stories date back to the ancient times, character like Vikramadhithya king whose frequent encounter with the genie in the drumstick tree brings out various interesting tales in the form of riddles and messages. A Guru (teacher) sends King Vikramadhithya on an arduous mission to get a corpse from a dangerous Jungle. The corpse is possessed by a genie named Betal, a harmless but shrewd evil character who loves to tell stories and pose questions to King Vikramadhithya in order to ensure the king's insight and honesty. These tales are in a series and infinite in number.

Super Hero: King Vikramadhithya is the hero archetype who fulfills the norms of being the best ruler. Originally, he was a legendary emperor of ancient India. He is always characterized as an ideal king known for his mercy, bravery, and wisdom.

Mastermind Villain: Though the genie named as Betal appears as the villain in these tales, he, in fact, does the role of a guide and acts as the catalyst for finding many solutions to the issues of life. The genie is the mastermind who never allows the hero to win him over by devising a brilliant, diabolical master plan of posing a series of questions through the tales. This character is a gifted schemer and malicious genius who attempt to defeat the hero mentally as opposed to physical combat.

Animal Archetypes: In the folktales centering the animals, there is a combination of both negative and positive archetypes, just as the human archetypes. Ape and monkey represent the realistic world of India and Tamilnadu where monkeys do exist plenty in number. The tale named "Killing the Monkey-husband" has the character Monkey as the demon

archetype. When Lamb signifies innocence, horse represents super power as in “A hunter’s Story.” Snake archetype is much prevalent in Tamil folktales symbolizing god or goddess as in the case of “Young Nagammaal, the snake-girl.” There are two other specific archetypes of parrot and peacock dominate in some of the animal related tales like “Peacock Beauty,” and “A Thousand Parrots.”

Landscape Archetypes: There were five divisions of the entire land of Tamilnadu, according to ancient Tamil script Tolkappiyam. They are 1. Kurinji (mountainous regions), 2. Mullai (pastoral/ forest regions), 3. Marudam (agricultural/farming lands), 4. Neydal (coastal regions) and 5.Palai (desert). From these central correlation of five landscape divisions, a wide range of archetypal characters have been used in the folktales suitable for each landscape.

Wise women archetype: From the tales of “Kutrala kuravanji” which are the tales of the mountainous landscape Kurinji of Tamilnadu, hails the wise women archetype kurati. These women are sagacious by nature and does the role of soothsayers in the tales. Obviously, they retain the worldly wisdom collected in their wanderings to the point that the major characters themselves in the tales approach them for guidance, solutions and support. Their general acumen may sometimes appear to be supernatural, but much of it is intuitive and obtained from the native tradition and culture.

Wise man archetype: Tenali Raman is an archetypal wise man, though not much old, stands as the symbol of optimism, prudence and intelligence. He appears as the court jester in the time of King Krishnadevarayar. The series of tales involving the political and social happenings of the time of the king along with Tenali Raman are still widely acknowledged as the most wanted folktales of Tamilnadu and India.

The Collective Unconscious or Racial Memory

These selective archetypes mentioned above symbolize the images and mythologies used by the folktale creators, either oral or written, common to both the lands – Russia and Tamilnadu (India). According to Carl Jung, “Collective unconscious” refers to the “racial memory” of the entire humanity, irrespective of the nation they belong to. Folktales of two different lands have some common symbols, myths and characters which might have originated from the primitive myth, rituals and culture

of the nations concerned. Folk tales are mere expressions of these collected residues in the collective psyche of human beings passed on from generation to generation. Apparently, every story-teller or folktale writer is just a part of the total human race that shares primitive culture, ideas, myths, festivals, seasons, flora and fauna, lifestyles, emotions and characters in common. In some contexts, some voids had been created, reasons not known to anyone. In order to fill up those gaps they leave, it is necessary to bring together such tales to compare and contrast the missing clues.

Findings of the Research paper:

Similarities:

There is a good deal of similarities uncovered in the study of comparison of Russian and Tamil folktales. They are as follows:

In both the folktales, the primary purpose is to entertain the readers with the introduction of a lot of interesting characters chosen from both human and animal world, from myths and rituals.

Most of the tales focus on the dissemination of moral, social and family values to the society. They preach candidly to uphold the values of life.

Fascinating unreal characters like fairies, angels, divine spirits and other such good –hearted genies present in the tales of both the lands.

Landscape is highlighted along with the main story line to show the contribution of the setting in the development of the tale. Appropriate characters have been chosen from the specific setting of these tales.

These tales have grand pictorial qualities which would ever enthrall the readers.

Supernaturalism and paranormal activities are the inevitable part of the folktales of Russia and Tamilnadu.

Though the target audience of these folk tales happens to be the children of both countries, indisputably, they fascinate the entire humanity.

Songs, music, dance, celebration of festivals, sharing of food with others are much prevalent in the folktales.

There are some common archetypal characters such as the hero, villain and helper appear in the folktales of both the lands.

Scope of further Study

Cultural relativism is not only the sharing and the understanding of each other's culture, but also to collect the fragments taken from the tales of the soil which evidently might lead to another important relativity between the distant cultures. Since these folk tales are the corpus of the primitive myth and rituals from which many of the modern myths and art forms evolved, more studies have to be initiated to document the richness of the indigenous tales of a nation.

Cultural studies would always lend themselves for any further research. An in-depth study in the same field might open up multiple avenues for the future researchers. A general study on the comparison of the folktales of Russia and Tamilnadu has been made in the paper. In future, there might be studies in the same field, comparing the various factors of folktales like the multiple versions of the same story, visual medium Vs print medium and the comparison of narrative styles could also be done.

Works cited:

- Afanas'ev, A. and Pimenoff, S., 2020. Tales from Russian folklore. 2nd ed. London: Alma Classics, p.45 – 50
- Blackburn, S., 2001. Moral fictions. 1st ed. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, pp.22-27.
- Buck, D., 2005. A Kuravanji in Kutralam. 3rd ed. Chennai: Institute of Asian Studies, pp.45-47.
- Jude, B. and Santhosh, V., 2005. Famous stories of Tenali Raman. Chennai, India: Spider Books, p.4.
- Jung, C. and Hull, R., 2014. The Archetypes and the Collective Unconscious. 1st ed. Florence: Taylor and Francis, p.17.
- Propp, V., 1968. Morphology of the folktale. 3rd ed. Austin, Tex. [u.a.]: Univ. of Texas Press, p.74.
- Russian-crafts.com. 2022. Russian Folk and Fairy Tales - Russian Fairytales - Russian Stories. [online] Available at: <<https://russian-crafts.com/russian-folk-tales.html>> [Accessed 3 August 2022].
- Studies, M., 2022. Vladimir Propp's 7 Character Types and Narrative Theory. [online] Media Studies. Available at: <<https://media-studies.com/propp/>> [Accessed 2 August 2022].
- Vānamāmalai, N., 1969. Studies in Tamil folk literature. 3rd ed. Madras: New Century Book House, p.64

The theme of history and freedom in Vasily Grossman's 'Everything flows'

Irshad Abdulkarim Vadagaonkar

PhD Scholar,

Centre of Russian Studies,

JNU, New Delhi.

irshadruss@gmail.com

Abstract: Vasily Grossman, most of whose important works were either unpublished or published with heavily censored versions during his lifetime, tries to deal with socio-cultural and ideological aspects of Soviet life in his works. His works are very important to better understand the Soviet age under Stalin and have been of interest to the scholars around the world. The themes he employed in his writing varied from Russian history, philosophy, war, human liberty, workers' lives, state ideology, to the most serious issues of his time – the totalitarian regimes. His last, though unfinished, novel *Everything Flows* encompasses almost all the major themes of his writings. In this novel he gives emphasis on the themes of Russian history and freedom and explains the correlation between them. The present research paper deals with the themes of history and freedom in the novel.

Keywords: Grossman, Russian history, Soviet State, freedom, Bolsheviks, Lenin, Stalin, Totalitarian State.

Introduction

Vasily Grossman (1905-1964) was one of the prominent Soviet writers. His last novel 'Everything Flows' remained unfinished and could never get published during his life time. As Robert Chandler tells us, "Few novelists have incorporated more history into their novels than Grossman" (Grossman vii). Written after the arrest of his magnum opus *Life and Fate* by the KGB, the novel became his most radical and anti-totalitarian work. Because its very content and the tone it was not possible for it to get through the Soviet censorship even during the 'Thaw' period. Grossman's close friends succeeded in publishing the novel in samizdat in Germany in 1970 and later during Perestroika times it was published in Russia for the first time in 1989. The first English translation by Thomas P. Whitney came out in 1972. More translations appeared later. The more recent one by Robert and Elizabeth Chandler (2011) is used here for the analysis.

Everything Flows

The subject of *Everything Flows* is post-Stalinist Russia as seen through the eyes of a man from the Gulag camps. The man tries to make out what has happened during his thirty-year absence, to make out the society he witnesses and find for himself a meaningful existence in the post-Stalinist Soviet society. This is a story of a Soviet citizen, Ivan Grigoryevich. In the early years of Stalin's rule, he is arrested and sent to Siberia for expressing his thoughts about freedom and making a speech against dictatorship. He had declared that "any limitation of freedom mutilates a person as surely as an ax blow to a finger or an ear, and that the annihilation of freedom is the equivalent of murder" (Grossman 3). Here, right from the start we can identify Grossman's own thoughts in Ivan's speech. As a consequence of his act, he is expelled from his university and exiled to Kazakhstan for three years. He spends nearly thirty years in different prisons and labour camps. Grossman based his novel on the life of his brother-in-law- Nikolai Sochevets. In 1930, aged twenty-three, he was deported with his elderly parents and sisters from Sochi beyond the Urals. There are not much of events in the novel as there are musings, reflections, reminiscences, and history-telling.

The novel begins with Ivan's return to Moscow after the death of Stalin, where only his cousin's family still remembers him. Ivan, grey haired with bald patch on his head, is well over fifty by now. Nikolay Andreyevich is his cousin and only surviving relative. He is a well-paid biologist who made advancement in life with a lot of compromises with conscience. Over the period of whole three decades when Ivan was in the camps, he never wrote him a single letter. Through memory of Nikolay Grossman briefly sketches a critical portrait of the Soviet postwar years - the campaign against the 'rootless cosmopolitans', 'the 'doctors' plot,' both directed mainly against the Soviet Jews, sudden and unexpected death of Stalin in 1953, and its impact on Soviet society. After the death of Stalin, the country was plunged into a kind of chaos, where the citizens like Nikolay didn't exactly know how to respond to the changing socio-political events unfolding before them.

When Ivan and Nikolay meet, there is not much they can talk about. Nikolay tries to discuss his career, but Ivan poses a straight and an uncomfortable question: Had he sign the letter which condemned the Killer Doctors? Ivan gets to know about the letter in the camp. Nikolay had signed the letter against the Jewish doctors, - which had resulted into the show trial of the Jewish doctors, accusing them anti-Soviet activities. This trial really took place some years before Stalin's death.

The accusation was later acknowledged by Soviet officials as a fabrication. Ivan knows that his cousin was party to a sham accusation, but he doesn't judge his cousin: the latter is judged by his own conscience. All that Nikolay offers in justification is his remark that a new life was born, and they had no choice but to participate in it. He is simply not ready to acknowledge any personal responsibility for what had happened in the past and submits to the higher power. This is one of the first references in Soviet literature to the persecution of Jews under Stalin.

Ivan is invited to stay during night by Nikolay and his wife but he turns down the invitation and goes to Leningrad. Not that Nikolay and his wife wish to keep Ivan at their house for long, as political prisoners returning from the camps were the conscience of the nation, and it was inevitable that the corrupt society would shun them (Popoff 344). In Leningrad lives a woman whom he had been in love with before he was exiled. He hopes to see her once again after these many years. But she had stopped writing him eighteen years earlier. He goes past her house, but could not bring himself to enter and meet her. She is married now. He simply stands by the gate of her house and it seems to him that that while he was in the camps, she was closer to his heart than now. During his three days stay in Leningrad, Ivan accidentally meets the very man - Pinegin-who had denounced him to the authorities in his youth. Because his denunciation Ivan's all youth is destroyed behind the barbed wires. The same person now has prospered in life and climbed to elite of Soviet society through his service to the state. During their talk Pinegin keeps wondering if Ivan knows who denounced him. When, to calm his conscience, Pinegin offers some money to Ivan, the latter looks into the former's eyes 'with sad curiosity,' his look suggests that he knows it all well. As the poetess Akhmatova remarks, "Now the arrested are returning, and two Russias stare each other in the eyes: the ones that put them in prison and the ones who were put in prison" (Reeder 314). Akhmatova's words best express the essence of this meeting in the novel. Through Pinegin's story Grossman illustrates the nature of post-Stalinist society. The state rewarded him with promotions, honors, and a position of power for his services as a secret police informer, who had denounced Ivan and thousands of his fellow countrymen like him. Because of informers like him thousands of innocent people were incarcerated in prisons, among them artists, writers, scientists, doctors, diplomats and other intellectuals.

Pinegin serves as an example of the mediocre party lackey who climbs up the career ladder during the Stalin period by denouncing fellow citizens.

As for the question who is guilty and be held responsible for the senseless loss of millions of intelligent, creative lives in the labour camps Grossman discusses the four 'Judas' categories of the Stalinist era and the different motivations of these 'informers'. He does it through the thoughts of Ivan. An imaginary trial is led against these 'Judas'. But Grossman doesn't make haste in pronouncing judgement on any of these informers. Every time he asks readers, "All the same, let's wait, let's think. Let's not condemn him without thinking ... It is a terrible thing to condemn even a terrible man" (Grossman 65-68). Grossman is against any kind of condemnation of perpetrators of violence without first giving it a proper thought. It is evident that he doesn't approve of judging the perpetrators retributively. He takes altogether a different stand on this, one that seeks to probe answer in the very human nature, when he says, "The State is the earth. If the earth has no grains lying hidden inside it, neither wheat nor tall weeds will grow from it. Humanity has only itself to blame for human filth" (Grossman 74).

Grossman tries to delve deeper into the working of a totalitarian state and society. He doesn't altogether acquit the state for dehumanizing its society, but at the same time he points at humanity's potential for turning evil and corrupt. He tries to give a human face to the work of historical responsibility of the state's atrocities towards its people, and at the same time he establishes its liability. Grossman asserts the collective responsibility for all people, including himself, of the Stalinist history of terrible, inhuman things done in the name and for the sake of State.

After spending some days in Leningrad, Ivan moves to a suburban town and manages to find abode at a middle-aged widow, Anna Sergejevna, whose husband had died in the war. She works as a cook in a canteen. Ivan is taken on as a metalworker in a small workshop that employed the disabled. Here, in these chapters Grossman inserts some glimpse of the labour camp life experienced by Ivan. He reflects and compares the life of labour camps with the life outside through flashbacks. Here it is how he puts it,

There was one profound difference between people living in the camps and people living in freedom. People in the camps stayed loyal to the

time that had engendered them. Different epochs of Russian life lived on in the thoughts, in the psychological makeup of each person. (Grossman 97)

Grossman in detail narrates the social and ethnical composition of the inmates of the labour camps. Though the writer himself never was an inmate of such camps, he had interviewed scores of prisoners returning from the labour camps in the first few years of Stalin's death for his in-depth description. This account of the composition of social strata of Gulag life was penned by him a way earlier than Solzhenitsyn's Gulag Archipelago was written. Ivan, having witnessed the 'free' Soviet society thousands of miles away from the camps, describes it.

People living in freedom, on the other hand, were not marked by any such inimitable signs of their past. In them the past had been erased ... even their sincerest desires all changed submissively and compliantly, in tune with the course of events and the will of their superiors. (Grossman 97-98)

Grossman asserts that the heterogeneity of Russian life, which, ironically the labour camps still had preserved, was replaced by the homogeneity and spatialization of social life under the ideological control of the Stalinist State.

The one more crucial historical event that Grossman deals with in detail in the novel is the forced collectivization and the 1932-33 Ukraine famine. It is narrated through the story of Ivan's landlady, Anna Sergeevna. She was a young Communist activist in 1930, and was sent to Ukraine by the party to carry out the collectivization of farms. This elaborative, vivid account of the forceful collectivization, dekulakization and the horrors and cruelty of that operation ordered by Stalin, and the famine in Ukraine that followed in 1932 which claimed from two to up to five million lives, is one of the first powerful descriptions of these events from Soviet history in Soviet literature and belongs to "the most moving writing on the period" (Conquest 9). Even in the post-Stalin USSR Ukraine famine was one of the Soviet taboos. This famine chapter informed the British historian Robert Conquest in *The Harvest of Sorrow* and provided further evidence for his thesis that the famine was man-made (Popoff 348).

Anna can share her story only with a Gulag survivor. Anna's account of the Terror Famine reads like a requiem; a long monologue which speaks of her own tacit consent in complicity in the brutal dekulakization and

subsequent famine in Ukraine. She tells him how she kept on hearing one and the same thing at the party meetings, on radio broadcasts, in newspapers that the Kulaks were parasites, they purposefully destroyed the grain and murdered little children. The state had convinced them that what it considered as the Kulaks must be annihilated as a class to resolve the problems of the people. Through Anna's confession Grossman portrays how a state propaganda convinced people into believing that some other people were not human being at all. The famine chapter draws parallels between Stalin's campaign to liquidate the kulaks and Hitler's campaign to exterminate the Jews. The author here underlies methods and ideologies of the two totalitarian states (Garrard 141).

And the truth is that I truly didn't think of them as human beings. They're not human beings, they're kulak trash! ... In order to kill them, it was necessary to declare that kulaks are not human beings. Just as the Germans said that Yids are not human beings. That's what Lenin and Stalin said too: The kulaks are not human beings. (Grossman 127)

Anna took active part in the execution of the forceful collectivization and dekulakization of the Ukrainian peasants believing that they were not human beings and did not deserve to live. Such was the influence of the state propaganda on her. Grossman's argument is that any exclusive belief system of any type segregates the people into 'us' and 'other' and it also dehumanizes that 'other' in order to deprive it of its basic human rights. It presents a rationale to treat that 'other' people with cruelty and disregard of human values (Garrard 141).

Nothing much happens really in the novel after Anna's revelation to Ivan. She is diagnosed with lung cancer and soon dies of it. Her brief company was the only happiness Ivan had known in last thirty years. While she is in hospital Ivan writes down his thoughts as an imaginary conversation with Anna. He reflects upon the 1917 Russian Revolution, the role played by Lenin in it, the tragic fate of the Revolution, the fate of Old Bolsheviks, the construction of Soviet State by Lenin and its further development by Stalin, the character sketches of both the Soviet leaders and their correlation with entire Russian History, the unique development of Russian history and Russian progress, the enigma of Russian Soul and the Stalin era purges. And here we can identify Ivan with the author himself. Grossman makes out a case for the history of Russia and its relation with freedom and compares it with that of the West. He points

out a glaring difference between the historical paths of Russia and the West in relation to the concept of freedom. Though from the start of 18th century Russia seemed to move closer toward the West and its culture, thanks to reforms by the Peter the Great, Grossman doesn't consider that Russia actually moved any closer to the West or its culture. Through the reflections of Ivan Grossman asserts that what divides Russia and West is freedom and its adverse relationship with the entire one-thousand-year history of Russian state.

The evolution of the West was fertilized by the growth of freedom; Russia's evolution was fertilized by the growth of slavery. This is the abyss that divides Russia and the West ... Russia has always evolved in a peculiar way; what has evolved has been the degree of non-freedom. Year by year serfdom grew harsher and the peasants' right to their land more tenuous. Meanwhile, Russian science, technology, and learning continued to advance, merging with the growth of slavery. (Grossman 156)

Grossman considers this link between slavery and freedom in Russia as a fundamental principle of Russian life which continued for hundreds of years up till the middle of 19th century, where in 1861 the emancipation of the serfs shook this linkage to some extent. But it failed to break it completely and, Grossman asserts, Lenin's new Soviet State only consolidated it. The awe-inspiring achievements in industrialization and urbanization, the transformation of peasant Russia into a modern state under Stalin's rule could not have been materialized without the labour camps spread all over Soviet Union, which were a parallel economy of Soviet state (Applebaum Introduction).

After the burial of Anna Ivan goes to Sochi, where he had spent his childhood. Here the novel 'ends'. Ivan looks around and doesn't find his house nor the well which were once there. There was only the dusty grass that was burned by the sun. 'Burned by the Sun' - that's how Ivan and the millions of his fellow countrymen and women must have felt about themselves under Stalin's State. Even at this face of burning of a generation under a Sun, Grossman clearly puts his main message of the novel in the thoughts of Ivan on the subject of human freedom. For Grossman freedom of human beings is above everything, it is the law of life and, "There is no end in the world for the sake of which it is permissible to sacrifice human freedom" (Grossman 176).

Throughout the novel Grossman consistently reasserts the essence and the supremacy of human freedom over the State apparatus, ideology and violence. For him life and freedom is one and the same thing, irrevocable and the urge of which is something that cannot be wiped out completely. In labour camps, Ivan asks a rhetorical question to his cellmate in the prison: What is life itself, if not freedom? For Ivan, i.e., for Grossman “the evolution of life is the evolution of freedom” (Grossman 193). The urge for freedom from a slave life, for a life free from the barbed wires of labour camp, however short that life might be, is instinctive in Ivan. It is his faith in freedom that kept Ivan alive and hopeful of life during his thirty-year stay in the labour camps.

Grossman conceives the concept of human freedom not in mere abstract philosophical terms but he puts it into the framework of concrete social reality of all-pervading gigantic State, which tries to control almost all walks of life of her citizens, leaving no space for individual free will. It is in this individual freewill of a person that Grossman sees the essence human freedom. In the novel it is conceptualized in Ivan’s character. Ivan comes to perceive the notion of freedom differently only when he comes into the contact with the State apparatus outside the camps. In his youth he considered that freedom meant only the freedom of expression, freedom of press. But as he witnesses the fundamental changes that took place in Russian society during these thirty years, he comes to a conclusion that freedom must include lives of all people with their choices about professions and about how to live their lives. “It’s the same whether you’re a locksmith or a steelworker or an artist—freedom is the right to live and work as you wish and not as you’re ordered to” (Grossman 89). For Grossman freedom is the freedom from the unnecessary and meaningless intervention of the state in individual’s life. His is the cry against the despotic control of society by state.

Conclusion

As Natalia Ruskina puts it “Grossman belonged to a literary tradition that taught writers to seek truth and justice” (Garrard 241). Grossman critically examines the oft-ignored historical atrocities committed by Soviet state under Stalin like persecution of Jews, forced collectivization, dekulakization and man-made famine in Ukraine. He goes deeper into the working of totalitarian regime and draws parallels between Stalinism and Hitlerism. Throughout the novel Grossman repudiates the violence (and its justification) against an individual by the State in the name of any noble cause, or idea or ideology and reaffirms the essence and

supremacy of human freedom over everything. He measures the growth and progress of life in terms of freedom an individual has in society. Material progress without human freedom has no significant value for him. That's why he doesn't have high regard for the gigantic glories achieved by the Soviet state under Stalin, which were achieved at the cost of human freedom of her citizens. Everything that is achieved at the cost of human lives and freedom is inhuman to him, senseless and useless. Progress for him is essentially the progress of human freedom and curtailment of freedom by state is violence in his opinion. Grossman's belief in this evolution and his utter denial to violence of this kind is best encapsulated in the following thought of Ivan, which is so relevant in our times today, "only one true force remains; only one true force continues to evolve and live; and this force is liberty. To a man, to live means to be free"(Grossman 216).

Works Cited:

- Applebaum, Anne. *Gulag A History*. Penguin Books, 2004.
- Conquest, Robert. *The Great Terror: A Reassessment*. Oxford University Press, 2008.
- Garrard, John, and Carol Garrard. *The Life and Fate of Vasily Grossman*. Barnsley: Pen & Sword Military, 2012.
- Grossman, Vasily. *Everything Flows*. Trans. Robert Chandler and Elizabeth Chandler. Vintage Classics, 2011.
- Guillaume, Laura, and Patrick Finney. "It is a terrible thing to condemn even a terrible man": Vasily Grossman on judging perpetrators." *Journal of European Studies* 43.4 (2013): 344-356.
- Popoff, Alexandra. *Vasily Grossman and the Soviet Century*. Yale: Yale University Press, 2019.
- Reeder, Roberta. *Anna Akhmatova: Poet and Prophet*. New York: Picador, 1994.

Nexus of memory, forgetting and history of ‘White Russian’ as prisoner in the Nazi concentration camps: Memoir of Alexandra Jusefowitsch

Dr. Pallavi

Assistant Professor

Department of Foreign Languages

Tezpur University (A Central University)

Assam, India

007manjari@gmail.com

Abstract: The article explores how the individual memory moved from the periphery to the center of memory discussions in Germany through the digital archiving of memory. By focussing on the recently developed digital archive of ‘Forced Labor 1939-1945’ of the University Library of the Free University Berlin, this article explores nexus of individual memory and the construction of history through the memory. A unique focus has been given on the memoir of Alexandra Jusefowitsch, on the act of remembering her lived experience as prisoner in the Nazi Concentration Camps and on her emotional reactions to the events.

Keywords: Digital Humanities, Memory, History, Forced Labor, Nazi Concentration Camps

The online archive “Forced Labor 1939-1945, Memories and History” of the University Library of the Free University Berlin is the collection of interviews and these interviews are the memoirs of former forced labourers during the regime of national socialism in Germany. Around 600 memoirs in the form of audio and video interviews of people coming from 26 different countries can be accessed from the website (8). This online archive, which is a part of Digital Humanities, gives voice to more than twenty million people who during the Nazi period worked as ‘forced labours’. This archive is all about memory production and coming in terms with past. Digital humanities make it possible that the individual memory takes a global shift, as in Assmann’s word:

“Memories are carried across national borders and they enter a global arena through all available channels, starting with human carriers. Memories migrate from one continent to another with individuals. Wars and genocide, natural disasters, famine, financial crises and economic decline weigh heavily on individuals and break up communities,

disrupting and dislocating their cultural traditions and personal memories.” (1, Assmann 2010: 2)

This article takes an attempt to discuss oral history through the exemplary analysis of the memoir of Alexandra Jusefowitsch (5, J. 2006). An attempt has been made in this research article to understand and analyse the memoir of Alexandra Jusefowitsch (1921-), in order to understand her experience as a prisoner and forced labour from Belarus in the Nazi concentration camp. The article analyses the memoir under these subthemes: (a) The interviewee Alexandra Jusefowitsch (b) Nexus of Memory, Forgetting and History (c) Powers of Horror on Humans.

The memoir of Alexandra Jusefowitsch can be accessed from the website “Forced Labor 1939-1945. Memories and History” (8) in the form of audio interview and this interview can be accessed in Russian language and the translation of the transcript of the interview can be accessed in German.

(a) The interviewee Alexandra Jusefowitsch

Alexandra Jusefowitsch was born on April 1921 in the village Ochrutkin / Surazhsker Rayon, Witebsk Region. In the year 1941, Germany invaded the Soviet Union and occupied some region along with the village named Schejka in the region Minsk, where Alexandra Jusefowitsch lived with her husband. She along with other sixty villagers got caught and arrested in 1943. After the arrest the prisoners were taken to the place called Krupski and from there began the episodes of torture and interrogations. In much detail Jusefowitsch shared how she was brought to concentration camps Auschwitz and Ravensbrück where the prisoners were not given clothes as it was winter and were made to walk barefoot. Here she got the tattoo on her hand- 81463. On 30th April 1945 she was freed by the Americans and same year sent home by soviet administrators. After coming back to Minsk she was reunited with her daughter. As the Germans invaded the village, Jusefowitsch had to leave her daughter alone at her place as she was arrested by the German soldiers. Then three years old daughter lived at her place all by herself alone for three days. Later on her daughter by rescued by the priest of the church in the village. In 1945 she was reunited with her husband and her daughter and in 1946 starts working as a school teacher in Swinka (today it's called Malinowka). In 1947 she gave birth to her son Wasja.

Alexandra Jusefowitsch mentions that her father Maxim Trofimowitsch belonged to the nationality of “Weißrussen” (p. 4) (‘White Rus or White Russian in English). The Republic of Belarus is often referred to as ‘White Russia’, ‘White Ruthenia’ or ‘White Rus’ in English, and ‘Ruthenia Alba’ in Latin. The name first appeared in German language as ‘Weißrussen’ and in Latin medieval literature (6, Vauchez 2001). According to Jusefowitsch, her father Maxim Trofimowitsch was a believer and visited village church regularly. He was arrested by the communist state and kept in the state prison without trial until he was shot. She observes that may be he subscribed to a particular newspaper “Bauerzeitung” (Farmer-Magazine) and therefore had to first stay in hiding for almost half an year before being imprisoned and killed. The historian Alan wood writes about the new economic policy of Stalin, which he launched in the year 1928 and those who resisted were brutally crushed by the state machinery, and Jusefowitsch’s father was one of them:

“Whereas other party stalwarts still tried to reason with the peasants and to operate within the constraints of the market and NEP, Stalin simply applied naked force. Having observed the situation on the ground, he set up road blocks to impede movement, ordered in military detachments and armed requisition squads, coercing the peasants to surrender their produce under threat of criminal prosecution for ‘speculation’ (outlawed under article 107 of the Soviet Criminal Code) or even grimmer consequences.” (7, Wood 2005: 32)

(b) Nexus of Memory, Forgetting and History

(i) „Wissen Sie, es ist so, dass ich mich an manches erinnere, an manches aber nicht. (5, J. 2006: 4)

(“You know, it is like this, that I remember few things, but few things don’t.” (10)

(ii) „Ach, als Stalin starb. Ach, das ist interessant! Das ist mir im Gedächtnis geblieben.“ (5, J. 2006: 7)

(“Oh, when Stalin died. Oh, that is interesting! That’s stuck in my mind”.)

(iii) „Daran möchte ich mich gar nicht erinnern.“ (5, J. 2006: 24)

(“I don’t want to recall that at all.”)

Considered as the ‘Last Witnesses’ of Nazi terror, the memoir of Alexandra Jusefowitsch, her story of witnessing war, terror, repression, torture, survival, and ‘luck’ (she uses the word “luck” in her interview several times whenever she mentions her survival), is part of human

history. However, this form of 'oral history', as it's audio interview in the context of Jusefowitsch, can have some criticism; and one of these criticisms is that it doesn't provide the aura of the live encounter with the interviewee. Thus the embodied dimensions and emotional reactions get lost in the process. The limitations like this can pose some questions, specially when the content of the interview is about violence, repression, and survival.

Above mentioned three quotes (i), (ii), (iii) have been selected from the interview in order to understand the nexus between 'historical event, memory and forgetting'. The quote no. (i) highlights the time-distance of the historical event and individual memory. Memory is all about imagination and reconstruction of the past events through the act of 'remembering' and in this process the individual can remember distinct things and forgets some. In *Forms of Forgetting* (2014), Aleida Assmann explains seven forms of forgetting and the quote (i) signals towards the "Automatic forgetting – material, biological, technical- and its limit"(1, Assmann 2014). In this segment of forgetting Assmann writes: "The grass of forgetting is not selective – it grows anywhere." (Ibid.). Quote no. (ii): The interviewee mentions categorically that she remembers the event of the death of Stalin. She along with her family members were the victims of repression during the Stalin-era and she mentions it in great detail in the entire interview. She mentions: „Ich bin die Tochter eines Mannes, der Opfer der Stalinschen Repressionen wurde, im Jahr 1932.“ (5, J. 2006: 4) ("I am the daughter of a person, who in 1932 was the victim of Stalin's repressions"). She remembers the episodes of being robbed by the bandits in the name of collecting money from rich farmers. Her father was arrested and brought to the prison during this time for resisting the process of 'collective farming' and communal farming', which started taking place 1937 onwards in her village. She remembers: „Wissen Sie, die Kollektivierung, wir mussten unser Pferd, unsere Kuh, alles, was wir besaßen, auch den Pflugabgeben. Wir

mussten alles abgeben, was wir hatten, [...]“ (5, J. 2006: 5) (You know, the collectivization, we had to give up our horse, our cow, and everything we had, even our plough. We had to give up everything, which we had.). In order to serve the rapid industrialisation the state forced the idea of 'collective farming' and communal farming' on farmers. Those who resisted were sent to jail or murdered (9).

She mentions how it was the case of 'forced grief' on citizens on the death of Stalin as any form of celebration like marriage-celebration were banned. Schools were given instruction to commemorate the death of Stalin and she remembers that she couldn't cry on such event. She remembers distinctly even the name of this colleague of hers who cried like anything during the commemoration: "Frau Panuschkina, ich erinneremich an ihrenNachnamen, siehiemitVornamenLjuba, LjubaSergejewna, war meine Kollegin in dieser Schule. Sie konnte so weinen: "Ai, ai,

ai, ai!" (5, J. 2006: 7) ("Mrs. Panuschkina, I recall her sir name, her first name was Ljuba, Ljuba Sergejewna was my colleague in this school. She could cry like: ai, ai"). Further, she expresses her emotions about Stalin: „Vor kurzem schaute ich mir im Fernsehen eine Reportage ber Stalins Tod an, das letzte Rtsel, wie er vergiftet wurde. Da habe ich gedacht, der Teufel soll dich holen, Henker,

der du bist. Scheusal.“ (5, J. 2006: 8) ("I recently watched a TV report on Stalin's death, the last puzzle, how he was poisoned. Then I thought that the devil should get you, Hangman, you are one of them, a monster."). The quote no. (ii) must be read, interpreted and explained in this context as why she could distinctly remember the death of Stalin.

Quote no. (iii): She makes the statement when the interviewer asks her about her daily routine in the concentration camp in Germany. What she doesn't want to remember is the "Appell" ('roll call') in the camp, where all the prisoners had to wake up at 3 o' clock in the morning, then stand in the queue until 6 Am. Jusefowitsch describes how during this "Appell" a German woman used to come with the hunting dog and count the prisoners. After the "Appell" all the prisoners went to the work without having breakfast and later in the day mostly they were not served any lunch. In order to survive she wants to forget such traumatic experiences. In Assmann's words this attempt of forgetting falls under the category of "therapeutic forgetting": "On a global scale people could make the experience that traumatic pasts do not simply disappear but return and claim attention, recognition, restitution and remembrance. Forgetting, in this case, was replaced by new efforts at remembering as the preferred strategy." (1)

Further in her memoir, she categorically remembers about hunger in the concentration camp. She says:

„Niemand gab uns etwas zu essen. So, wir durften da zwei Brotlaibe nehmen und, daran erinnere ich mich gut, wir durften Zucker nehmen, soviel wir wollten. Ja, ich erinnere

mich noch an die Erbsensuppe mit Pferdefleisch in Ravensbrück. Daran erinnere ich mich gut. Was wir in Ravensbrück sonst zu essen bekamen, daran erinnere ich mich wiederum nicht.“ (5, J. 2006: 30) (“Nobody gave us anything to eat. So, we were allowed to take two loaves of bread and, I can also recall it very well that we were allowed to take as much sugar as we wanted. Yes, I even recall the pea soup with horsemeat in Ravensbrueck. I do recall that very well. What else we got to eat in Ravensbrueck, I do not remember it anymore.”).

She mentions this three to four times in the entire interview. Towards the end of the interview she makes an statement: “Was ich bis zu meinem Tod

nicht vergessen werde, ist diese Erbsensuppe.“ (5, J. 2006: 31) (“What I will not forget until my death is the pea soup.”)

(c) Powers of Horror on Humans

Alexandra Jusefowitsch recounts her experience in the concentration camps. In Auschwitz she was forced to perform specific tasks, like- to move the dead bodies to the crematorium, remove the ashes after the dead bodies were burnt. She says „Die Asche war so spitz, es waren so kleine Nadeln, die Asche ließ sich nicht auf die Erde schütten, sondern zerstückte uns die Hände, so dass die Hände dann immer blutig waren.“ (5, J. 2006: 2) (“The ashes were so pointed, they were like so small needles, ashes were not settling down on the ground, rather pricked all over hands, so that the hands were always bloody.”). Later on when she was brought to the concentration camp called Ravensbrück (specially made for women), where she had to perform another kind of work before the camp was freed by the Americans on 30th April 1945. She remembers: „wir sortierten Militäruniformen, wir schnitten Blutflecken an den Feldblusen aus, und überhaupt an allen Sachen.“ (5, J. 2006: 3), (“We assorted military uniforms, we cut out blood stains on field blouse, and even everything which had blood on it.”), „Die schlimmste Arbeit, dort war ich übrigens nicht lange, wohl eine Woche nur, war das Verteilen der Asche aus dem Krematorium auf den Feldern.“(5, J. 2006: 23) (“The worst work was to scatter ashes from the crematorium on the fields, though I was not there for long, indeed only for a week”). This

description of the concentration camp can be termed as ‚horror‘ in Adriana Cavarero’s words. The violence against a helpless turns out to have a specific vocabulary of it’s own and according to Cavarero, ‘horror’ [...] speaks primarily of crime rather than of strategy or politics.” (3, Cavarero 2009: 3). Cavarero coins a new word “horrorism” (Ibid.) in order to give voice to the innocent victims, instead of their killers. The Nazi and their structure of ‘forced labour’ brought the human beings like Alexandra Jusefowitsch to the level of ‘sub-human’, and the terror and torture had the purpose to snatch the individuality and the ontological dignity that the human figure possess. What Alexandra Jusefowitsch narrates is horror, the way she uses the vocabulary to equate ashes with blood is horror and to scatter the ashes of humans in the field is horror. The horror experienced by Alexandra Jusefowitsch leaves her shattered and she expresses the power of such horror in her own words:

„Ich kehrte doch so zurück, wissen Sie, ich war halb verrückt. Mein Gehirn funktionierte nicht, es war ausgetrocknet! Ich bestand ja nur aus Haut und Knochen!“ (5, J. 2006: 30) (“I came back like that, do you know, I was half mad. My brain didn’t function, it was completely dried out. I was only left with skin and bones!”)

References:

1. Assmann Aleida: ‘Forms of Forgetting’. <https://h401.org/2014/10/forms-of-forgetting/> (28.11.2022). See also the book: Aleida Assmann und Sebastian Conrad (eds.): *Formen des Vergessens*. Palgrave Macmillan 2010.
2. Assmann, Aleida und Conrad, Sebastian (eds.): *Formen des Vergessens*. Palgrave Macmillan 2010.
3. Cavarero, Adriana: *Horrorism. Naming Contemporary Violence*, New York: Columbia University Press 2007
4. Naimark, Norman M.: *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949*, 4th Edition. USA: Harvard University Press 2001.
5. J., Alexandra: Interview za025, 19.03.2006, Interview Archive „Forced Labor 1939-1945“, <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/en/interviews/za025> (11/11/21). Since page numbers are not mentioned on the transcript, I have given the page nos. starting with 1, 2,3 ...
6. Vauchez, André; Dobson, Richard Barrie; Lapidge, Michael: *Encyclopedia of the Middle Ages*. Routledge 2001.
7. Wood, Alan: *Stalin and Stalinism*. 2nd Edition. London and New York. Routledge 2005.
8. <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/de/interviews/za532> (11/11/21).
9. For more detail, see: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/189565/stalinismus/> (28.11.2022). See also, Norman M. Naimark: *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949*, 4. Aufl., USA: Harvard University Press 2001.

10. My translation into English. Further all the quotes taken from the German transcript has been translated by me.

Baba Yaga – The antithesis of the quintessential witch of the Russian folklore

Dr. Parijat Bhattacharjee
Assistant Professor
Amity University, Haryana
parijatbx@gmail.com

Abstract: witches across the globe are usually characterized as evil women who possess the magic to harm others. They have very unpleasant features and are considered a threat to society. Baba Yaga, a Russian folklore character is a witch who lives in a hut in the forest that keeps spinning on chicken legs. This woman is neither bad nor good. She is like nature, which might offer help or cause destruction. Her behaviour keeps changing from one story to the other depending on the other characters and the situation in the fairy tale. Baba Yaga is the embodiment of the goddess of life and death.

Some researchers tend to believe that the prototype of Baba Yaga was “Mara” (Slavic goddess). Even though she ruled over death, Mara was revered by the Slavs no less than other gods. After all, it was she who purified the earth, making room for a new life. She demolishes only those who have violated the border and could not or did not want to complete its tasks. So, Mara took away those who had outlived their time and could not grow further. Similarly, Baba Yaga, as a wise woman, appreciates courtesy and respect.

Based on a few selected folk stories, I would analyse Baba Yaga and her different character traits in this paper.

Keywords: folklore, literature, witches, Baba Yaga, Russian culture, folktale

A fairy tale is a key component of most of our childhood. The amazing fantasy world that fairy tales create comes into our lives from the pages of books, movies, cartoons, etc. While enjoying these amazing stories, we often divide fairy-tale heroes into good or evil, and most of us tend to remember the good heroes and forget the evil ones. This article delves into the enigmatic and multifaceted character of Baba Yaga, a prominent figure in Russian folklore, who has intrigued scholars, storytellers, and readers for generations.

Baba Yaga is a mythical creature in Slavic folk tales and a complex character who defies easy classification as a typical witch. While she shares some traits with the quintessential witch figure, Baba Yaga stands as a unique figure, challenging established norms and subverting expectations. She is usually depicted as an old, ugly, wicked witch riding

in a mortar and sweeping the trail with a broomstick so that no one is able to follow her. She is a cannibal with bony hands and sharp iron teeth which she keeps sharpening all the time. She lives in a hut that stands on chicken legs, located very far away from civilization, somewhere in the middle of the forest.

From here arises the question, who are the witches? What is their origin?

In the middle Ages, because of the activities of the Holy Inquisition and Christian propaganda, a negative image of witches was established. A witch is a hunched-over old and ugly woman, wearing a pointy hat, and black cloak, flying on a broom, mostly accompanied by a black cat or a black crow.

However, in the folklore of many different countries, the word "witch" has a completely different designation. It was customary to call witches wise women and women who know how to handle magic. At the same time, magic often turned to the forces of light and the forces of nature.

In ancient times, it was believed that most women had magic. The difference was in the level of mastery of magic: from the level of divination and rituals to a deeper and more powerful level. Having become adults and wise, knowing all the hardships of life, and having learned all the instructions and knowledge of their ancestors, they became witches. They knew how to use the magical power of nature, communicate with the mysterious forces of the underworld, and use it for good or bad purposes. Witches knew all the rituals, various spells, whispers, and conspiracies.

In old days, before sowing or before harvesting, the witch was required to whisper over the field so that the spirits of the Earth would make the hard work performed by the farmers seem a little easier. They gave their strength and helped to call the necessary forces of nature so that people would always live with nature and other worlds in one closely connected life and not forget who they really are.

The witch is one of the most common images in any folklore. Folklore as a historical source helps to trace the historical life of the people and get an idea of their worldview and psychology. Folklore has always been a vivid characteristic of the cultural and historical environment, its spiritual image, and its way of life. This knowledge makes it possible to

understand history more deeply because the history of folklore is inseparable from the history of the people. The genres of oral folklore are diverse and all genres reflect the era that brought them to life in different ways.

Witches and healers could serve as a prototype of Baba Yaga. Often these were unsociable women who resided deep within the forest, away from the settlements. There they gathered different herbs and roots, dried them, and created a variety of medicines. If required, they also offered help to the locals. However, people's perception of them was ambiguous because they lived in the forest and were therefore considered to be associated with evil spirits. The passion of Baba Yaga to fry children in the oven on a shovel resembles the ancient Slavic ritual of "baking" sick babies: the child was wrapped in a "diaper" made of dough, placed on a wooden bread shovel, and thrust into a warm oven. Then the child was unrolled, and the dough was given to be eaten by dogs, after which the child recovered.

Before examining Baba Yaga's unique characteristics, it is essential to establish the archetype of the quintessential witch in Russian folklore. This archetype typically includes features such as a malevolent old woman, a practitioner of dark magic, and a harbinger of misfortune. This archetype is prevalent in various cultures worldwide and often serves as a symbol of fear and evil.

If we start thinking about her image, then it is a little difficult to analyze it because Baba Yaga at times is an evil witch - who brings with her a pestilence of people, the loss of livestock, and kidnaps children. At other times, she is a "hospitable" hostess, who usually has a lot of guests: Baba Yaga tries to eat some of them, welcomes others, helps them with advice and deed, and predicts their fate. Throughout Russian folklore, Baba Yaga appears in numerous stories, each presenting a different facet of her character. Some stories depict her as a helpful and wise figure, providing guidance to the protagonists. In these tales, she often gives tasks to those who seek her help, tasks that seem impossible but ultimately lead to personal growth and insight.

Some think that Baba Yaga is the Great Mother - a powerful goddess or a wise priestess. In the days of hunting tribes, such sorceresses helped to fulfil certain rites where teenage boys were taken into the depths of the forest and trained to become real hunters. The training was full of

torture and injuries. Therefore, such kinds of rites were feared, especially by the boys and their mothers. What does the fabulous Baba Yaga exactly do to them? She kidnaps children and takes them to the forest, roasts them (symbolically devours), and also gives useful advice to survivors, that is, to those who have passed the test. With the development of agriculture, this rite disappeared. But fear of Baba Yaga remained. So, the image of a witch who performed important rituals turned into the image of a hairy, terrible, bloodthirsty witch who kidnaps children and eats them.

Thus, Baba Yaga is a complex fairy tale figure who has assimilated a number of ancient emblems and myths.

In some of the tales, the children ended up with Baba Yaga because they did not listen to their parents. Mashenka did not watch her brother, as her parents told her, but played with her friends. The girls from the fairy tale "Golden Horns" went where their mother forbade them. And their brother ended up with Baba Yaga, too, because he disobeyed his mother. In these tales, Baba Yaga did not eat the children, they all managed to escape from her, but for this, they had to deceive her, show courage, and ingenuity, or ask for help from other heroes who helped the children for their good attitude towards them.

Adults went to Baba Yaga almost always of their own free will. When they go, she meets her guests like a hospitable hostess: first, she washes them in the bathhouse, then she feeds them, and then she talks about business. Baba Yaga knows a lot, especially about the magical world, which is different from the world of people. She has magical items that she gives to the heroes of fairy tales. It turns out that in these situations, Baba Yaga is kind and wise - she helps those who request her help.

In the tale of Vasilisa the Beautiful, Vasilisa is sent by her wicked stepmother to Baba Yaga's hut to fetch fire. With the guidance of a magical doll, Vasilisa completes the impossible tasks set by Baba Yaga and gains the wisdom to overcome her adversities.

On the other hand, there are stories where Baba Yaga is cast as the antagonist, a malevolent force to be feared. In these narratives, she captures and threatens to devour those who stumble upon her hut.

Additionally, even though Baba Yaga attempts to frighten whoever comes to her in the beginning, in some of the stories, she aids the heroes instead of doing them harm.

It turns out that in Russian folk tales, not everyone can defeat Baba Yaga or earn her sympathy and help. Baba Yaga doesn't open her doors to everyone who comes for help. The reception depends on how the guests behave. If the guest is polite and hardworking – he/she will receive help, but if not – he/she will land on a shovel and in the oven. Usually, she gives tasks to the guests and then she checks whether they have completed the task. She does not tolerate negligence and laziness. If a person is kind, strong, smart, and brave, then the path to the magical world is open to him/her, because only a real hero can return with victory from her kingdom. This is what Russian fairy tales and Baba Yaga teach us.

The idea of a witch in the modern world is based not on folklore material, but on stereotypes laid down in the Middle Ages. However, attitudes and general perceptions of witches have changed. They often appear intriguing, interesting, controversial, and very attractive characters. Baba Yaga's presence extends beyond folklore into various aspects of Russian culture. She has been a source of inspiration for literature, art, and even psychology. Her character has been used to explore themes of transformation, femininity, and the enigmatic nature of the supernatural.

In literature, authors like Alexander Pushkin and Nikolai Gogol have drawn upon Baba Yaga's mystique in their works. Her image has graced the canvases of many painters, each offering their interpretation of this complex character. In the realm of psychology, Baba Yaga has been used as a symbol to represent the inner psyche, a representation of the hidden and mysterious aspects of the human mind.

Stories about Baba Yaga further demonstrate that: due to the fact that numerous wild animals work for her, Baba Yaga is the mistress of forests and animals. She is associated with the element of air because she whistles, controls the wind with a broomstick, and soars on a mortar. Being governed by dawn, day, and night, she is the mistress of time. This is reflected in her stories through the presence of white, red, and black horsemen. Because Baba Yaga could manipulate fire, as evidenced by the skull-eye in the fence, she is also connected to fire.

She leads the way to the other world as well. She is a pass-through dwelling on the edge of the realms of the living and the dead.

The Russian structuralist Vladimir Propp, renowned for his analysis of folktales, might see Baba Yaga as a dynamic character archetype. In his work "Morphology of the Folk Tale," he outlines character roles in tales, emphasizing the multifaceted nature of characters like Baba Yaga who can be both a helper and a hinderer in different stories.

According to Propp, Baba Yaga appears in various guises in every fairy tale. 1) Baba Yaga - the hero ("Ivan Tsarevich and Bely Polyanin"), where she battles alongside the heroes; 2) Baba Yaga- the kidnapper ("Geese Swans", "Baba Yaga") and 3) Baba Yaga- the giver (in all other fairy tales), where she warmly welcomes the main character or heroine, offers delectable treats, bath in the bathhouse, offers helpful pieces of advice, and bestows lavish gifts.

The Swiss psychiatrist Carl Jung, known for his work on archetypes and the collective unconscious, might view Baba Yaga as a representation of the shadow self, the hidden and often darker aspects of an individual's personality. According to Jung, one does not become enlightened by imagining figures of light, but by making the darkness conscious.

The American mythologist Joseph Campbell, famous for his concept of the hero's journey, would likely appreciate Baba Yaga's role as a transformative figure. According to him, the hero's journey is a pattern of narrative that appears in drama, storytelling, myth, religious ritual, and psychological development. It describes the typical adventure of the archetype, known as The Hero, who goes out and achieves great deeds on behalf of the group, tribe, or civilization."

In essence, philosophers and thinkers have interpreted Baba Yaga in various ways, highlighting her multifaceted nature and her role as a symbol of transformation, the shadow self, and the complex aspects of human psychology and femininity. Baba Yaga's character continues to intrigue and inspire discussions that reach beyond the boundaries of folklore and into the realms of philosophy and psychology.

Bibliography:

Afanasev, Alexander (1976). Russian Fairy Tales. Pantheon

- Campbell, Joseph. (1949). "The Hero with a Thousand Faces." Princeton University Press.
- Forrester, S. (2013). *Baba Yaga: The wild witch of the East in Russian fairy tales.* Jackson: University Press of Mississippi
- Guseva, I. S., Ivanov, V. G., & Ivanova, M. G. (2019). V poiske arhetipa: ot arhetipa materi k arhetipu Baby-Jagi, *Studia mythologica Slavica*
- Ivanits, Linda J. (1989). *Russian Folk Belief.* M.E. Sharpe
- Jung, C.G. (1959). "Aion: Researches into the Phenomenology of the Self." Routledge & Kegan Paul
- Propp, Vladimir. (1968) "Morphology of the Folk Tale." University of Texas Press
- Rosengren, D. (2018). International collaboration: A conversation on Baba Yaga. *Youth Theatre Journal*, 32(2)
- Tolstoy, Alexei. (2009) "Baba Yaga: The Wild Witch of the East in Russian Fairy Tales." Shambhala

Mother-Daughter Dyad and Jealousy: A Comparative Literary Analysis

Pooja Chauhan

Assistant Professor (Russian),
Department of Foreign Languages, Burdwan University
mailpoojachauhan@gmail.com

Abstract: Jealousy is an emotion studied in antonymic duos of man and woman. The male dominance did attribute to its study within the male-male paradigm. The early psychoanalysts studied woman only in co-relation with a man. It was the feminist movements and female writers who gave perspective to woman as an individual and a subjective concept rather than an object of co-relation only. The mother-daughter duo falling under female- female paradigm was less explored by early psychoanalysts or literary experts.

In this article we analyse three novels namely *The Dark Holds No Terrors* by Shashi Deshpande, *Fasting, Feasting* by Anita Desai and *The Time: Night* by Lyudmila Petrushevskaya. These works of fiction worked as the basis of locating and understanding the mother-daughter dyad and emotion jealousy in this relationship. Recent works of XX century psychologists and analysts help us analyse in these works the female protagonists away from their male characters.

Keywords: Jealousy, woman, mother-daughter

Jealousy is a response to an imagined loss of influence over a routine part of life. It is an appropriate emotion to feel when our social status, self-esteem or control over a relationship is threatened.(Duck, 1986) This emotion was commonly studied in a male- female paradigm (mother-child (son), heterosexual romantic partners etc.) and male-male paradigm (father- son, brothers, colleagues etc.) The early psychoanalysts which relied on the Freudian theory of Oedipus/ Electra complex, did not explore the female-female paradigm (mother- child (daughter), sisters, female friends etc.) The female was studied only in co-relation with a male. It is interesting to note that the character of Electra is the outcome of her relationship with her mother, instead of her absent father. But she is theorised to be close to her father, which technically couldn't have been the case. If Electra-Oedipus could set precedent to study human behaviour and psychology then our selected works of fiction may set the ground to locate and analyse this female dyad and its dynamics.

Early literary works of the west were written and woven around the male heroes and villains. A few works were given important female characters but only to enhance the story of the ultimate hero. It was with the writers like Jane Austen that women and their lives, however mundane and lacking in bravado they seemed, started to emerge in the world of literature. The feminist movements did aid not only in securing women's social and political status but it inspired feminist writings which changed the narrative of women even in the works of male writers. Interestingly early writings did depict the stories where emotion jealousy was prominent theme, but again it was in co- relation to a man. Othello, Anna Karenina, Kreutzer Sonata were to name a few. It was during the second wave of feminism that the feminist writers had started focusing on realistic female protagonists and theorised woman and its symbolism in literary texts away from the male co-relation. Dr. Adalgisa Giorgio suggests that 1970s was the time the focus on women and woman-woman interpersonal relationships was being analysed and theorised by the likes of Irigaray, Julia Kristeva, Alice Walker, Toni Morrison, Nancy Chodorow.

These writers and psychoanalysts produced a great deal of work on the mother- daughter dyad, Giorgio challenges the ideas of Nancy Chodorow on daughters being natural nurturers as they replicate the relationship they've been closest to (i.e. mothers), and that it completely fails Freud's theory of Electra complex, where she regarded her absent father more than her present mother. Being in her mother's vicinity did not turn her naturally in to a nurturer. In fact she pledged to never bear children keeping in mind her estranged relationship with her mother. The reason of this distance and anger between mothers and daughters is found in the "...examination of the maternal figure as the vehicle of patriarchal law, which is often turned into mother-hating and mother-blaming."(Giorgio,2002) If these aspects are scanned for in the works we are analysing, we clearly find that Anna Andrianovna and her daughter Alyona in *The Time: Night*, Saru and her mother in *The Dark Holds No Terrors* are clear depiction of this unfair mother-hating and mother-blaming., causing a constant rift among mothers and daughters. Validating these ideas the emotion jealousy comes into play.

One member is always neglected and other fears that their achievements might instigate jealousy due to its lack in others life. This slowly becomes the accepted behavioural pattern among mothers and daughters and is often depicted in literature. Uma's mother in *Fasting*,

Feasting is definitely the embodiment of the maternal figure who is the vehicle of patriarchal law. She refrains her daughter from continuing school, in order to prioritise raising her new born son. When the son is grown into an adult and Uma is no longer required her parents try to marry her off but she fails twice at this endeavour and hence is dependent on her parents; she urges to work but the mother refuses again conforming to the patriarchal norm in an Indian society when girls/women of the house do not work outside. These ideas that pitted the mother against her daughter are not personal but acquired and internalised. Saru's mother was always in disagreement with Saru, because the mother prioritised fitting into the role the patriarchy preaches to secure her status in the society.

The rift in this mother–daughter duo is definitely external. The internal bond is often corroded by the external socio-economic factors. Anna's economic condition has made her bitter too towards her daughter, but that isn't the only reason for this mother-daughters rift and mother's jealousy. The patriarchal bias she has towards her son is definitely one of the reasons and the other is of being labelled old and her own comparison to her daughter's youth. This pitting of mother and daughter against each other is not innate like Freud portrayed, instead it is always due to external factors like patriarchy, culture, politics and economics of the surrounding in which this dyad dwells. The fate of this dyad is either symbolic illusion or total separation and both are considered harmful.(Freud, 2002)

Uma and Alyona are both women in their late thirties yet are not completely independent financially and have clinged too long to their mothers so they might be in a symbiotic illusion but it has made them bitter towards their mothers and we can't ignore the absence of disregard for their fathers for their situation. Meanwhile Saru and her mother are deemed to total separation as the mother refuses to support her daughter against her own internalised patriarchal beliefs and the daughter is in the rebellion to prove she is better and unlike her mother. It can be concluded that the jealousy, anger, in the mother-daughter dyad in these novels is clearly induced by external factors and cannot be attributed to innate psychology of women that they are naturally in competition with each other and threatened by their status in society.

The approach of writing women characters and their relationship with other female characters definitely needs refining and must be cut loose

of the classic ideas of female psychology which have been proven incorrect and obsolete.

Bibliography:

- Caplan, Paula J. (2000) *The New Don't Blame Mother: Mending the Mother- Daughter Relationship*. Routledge. Pp 1-75.
- Desai, Anita (2008-2016) *Fasting, Feasting*. Penguin Books, India.
- Deshpande, Shashi (1990) *The Dark Holds No Terrors*. Penguin Books, India.
- Duck, Steve (1986) *Human Relationships: An Introduction to Social Psychology*. Sage Publication.
- Freud H.C. (2010) *Electra vs. Oedipus: The Drama of Mother-Daughter Relationship* (M. de Jager, Trans.; 1st ed.). Routledge. Pp 1-26. <http://doi.org/10.4324/978203845929>. Accessed on 24/01/2023.
- Flax, Jane (1978) *The Conflict between Nurturance And Autonomy in Mother-Daughter Relationships within Feminism*. *Feminist Studies*, vol.4, no. 2, pp 171-89. JSTOR, <http://doi.org/10.2307/3177468>. Accessed 26/01/2023
- Giorgio, Adalgisa (2002) *Writing Mother- Daughter Relationship: Psychoanalysis, Culture, And Literary Criticism*. Routledge. Pp 11-45
- Petrushevskaya, Lyudmila (1992- 1994) *The Time: Night* (Sally Laird, Trans.). Northwestern University Press, Evanston, Illinois.

Space-power-knowledge configurations: Panoptic heterotopias in Laszlo Krasznahorkai's *Satantango*

Dr Suja Mathew

Assistant Professor of English

Sri C. Achutha Menon Government College Thrissur

Kerala - 680014

sujaacm@yahoo.co.in

Abstract: Dominant ideologies and authoritarian power structures remain latent in the spatial configurations of social life leading to the emergence of different and deviant spaces which Michel Foucault has termed as “Other spaces” in his article “Of Other Spaces.” Heterotopias and panopticons constitute these fundamentally disturbing and uncanny spaces. Foucault argues that all cultures constitute heterotopias, which are variegated in nature, but without any universal form. In simple terms, it is a spatial metaphor which refers to a space, both real and unreal, existing outside the normative social/political space, a space where all the other spaces intersect, and a space which transcends all spaces. Panopticon is another category of “Other spaces,” a form of heterotopia appropriated as a surveillance system and disciplinary mechanism.

The present paper examines the Man Booker International Prize winning Hungarian author Laszlo Krasznahorkai's depiction of heterotopic spaces in the novel *Satantango* in the light of Foucault's notions of panopticism as the ultimate surveillance mechanism, constructing panoptic heterotopias. This paper is a part of the Ph D dissertation submitted under the supervision of Dr Babu Rajan P.P. to Sree Sankaracharya University of Sanskrit Kalady, Kerala.

Keywords: Space, surveillance, heterotopia, panopticon, panoptic heterotopia, docile bodies

Space has always been a complex and problematic term in cultural critique. A study of the spatial representations in literature opens up a changing world where new spatial experiences and perplexities get constructed. Literature emerges from the human life in social space where spatial relations and spatial practices converge to reproduce represented spaces, which are paradigmatic representations of power relations. In this regard, Robert T. Tally Jr. observes: “. . . literature helps readers get a sense of the worlds in which others have lived, currently live, or will live in times to come. From a writer's perspective, maybe literature provides a way of mapping the spaces encountered or imagined in the author's experience” (2). The textual practices a writer follows and the spatial practices he has experienced are interrelated.

Space is never politically neutral; it is inscribed with power relations and dominant ideologies deeply encoded in the emplacements of heterogeneous sites.

The term “heterotopia” was first introduced into Social Sciences by Michel Foucault in connection with disturbing discursive spaces which undermine the conventional syntactical order and establish a new order by juxtaposing contrasting ideas. Later, in the radio talk which was published as “Of Other Spaces,” he linked it to social spaces; they are “something like counter-sites, a kind of effectively enacted utopia in which the real sites, all the other real sites that can be found within the culture, are simultaneously represented, contested and inverted” (24). He describes heterotopia as “actually existing utopia.” Any space where the elements do not lead to a logical whole can be termed as heterotopic. Foucault proposes six characteristic principles of heterotopology which helps to detect heterotopias present in all societies. He elaborates on different emplacements like crisis heterotopias, heterotopias of deviation, heterotopia of illusion/compensation, heterochronies and so on.

Coercive power used to operate disciplinary technologies is pivotal to most heterotopias. Spatial regulation through conscious surveillance is its modus operandi. Of the various disciplinary spaces that can constitute heterotopias, panopticons stand out as prominent. Panopticons are the perfect disciplinary apparatus as they “would make it possible for a single gaze to see everything constantly” (Foucault, Discipline 173). The word “panopticon” derived from the Greek words “pan” (all) and “optikos” (of or for sight) means “all seeing.” Panopticons are spaces of centralized surveillance where the inmates are subjected to the constant observation of an all-peering eye in an attempt to subject and subjugate them. According to Kevin Hetherington, an alternate ordering of deviance takes place in panopticons which make them perfect heterotopias. In disciplinary societies, social hegemony is maintained through the constant exercise of panoptic surveillance. The subjectivity and identity of the people in heterotopic and panoptic spaces can be altered by bringing them under the power of the dominant forces operating in society.

Eastern Europe remained under the Iron Curtain after the Second World War until the fall of the Berlin wall in 1989. The nations of the Eastern Bloc had been under the dominance of the Soviet Union with the Soviet

Red Army present in most of these nations. These countries were modelled on the USSR in economic, social and administrative matters. The single party system without any democratic elections prevailed in most of these nations and many of the leaders gradually degenerated into dictators, effecting a transition from socialism to totalitarianism. Literature was censored mostly; dissident writers who criticised the ruling party and regime were either imprisoned or exiled; only “harmless” literature was permitted to be published, that too under the direct control of the state. All East Central European nations had security services modelled on and connected to the Soviet KGB. Conditions were not different in Hungary and the country was under the rule of the Communist party after the violent suppression of the national uprising in 1956 until the dismantling of the Iron Curtain. Having suppressed the revolution on 4 November 1956 with an inhuman ruthlessness, the Russian army installed itself in Hungary and stayed there for thirty-five long years, with the secret police and agents dominating the lives of the people. In this context, Miklos Molnar observes in his work, *A Concise History of Hungary*: “Hungary’s popular democracy was a system under surveillance and wired up, ready to explode at the appropriate moment” (299). A single leader, Janos Kadar, ruled the nation from 1956 until the great changes that shook entire Eastern Europe, defining a new world order: the fall of the wall of repression and division, the great Berlin Wall.

The present paper tries to analyse the 2015 Man Booker International Prize winning Hungarian author Laszlo Krasznahorkai’s *Satantango* in the light of Foucault’s concept of heterotopia and panopticon. Published in 1985, the novel depicts the political and cultural situation that existed in Hungary towards the end of the communist regime. The word *satantango* means devil’s dance, and the novel portrays the bleak and dilapidated village referred to as “the estate,” reduced almost to nothingness with only a handful of inhabitants left there. The paper analyses how the all-seeing disciplinary systems produce panoptic as well as heterotopic spaces of extreme control in this novel. In *Satantango*, one finds the state running a panoptic surveillance over its citizens, through which it wants to discipline them according to its political interests. The surveillance system shows the power of the state that controls every individual’s actions, a power that records and regulates them, and takes measures to correct them when there is the slightest suspicion of anti-government thoughts. The system that is supposed to serve the proletariat has begun to rule and subjugate them in a totalitarian mode. People find themselves caught in a vortex and

unable to escape unless they find some means to lift “the shadow of suspicion that has fallen” on them (22).

The employees in the secret service agency’s office are also subjugated by the disciplinary power of the state manifested through their superior officers. The sergeant understands that this is a labyrinth from which no one can escape: “I suppose you think you can get out of this,” he smiles, then adds: “But you are screwed” (31). Once the secret network ensnares an individual, there is no way of escape. The captain makes it explicit: “You have no choice. If you say no I shall make sure you’re put away so long your hair will be gray by the time you get out . . . I know what you’ve been up to” (33). The surveillance system, which has entrapped them, uses the knowledge thus extorted to subjugate them. Hence, Irimias and Petrina have to sit there like “a flock of sheep,” meek and obedient, without any protest (35). The panoptic eye that has always been watching them has made them meek subjects.

The people lose their identity and agency to take decisions for themselves. The power centres do not want the citizens to exercise their agency. They are simply expected to obey all orders unquestionably, uncomplaining, and they do it unwittingly, not knowing what they are doing or why they are doing it. Irimias and Petrina are told by the captain: “No doubt you have noticed I’ve not given precise details. The nature of the project has nothing to do with you” (32). Those who are part of the system do not have any idea about the implications of their actions. A human being is deprived of his authority to have control over his conscious deeds. The knowledge that they have no option other than to obey makes them subservient to the authorities. The secret information centre wants to quieten the people and hide from them the actual condition of the country. The captain tells Irimias: “People are satisfied. That’s just how it should be. But if they read the papers properly they would know that there is a real crisis out there . . . We don’t want whispers and rumours here” (36). The panoptic surveillance is used by the state as a means to conceal the truth from the citizens. Knowledge is denied to them, and this makes them powerless. The power relations work against them, resulting in their subjugation and subjection.

The disciplinary impact of the state power has had a strong effect on the staff working in the office, making them docile bodies. The clerks whom one sees at the end of the novel, engaged in preparing the draft of the

document made by Irimias, are specimens of this disciplinary effect the panoptic power has caused. Hence, they accept their tiring job uncomplainingly: “They showed neither surprise nor anger, nor did they complain, not in the least: they simply looked at each other in silence . . .” (251). Foucault observes how the human body is controlled and manipulated by the modern state. The overall aim is to forge a docile body that may be “subjected, used, transformed and improved” (Discipline 136). The employees engage themselves in their jobs as docile bodies working through the lunch break. The ideology of the state has interpellated them as “subjects” who work with loyalty to the system.

Esti, the youngest Horgos girl who is considered a half-wit by the villagers, is subjected to a kind of panoptic surveillance. Though not under a physical panoptic structure, she is under continuous observation of her mother and siblings who try to discipline her to suit their needs. She lives with the constant conviction that she is perpetually monitored and will be punished one day. The feeling and fear of being under constant watch upset her and she fails in doing anything satisfactorily. She tries to be available the moment she is called. The constant vigil required from being under surveillance “played havoc with her emotions” and “had prevented her, for a long time now, from being immersed in any kind of game” (108, 110). Esti is bullied by Sanyi, her brother: “But be careful. I’ve got my eyes on you” (128). Sanyi virtually occupies the central position in the watchtower of the panopticon and Esti is reduced to the status of the inmate in the cell who lives in constant fear and uncertainty. She cannot even play, as children normally do, because she is in a constant state of anxiety-ridden alertness. Esti is a character who is caught in the trap of constant surveillance and visibility.

The doctor conducts a surveillance of the estate by occupying a watchtower-like position at his window. Reluctant to move from his observation post, he constantly puts the villagers under his gaze and records their behaviour. He maintains a notebook for each, and makes entries about their slightest movement. He behaves as if his ultimate aim was to make the surveillance mechanism perfect. Long-term surveillance leads to a lack of agency in the incumbents. Krasznahorkai portrays the fear of the people, suggesting the surveillance and repression existing in the society. The people of the estate are representatives of the category of individuals who have always been under some kind of surveillance and hence lack the agency to be their own masters. Irimias knows this trait of their character very well and this knowledge enables him to

enslave them: “They are like servants that work at a castle where the master has shot himself: they hung around at an utter loss as to what to do . . . they’ve simply enjoyed living in the shadow of their masters” (43). Hence, Irimias is confident that the villagers would be sitting in the kitchen observing what the others are doing “having no idea what’s happened” (42). They always need a shadow to follow. Irimias, occupying a panoptic central position in the power structure, has the knowledge that makes him control others whereas the villagers even lack knowledge of themselves in their subordinate status.

As power can move in all directions, and experimentation of power takes place in panoptic spaces, the inspector also is subjected to surveillance. The reversal of roles may happen in such a space, as the panoptic power is a disembodied power. It is fixed not in a person, but in the position. In the novel, by placing Esti in the pigeon loft, the author elevates her to a superior position which helps her at least temporarily to have a position of surveillance on others. There she is her own authority, away from all the bullying of her family. Moreover, she can keep an eye on their activities too, by maintaining that higher central observation post. She can sense their presence, and she is happy that she actually has an advantage over them regarding this elevated position. Yet, Esti’s spatially elevated position does not redeem her permanently from the purview of surveillance that disciplines her movements. The central observing power is not a fixed body, and it is possible to put the watchtower also under observation.

Satantango presents multiple levels of surveillance employed by the state on society. The state has deployed many secret agents like Irimias and Petrina to spy on its citizens and collect information secretly, whereas they function using another network of theirs to get information. At last, Irimias makes the villagers a part of this secret networking system even without their awareness. The entire state keeps a dubious network secretly which cannot be broken by any citizen. All are under the panoptic surveillance of the state, and every minute move of theirs gets reported there. Hence, citizens are not given any status as individuals; they are only files in the office where their every detail is recorded, as one sees from the incident of the officer checking the file on Irimias and Petrina.

Irimias makes the naive and innocent villagers part of the secret network system after swindling their money. The panoptic surveillance envisaged

by the state and executed by secret agents like Irimias culminates in the exploitation of the poor, innocent people like the villagers: "Till now other people have told you what to do, now you will tell them" (221). Irimias is able to enhance his power in the system with people under him. The villagers have become the links in this web of power without their knowledge and consent. He gets their willingness in the guise of going into hiding until his really big plans for them can be carried out. He takes away the last thing that has kept them alive as a group, their camaraderie. They have become true inmates of the panopticon with no possibility of contacting each other, where each cell is an island from where only the watchtower is visible. Irimias, occupying this central position, disciplines the villagers by dispersing them to different parts of the country, with none aware of where the others have gone to. Foucault also states: "The panopticon is ... an apparatus of both individualisation and knowledge; it is an apparatus of both knowledge and power that individualises on one side, and which, by individualising, knows" (Psychiatric Power 78). The villagers are bereft of their contact with each other and left without their companionship which was their only power. Reducing them to separate individuals who do not even know where the other is, Irimias brings them under his space-power-knowledge structure. Having denied them the possibility of contacting each other, he can easily regulate their behaviour and discipline them as he wishes. As individuals, they are pinned down in a given space under a constant gaze which makes them vulnerable.

In short, a panoptic heterotopia intends to cultivate disciplinary behaviour in the inmates. As it is a space completely under the regulation and constant gaze of the watchtower, the desired behaviour inculcated in the inmates is a prerogative of the power that occupies the central observation post. In certain contexts, the state itself runs a surveillance system over its citizens for various purposes. In the work under consideration, Krasznahorkai presents a "different" space where surveillance is imposed on the lives of the people, generating panoptic heterotopias. They are subjected to this all-seeing power that makes them internalise the discipline and contribute to the automatic functioning of power. The individuals are mostly ideologically interpellated so that the subjugation happens without any physical manifestation of power. Mostly, it is exertion of power of mind over mind that happens in the case of these panoptic disciplinary spaces depicted in the novel. Collective resistance is not possible for the inmates of the panoptic space as they are individualised without any possibility of contact with

each other. The state explores the trialectics of space-power-knowledge to discipline and subjugate citizens. New realms of power explore new domains of knowledge to redefine and reconstruct spatial relations. The disciplinary systems employed by the state as well as powerful individuals produce a panoptic heterotopic space where the individuals are subjected to extreme control, making them conforming and compliant subjects. As an individuals' conceptual system is moulded by what he/she perceives and experiences every day, it influences the minutest of his actions and expressions unconsciously. The disciplinary system and the spatial restraints existed at that time get reflected in *Satantango*. Krasznahorkai's novel constitutes paradigms of spatial critique in the context of emerging structures of power and knowledge in Hungary towards the last decades of twentieth century.

Works Cited:

- Foucault, Michel. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Translated by Alan Sheridan, Vintage, 1995.
- . "Of Other Spaces." *Diacritics*, no. 16, spring 1986, pp. 22-27. JSTOR, www.jstor.org/stable/464648
- . *Psychiatric Power: Lectures at the College de France 1973–1974*. Edited by Jacques Lagrange. Translated by Graham Burchell, Palgrave Macmillan, 2006.
- Krasznahorkai, Laszlo. *Satantango*. Translated by George Szirtes, Atlantic, 2012.
- Molnar, Miklos. *A Concise History of Hungary*. Translated by Anna Magyar, Cambridge UP, 2001.
- Tally Jr, Robert T. *Spatiality*. Routledge, 2013.

Space and narration: spatial reading of Ekaterina Isachenkova`s «*Ostorozhno! Stantsiya Sokol'niki*»

Swati Singh

Ph.D. Research scholar, CRS

Jawaharlal Nehru University

New Delhi, 110067

swatismailbin@gmail.com

Abstract: The proposed article is mainly a spatial study of the literature on disability. Based on the arguments of Yuri Lotman, an outstanding scientist of the Tartu-Moscow School of Semiotics, who argued that literature models cultural worldviews using spatial language, this article attempts to explore the short story written by Ekaterina Isachenkova "Careful! Sokolniki Station," considering space as a central narrative category, and also noting how the space interacts with other elements of the text, such as the plot and characters.

The key goal is to refute the weak and false argument that in literary fiction, Space performs no other function than to provide the general background against which the action takes place while simultaneously emphasizing that space plays an essential and decisive role in creating the meaning and picture of the world in this text, which models the inner world, experiences, and worldview of a disabled child, as was established by Lotman, Taparov, Bakhtin and many other prominent literary critics who explored problems concerning space in narrative art in their literary theories.

Keywords: Space, narration, Isachenkova, Russian, literature and *ostorozhno*

Space is one of the oldest concepts of intellectual perplexity. For centuries, it has piqued the interest of academic disciplines as diverse as geometry, physics, and cartography. Other, more recent, and contemporary sciences, such as linguistics, semiotics, and experimental psychology, not only offer a new approach to understanding the way space expresses itself but furthermore shed light on the capabilities and constraints of our cognition of space. This article is mainly concerned with literary space, or the space expressed in the narrative aspects of a literary text. In the words of Yuri Lotman, an eminent scholar of the Tartu-Moscow School of Semiotics and a pioneer in using the semiotic point of view in approaching the issue of literary space, "Space in a literary work is the continuum on which heroes are positioned and where the action takes place" (Lotman, 1968). More specifically, he emphasizes that "artistic space is not an indifferent place for fictional heroes and episodes. Its connection with the characters and the general

model of the world shaped by the artistic text testifies that the language of artistic space is not meaningless, but rather constitutes one of the components of the total language spoken by the artistic medium" (Smuszkievicz, 1979). He maintained that literature models cultural worldviews via spatial language through his eruditely worked-out theories on literary space. This Literary or artistic space manifested in spatial elements, various binary oppositions, and details embedded in the text may be understood as cultural, psychological, or socio-historical signs, and it can be examined using his analytical method for literary criticism. Traditional narrative categories, such as the plot, hero, and the time-space continuum (setting), are a text's three main constituting elements. We will, however, only take one of these, i.e., space, as a central narrative category while exploring the select short story "Careful! Sokolniki station." without undermining how space interacts with other elements, such as the plot and the characters. The main goal is to reject the weak, somewhat fallacious argument that "space" in literary fiction is something that may be taken for granted and has no other role than to provide a general background for the action to take place. Simultaneously emphasizing that 'space' plays an essential and decisive role in the creation of meaning and a world picture of a text, as has been established by the analysis of Lotman, Taparov, Bakhtin, and many other eminent scholars who have elaborated on problems concerning space in their literary theories.

“Трогательная история глазами ребёнка о несправедливом отношении к инвалидам, произошедшая в московском метрополитене.” (Исаченкова, 2021)

[A touching story about the unfair treatment of disabled people that occurred in the Moscow metro through the eyes of a child.]

Just as the preliminary lines suggest, Ekaterina Isachenkova's short story, written in 2021, models a disabled child's inner world, experiences, and worldview, giving the readers immense insights into understanding what it might feel like to be seen as different. At the same time, space and spatial details play a dominant role in the entire course of the narrative, also implied by the title, which cites an actual location of Sokolniki Metro Station in Moscow, around which the events in the story unfold. The events appear to be a realistic account narrated from the perspective of a deaf girl who boards a train at Krasnoselskaya station of the Moscow metro, supposedly, as it is the preceding station to Sokolniki along with her mother. The child whose name has not been revealed to

the readers in the story, I suppose, indicates the intent of the author to shift the attention from an 'individual's identity and personal struggle' to the collective issues of all disabled people, regardless of the type of impairment they have. The readers encounter this joyful little girl with her mother traveling to Sokolniki park, where she hopes to eat cotton candy, enjoy skating, and spend the entire day with her. During her brief but eventful voyage, the readers are introduced to her inner thoughts, her joys, the secrets she keeps to herself, and her fears. We learn about the discrimination she endures at her school at the hands of her teachers and classmates, her fantasies about her father, whom she has never seen or known, and her relationship with her mother she deeply adores and cares for. The plot starts with describing the place of the action, The Moscow Metro lines, as seen through the child's eyes along which the plot moves. These lines adequately suffice her mood and her position in space:

“Мне нравится, как пахнет в метро, ... как поезд проезжает красивую мраморную станцию, набирая скорость.” (Исаченкова, 2021)

The art and beauty of the Metro are not by coincidence awe-inspiring to the girl. If we look back in time, the construction project represented the culmination of Soviet and Stalinist ideas. It was one of the early examples of the promised modernization, industrialization, and shared community spaces for the Russian people. The construction was authorised by Stalin, who declared that the proletariat should feel like nobility while entering the Metro. The stations have a unique palatial, almost reverent feeling to them, which was designed to accentuate the brightness of the sun and give passengers a sense of “светлое будущее,” i.e., their bright future. Each station was commissioned as a separate project, and a great deal of research and creativity went into making each station distinctive, with a specific theme and lavish artwork, earning it the title of “the Palace of the People.”[1] The palatial decoration of stations was replaced with a more functional style after the death of Stalin, as the attitude towards architecture changed significantly with time. However, what remains even today, as modeled in the story, is the mesmerizing effect this fusion of history, culture, art, engineering, and functionality leaves on people's minds the moment they enter the premises.

The first Moscow metro line, "Сокольническая Линия," was opened in 1935, connecting the city's two largest parks, Sokolniki to the north and

Park Kultury to the south. It has already grown to 14 lines and 236 stations today. "Sokolniki Park" is the precise spot where the child and mother are traveling in the story to spend their day. It is one of the most historic and well-known Public parks in Moscow, featuring an aging funfair and other amusements for children. The following lines of the conversation between the child and mother on their way provide some historical description of the park and the surrounding urban landscape:

“Через пару минут она как будто вспоминает ... она говорит, что по пути в парк мы их увидим.” (Исаченкова, 2021)

On the territory of today's Sokolniki Park, an untouched forest spread across from Moscow to northern Russia in the 14th and 15th centuries.[2] Russian monarchs have used the forest region closest to Moscow for falconry since the 15th century. Sokol is the Russian word for "falcon," and the term "Sokolniki" comes from the falconry they practiced. Festivities were held in forest glades during the reign of Peter the Great. Sokolniki's landscaping began in the mid-1800s, and the plan has been mostly retained to this day. Glades and alleyways were planned out from a central circle, and irrigation systems, roadways, and even a horse-drawn railway were built using contemporary technology. Acquired by the city of Moscow in 1878, Sokolniki was turned into a public park that anyone could enjoy. However, celebrations and royal activities continued, including Alexander III's lavish coronation rituals. After the October Revolution, Sokolniki Park was neglected and remained so until the 1930s. It was designated as a park for culture and recreation in 1931, followed by extensive restoration work to revive the park's former beauty and glory. Cultural leisure venues such as music halls, reading rooms, and exhibition galleries were given special consideration. The park prospered in the postwar years, becoming one of Moscow's largest parks, and hosting national and international events. In the 2000s, the park was again renovated and designated as an area of "special environmental, historical, cultural, and recreational importance" in 2009. After a few years, a museum was constructed in 2015 to impart the history of the park and its surrounding neighborhood, as well as to document centuries of leisure and festivities in Moscow. Thousands of people attend symphony concerts, films at the summer cinema, literary readings, dance nights, marketplaces, fairs, sports contests, and other activities at Sokolniki Park every year, continuing a centuries-old tradition.

As we proceed to understand the structure and intricacies of the space that the story models and this disabled child inhabits, it is crucial to observe that so far, the space has a significant role in providing background and motion to the plot. In some instances, we shall explore further it shapes the plot as well, impacting the psychology and behavior of the characters. At the same time, key locations in the text where the action occurs, such as the Railway station and the Park as we have seen, serve as essential archetypes for cultural exchange and historical memory, assisting us in deciphering the world picture portrayed in the text. Furthermore, we will explore various spatial metaphors and binary oppositions manifested in the text, such as "High-Low," "Open-Closed," "Interior-exterior," and "Here-There." etc. These spatial binary oppositions act as an organizing parameter and carry the capacity to model non-spatial values and cultural meanings associated with them, for example, "Good-Bad," "Right-Wrong," "Safe-Hostile," "Own-Alien," "Rational-Fantastic," "Proper-Improper."

"Closed vs. Open," one of the most significant modeling parameters, carries the meaning of "Conservative vs. progressive," "Exclusive vs. Inclusive," "Spiritual death vs. freedom of the mind," respectively. The Railway station and train compartment initially depict an Open space that welcomes diversity, differences, and all kinds of people regardless of their economic status or social identity. The worldview here is associated with inclusivity; not even for a moment that girl feels out of place or has been made conscious of her disability; she feels comfortable and included as she enters the train carriage with her mother. We become engrossed in the lovely, caring relationship between the child and the mother without being made aware that they are unique or different in any way. The following lines depict the Open space inside the carriage:

“Смеемся. Мамина сумка через плечо съехала набок, ... Я морщусь и стягиваю ее. Чешется голова.” (Исаченкова, 2021)

We see the alteration of space as the train accelerates and eventually reaches the tunnel, a "Closed space." It changes the plot, the tone, and the mood of the characters. Increasingly joyful conversations turn into gloomy flashes of exclusion and discrimination experienced by the child at her school as a result of her disability and difference. Consider the following lines:

“На уроке над моим диктантом смеялись ребята ... А сегодня про меня забыли.” (Исаченкова, 2021)

Thinking about the school makes the child feel uneasy. The space of the school portrayed in the text reveals it as a closed, hostile, and unsafe place where disabled kids and their differences are barely accommodated. This space is modeled by the binary opposition “Own vs. Other,” which here carries the meaning of Safe vs. Hostile, Familiar vs. Strange. The child at school is never at peace and is constantly at odds with her surroundings. She does not comprehend and often contemplates why she is being subjected to such mistreatment by her fellow classmates and the teacher. Why did she get an F for writing what she heard? As deafness is the only state she is familiar with. Why do other kids mock her, and all her attempts to befriend them go in vain? She feels alienated, “Other” at the school however, being with her mother gives her a sense of safety and belonging. She is particularly cautious and vigilant around her mother, never wanting to upset her, always clinging to her “Own” and the only familiar and safe refuge she knows of.

“И маме не буду об этом рассказывать. ... Я молча пожимаю плечами. Говорю, что все хорошо – с оценками все в порядке, с девочками дружу.” (Исаченкова, 2021)

Bullying, harassment, and exclusion from mainstream schools and society, in general, are everyday experiences shared by many disabled children, particularly in Russia. The text barely conveys the severity of the situation. “Segregation of disabled individuals to the point where they are not seen in public is the norm,” (Westberg) claims Sergey Kiselev, Chairman of the Apparel,[3] an organization working towards social protection and support for children with disabilities in Russia. In general, disability is viewed negatively as it is considered shameful in Russian society. The culture can be traced back to the Soviet era, with a famous anecdote: During the 1980s, when a western reporter inquired whether Russia would participate in the first Paralympic games, a Soviet representative flatly replied, “There are no invalids in the USSR.”[4] Even today, there is an alarming rate of child abandonment in Russia due to disability. According to Human Rights Watch Report, around 30% of children with disabilities in Russia are confined in state orphanages, despite the fact that at least 95% are not orphans. In addition to being abandoned, they are denied adequate schooling and frequently exposed to substantial violence, neglect, and abuse by orphanage caregivers as

a measure of control or punishment, such as being beaten, injected with sedatives and transferred to mental institutions for days or weeks.[5]

Returning to the plot, we observe another important spatial parameter, Inside vs. Outside, that is used to model the child's inner world. It carries the meaning of Interior vs. exterior, Fantasy vs. Reality. Not once but so many times, we witness the girl's intense emotional thoughts, her fears, her terrible experiences at the school, and her fantasies about her father. She deliberately keeps all of it to herself, not even disclosing them to her mother, who is the closest person in her life. Both an internal monologue and an exterior narration are going on simultaneously in the plot. She is often lost in her thoughts, even having an internal conversation in her mind with her mother and then snapping back to the external world, the reality. Consider these lines:

“В этот момент твои зрачки ... пытаюсь представить себе папу. ...
Представляю, как он смеется над твоими шутками ... купит ли она
их сегодня вечером. Она молчит.” (Исаченкова, 2021)

The author has exceptionally portrayed the natural phenomena with many disabled individuals, who often talk to their inner selves about everything. We have a rich inner world of our "Own" that helps us cope. It is often the only place where we are seen, heard, appreciated, understood, and included without being judged. Maybe this girl would not spend so much time internally if the external world were not so unaccommodating to her. Perhaps the layered and detailed nature of this internal world-building allows disabled people to exist in parallel with the world that should be and the one that is and possibly to find a way to bridge the two.

Furthermore, the dichotomy of Open and Closed space becomes extremely clear when the train abruptly stops inside the tunnel. Suddenly, what seemed familiar at first when they entered the carriage manifested itself as an increasingly strange and enchanted location with demonic forces at work. Another experience is in store for her in this terrible and frightening place. A warning is issued immediately. "Dear passengers, please remain calm. The train will depart shortly." The alteration of space can be seen as a warning sign of impending danger. It is important to note the impact it has on the people who inhabit the space, such as the fearful emotions, the intensifying heartbeat, the sudden silence, and the tense faces.

“Несмотря на предупреждение, ... Их лица в напряжении.”
(Исаченкова, 2021)

The opposition “High vs. Low,” “Holy vs. Unholy,” and “Heaven vs. Hell” is also activated here and connected to the previous one, “Closed vs. Open,” through the motif of the Tunnel. This location has the connotation of both a “low” and a “closed” space. High or elevated space is interpreted in various cultures as a superior location, the world of gods, mountains, or heaven, whereas low is interpreted negatively, often associated with Hell. Deep underground, inside the tunnel, darkness, doom, and the forces of evil take control, people remove their masks, and the atmosphere becomes oppressive and hostile for the girl and her mother. The three bullies that they encounter inside the tunnel are referred to as “враждебны.” It's worth noting that the root word “враг” in Russian can also be used to connote the devil. In fact, three of them are described as frightening and as having been corrupted by evil. Consider these lines:

“Один из них – очень крупный, ... А я от страха не могу глаз отвести.” (Исаченкова, 2021)

These men represent the evil of society. They mock the girl, point fingers at her, call her names, and make her feel extremely uneasy. All this occurs in the presence of other passengers, who are bystanders to their abhorrent behavior. The child tries to ignore them, but the bullies become alarmingly hostile and begin mimicking their gestures, distorting and laughing, and referring to the disabled child and her mother as “Monkies.” Again, the apathy of those around her and the consistent humiliation fills her with rage. “Why are they mimicking us?” she asks her mother, her eyes welling up with tears. “How come everyone is watching and doing nothing?” “Why isn't anyone willing to speak up for us? How come they do not care? Meanwhile, the mother tries to remain calm and divert her attention away from the situation. Noteworthy to observe how space influences and affects human behavior, causing apathy and evil in them.

As the train approaches the illuminated platform breaking out of the tunnel, the metamorphosis of space and its implications for the characters can again be observed. The girl who has, for now, remained silent about repeatedly being mistreated gathers the courage to confront her bullies. All her anger and resentment come out at once:

“Поезд замедляет ход. ... Поезд проносится мимо. Выдыхаю”
(Исаченкова, 2021)

Eventually, they reach their destination, “The sokolniki station,” And the story concludes, leaving us with several questions to ponder about the world picture reflected in the text, the lives of disabled individuals, their everyday struggles in public spaces/social spheres and their ongoing quest for meaning in the contemporary world. In some ways, the entire journey represents the girl's growing self-knowledge, culminating in her deciding to take a stand for the self against the violation of her dignity and her space. As portrayed here and as it is generally presented, Disability is considered a personal tragedy, solitary and spontaneous, and disabled people are treated as victims of "poor luck" who must simply accept disadvantage as their fate in life. The lack of awareness and comprehension of disability has exacerbated society's treatment of disabled people with contempt, neglect, and cruelty. So to summarise, by using spatial concepts to analyse the structure, the metaphorical use of space, and deciphering the sociological and historical connotations behind it, we were able to decode the world picture of the disabled kid's marginalized space. Apart from this, the function of the category of space, the setting in "Careful! Sokolniki station," is noteworthy. The description of Moscow's railway stations, train carriages, school environments, and public parks is frequently the primary subject of narration and serves the archetypes for cultural exchange and historical memory, loaded with spatial images and archaic motives. More specifically, spatial descriptions inform readers about the psychology of the characters. At the same time, as a form of geographical setting, it provides the relational background to the events.

Works Cited:

- Бланшо, М. Пространство Литературы. Москва: Логос. (2002).
Исаченкова, Е. Осторожно, станция «Сокольники». «ЛитРес: Самиздат». (2021).
Banik, D. S. Representation of Disabled characters in literature. INTERNATIONAL JOURNAL OF ENGLISH LANGUAGE, LITERATURE Vol. 3. Issue.2. (2016)
Casati, R. Parts and Places, The structures of Spatial Representation. London, UK: Massachusetts Institute of Technology. (1999).
Cheyne, R. Disability, Literature, Genre: representation and effect in contemporary fiction. Liverpool University Press. (2019)
Lotman, J. M. The Unpredictable Workings of Culture. (2013)
Lotman, Y. M. The Structure of the Artistic Text. Ann Arbor: University of Michigan. (1977).
Lotman, Y. M. Universe of the Mind, a semiotic theory of culture. USA: Indiana University Press. (1990)

Love, K. H. *The evolution of Space in Russian Literature*. Amsterdam: Editions Rodopi. (1994).

Manaev, G. *Why were disabled people persecuted in the USSR? Russia Beyond*. (Oct 2021).

Massey, D. *Space, Place and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press. (1994).

Massey, D. *For Space*. Sage Publications. (2005).

Phillips, S. D. "There Are No Invalids in the USSR!": A Missing Soviet Chapter in the New Disability History. *Multinational Review of English Language Disability Studies Degrees and Courses* Vol. 29 No. 3 (2009)

Westberg, K. (n.d.). Attitudes to people with disabilities are negative in Russia - Interview with Sergey Kiselev, Chairman of Apparel | Independent Living Institute. Retrieved October 31, 2022 ,from Independent Living Institute (ILI): <https://www.independentliving.org/docs/2010/Interview-Sergey-Kiselev-Russia.html>
<https://museumstudiesabroad.org/underground-palaces-moscow-metro/>
<http://park.sokolniki.com/about/history>
<https://www.independentliving.org/docs/2010/Interview-Sergey-Kiselev-Russia.html>
<https://wecapable.com/disability-in-russia-social-stigma-denialism-disability-laws/>
<https://www.hrw.org/news/2014/09/15/russia-children-disabilities-face-violence-neglect>

Adaptation of Spanish picaresque in 19th century Russian literature: a study of Quevedo's *El Buscón* and Gogol's *Dead Souls*

Dr. Mukesh Kumar

Assistant Professor
CSPILAS/SLL&CS
Jawaharlal Nehru University

Dr. Vinay Kumar Ambedkar

Assistant Professor
CRS/SLL&CS
Jawaharlal Nehru University

Adarsh Kumar

PhD Research Scholar
CRS/SLL&CS
Jawaharlal Nehru University

Abstract: This article explores the adaptation of Spanish picaresque novels in 19th-century Russian literature, focusing on Francisco de Quevedo's *El Buscón* and Nikolai Gogol's *Dead Souls*. Originating in 16th century Spain, the picaresque genre attracted global attention, inspiring authors to create their own autobiographical works.

The study delves into the autobiographical nature of picaresque novels one of the main feature of a novel to be a picaresque novel. Highlighting picaresque novels reception & adaptation in 19th-century Russian literature, in this article we also scrutinizes the works of M. Chulkov, F. Bulgarin, and Alexander Griboyedov, showcasing the genre widespread influence across linguistic and cultural boundaries.

Keywords: Spanish, picaresque, antihero, *Buscón*, adaptation

Spanish picaresque novels have been adapted into various languages and literature; since it had its origins in Spain they attracted various authors across the globe to come up with their own work of picaresque in the form of "autobiographical" writings that has become quintessential for a picaresque novel. In this article, we would like to highlight these autobiographical forms which were probably adapted from Spanish picaresque. This article will closely examine picaresque novels in general and it will also give a brief account of their reception in the works of 19th century Russian literature and features adapted in other similar autobiographical works, especially in the works of Nikolai Gogol.

In this article, we intend to expose briefly the picaresque novel, the character of the 'pícaro' or rogue, and his role in a discriminatory society. Also, we will attempt to investigate the adaptation of Spanish Picaresque as a genre in the works of 19th century Russian Literature. Also, we attempt to present examples from other stories from Global and particularly Russian literature that carry the elements of the Spanish picaresque. Further, we will give a brief comparison of *El Buscón* by Francisco de Quevedo and Nikolai Gogol's *Dead Souls*.

The Spanish picaresque novel, according to some studies, is a genre of prose fiction about the adventures of a 'pícaro' or rogue, who belongs to a low social class in a corrupt society. Originating in XVI Century Spain, the Spanish picaresque novel adopts a realistic style with some elements of comedy and satire. The picaresque genre emanated from and foregrounded a discourse from the margins during the Spanish Golden Age. This marginalization is reflected in the picaresque novels describing the life of "Pícaros", roughly translated as "rogue", mostly lacking "purity of blood" i.e. having converted lineage and living by their wits in a decadent society and therefore lacking "honor". The hegemonic notion of "Honour" drives the central conflicts of almost all picaresque novels including *El Buscón* by Quevedo and *Guzman de Alfarache* by Mateo Aleman amongst others. These novels in general and *El Buscón* in particular bring forth the linkages between identity and honour in social conventions dominant in the Spanish society where the "picaro's" "low origin" forever alienates him and stops any possibility of achieving an "honorable" position. In these works, we find common issues like poverty, religion, origin, identity, honor, social promotion, and morality.

The influence of picaresque novels can be surely felt in the narrative works of other European languages which is another important aspect of Spanish picaresque novels. Seventeenth-century English fictions that bear the influence of Spanish picaresque influenced a lot of 17th century English literature specially fictions like that of *The English Rogue* by Francis Kirkman & Richard Head. The German picaresque novel *Abenteuerliche Simplicissimus* is to date one of the most read and researched novels. Similarly, there exists a number of contemporary works which have picaresque elements in them.

Marcia A. Morris in her article 'Russian Variations on the Picaresque: The Narrative Short Form'; argues that the eighteenth-century Russian

literature witnesses a lot of picaresque works like that of *The Mocker* by M. Chulkov's which can be said as one of the many works inspired by the Spanish picaresque. Many others works got inspired later like the *The Comely Cook*, or the *Adventures of a Debauched Woman* (*Prigozhaia povarikha, ili pokhozhdenie razvratnoi zhenshchiny*, 1770). The Spanish picaresque was at its epitome with the publication of F Bulgarin's *Ivan Vyzhigin* in the year 1825 in Russia.

The translation of *Gil Blas* in 1754 was another major impact of Spanish picaresque, in Le Blanc's words "Its popularity encouraged copycats in the nineteenth century, in English, French, and even Russian, several of whom went so far as to lay claim to the hero's name (Iknayan 1958, 371)". Post Renaissance the Spanish picaresque can be viewed into two different branches, one with the adventurous plot and the other with the psychological plot i.e the spiritual adventure. Before Quevedo wrote his picaresque novel in Spain there already existed other stories with themes and features very similar to those used in *El Buscón*. Some of these novels are *Lazarillo de Tormes* (1554) by Anonymous author, *El Guzmán de Alfarache* (1599) by Mateo Alemán, *El Arcipreste de Talavera* (1438) by Alfonso Martínez de Toledo and *La Celestina* (1499) by Fernando de Rojas. Similarly, agreeing with the plot of above mentioned works authors from Russian literature to some degree also created such rouge characters or pícaro, some of the prominent ones are M. Chulkov's *The Mocker* (1766-89), followed by *The Comely Cook* (1770), *Ivan Vyzhigin* (1825) by F. Bulgarin, *Woe from Wit* (1823) by Alexander Griboyedov, *Dead Souls* (1842) by Nikolai Gogol.

Nikolai Gogol, an eminent author from 19th century Russian literature created more realistic characters in his novel which find resemblance with the characters of the genre of the picaresque novel of Spanish literature. Before Gogol, there were waves of picaresque adaptation in world literature even after that its conventions continued to find resonance in his novel *Dead Souls*. There is various disagreements among scholars to consider a novel a picaresque novel some propose a strict definition of it. Well, we find a certain degree of similarities in our selected picaresque novel i.e Quevedo's *Buscón* and Gogol's *Dead Souls*. We would like to highlight that the picaresque whether Russian or Western is usually in a novel form and it should be an autobiographical account. These novels even contains non-heroic narrator who often comments on the events in an ironic and humorous manner. It will be in episodic structure, due to which readers have a

chance to encounter a variety of characters. It comes with a satirical tone, irony, and humor. The style of writing will be usually simplistic. The similarities which we are able to collect from

Russian literature concerning the Spanish picaresque are:

- It is inspired by the reality of the facts.
- It contains customs and secrets of the time.
- It presents the life of the marginalized rogue protagonist.
- Their characters are victims of the events.
- The social complaint and prejudice.
- The oppression, there was no social equality or freedom.
- Sarcasm and irony.

The 'pícaro' appeared for the first time in the novel *El Guzmán de Alfarache* by Mateo Alemán. At a time, when people were oppressed by an imposed religion. In my view this character of pícaro can also be viewed in the spectrum of 'Antihero' a non-traditional hero who is in constant conflict with reality, however, the 'pícaro' comes in the domain of 'Antihero'.

Some specific features of the pícaro, the main protagonist of the picaresque novel, are that he behaves as an outsider in the society and his adventures and misadventures form the basis of the narrative. His individual journey and experiences are focused rather than the overarching traditional plot. Due to his marginalization, he is possessed by the idea of identity and honor.

He is majorly a rogue who needs a change of pace, customs, and environment. He mocks everyone, even himself, but the 'pícaro' wants one thing, 'live' and to be free. He presents himself as an 'Antihero' of society. He gives a realistic portrayal of society. The darker part contains vices and corruption, poverty and suffering prevailing at that time. He is a critical voice questioning the morality and values of society.

Quevedo and *El Buscón*

The picaresque novel *El Buscón* tells the life and catastrophic adventures of the rogue don Pablos. The story is divided into three books. The first book contains seven chapters, the second book six chapters, and the third in ten. Arellano makes a diagram of the life of don Pablos: genealogy and childhood, training and education, services of an owner, partial punishments and final failure. The plot is full of metaphors,

puns, hyperbole, etc. The character is ridiculous, grotesque, and has a vulgar life. His father Clemente a barber came from a Jewish breed. He was considered Jewish infected, and in the novel, the connotation for barber a low-born and mixed Christians is villainous.

Also, they face discrimination from their neighbors because they suspected that Aldonza de San Pedro was not an Old Christian. After all, her last names were typical of converts from Muslims and Jews. In the Spanish Golden Age, the social condition was very important, because if you were not an Old Christian, the people discriminated against you.

For New Christians, since anyone who could not prove the cleanliness of their blood was prohibited from studying at the University, professing in a religious order, joining the army or, traveling to the Indies. New Christians lacked honor (Buscon 77). This depicts the religious stratification in Spanish society.

The character of Pablos, who is nothing lucky or graceful, because is a son of converts, lives the sentence of his parents by the Inquisition. But Pablos, in his desire to be a gentleman, deny his parent's blood. For Von der Walde: "In Quevedo, no convert can have virtue" (278). The character of Pablos lives off appearances. He wants to be surprised to fit in a society where only a group of people shine. Pablos denies its origins and his family. Also, "He took refuge in the churches, not because he was a Christian, but to escape the persecutions of justice" (Parello 253). The same Pablos, in the picaresque novel, indicate that he was not a good Christian. Also, the character of Ana Moráez, her blood cleaning was questioned and she was not allowed to marry. Here we see that Pablo is an outsider, a wanderer without a fixed horizon. He wants to thrive, but without having to work. Try to obtain the only goal, live freely in the present, which reflects his ordinary life.

Finally, Quevedo portrays the conflict behind the foundations of a clean society and mocks the concept of purity of blood. It is very evident ever since the beginning of the novel that Pablo is the central figure of the novel and is an account of an individual's life as it happens with other western autobiographies.

Nikolai Gogol and Dead Souls

In May 1842, the first volume was published Gogol's Dead Souls. In "Dead Souls" Gogol addresses the main theme of his work which is the

ruling classes of Russian society. As a basis, he took the "Divine Comedy" by Dante Alighieri to make his work satirical; the "Dead Souls" were to consist of three parts. Even the title of the poem refers to the reader of Christian principles. "Dead Souls" The name itself is an oxymoron, a comparison of the incommensurable. The soul is a substance that is inherent in the living, but not in the dead.

In the novel, the protagonist is involved in illegal dealings of dead serfs with high-class Landowners. It is the essence of Chichikov's machination to buy up the dead serfs and take money from them as collateral. Here the title "Dead Souls" is designated to the landowners because there is nothing human & alive in them. They are ruled by greed for gain, scantiness, cruelty, and rudeness.

On the title page of the first edition, it was written: "Chichikov's Adventures, or Dead Souls" The meaning of the title of his poem is explained by Nikolai Vasilyevich himself in the manual on literature. There he calls a poem a genre intermediate between epic and novel. In the center of this genre is to stand a hero - an ordinary man, through the adventures of which the mores of his contemporary era are displayed.

In the example, Gogol quotes Don Quixote by Cervantes. In addition to the listed qualities, "Dead Souls" closely borders on the picaresque and even social novel. In the first volume of "Dead Souls" ("Hell" by Dante) Gogol conceived to show evil - a vicious bureaucracy and a landlord class. It was realized through a system of images. The images of the landlords are presented as they grow spiritual decadence and moral baseness. In describing each of them, Gogol emphasizes that this is not a special case, but the type of people: "Manilov belongs to people so-so"; Box - "One of those mothers"; "People like Nozdrev had to meet many people." Such morally impoverished people are born by the social environment. Here the author sentenced both the landlords and the entire feudal system as a whole and characterized how distorted they are. Another negative image depicted in the work is of bureaucracy. The bureaucratic apparatus is the place where one can profit from getting bribed. The process of obtaining bribes is put on stream. We can recall the episode when Chichikov gives a bribe to Ivan Antonovich. The actions of an official are brought to automaticity: to see a bill - to cover it with a piece of paper - to pretend that everything is in order.

"El Buscón" by Francisco de Quevedo and "Dead Souls" by Nikolai Gogol are two important works of literature that have been widely recognized for their literary merit. "El Buscón" is a satirical novel that explores the theme of greed and corruption in Spanish society during the early 17th century. Through the character of Pablos, Quevedo critiques the decadence and moral decay of the upper classes and the societal pressure to conform to their norms. He employs irony, sarcasm, and humor to emphasize the absurdity of the characters and their actions.

Similarly, "Dead Souls" is a satirical novel that critiques the social, economic, and moral decay of Russian society during the 19th century. Gogol uses the character of Chichikov to portray the greed and corruption of the landed aristocracy and the moral emptiness of the Russian intelligentsia. He employs absurd and grotesque characters and situations to emphasize the absurdity of the society he is critiquing. Here we sense the adaptation of Spanish picaresque in the works of Gogol. We can say it helped Russian authors to come up with the new form of such characters which gain popularity among scholars. This trend of adaptation is visible in contemporary Russian literature. Spanish adaptation can be seen in the works of Shasha Sokolov, *A School for Fools* (1977) & *The Palisandr Saga* (1985).

Works Cited:

- Alfred A. Knopf , *A History of Russian Literature*, (New York, 1969) 40.
- Bjornson, R. *The picaresque Hero in European Fiction*, University of Wisconsin Press 1977.
- "Dead Souls Study Guide." *Course Hero*. 29 Sep. 2020. Web. 3 Feb. 2023.
- Frank Wadleigh Chandler, *The Romances of Rougery* (London: MacMillan, 1899)
- Gogol, Nikolai Vasil'evich. *Dead souls*. Vol. 2. Penguin, 1961.
- Harry Sieber, *The Picaresque* (London: Methuen & Co., 1977) 58.
- I.R. Titunik, "Mikhail Chulkov's 'Double-Talk' Narrative," *Canadian- American Slavic Studies*, (1975): 35.
- Lotman, *Struktura khudozhestvennogo teksta* (Providence, RI: Brown University Press 1971) 265.
- LeBlanc, Ronald D. 1986. "Making 'Gil Blas' Russian". *The Slavic and East European Journal* 30: 340–54.
- LeBlanc, Ronald D. "Gogol's Chichikov: Russian Picaro or Real Vyzhigin?". *Canadian-American Slavic Studies* 23.4 (1989): 409-428. <https://doi.org/10.1163/221023989X00419> Web.
- Quevedo, Francisco de, *La vida del Buscón llamado don Pablos*, ed. Fernando Lázaro Carreter, 2^a. ed., Salamanca, Universidad de Salamanca, 1980.
- Randall, Dale B.J. "The Classical Ending of Quevedo's *Buscón*." *Hispanic Review* (1964): 101-108.
- Van Gorp, Hendrik. "Translation and literary genre: the European picaresque novel in the 17th and 18th centuries." *The Manipulation of Literature* (Routledge Revivals). Routledge, 2014. 136-148.

Intersecting cross-cultural perspective of Indo-Russian culture

Dr. Ashutosh Anand

Assistant Professor
Centre of Russian Studies,
School of Languages, Literature and Culture Studies,
Jawaharlal Nehru University, New Delhi
aanand@jnu.ac.in

Jyoti Kumari

Research Scholar
Centre of Russian Studies,
School of Languages, Literature and Culture Studies,
Jawaharlal Nehru University, New Delhi
jyoti70_llj@jnu.ac.in

Abstract: Indian songs have always been popular across Russia – from grooving to ‘Jimmy Jimmy’ to contestants travelling across borders to participate in Indian reality show Dil Hai Hindustani. The popularity of Indian songs has always had a magnetic effect on Russians. This popularity is however not a novel affair as the cultural bonds between these two countries dates back to ancient time and has multiple similarities in various aspects. Both these countries not merely enthusiastically engage in music but also share other commonalities including – linguistic resemblance, religious tolerance, deeply rooted credence in superstitions, notions of ethics, value for peace, strong traditions and unwavering faith in one’s biological family. The history of relations between Russia and India goes back centuries. Historically, culture had a significant impact on the development of interpersonal relationships. Despite the fact that India and Russia do not share neighbourhoods and having very different geographical locations, both countries have a lot in common. India has attracted Russian travellers for a long time, and its history is covered with many fascinating truths, mysteries, and myths. Russian travellers who visited in the mediaeval era pictured India as a ‘fairyland’ with fantastic animals, lands of ‘Rajas and Maharajas’ and wise sages. The Indo-Russian relationship is frequently described as an all-weather and time-tested cooperation built on similar interests, civilizational commonality, mutual trust, and uniformity of perspective on global concerns and geopolitical goals. Perception of India by the travellers who travelled to this country allows a deeper understanding of the culture and history of India and its civilizational features.

Keywords: Cross-cultural Perspective, family values, patriarchal system, domestic violence, stereotypes

Indian songs have always been popular across Russia – from grooving to ‘Jimmy Jimmy’ to contestants travelling across borders to participate in the Indian reality show Dil Hai Hindustani. The popularity of Indian songs has always had a magnetic effect on Russians. This popularity is however not a novel affair as the cultural bonds between these two countries date back to ancient time and has multiple similarities in various aspects. Both these countries not merely enthusiastically engage in music but also share other commonalities including – linguistic resemblance, religious tolerance, deeply rooted credence in superstitions, notions of ethics, value for peace, strong traditions, and unwavering faith in one's biological family. The history of relations between Russia and India goes back centuries. Historically, culture had a significant impact on the development of interpersonal relationships. Despite the fact that India and Russia do not share neighbourhoods and having very different geographical locations, both countries have a lot in common. India has attracted Russian travellers for a long time, and its history is covered with many fascinating truths, mysteries, and myths. Russian travellers who visited in the mediaeval era pictured India as a ‘fairyland’ with fantastic animals, lands of ‘Rajas and Maharajas’ and wise sages. The Indo-Russian relationship is frequently described as an all-weather and time-tested cooperation built on similar interests, civilizational commonality, mutual trust, and uniformity of perspective on global concerns and geopolitical goals. Perception of India by the travellers who travelled to this country allows a deeper understanding of the culture and history of India and its civilizational features.

Cultural relations between India and Russia have developed ages ago. Before Vasco-de-Gama introduced India to the West, Afanasy Nikitin travelled to India and established the first link between cultures of both countries. Russian scholars like Gerasim Lebedev and Nicholas Roerich have visited India to study the philosophy and culture of this country (Shah n.p.). Russian philosophers and writers such as Leo Tolstoy and Alexander Pushkin have profoundly influenced and contributed to Indian literature and ideas. Russians have grown up watching Bollywood cinema for several generations. Since the second half of the 20th century, the interest in yoga in Russia has grown immensely, and it is becoming increasingly popular day by day. The number of Indian tourists to Russia and Russian tourists to India has significantly increased. The two countries are taking steps to facilitate more affable access to each other's citizens.

India is a very spiritual nation, home to many gods and several religious schools of thought. It also has one of the oldest and most ancient cultures, which teaches us ample lessons about the value of humility. Work is the centre of one's life. It is important for Indians to have a great accomplishment in the workplace. An individual's action is influenced by a variety of beliefs, including public values, social values, family values, and opinions of one's family, extended family, neighbours, work group, and other such broader social networks to which one has some affinity.

The family value system is one of the vital and striking aspects that conjoin both the cultures, Indian as well as Russian. The multiple features of the family value system overlap with each other in both countries. One's family occupies the most important position in an individual's life in India and also in Russia. One's identity emerges from the family and is so deeply intertwined with the lineage that de-linking one's identity from family appears to be an onerous task. The idea of a nuclear family is still at its initial stage as adults even in their thirties in India and Russia usually live in their natal home with their parents. Relatives usually live in close proximity to each other that has led to a culture of interdependence and co-dependency. Even the extended family members are also emotionally involved with an individual's life and help in running the household. It is considered to be the obligation of both the immediate and extended family members to extend help and support to any individual in need. Grandparents play an essential part in the upbringing of children. Further in Russia after the birth of a child, the grandparents might be invited to live with the nuclear family to play the part of caregivers to both the child and the mother. Both within the family and community, the authority of the family is vested with the elderly who play a vital role in the decision-making process of the family.

India has a quite crowded housing system compared to Russia. Traditionally, three generations lived together under the same roof. However, contemporary India and Russia have witnessed the exponential growth of nuclear families. There has been an influx of young people in the metro cities either for education or in search of work or employment, all striving hard to carve their path to the upper echelons of society. In addition to this, a lot of young couples aspire to leave their parents' house after getting married. In the present scenario, the majority of the working-class population lives away from their family (often families settled in villages or small cities) with their spouses and children. Many grown children often live with their parents since independent

living can be difficult because of a shortage of space and difficult economic conditions. When one of an elderly couple's living partners becomes widowed, they generally move into one of their children's homes to receive care as they age.

Another resemblance between the two countries can be traced through the disparity in the gender ratio of employment. Albeit, theoretically women have been conferred with equal educational and employment rights in Russia as Soviet Russia had sought to empower women by increasing their number in the various sectors of workforce thus radically manoeuvring towards gender equality. However, since the disintegration of the USSR in 1991, a significant amount of the progress towards gender equality has slowly been ebbed away. Human rights violence is a serious matter (Brown 349). Domestic violence too falls within this category but the fact that it is least publicised is a serious concern. Traditional Indian culture structurally has rigid patriarchal rules as well as the clear division between public and private life. Patriarchy is a contributing factor in the issue of domestic abuse, which has made the battle for justice against the terrible act long-lasting and unyielding.

Today, though, most women have the chance to seek higher education, and many of them work to improve their household income. They still don't hold many leadership positions in Russia. Even in the 21st Century, the major political space has been dominated by male politicians. Russian society has very strong notions about femininity and masculinity. Women are expected to appear feminine, quiet, and well-groomed. Although it's more acceptable for guys to be unkempt, slightly messy, and out of shape, yet men should also present themselves neatly. A Russian man's manhood may be questioned if he is extremely well-groomed.

Russian dating customs are comparable to those of English-speaking Western cultures. Yet Russians typically go into dating with the idea of a committed partnership. The ultimate goal is marriage, so dates are less casual. Most couples connect through their social networks. Another growing trend is the use of dating websites. Men are expected to act like gentlemen whereas women typically act distant on dates. It is believed that the guy must use charm and persuasion to win the woman over to his side by taking romantic actions like buying her flowers, covering her travel costs, and purchasing presents. Unlike Russia, India is known for arranged marriages. The majority of Russians and Indians, from both

countries, get married in their early 20s, frequently in the year's right after they graduate from college. Being unmarried for a long period is frequently seen as rather embarrassing; older unmarried women, regardless of their money or profession, have particularly poor social positions. Although some Russians could opt to cohabit as a legally wed couple for a while, marriage is typically preferable. In Russia, divorce is fairly prevalent. 51% of marriages in 2011 ended in divorce ("Marriage and divorce rates in Russia 2000-2021" n.p.).

Throughout humanitarian crisis and other tragedies, women have been suppressed and kept in their shells, never being permitted to emerge out of fear that they would be too delicate. Civilizations and cultures throughout the world failed to recognise the fact that women have survived and have been treated unjustly. Domestic violence in India as well as in Russia poses a big humanitarian question. Apart from violation of one of the basic human rights, domestic violence is also the least reported and discussed even in the present digital era. Traditional Indian culture structurally has rigid patriarchal rules as well as the clear division between public and private life. Patriarchy is a contributing factor in the issue of domestic abuse, which has made the battle for justice against the terrible act long-lasting and unyielding. Domestic abuse is one of the greatest tragedies in our country that is inflicted upon on a daily basis to most women. Women are subjected to domestic abuse regardless of their caste, age, class, and colour, social and economic status. The issue is made worse by the dominant and repressive behaviour of men in society and the deliberate victimisation of women. In almost every family in India, there is some form of domestic violence, where women are mistreated verbally, physically, psychologically or financially (by coercing them to leave their jobs post marriage and not giving them adequate money for maintenance). Men and women both are equal before the law, yet women face discrimination in the present male-dominated society. According to statistics released by Statista Research Department, Russia ("Number of violent crimes committed against a family member in Russia from 2012 to 2021" n.p.), on July 4th 2022, there were 32.8 thousand family violence offences reported in Russia in 2021. Domestic violence crimes affected more than 32,500 victims in total in 2021. In India, according to the statistics released by the National Family Health Survey of 2015-16, 30% of women have experienced domestic violence at least once since their childhood (n.p.). According to these statistics, 4% of all pregnant women have encountered marital abuse at some point throughout their pregnancies. The real figures might

be double or more than this because these statistics are based only on reported cases. It is important to emphasize on the fact that many more such cases of violence go unreported.

People experience incredible technological advancements and cutting-edge technology every day in this digital world, where education is of utmost importance. But despite their education and social standing, individuals continue to "sit down for a moment" before long journeys or "look in the mirror" when they reach their destination. In addition, a lot of individuals, young and old, frequently carry something with them that they think would bring them luck and happiness. And it's likely that even individuals who do not believe they to be superstitious may feel uneasy if they see a broken mirror or even a cat crosses their path, etc.

Similar to Indian culture and tradition, Russian culture and tradition too is also extremely conventional and superstitious. Both countries share numerous beliefs and superstitions yet it is difficult to ascertain which culture influenced the other. There are many beliefs that are similar in Russia as well as in India. For instance, it is considered unlucky if a black cat crosses someone's path. A lady blocking one's path while carrying an empty water bucket is considered unfavourable omen, whereas a woman carrying a full bucket is regarded as good luck. Seeing a funeral procession brings good fortune to the individual. However, it's path should never be crossed as doing so might bring bad luck. It is also believed that stepping on a child will stop their growth. It is considered bad luck to break a mirror or look in a broken mirror. It is deeply believed that looking into broken mirrors will bring years of misfortune and so on.

Conclusion

The history of relations between Russia and India goes back centuries. Both countries share a long history of relations in various spheres, like, historical background, political relations, trade relations, defence and security, nuclear, space exploration, science and technology as well as cultural relation. Both countries have multiple things in common like, societal and family values, man as bread earner of the family, patriarchal societal system, linguistic similarities, stereotypes and many negative aspects like domestic violence and many more.

References:

Adler, Nancy J. "Cross-Cultural Management: Issues to Be Faced." *International Studies of Management & Organization*, vol. 13, no. 1/2, 1983, pp. 7–45. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/40396952>. Accessed 5 Jan. 2023.

Bilateral Relations: India-Russia Relations. Embassy of India, Moscow, Russia.

Brown, Archie. "The Gorbachev Era." *The Cambridge History of Russia, The Twentieth Century*, vol. 3, edited by Sunny, Ronald Grigor, Cambridge University Press, 2006, pp. 316-351.

Budhwar, Pawan et al. "A cross-national comparison of cultural value orientations of Indian, Polish, Russian and American employees". *The International Journal of Human Resource Management*, vol. 17, no. 6, June 2006, pp. 1076-1094. doi:10.1080/09585190600697364

Chaudhary, Manuradha. "Indian and Russian beliefs: A comparative analysis". *Critic*, vol. 17, no. 2, 2020, pp. 99-105.

Devi, Kalpna. Kumar, Sanjeev. "Domestic Violence Against Women Indian Perspective". A Creative Connect International Publication, pp. 98-109.

Horne, S. "Domestic violence in Russia." *The American psychologist*, vol. 54, no. 1, 1999, pp. 55-61. doi:10.1037//0003-066x.54.1.55

International Institute for Population Sciences (IIPS) and ICF. 2017. National Family Health Survey (NFHS-4), 2015-16: India. Mumbai: IIPS. <http://rchiips.org/nfhs/NFHS-4Reports/India.pdf>

Meyer, Erin. *The Culture Map*. Public Affairs, 2016.

Mona, Shoba Suri. Sarkar, Debosmita. "Domestic Violence and Women's Health in India: Insights from NFHS-4," Observer Research Foundation, ORF Occasional Paper, No. 343, January 2022.

Nadda, Anuradha et al. "Study of Domestic Violence among Currently Married Females of Haryana, India." *Indian journal of psychological medicine*, vol. 40, no. 6, 2018, 534-539. doi:10.4103/IJPSYM.IJPSYM_62_18

Racioppi, Linda, and Katherine O'Sullivan See. "Organizing Women before and after the Fall: Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia." *Signs*, vol. 20, no. 4, 1995, pp. 818–850. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/3174884>. Accessed 6 Jan. 2023.

Rollins, Kay. "Putin's Other War: Domestic Violence, Traditional Values, and Masculinity in Modern Russia." *Harvard International Review*, 3rd August 2022, hir.harvard.edu/putins-other-war/.

Russia; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2012 to 2021. "Number of violent crimes committed against a family member in Russia from 2012 to 2021". © Statista 2023, June, 16th 2022.

Russia; Russian Federal State Statistics Service; 2000 to 2021. Marriage and divorce rates in Russia 2000-2021. © Statista 2023, July, 14th 2022.

Shah, Aditi. "Afanasy Nikitin: India through the eyes of a Russian traveller." *Live History India*. 09 August 2020, livehistoryindia.com/story/people/afanasy-nikitin

Violence against women, World Health Organization, 2021, who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women

Wang, B., Xia, L. & Wu, A.M. "Social Development with Public Value: An International Comparison". *Soc Indic Res* 162, pp. 909–934, 2022, doi.org/10.1007/s11205-021-02805-5

The scary old women – comparing Russia’s Baba Yaga and Japan’s Yamauba in folklore

Dr. Janashruti Chandra

Assistant Professor,

CJS, SLL&CS, JNU

janashruti.chandra@gmail.com

Abstract: In the postmodern world, horror has a rightful place and from time to time, demonic creatures have made their appearance in folklore that still live on in the hearts and minds of people. Further, an ambivalent feminine form of the creature often conjures up a more mysterious existence. In Japanese folklore, Yanagita Kunio defines yamauba as an aged woman living in the mountains away from civilization. A striking similarity is seen in Russia’s cultural motif embodied by Baba Yaga. The paper draws a few parallels and distinctions between the two demonic characters that devour unsuspecting people trespassing on their turf. A few stories from Russian and Japanese will be explored to understand the ogress.

Keywords: Folklore, Baba Yaga, Yamauba, Narrative similarities, Gender

INTRODUCTION

It is the nature of cultures to fuse and transcend cultural boundaries, be it through population contacts as a result of migration, trade or warfare. This is usual for narratives in urban literature that travel and form the dominant strain to assimilate and influence another culture. Rural folklore, on the other hand, is devoid of influences brought about by commerce and civilizational contacts. They propagate out of man’s close contact with nature and the anonymity in authorship relegates them to belong to collective tradition of a community. Folklore can be regarded as a peek into a community’s perception imbued with local references. Yet, we often see folktales that defy boundaries of language and space, thereby creating a paradox. The attributes of traditionality, irrationality, anonymity, communality, universality and orality are consolidated in the idea of folklore. Thompson (1946), an American folklorist and arguably best known for his Motif Index of Folk Literature, in “The Folktale” mentions that the same type of tales and motifs are found scattered over the world and thereby provides a key understanding to the human psyche. The themes, the metaphors, the protagonists and sayings of people exhibit a high degree of similarity that history otherwise cannot explain.

Central Concept

This paper is an attempt to discuss two cultural symbols of Russia and Japan- the frightening wise old witches embodied as Baba Yaga and Yamauba respectively, in the folklore of the two cultures. The intercultural weaving of witches and wise women worldwide is fascinating and attested also by the etymology of the English word 'witch', which is derived from wit. Both Baba Yaga and Yamauba seem to stem out of a concept of a primordial goddess governing birth and death, but who, over course of time, is disempowered and relegated to an inferior position devoid of the original goodness and comprehended as an evil incarnate.

Yanagita Kunio (1875-1962), an exponent of folklore studies in Japan who is regarded as father of modern Japanese folklore studies, in treatise, "Kosho Bungei shiko" (1947), maintains that all folktales have their roots in Shinwa (God's tales). He defined shinwa as a narrative tradition to explain origins of cosmological life that was used in official formal ceremonies to establish social order and rule. Komatsu (2000) explains that the supernatural deities that were worshipped were known as kami, while those that are not worshipped, were termed youkai for their malicious, antimoral, antisocial intent or actions. In ancient Japan, spirits were thought to be formless and invisible to the human eye. Artistic manifestations in form of painted scrolls was its earliest depiction form. During Edo period (1603-1868) ghost stories experienced a huge surge in popularity. Juxtaposed against shinwa category of tales, are the legends about youkai and local heroes that are narrated at village festivals and family gatherings to modulate daily life with the purpose to inculcate moralistic values and preserve the community. Another well-known folklorist of Japan, Keigo Seki (1979), categorizes legends further as Religious and Cultural narrative legends. Since the witches belong to the realm of the supernatural, they will be treated as Religious legend in this paper.

Witchcraft had its place in the Russian folklore with many ved'mas (witches), out of which the most iconic is Baba Yaga, a ferocious ogress of the Slavic tradition who is first mentioned in a grammar book in 1755 leading to lively discussions regarding the etymology of her name. The first half of her name translates to 'married peasant woman' and lends the air of a grandmother figure as she is depicted being old. The second half of the name is shrouded in mystery and connotes the meaning of evil, hunter, illness and even snake. She is akin to the Pagan goddess who is an embodiment of forces of nature. She shares traits with

Mexican Santa Muerte and Indian goddess Kali, but has no Roman counterpart making her a typical Russian entity in the region. Although, Baba Yaga has been a part of the oral tradition of Russia, the first written tales were published by Alexander Afanasyev in the nineteenth century who was inspired by Grimm Brothers to collect and document the tales. The character of Baba Yaga was later immortalised in the opening verse of “Ruslan and Ludmila” by Pushkin, shifting her to canonical literature as well. The appearance of the character as depicted in art and in public imagination is that of a grotesque old woman with a huge nose, dishevelled hair, gnarled fingers and sometimes described to have one foot. She travels in a mortar using the pestle as a rudder. Like the other western witches, she too has a broom made out of silver birch to remove the tracks but it is not her primary mode of transportation and could be a later addition.

Baba Yaga Tales

Baba Yaga is an elusive character who lives in the forest away from human habitation in a log cabin surrounded by burning skulls, often with one pole free awaiting the next victim. The forest of Baba Yaga symbolizes the otherworld. It is the traditional symbol in the Slavic custom as a place of peril and the legendary witch stories are used to keep children from straying into the woods. The house built on a chicken keg revolves on a spindle and spins with magic words to show the entrance. Often, a wanderer seeks Baba Yaga out on his or her mission, such person is either helped or devoured by her. Vladimir Propp, an influential theoretician who applied structuralism in humanities, in “Morphology of the Folktale” (1968) categorizes the character roles found in Russian folktale and Baba Yaga fits into multiple roles- that of a villain, a donor and a helper. In Western tales, the villain and the donor roles are polarized as a witch or a fairy godmother, while, Slavic tradition is complex with the ambiguity of good and bad. Baba Yaga has cannibalistic urges and eats children and the young, thereby, definitely belonging to the realm of the villain. However, there are many tales where she is seen in a helping or a donor role. In the following section, two Russian folktales about Baba Yaga will be enumerated upon where she acts as a catalyst of change.

Vasilisa the Beautiful

Vasilisa the Beautiful is a well-known folklore where a girl named Vasilisa is sent by her stepmother to Baba Yaga’s house to fetch fire. The stepmother sent her on the impossible task wishing her death at the

hands of the ogress. Vasilisa possessed a magical doll that was given to her by her own mother before her death. At the abode of the witch, Vasilisa completes the impossible tasks set out by Baba Yaga successfully with the help of the doll and escapes the wrath of being eaten. She is rewarded by the witch with fire to take back with her in a burning skull. The fire also frees her from tyranny of her stepmother, by burning the stepmother to ashes.

Natasha and Baba Yaga

To get rid of Natasha, the wicked stepmother sent her to Baba Yaga's abode for a needle and thread, with some stale meat and cheese for the journey into the forest. On reaching Baba Yaga's hut, she was put to the task of weaving while the ogress went about the preparation to cook Natasha. Natasha fed Baba Yaga's cat some of the meat and cheese that she was carrying and the cat not only took over the weaving letting Natasha escape but also told her about a comb and a towel which could be thrown in case Baba Yaga chased her. The impersonation was found out by Baba Yaga and she chased Natasha. Natasha threw the towel and it transformed into a river. The witch managed to overcome the river hurdle, but when Natasha threw the comb, it sprouted into a dense forest that even Baba Yaga could not navigate through, allowing Natasha to return to her father and to tell him of all that happened.

It is not only young girls, like in the above stories, who encounter Baba Yaga, but many stories of Ivan the Third too feature Baba Yaga. Baba Yaga plays the role of a benefactor to the protagonist who obeys her or is not intimidated. Scholars have analysed how the ogress rewards women deft in domestic chores or who has polite manners; and young men for their bravery or aristocratic descent. In the tales where she has evil intention towards a good Russian boy or a girl, she usually fails in her mission, similar to the Natasha tale where Baba Yaga's own domesticated pet cat turns against her.

Yamauba Tales

Almost as a parallel to the Russian cultural motif of Baba Yaga, there is the Japanese yamauba or yamamba who lives in the mountain. In Japan, the mountain is the realm where the spirit of the dead resides. In Japanese language, the euphemistic expression for 'to die' is yama e iku (to go to mountain). The world of the dead has been long considered a place that casts shadows on the living and as an abode of demons and evil spirits.

According to Baba (1988), Japanese folklore is dominated by male 'oni' (demons), but the precursor of oni can be traced to the mythology of Izanami and Izanagi in Japanese mythology, Kojiki stories. When Izanami dies in the process of birthing the fire goddess, she goes to the land of the dead. The male deity, Izanagi, follows her to the underworld and witnesses the horrid form of the once graceful Izanami. Izanami sends the Yomotsu shikome, a hag, to pursue Izanagi for having seen her in her decayed form in the underworld. This character named Yomotsu shikome is a precursor to concept of 'oni'. Compared to men, women with their heightened emotional aspects are seen as being revengeful. Women in Japanese culture have special powers and are more attuned to spiritual powers.

The first Japanese dictionary has no mention of the word yamauba but the word finds sketchy mentions in old tales. She is known by many names such as yamahime, yamahaha but most commonly as yamauba or yamamba. The latter part of the name has the same 'baba' used in the Russian folklore which means old lady, a grandmother figure but away from the kinship circle. The etymology of uba is shrouded in mystery and may even have Sanskrit roots from the word upasika. In Japan, there was a tradition of abandoning old people, especially old women, in the mountains known as ubasute so that during famines the other family members would have more to eat. Sometimes, a resilient woman who survived the abandoning wandered around the mountains seeking revenge. Clearly, she is not the likes of the village women constrained by the conformative social norms.

Similar to Baba Yaga, the yamauba also is cannibalistic and eats travellers especially young men. The physical features are also strikingly matching - being tall, with white unkempt hair, red eyes, mouth open almost stretching to the ears and a mouth at the top of her head. There is a version that describes her with one leg which has 3 toes, drawing much similarity to the chicken leg of Baba Yaga's hut. The yamauba's face is not known and she has a magical power to transform to deceive people. Mizuta and Kitada (2002) assert that yamauba tales are found all over Japan. In Ainu culture, a culture of indigenous people found in Northern Japan, that shares much similarity with Russia, for example, there is a character named Kenashiunarape, whose visage is frightening and who has the ability to command bears to attack those wandering in the mountains. Yamauba's character not only features in folktales, but also in classical Noh theatre and in modern literature as well.

Typcasting old women as villains possibly stems from the fact that the most powerful person in a child's life is the mother.

Since this article has folktales in focus, a few folktales with yamauba as a protagonist are discussed in the following section.

Sanmaino Obuta (The Three Talismans)

A young trainee priest wants to go to the mountains to collect chestnuts and is warned by the head priest of the mountain crone that wanders there. Since the young trainee insists on going, the head priest gives him three talismans to protect himself against any danger. Armed with these talismans the young man goes to the mountain and collects chestnuts. A kind old lady appears and offers to boil the chestnuts for the young priest and invites him to her hut. The young priest eats his fill of boiled chestnuts and then realizes that the old lady was none other than a yamauba wanting to devour him. He goes to the washroom and employs the first talisman to answer in his voice and runs away from the window. A chase ensues when the yamauba realizes that the young priest has escaped. The second talisman is used to create a river to create a hurdle in the chase. The third talisman is used to create a mountain that the yamauba finds difficult to scale while the young priest returns to the temple safely and tells his tale to the head priest. The yamauba meets the head priest and he tricks her by asking her to show her magical transformational powers. When she transforms herself into a flea, he kills the insect. In this manner, the yamauba meets her end.

The talismans in this story have the same function as the towel and the comb in Natasha and Baba Yaga tale mentioned earlier.

Kuwazu nyoubu (The Wife who didn't eat)

A young man once wishes for a wife who did not eat and would thus prove to be economical for upkeep. A beautiful maiden comes to his place claiming that she did not eat and they got married. The woman indeed did not eat in his presence ever and the man brags about this wonderful wife. His friends warn him that the wife may not be a human. To check on her, one day he goes back early to find her as a yamauba with a mouth behind her head eating thirty-three onigiri and three mackerel. When the woman realizes that the husband knows her real identity, she carries him towards the mountain to devour him. The man miraculously clings on to a branch of a tree and jumps into a shrub of iris

and mug wort. He throws the herbs towards her and the yamauba disappears and thus subjugated.

Similar to Baba Yaga who shows cannibalistic tendencies in the forest, the yamauba eats humans only in the mountains. The demarcation of the territory where both are evil is distinct. It is to be noted that the yamauba like Baba Yaga has a huge appetite and is in possession of much food and cooking apparatus.

Just like Baba Yaga, the yamauba character too exhibits the duality of good and bad. In a popular folktale, yamauba raises Kintarou, a child with supernatural strength who later becomes the legendary warrior, Sakatano Kintarou. The classical theatre Noh playwright, Zeami notes in a yamamba play that "Good and Evil are not two, wrong and right are one."

This is brought out in the tale, Choufuku no yamamba, where she is depicted as a helpful figure for the village community.

Choufukuno yamamba (The Yamamba who was a harbinger of luck)

In this story, yamamba births a child and requests the village folks to send her celebratory omochi (rice cake). An old lady is chosen for the task to deliver the omochi parcel to the mountain crone. The old lady stays back in the mountain for twenty-one days to help out the new mother. Out of gratitude the yamamba gifts the old lady a silk brocade. The village people had assumed that the old lady had been devoured by the yamamba and were preparing for her funeral. They were pleasantly surprised to see her return safely. The silk brocade was cut and shared amongst all the village people and it is said that it protected them from illness.

In the above tale, yamauba plays the role as a protective deity while in the Buddhist tales, she is always the evil as an antipole to the Goddess of mercy, Kannon. It is also to be noted that in the stories where she is subjugated, it is possible only by Buddhist interventions or using herbs like iris that resemble the warrior's sword. One may speculate that this was an outcome of religious settings and its promotion of Buddhism over native pagan cults or even Shintoism. The principal deity of Shintoism is the Sun Goddess, Amaterasu, a feminine deity born out of the union of Izanami and Izanagi. With the advent of Buddhism, Amaterasu loses her prominence as do the women in Japan in their social status. The transformation of good to evil is possibly a pointer in this direction.

Conclusion

Baba Yaga and yamauba nevertheless beat Christian and Buddhist religious interference in Russia and Japan, respectively, and live on as cultural motifs. They are time and again employed to create the cultural flavors and have many similarities and dissimilarities as discussed in the narrative structure of story, and what the female protagonist symbolizes. Yubaba in Miyazaki Hayao's animation movie, "Spirited Away", or the young women with blackened face and white hair in the Harajuku streets are testimonies of the resilient feminine spirit. The indigenous culture thereby preserved through tales and modern narratives.

Bibliography:

1. Andreas Johns, "Baba Yaga- The Ambiguous Mother and Witch of the Russian Folktale", Peter Lang Publishing, New York, 2004
2. Baba Akiko, Onino kenkyuu, Chikuma Shobou, 1988
3. Copeland Rebecca and Ehrlich Linda C. (Ed.), "In Search of the Japanese Mountain Witch", Stonebridge Press, 2021
4. Forrester Sibelan, "Baba Yaga- The Wild Witch of the East in Russian Fairy Tales", University Press of Mississippi, 2013
5. Foster Michael Dylan, "The Book of Yokai- Mysterious Creatures of Japanese Folklore", University of California Press, 2015
6. Komatsu Kazuhiko, "Kaisetsu" (Tenguu to yamauba), Vol. 5, Kaiino minzokugaku, Kawade Shobou, 2000
7. Mizuta Noriko and Kitada Sachie (Ed.) Yamaubatachino monogatari- joseino genkei to katarinaoshi, Gakugei Shorin, 2002
8. Propp Vladimir, "Morphology of the Folktale", University of Texas Press, 2009 [1968]
9. Reider Noriko Tsunoda, "Mountain Witches", Utah State University Press, 2021
10. Seki Keigo, (Ed.) Nihon mukashibanashi taisei, Kadokawa Shoten, 1979
11. Thompson Stith, "Universality of Folklore" in "The Folktale", The Dryden Press, New York, 1946
12. Vishwanathan Meera, "In Pursuit of the Yamamba: The Question of Female Resistance" In "The Woman's Hand: Gender and Theory in Japanese Women's Writing" edited by Paul G. Schalow and Janet A. Walker, Stanford University Press, 1996
13. Yanagita Kunio, Kosho Bungei shiko (Thoughts on the History of Oral Literature), Chuokoronsha, 1947

The journey of Soviet underground music from x-ray plates to cassettes

Pooja Sinha

PhD Scholar

Centre of Russian Studies, SLL&CS

Jawaharlal Nehru University, New Delhi

sinhapooja92.jnu@gmail.com

Abstract: In this paper, the underground culture of bootlegging music in the Soviet Union is discussed. The 1930s was a difficult time for the Soviet people. Extreme political repression resulting in the ‘The Great Terror’ (1936-38) by Stalin, left the citizens under strict censorship and control. Any deviance with the communist authority’s rules could lead to imprisonment or death. In such a strict environment, when critical voices were muted to such extents that even the closed ones feared to speak their hearts out, how music became a medium to connect people is studied in this paper. The innovative ways in which music was smuggled throughout the Soviet Union using x-ray plates which were turned into music plates and finally the use of tape-recorders to duplicate music and record original songs was unique as a phenomenon in the Soviet Union. This paper is also a part of my PhD thesis, which goes further in depth to discuss the literary genre that emerged out of these magnetic tape recordings and cassettes.

Keywords: great terror, great purge, ‘music on bones’, ‘music on ribs’, magnitizdat, roentgenizdat, tape-recorders, cassettes, author’s song genre, bards

The twentieth century is of great interest in Russian history, especially the period of Stalinist repression (1936-38) which was known as the period of “The Great Terror” or “The Great Purge”. It was a period of extreme political repression in the former Soviet Union. The Soviet authorities started executing its own people whom they thought to be against the government’s totalitarian and communist ideology from all spheres of society: starting from the military and the official people from the intelligentsia, government employees to common people. They were either given a prison or a death sentence. Critical voices were repressed. More than forty thousand people became victims of the Great Terror. “In the Stalinist years, any mention of this period was absolutely forbidden. The only thing that was allowed, even with great reservations and exclusively in private conversations, was the use of the metonymic expression ‘Yezhovshchina’ (From September 1936 to November 1938, the head of the NKVD, Nikolai Yezhov, introduced unprecedented

repression on the citizens of former USSR. From his name, the term 'Yezhovshina' was coined to refer to the horrors of 'The Great Terror'.) or the equivalent 'thirty-seventh'."

Many works of fiction, written about the Great Terror and Stalinism, were forbidden to be published. Major works of that time turned out to be hidden from the people – the novels of Mikhail Bulgakov, Vasily Grossman, Nikolai Gumilev, Osip Mandelstam and many others. Only after "perestroika" and "glasnost" did these works see the light of day.

After the death of Stalin in 1953, a period of relaxed controls began in the Soviet Union, lasting for roughly ten years. This phase got its name from the novel by the same name by Ilya Ehrenburg, "The Thaw", published in 1954. Ehrenburg named his novel, "The Thaw" as after a very long, difficult and harsh (Stalinist) winter, the snow was finally melting with the onset of a warmer season of change, brought about by his successor Nikita Khrushchev.

In 1956 after Nikita Khrushchev replaced Stalin, he made a "secret speech" at the Twentieth Party Congress, where he publicly condemned the "personality cult of Stalin". The condemnation and exposure of Stalin's personality cult was the most important feature of the period of thaw. He was publicly criticised for the first time only after his death. Khrushchev announced the abolition of strict state control over Soviet cultural, political and social life. The country's leaders abandoned political terror and mass repression during the period of thaw, which subsequently changed over time and became strict again.

The period of thaw was associated not only with freedom of expression but also with the opening of doors to other cultures and ideas with the removal of the "Iron Curtain". An important event of the thaw was the Sixth World Festival of Youth and Students, held in Moscow from July 28 to August 11, 1957. Thirty-four thousand people from 131 countries of the world took part in it. It was a large-scale and decisive event as it introduced Russia to so many different voices, ethnic groups, knowledge, music, ideas, art, films, etc.

"Thanks to the festival, the fashion for jeans, sneakers, rock 'n' roll and badminton began to spread among Soviet youth, for the first time the Kremlin was opened for free visits. For the first time, Soviet people in large numbers collided with representatives of other cultures, which

largely contributed to the emancipation of their consciousness.” (The Thaw: Socialism with a Human Face)

For the first time in almost 30 years, Soviet people were allowed to meet each other freely, listen to music, read and write literature, know about different cultures and countries, etc. People began to visit each other regularly, gather in friendly companies and discuss everything that was happening in the country. And in these conversations, the so-called public opinion gradually emerged. The very atmosphere of life changed since fear disappeared from the lives of people. A policy of “peaceful coexistence” was carried out not only inside Russia but also outside its borders. Although this period of loosening control was short-lived, from about 1953-63, it gave the country a breath of fresh air.

Soviet Underground Music from X-Ray Plates to Cassette

A new trend started gaining momentum during the year 1949 when tape recorders entered the Soviet space. It was not a very popular means of entertainment then, but during the period of thaw, tape recorders became a common household item. With the thaw, the ritual of having gatherings of family, friends and like-minded people in the Soviet kitchens also came back. The freedom to have friendly gatherings and a brief openness to unofficial music not only of Soviet artists but also of other cultures led to the emergence of a new phenomenon called magnitizdat. It is the unofficial practice of recording and re-recording music or speech on cassette tapes. These uncensored tape recordings were distributed throughout the USSR. The term “magnitizdat” is comprised of two words- “magnit” (from magnitifon meaning ‘tape recorder’) and izdat (from izdatelstvo meaning ‘to publish’). In the 1960s it became a popular way of recording songs, speeches, comedic performances, etc performed within closed circles of acquaintances, often gathered around in community kitchens, which were then distributed among the masses. It became an important tool to escape the Soviet authorities. This developed as the avant-garde culture or the underground art culture as it was unofficially produced, not approved or permitted by the authorities.

Before magnitizdat became a phenomenon, roentgenizdat was practised. It is also known as “music on bones” or “music on ribs”. It was the process of reproducing unofficial music on discarded X-ray photographs, a practice typical to the former USSR. “Medical X-ray

sheets were cut into discs and embossed with grooves of gramophone records.” (X-Ray Audio: An exhibition on forbidden Soviet music)

It was a cheap and easy way of disseminating banned music, as the authorities had no clue, how x-ray plates were reprogrammed to be used as a tool to access unofficial expression of art. The word, roentgenizdat is composed of two Russian words- roentgen meaning ‘X-Ray’ and izdat, meaning ‘to publish’. This was an incredible method of using X-ray plates to write unofficial or Western music on them and distribute it among people. The x-ray plates on which songs emerged often had images of people’s bones like the skull, wrist, arms, legs, and spine. These X-ray plates were opaque and the images of bones, skulls and ribs were still clearly visible, which is why the name of this phenomenon was such- “music on bones”. This was the first unique mechanism, devised by the Soviet people, to reproduce music recordings in the USSR at a time of strict censorship of musical styles. The totalitarian regime decided what the Soviet people would listen to. This practise, thus gave the people a means to expose themselves to music from the western countries, especially the United States.

Roentgenizdat started in Leningrad in 1946, in a studio named “Zvukovoe pis'mo” (meaning ‘Audio Message’) on the Nevskii Prospect. Stanislav Filon invented this idea of redesigning German Telefunken (Telefunken was a German radio and television apparatus company, founded in Berlin in 1903. It produced the reel-to-reel tape recorders, which was used in the Soviet Union for reproducing unofficial music.) music re-writer to duplicate music from original vinyl to x-ray plates. The studio functioned overnight, recording uncensored and unofficial performances onto X-ray photographs. This phenomenon became very successful. Boris Pavlinov established another underground studio, called “Zolotaya sobaka” (Golden Dog) the following year. The popular recordings during that time were of jazz music from the West and songs in the style of foxtrot, tango and romances, which were banned in the Soviet Union. “From these underground studios, thousands of x-ray copies were being sold on the black market and, by the late 1950s, millions of these x-ray records were in circulation, becoming ‘the common currency of the Soviet-bloc.’” (Ryback)

These x-ray recordings were frugally invented and were subsequently replaced by a more advanced technology of tape recorders which then made recording and re-recording easier and less expensive with the

advent of cassette tapes. This amazing and unique phenomenon paved the way for its technologically upgraded version of magnitizdat, after tape recorders entered the Soviet space.

As Kolya Vasin suggests – “Enterprising young guys ran around the streets of our town with show boxes filled with recordings ‘on the bones,’ but their time would not last long [...] the era of tape recorders began.” (Igor Buser)

The first cassette tape recorders emerged in the Soviet market by the late 1950s. Though initially their production was limited, it steadily increased. “...the Soviet Union was steadily increasing the production of tape recorders throughout the 1960s; 128,000 cassette recorders were in circulation by 1960, which had risen to 4.7 million by 1985.” (Igor Buser)

It was estimated that around fifty million Soviet citizens bought these tape recorders made in the USSR. Thousands of tape recorders from Japan were also smuggled into the country by Soviet sailors. They were sold in second-hand shops or passed on through informal networks. (Yurchak) As these tape recorders became a common Soviet possession, it was exploited (rather used) to re-record either unofficial Western music or songs by Soviet poets and singers.

The recording of songs by Soviet poets led to the creation of a new literary genre of “author’s song”. It is a genre where in poets sing their poems with the accompaniment of a stringed instrument such as a guitar. Such poets are referred to as bards. The early pioneering bards, as a rule, were the writers of the texts of their poems which they themselves sang. So, the poet was the singer, the composer and the performer of the songs, with the accompaniment of a stringed instrument, such as the guitar. The songs were text-centric. The tune and melody were secondary. The ideas expressed through the words were of primary importance. These poets were amateur singers as their main focus was on their poetry. Songs of such singing poets or bards like Bulat Okudzhava, Vladimir Vysotsky, Aleksander Galich, Yuri Yizbor, and other amateur artists who used to sing their poetry to express themselves became more accessible to a larger audience because of magnitizdat. Their music, which started in small gatherings of friends and family, thus reached the masses through a network of underground studios.

“A vast underground culture developed around Magnitizdat. Tapes were collected, recorded, and passed on. Although sound quality dissipated with each re-taping, the recordings evoked what one observer called the ‘romance of the forbidden.’ Through the hiss of surface noise, one heard not only the voice of the singer but also the presence of the audience: chairs scraping across the floor, a bottle knocking against glasses, muted laughter or quiet applause, the rattle of a tram on the street below [...] From these underground recordings, legends emerged, faceless legends, recognisable only by their voices, their music, and their lyrics.”
(Rayback)

Magnitizdat as an underground system was practised mainly in the beginning to smuggle Western music such as jazz or rock. Original vinyl recordings were very costly in the USSR. The farther away one went from Moscow, the more expensive they became. In this sense, re-recording from the original vinyl became a trend. The journalist, Andrei Logutkov, pointed out that he bought a tape recording of a Beatles song for just 60 kopeeks, when the original vinyl would cost anywhere between 30 roubles to 200 roubles. The recording of original albums made music accessible to the less affluent and common masses making magnitizdat a mass phenomenon. It also coincided with the socialist philosophy of sharing and making private properties available to all.

During the thaw, the distribution of underground music became even more prevalent. Strict political and cultural control was relatively relaxed and the personality cult of Stalin was discarded. The ideology of the current authorities under Nikita Khrushchev was in the process of being defined. With the removal of the Iron Curtain, Khrushchev opened its borders to foreign goods, travel, arts and ideas in some capacity which favoured the import of Western music and culture into the USSR. By the 1980s magnitizdat was being extensively used to duplicate rock music, both Western and Soviet as well as songs by the Soviet bards who sang their poetry on a guitar. It is said that because of this phenomenon, the official concerts had very little foot fall. There was a decline in the sale of official albums to the extent that the authorities were forced to accept and promote the Soviet rock group “Mashina vremeni” (Time Machine) to a professional status. The officials knew that the Soviet people always had the means to get their hands on unofficial recordings through magnitizdat. “Magnitizdat spread faster than a flu virus”. The Soviet press quoted in the newspaper “Sovetskaya Russia” on 9 June 1968, attacking the cassette tape recordings. There were such a huge number of recordings in distribution that it got out of hand for the Soviet

authorities to keep a check on it even though it posed a threat of 3 years of imprisonment to anyone found with unofficial music tapes.

“One Soviet musicologist, Vladimir Frumkin, on 20 March 1974 attempted to fly from Leningrad to the United States with a selection of cassette tape recordings of his bard-friend Bulat Okudzhava. The tapes were ‘verified’ by Soviet customs officials and then handed back to him, but upon arriving in the United States Frumkin discovered that his magnetic-tape recordings had been all ‘demagnetised’.” (M. Daughtry)

Though such practices were in place, it was not difficult to check full cassette recordings. Therefore, they escaped the clutches of the authorities many times. This helped in the dissemination of the author’s song, which could be easily smuggled from one place to another on cassette tapes.

Magnitizdat was seen not only in Russia but also in parts of Eastern Europe. “In Czechoslovakia, underground recorded samizdat audio cassettes and videos were available of unofficial music and songs of imprisoned bands of the Czech Underground.” (Hagen Trevor) “In Hungary, people were experimenting with “mail art”. They would send cassette tapes through the postal system that would have music, interviews, ambient recordings, sound art, improvisations, spoken messages, etc. It was prevalent during the early 1980s.” (Hagen Trevor) “In Prague, the rock group called Plastic People of Universe (PPU) often performed at friend’s houses or some private music festivals of like-minded people. Their songs were taped and re-recorded. These magnitizdat cassettes would be exchanged through acquaintances.” (Horne)

The seed of magnitizdat was sowed in the form of roentgenizdat, as both these phenomena dealt with unofficial music, its taping and distribution. One can easily say that roentgenizdat paved the way for the technologically advanced magnitizdat. Magnitizdat as a practise was durable because cassette tapes had a better live and audio quality, as compared to fragile x-ray photographs. Tape recorders were allowed to be owned as a household item, which made recording of audio tapes very easy as compared to samizdat as paper duplication machines were illegal and expensive to have as a household item. Also, with magnitizdat, it was easier to escape the authorities, as with the millions of cassettes in circulation, it became difficult to make policies against it.

It was easier to carry magnitizdat cassettes from one place to another, even abroad. What started in roentgenizdat as an unofficial way of distributing jazz music, (banned by Stalin in the 1940s, considering it to be 'bourgeoise') created grounds later for the birth of magnitizdat which became a channel for the spread of the unofficial genre of 'author's song', rock and jazz music. It helped give the Soviet people a choice to listen to and create music that did not abide by the rules made by the Soviet authorities. It was an artistic rebellion against the state which also weakened the Soviet government's monopoly on information system, which until then was strictly controlled. People became connected and felt like a community, who otherwise felt isolated, insecure and fearful in a system of strict controls. Like-minded people came together and found a way to express themselves without the fear of being executed. In a country which was highly censored, where even criticizing their leader in the privacy of their homes was extremely risky for its people, a medium was discovered through which people could connect and express their hearts out in whatever way they felt liked; music, art, speeches, recitations, etc. It gave immense moral support to its masses. That is why, this phenomenon became a huge success among the Soviet citizens, who were until then living in their heads, with no means to express themselves.

One can therefore say that the difficult period of political repression introduced by Stalin during the 1930s-40s paved the way for a very unique method of expression for the Soviet people. Adverse situations at times give birth to such innovative ideas, that cannot be thought of under normal circumstances. The writing of music on X-ray plates is one such example that makes one wonder about the human mind's infinite creative capabilities. Eventually, the use of tape recorders to express oneself and find a voice in a country devoid of dissent was a power that people found for themselves. It is often said, that magnitizdat as a phenomenon is responsible in many ways for the ultimate disintegration of the USSR as it compromised the monopoly of the controlled information system. How much of it is true is a matter of long discussion, but for now, one can marvel at how common people always find ways to save themselves and the society at large.

Bibliography:

1. Daughtry, Martin J. Magnitizdat as Cultural Practice prepared for the University of Pennsylvania conference – 'Samizdat and Underground Culture in the Soviet Bloc Countries' (7 April). 2006.

2. Galina Yelshevskaya. The Thaw and the 1960s. The Birth of the Underground. Arzamas, 14 Dec. 2016. Url: arzamas.academy/materials/1234.
3. Hagen Trevor, Denora Tia. 'From Listening to Distribution: Nonofficial Music Practices in Hungary and Czechoslovakia from the 1960s to the 1980s' in Trevor Punch and Karin Bijsterveld (eds.), *The Oxford Handbook of Sound Studies*. Oxford: Oxford University Press. 2012, pp. 440-458.
4. Horne, Brian A. The Bars of Magnitizdat: An Aesthetic Political History of Russian Underground Recordings in Samizdat, Tamizdat, and Beyond, eds. by Friederike Kind-Kovacs and Jessie Labov. New York: Berghahn. 2013, pp. 175-189.
5. Ирина. Тогда, в шестидесятые. Поэтическая оттепель. Виртуальное заседание клуба. «Поэтическая среда». 2020.
6. Лапшина, И. Н. Авторская песня — голос свободы. Текст: непосредственный, Молодой ученый. 2015, ст. 469-472. URL: <https://moluch.ru/archive/96/21652/>

The evolving Russian lexicon in the context of social movements in the beginning of the XXI century

Dr. Richa Sawant

Associate Professor,
CRS, SLL&CS, JNU, New Delhi
richasawant07@gmail.com

Abstract: It is axiomatic that neologisms, be they words or phrases, mirror phenomena and events in the social economic and political spheres of a country.

One of the neologisms in Russian language that is noteworthy is the phrase 'креативный класс' – the creative class. Amongst the other words relating to the new professions, the lexeme 'креативный' drew the attention of native speakers, linguists, and scholars of Russian as a Foreign Language. This article attempts to analyse how it differ from the adjective 'творческий' in meaning, style and usage.

Keywords: neologism, 'креативный', 'творческий', РКИ

It has been observed over the last few decades that Russian language has undergone tremendous changes over the turn of the century. These changes can be observed in all its aspects, be it phonetics, morphology, syntax or stylistics, but are most visible in its lexical system.

Neologisms, be they words or phrases, mirror phenomena and events in the social economic and political spheres of a country.

One of the neologisms that is noteworthy is the phrase 'креативный класс' – the creative class. It is borrowed from English, and is the title of a book 'The Rise of the Creative Class' by Richard Florida. "His thesis was that the cities that were thriving were doing so because of the success of those in the creative economy - talented and educated professionals who worked in knowledge-based industries like business and finance, technology, healthcare and medicine, law, and education."¹

As Jean-Laurent Cassely writes, "Florida identifies a "super-creative core" made up of "people in science and engineering, architecture and design, education, arts, music and entertainment whose economic function is to create new ideas, new technology, and new creative content." Around this core, we find a broader group of "creative professionals" working in business, finance, and law, who "engage in

complex problem-solving that involves a great deal of independent judgement and requires high levels of education or human capital”.” 2

As the market economy grew at the turn of the century in Russia, numerous new professions emerged. Young professionals found their niche and flourished in this environment. The Russian language included the titles of jobs such as “business analyst...dealer, manager, insurance broker...” as well as those in “the field of information and communication technologies... namely: database administrator, programmer, WEB and multimedia applications developer, network and system administrator, information security technician ...” etc. 3

Amongst the other words relating to the new professions, the lexeme ‘креативный’ drew the attention of native speakers, linguists, and scholars of Russian as a Foreign Language. Initially it seemed to be a synonym of the Russian adjective ‘творческий, and, as could be observed in the media, was not widely accepted by the native speakers. An article in the national daily newspaper ‘Izvestia’ from April 2009 discusses the neologism. Titled “Креативный или творческий?,” it wonders, “Помогает ли непривычное слово более точно обозначить действительность? Рассмотрим это на примере слова креативный. Новейшее слово креативный с иностранным корнем и его производные креативность, креативщик раздражают многих: “зачем они нужны, когда есть наши прекрасные русские слова творческий, творчество, творец?”” 4

The Russian Explanatory Dictionary by the renowned lexicographers S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova define the adjective ‘творческий’ as derived from the noun ‘творчество’: “ТВОРЧЕСТВО, -а, ср. Создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей. Художественное т. Народное т. Т. Пушкина. Т.новаторов. II прил. творческий, -ая, -ое. Т. дар. Т. путь писателя.”

If one analyses the adjective творческий syntagmatically, it combines mostly with abstract nouns such as, «поиски, раздумья, энергия, сила, усилия, мысль ж., вдохновение, порыв, подъём, лихорадка, горение, экстаз книжн., зуд с оттенком ирон., муки, кризис, человек, личность, натура, ум, темперамент, способности, данные зд. мн., возможности, дар высок., потенциал, бессилие, фантазия...”

As one can notice, among the multitudes of examples in the dictionary, there are two nouns which denote an animate being, i.e. 'человек' and 'личность'. The overwhelming majority denotes various positive and negative aspects of the creative process, or describe the nature and capabilities (or lack of) of such a person.

It is this component of the meaning that is reflected in the words of the journalist writing for the national daily newspaper *Izvestia*: "Очевидно, что любая творческая деятельность - это процесс, в начале которого обязательно происходит выдвижение и разработка новой перспективной идеи. В результате могут быть созданы новые производства, появиться новые материалы, внедриться новые методики и т.д. Но может случиться и так, что ничего этого не произойдет, а останется только интересная идея и ее разработка. Однако творческая деятельность имеет место в обоих этих случаях." 5

From the stylistic aspect, the adjective 'творческий' is used in mainly the written form of the language, in the ceremonious style. It can be used in academic style, as well as the official, the publicistic and in belle letteres. One of the components of its meaning denotes a group of people engaged in creative activities. The Great Universal Dictionary of Russian Language compiled by lexicographers, V.V. Morkovkin, G. F. Bogacheva and N.M. Lutskaya, indicates this component separately as "1.3. Такой, для к-рого творчество 1.0. является основным занятием". In this sense the word combines with collective nouns mainly denoting an animate being, for eg. "Т. молодёжь (интеллигенция, работник, коллектив, элита книжн. ...)"

A study of the adjective 'креативный' leads to the finding that The Russian Explanatory Dictionary by Ozhegov, both offline and online, do not include this word.

The neologism 'креативный' has followed the path of many of its precedents and was first popular in the spoken form of the Russian language. It was seen by purists as an interloper, used mainly in the so called 'glamorous magazines', reflecting the world of fashion and high society, and was not used in the formal context. Over time, however, it has gained acceptance amongst the majority of the speakers, and has begun to be used in the official context, both in the spoken and written forms.

The Great Explanatory Dictionary compiled by S.A. Kuznetsov, and having on its Editorial board specialists from the Institute of Linguistic Research, The Russian Academy of Sciences, faculty members from the St. Petersburg State University and the Herzen St. Petersburg State Pedagogical University, has the following explanation: “КРЕАТИВНЫЙ, -ая, -ое; -вен, -вна, -вно. [англ. creative от лат. creāre - порождать, создавать]. Книжн. 1. Творческий, созидательный, новаторский. // Способный порождать новое, творить. 2. Предназначенный для возбуждения воображения, фантазии. Креативность, -и; ж.”

Thus, the explanation includes the adjectives ‘творческий, ‘созидательный’ in its explanation. However, one can observe a difference in the components of its meaning and the context, the styles in which the adjectives are used. As opposed to ‘творческий’, the adjective ‘креативный’ is not used in the high ceremonial style. It is used in all the other functional styles, in both the written and spoken forms

It has also become a part of the Russian language system. The online Linguee English to Russian Dictionary gives examples of how the adjective combines with nouns and forms phrases such as, “‘креативный директор’, ‘креативный подход’, ‘креативный дизайн’, ‘креативный талант’, ‘креативный способ’, ‘креативный сервис’, ‘креативный отдел’, ‘креативный художник’, ‘креативный продюсер’” etc.

The adjective ‘креативный’ has wide usage in the various national daily newspapers. For example,

«Впервые предпринята попытка количественно описать российский креативный класс с учетом принятых в мире подходов. Об этом объявили эксперты Высшей школы экономики (ВШЭ). По их оценкам, за пять лет численность креативного класса в РФ увеличилась на треть и накануне главного события 2022 года достигла 3,4 млн.» Независимая газета от 11.1.23

«Под креативным классом специалисты ВШЭ понимают «совокупность лиц, занятых в профессиях, связанных с творческой (креативной) и интеллектуальной деятельностью». «Это разнородная группа, включающая специалистов в традиционных креативных сферах (декоративно-прикладное искусство, живопись, музыка, культура), а также в высокотехнологичных областях: киноиндустрии, дизайне, цифровых технологиях» 5 там же

«В России этот класс неоднороден по своей структуре. Так, судя по приведенным оценкам, почти четверть (около 24%) составляют специалисты по рекламе и маркетингу. Каждый пятый (около 19%) – разработчик программного обеспечения. А остальные занятые в этом сегменте приходится на такие профессии, как краснодеревщики, дизайнеры товаров и одежды, специалисты библиотек, журналисты, архитекторы, художественные фотографы, музыканты, певцы и композиторы, переводчики и другие лингвисты и т.д.» б там же

Thus, the neologism 'креативный' has covered long way in its journey in Russian language. It was seen as an unwelcome guest by the purists in the early stages at the turn of the century, an adjective that was used in the sphere of fashion by the so called 'glamorous magazines'. However, as the number of professions related to the world of creative activities grew, mainly in the sphere of mass media, Information Technology and advertising, the neologism became mainstream in its usage. It was no longer heard in the spoken form only, or written in an informal context. There was a shift in its connotation too. It mirrors the processes and events taking place in society.

References:

Dictionaries

The Dictionary of Russian Language

URL http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt

Morkovkin V.V., Bogacheva G. F., Lutsкая N.M. The Great Universal Dictionary of Russian Language URL:

[https://gramota.ru/poisk?query=%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=48)

Linguee English-Russian Dictionary URL:

<https://www.linguee.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9->

[%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC.html](https://www.linguee.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC.html)

Kuznetsov S.A. The Great Explanatory Dictionary. URL:

[https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42)

Articles

Florida R. The Rise of the Creative Class' URL:

<https://www.forbes.com/sites/petesaunder1/2017/05/04/the-evolution-of-the-creative-class/?sh=5c93ff8512ee> accessed on 20.3.23

URL <https://www.philonomist.com/en/article/rise-creative-class-richard-florida> accessed on 24.3.23

Top 100 Occupations in Demand at Modern Russian Enterprises: Interaction and Communication in the 21st century N V Yudina and O A Seliverstova 2019 IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 483 012015 <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/483/1/012015/pdf> accessed on 10.6.23

Креативный или творческий. Izvestiya URL: <https://iz.ru/news/347962> accessed on 19.4.23

ibid

Bashkatova A. Креативному классу не удалось порвать с Россией. Nezavisimaya Gazeta. URL https://www.ng.ru/economics/2023-01-11/4_8639_econ2.html?ysclid=ipl7ydbzby422876953 accessed on 14.3.23

Трудности обучения фразеологизмам русского языка в индийской аудитории

Ашутос Ананд

Ассистент Профессор,
Центр Русских Исследований,
Школа языковых, литературных и культурных исследований
в университете имени Джавахарлала Неру,
Нью Дели-110067, Индия,
aanand@jnu.ac.in

Аннотация: фразеологизмы или фразеологические обороты, несомненно, как один из основных единиц языка выполняют очень значительную роль в речевой коммуникации и являются неотъемлемой частью культуры и идентичности народа. Благодаря этим единицам передаются от поколения к поколению информации о духовной жизни общества, его традициях и обрядах. Употребление фразеологизмов делает речь говорящего не только значительно точной, но и более красочной, образной, эмоциональной и экспрессивно насыщенной.

В данной статье рассматриваются подробно проблемы обучения фразеологизмов русского языка как иностранного индийским учащимся.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологические обороты, русский язык как иностранный (РКИ), семантические и грамматические трудности, индийская аудитория

Фразеологизмы и слова как отдельные единицы языка занимают очень важное место в любом языке. Они не тождественные, но имеют общие признаки. Существуют признаки, являющиеся общими для слов и фразеологизмов, и индивидуальные признаки, принадлежащие только к словам или только к фразеологизмам.

Фразеологизмы, как и слова, обладают признаком воспроизводимости, т.е. оба они употребляются в речи в готовом виде, а не создаются в процессе речи. Слово является неотделимой частью фразеологизма или любого словосочетания. Значения слов и свободных словосочетаний соответственно мотивируются значениями составляющих их морфем или слов. Значение свободного словосочетания равнозначно сумме значений составляющих их слов, а значение фразеологизмов не равнозначно сумме значений составляющих их компонентов.

Несомненно, фразеологизмы как один из основных единиц языка выполняют очень значительную роль в обществе. фразеологические единицы выступают как средства накопления и хранения информации знаний добытых обществом. Благодаря этим единицам передаются от поколения к поколению информации о духовной жизни общества, его традициях и обрядах. Употребление фразеологизмов делает речь говорящего не только значительно точной, но и более красочной, образной, эмоциональной и экспрессивно насыщенной.

Обучение фразеологизмам и устойчивым выражениям иностранного языка является трудным явлением так как на начальном этапе, а именно студентам второго и третьего курса очень трудно отличать фразеологизмы от свободного словосочетания. По мнению видного лингвиста Шанского Н. М., фразеологизмы сильно отличаются не только от слов но и свободных словосочетаний. Он пишет «В отличие от свободных сочетаний слов фразеологизмы предстают перед нами как устойчивые словосочетания, воспроизводимые и, значит, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своём составе и структуре образований» [3, с.173].

Чтобы правильно усваивать и употреблять фразеологическую единицу, прежде всего, студентам надо узнавать целиком как единую, неделимую единицу. В современной русской лингвистике фразеологические единицы выделяются на 4 типа. Они являются фразеологическими сращениями, фразеологическими единствами, фразеологическими сочетаниями, фразеологическими выражениями.

Фразеологические сращения – это такие семантически неделимые фразеологические единицы, значение которых не мотивировано значениями составляющих их компонентов. Эти единицы являются неделимыми и целостными сочетаниями слов. Например:

лечь пули - бессовестно врать, рассказывать что-либо неправдоподобное

очертя голову – безрассудно, не думая о последствиях

и никаких гвоздей – ничего больше, только так и никак иначе

бить баклуши – празднично проводить время, бездельничать

Из выше приведенных примеров ясно, что о значении фразеологизмов нельзя догадаться по значению составляющих их слов.

К второму типу фразеологизмов относятся фразеологические единства. Это такие обороты, целостное значение которых мотивировано составляющими их словами. Но значение их мотивировано не прямым, а переносным значением составляющих их слов. Они, также как и фразеологические сращения, являются неделимыми и целостными сочетаниями слов. Например:

Днём с огнём не сыскать - очень трудно найти

На всех парах - очень быстро

Плыть по течению – действовать пассивно, подчиняясь обстоятельствам

Рассматривая приведенные выше примеры, можно заметить, что в этих выражениях грамматическая связь между компонентами фразеологических единств легко разложима, понятна и объяснима. Это отличает их от фразеологических сращений, в которых с точки зрения современного русского языка синтаксические связи не понятны. Фразеологизмы этого рода могут иметь «внешние омонимы», совпадающие с ними по составу словосочетания, которые употребляются в прямом значении. Например:

Им предстояло плыть по течению реки два дня. (свободное словосочетание)

Я думаю, ты не добьёшься своей цели, так как привык плыть по течению.

(устойчивое выражение)

Мальчик страдал от боли, потому что прикусил свой язык.

(свободное словосочетание)

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык.

(устойчивое выражение)

Третий тип фразеологизмов - фразеологические сочетания. Они такие устойчивые единицы, которые состоят из слов как со свободным, так и с фразеологически связанным значением. Например:

Кромешный ад - мучительно тяжёлая жизнь, невыносимые взаимоотношения между кем-либо

Девичья память - плохая, слабая память

Гробовое молчание - абсолютное, полное молчание

В этих примерах слова «кромешный», «девичья» и «гробовое» имеют фразеологически связанное значение, и сочетаются с очень ограниченным кругом слов. В отличие от них слова «ад», «память», «молчание» имеют свободное значение и могут сочетаться с широким кругом слов.

Видный лингвист Шанский Н. М. впервые выделял также и четвёртый тип фразеологизмов, а именно фразеологические выражения. К фразеологическим выражениям он относит такие устойчивые сочетания, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями. Фразеологизмы, которые входят в эту группу, представляют собой или предикативные словосочетания, равные предложению, или сочетания слов, употребляемые как часть предложения. Например:

под лежащий камень вода не течет.

Человек – это звучит гордо.

премудрый пескарь

на данном этапе

Фразеологизмы этого рода включают в себя также и афоризмы. В этой связи, Рахманова Л. Е. и Суздальцева В. Н. пишут: «К фразеологическим выражениям относят разного рода клише и те поговорки и крылатые слова, изречения, которые имеют прямой (а

не иносказательный) смысл» [4, с.233]. В отличие от фразеологических сочетаний, фразеологические выражения не имеют слов с фразеологически связанным значением.

Фразеологизмы закрепляются в языковой практике народа в стабильной форме. По причине недостатка языковой практики студенту, изучающему русский язык как иностранный, трудно определить границы незнакомого фразеологизма. Из-за этого студенты делают различные световые ошибки. Это связано с рядом причин, среди которых наиболее значимыми являются:

i) Различные значения: многие фразеологизмы могут употребляться в разных контекстах и иметь различные значения. Например, фразеологизм "брать с потолка" может означать "выдумывать, не имея на это оснований", но также может использоваться в значении "брать произвольно, без выбора". Некоторые фразеологизмы употребляются в определённом значении но такое же сочетание слов тоже употребляется как свободное словосочетание и в прямом значении. Например, «Поезд прибыл на станцию и его поставили в тупик.» и «Некоторые его вопросы ставили меня в тупик.» В первом предложении «поставить в тупик» имеет прямое значение но во втором имеет переносное, метафорическое значение. Такие случаи вызывают путаницу у студентов, которые могут понимать фразеологизмы буквально и неправильно использовать их в контексте.

ii) Культурные отличия: национально- культурные характеристики различных фразеологических единиц уточняется их происхождением: источниками этих единиц могут выступать художественные произведения, древние славянские верования, библия, национальные традиции или история. Многие фразеологизмы в русском языке имеют культурные оттенки и значения, которые могут быть не знакомы индийским студентам. Это может вызвать затруднения в понимании и использовании фразеологизмов, которые связаны с русской культурой и историей. Например, «кричат во всю Ивановскую» (очень громко), «сирота Казанская» (о человеке, прикидывающемся несчастным), «как Мамай прошел» (о большом беспорядке, разрухе), «Египетская тьма» (густая, беспросветная тьма); «Египетская казнь» (невыносимо тяжелое положение; беда); «лоно Авраамово» (быть в раю или находится в вечном или безопасном месте); «в Тулу со

своим самоваром не ездят» (не нужно брать с собой то, чего много там, куда направляешься). Все эти выше-указанные примеры отражают народные традиции, широко известные русские предметы и явления. Понимание значения всех подобных фразеологизмов должно сопровождаться пониманием их национально-культурной специфики. Правильное использование данных фразеологизмов требует не только языковых, но и его лингво-культурных знаний.

iii) Форма и употребление: многие фразеологизмы имеют специфическую форму и употребление, которые не всегда соответствуют правилам грамматики и лексики. Это может привести к ошибкам в использовании фразеологизмов или их неправильному пониманию. В некоторых фразеологизмах грамматические конструкции вообще не понятны так как студенты занимаются грамматикой современного русского языка например: «ничтоже сумняшеся» (ничуть не задумываясь), «выпустить из виду» (не принимать во внимание), «не давать ходу» (мешать применить свои способности). Иногда они задают вопрос почему в некоторых фразеологизмах глагол употребляется только в форме совершенного вида (например: поставить в тупик, выйти сухим из воды, одержать верх, водой не разольёшь, спрятать концы в воду), а в некоторых только в форме несовершенного вида (например: ломать голову, бить ключом, ждать у моря погоды, купаться в золоте, ловить рыбу в мутной воде).

Студенты иногда нарушают стабильность лексического состава или порядка слов. Обычно они заменяют лексические компоненты (например, есть фразеологизм “пёс его знает” но иногда употребляют - “медведь его знает” или “собака его знает”; вместо “сидеть на шее” - “сидеть на голове”; вместо “золотые руки” - “серебряные руки” и т. п.) или порядок слов изменяют (например, вместо “как в воду глядел” - “глядел как в воду”). Трудность для студентов нередко представляют устаревшие лексемы в фразеологизмах. Например, «притча в языцах», «заклятый враг» «бить баклуши» и т. п.

Таким образом, в заключении можно сказать что все указанные трудности представляют собой серьезные барьеры для успешного освоения студентами РКИ богатых ресурсов русской фразеологии.

Список литературы:

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва. Изд. «Языки русской культуры». 1996.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва. Изд. «Высшая школа». 1963.
3. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва. Изд. «Просвещение». 1972.
4. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Аспект Пресс. Москва. 2003.

Структурно-функциональная особенность применения антитезы в поэтическом тексте русского языка

Кумар Чандан

Аспирант

Центр Русских Исследований,

Школа языковых, литературных и культурных исследований

в университете имени Джавахарлала Неру,

Нью Дели-110067, Индия,

kumarchandan0088@gmail.com

Аннотация: Данная статья связана с изучением структурных и функциональных особенностей антитезы, используемой в примерах, выбранных из поэтического текста русского языка. Антитеза является одной из стилистических приемов, используемой для повышения или укрепления экспрессивности. Это одна из фигур речи, основанная на антонимии, несущая противоречие идей в рамках одного высказывания.

Эти идеи не могут быть всегда противоположными структурно, но они функционально несут контрастные эффекты при их сравнении. Это один из самых привлекательных и эффективных инструментов в устной и письменной речи. Некоторые из самых известных высказываний современной истории построены на антитезе, такие как, высказывания Нила Армстронга *«Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества»*, *Мартина Лютера Кинга «В конце всего, мы будем помнить не оскорбления наших врагов, а молчание наших друзей»*, и *Петра Великого «Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь»*.

Ключевые слова: антонимия, антитеза, контраст, структурно-функциональная классификация, внешняя и внутренняя структуры.

Язык художественных текстов показывает намерения автора, такие как его эмоции, оценка и вклад в представленном материале, поэтому использование тропов и других стилистических приемов является важным. Они отражают образность, выразительность и контрастность.

Антитеза - Это одна из стилистических приемов, используемая для повышения или укрепления контрастности. Антитеза больше всего употребляется на уровне предложений.

В русском языке термин антитеза появился от греческого языка, означающий противопоставление и противоположение. По словам разных лингвистов, таких как, Л. В. Балахонская, Е. Н. Ельцова, Е. С. Корюкина, Е. В. Метлякова, Е. Н. Миллер, В. П. Москвин, В. А. Сазонова и другие, присутствуют многие риторические фигуры в русском языке на основе антонимии, такие как антитеза, оксюморон, амфитеза, диатеза и другие.

Антитеза является прямой противоположностью утверждению, означающая противопоставление двух понятий, слов или предложений друг другу, или сопоставление контрастирующих идей с целью достижения выразительности.

Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова в своей работе «Словарь-справочник лингвистических терминов» обращает внимание на то, что антитеза (греч. *antithesis* — противоположение) является стилистической фигурой, служащей для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов. «Мы всюду. Мы нигде. Идём, зимний ветер нам навстречу» (Блок, <https://processing.ruscorpora.ru/>), а также антитеза часто строится на антонимах, таких как, «лучше горькая правда, чем сладкая ложь; богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет» (поговорка).[10, с. 384]

Е. С. Гаврилова в статье «Лингвистическое выражение противопоставления» подчёркивает, что «антитеза является разновидностью тропа. В основе любой антитезы лежит противопоставление явлений, предметов, образов. Этот стилистический прием может проявляться как на лексическом, так и на речевом уровне. Средство выражения антитезы на лексическом уровне антонимы. На речевом уровне антитеза проявляется в противопоставлении событий (явлений) или в противопоставлении, выраженном в контексте». [5, с.141–143.]

Т. Г. Бочина в своей статье «Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц» определяет, что «антитеза была широко распространена еще в античные времена, когда большую роль в государственной, общественно-политической и творческой жизни играло ораторское искусство». [2, с.49]

Т. В. жеребило в своей работе «Словарь лингвистических терминов» акцентирует, что «антитеза является стилистическим приемом противопоставления понятий, положений, образов, состояний, гипотез, предметов и т.п. Антитеза применяется в художественной, публицистической, научной, разговорной речи. В разных стилях она выполняет разные стилистические функции. В художественном высказывании она направлена на создание образности, эмоциональности. В публицистической речи антитеза направлена на более тщательный анализ фактов из жизни общества, страны. В научном стиле различного рода противопоставления направлены на доказательство научного положения. С точки зрения культуры речи, антитеза формирует следующие коммуникативные качества речи: выразительность, богатство, логичность». [6, с.34]

И. В. Арнольд в своей книге «Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов» выделяет, что «антитеза является стилистической фигурой, усиливающей выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий, одна из ее стилистических функций – контраст». [1, с.384]

Антитеза используется в устном народном творчестве, в художественной литературе, в публицистике, в повседневной речи. Они отражаются в названии разных произведений, таких как, «Война и мир», «Преступление и наказание», «Толстый и тонкий», «День и ночь», в заголовках статей, таких как, «Протестует и стар и млад», «Мифы и реальность стамбульских договоренностей», а также чаще всего употребляются в пословицах и поговорках, таких как, «Горе старит, а радость молодит», «По платью встречают, по уму провожают». Как и многие другие стилистические приемы, антитеза выполняет эмоциональную, образную и юмористическую функции.

Такие высказывания состоят не просто из небольшого текста - в то же время они содержат глубокое значение. Самое главное в этих текстах не объём, а четкость, несущая яркий контраст, привлекающая внимание людей, потому что придаёт им эмоциональную окраску, а иногда и юмор.

В языкознании антитеза классифицируется по-разному:

Д. Э. Розентал, И. Б. Голуб и М. А. Теленкова в своей книге «Современный русский язык» о структуре антитезы пишут, что

«антитеза может быть одночленной, т.е., простой, на основе одной антономической пары, или же многочленной, т.е, сложной, на основе несколько антонимических пар.» [9, с.448]

Например:

«Я впервые ощутил головокружение не от взгляда вниз, а от взгляда вверх».

[простая (одночленная) антитеза]

(<https://ruskiiyazyk.ru/sintaksis/sravnitelnyi-oborot-primery.html>)

«Маленькое дело лучше большого безделья».

[сложная (многочленная) антитеза].

(<https://kakoy-smysl.ru/meaning-proverbs/znachenie-i-smysl-poslovitsy-malenkoe-delo-luchshe-bolshogo-bezdeliya/>)

Л. А. Корнилова в своей статье «структурно - функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре» категоризирует структуру антитезы, с точки зрения лексико-семантического анализа, на внутреннюю и внешнюю структуры. На основе количественного отношения оппозиций во фразе по внешней структуре Л. А. Корнилова классифицирует антитезу на три группы как антитеза с одной парой противопоставления слов «тонкий намек на толстые обстоятельства», с двумя парами противопоставления слов «лучше горькая правда, чем сладкая ложь», и с тремя парами противопоставления слов «богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет». [7, с.260 - 265]

По внутренней структуре на основе семантика-морфологического анализа антономических пар, Л. А. корнилова классифицирует антитезу на три группы, на однокорневую (словообразовательную) антитезу, разнокорневую (лексическую) антитезу и безморфемную (смысловую) антитезу. [7, с.260 - 265]

В русском языке противопоставление при однокорневой антитезе выражается с помощью приставок не-, без-, ре-, де-, анти-, контр- и т. д.

Например:

«Ах, молодость, лети, хрусти по льдинкам,
живи и властвуй в мире молодым
и будь всегда прекрасным поединком
души с бездушьем и огня со льдом».

(http://ev-evt.net/poem/kazan/kazan_18.php)

Т. Г. Бочина в своей работе «лингвистические средства создания антитезы в языке фольклора» акцентирует, что «однокорневые антитезы проще по структуре по сравнению с разнокорневыми антитезами и на основе отображения контраста создают неострый контраст». [3, с.16]

Александр Гончаренко в своей работе «лексико-семантический анализ антонимов в поэме Мцыри М. Ю. Лермонтова» по смысловой антитезе подчеркивает, что «смысловая антитеза характеризуется более высоким художественно-стилистическим уровнем. Смысловые антитезы строятся на контрастности синонимических рядов, или на контрастности образного характера (на контрастности свойства предметов, явлений и состояний)». [4, с.30]

Л. А. Корнилова в своей статье «структурно-функциональная характеристика антитезы на материале английского и русского языков» по безморфемной (смысловой) антитезы акцентирует, что «в основе смысловой антитезы лежит глобальное понимание антонимии и, в частности контекстуальные антонимы». [8, С. 241–244]

Например:

«Возникают, стираются лица,

Мил сегодня, а завтра далек». (Ахматова, <https://processing.ruscorpora.ru/>)

В этом абзаце стихотворения Ахматовы, слова мил и далёк образуют смысловую антонимическую пару.

Здесь противопоставляемые элементы представляют собой антонимы только в данном контексте.

По словам Л. А. Корнилова «разнокорневая антитеза выражается через лексические антонимы, т.е, противоположные слова, имеющие различные корни». [8, С. 241–244]

Например:

«Познай, где свет, поймешь, где тьма.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума». (Блок)

На основе семантической классификации Е. Г. Кашицина, Л. Лее-Йуех, Т. И. Филипповой, Л. А. Корнилова и другие лингвисты разделяют антитезу на размытые (оказиональные) и явные (узуальные) антитезы.

Оказиональная антитеза т.е., антитеза, где противопоставление или контраст показывается с помощью контекстуальных антонимов.

Например:

«В поэзии есть ангелы и люди.
Есть демоны и люди.
Есть духи и великие старухи.
Есть неземные звуки и слова». (Слуцкий)

Узуальная антитеза образуется посредством контраста словарных антонимических пар, т.е, языковых, простых и одноаспектных антонимических пар.

Например:

«Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке». (Гумилев)
«Путь этот - светлы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках». (Гумилев,
<https://processing.ruscorpora.ru/>)

Применения антитезы в поэтическом тексте русского языка:

«Мой верный друг! Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб! Родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!» (Брюсов)

«Ты дал мечте безумной крылья
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил». (Брюсов)

«Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:

Ты — мститель мой, ты — мой спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!» (Брюсов)

Эти строки из стихотворения «родной язык» были написаны русским символистом Валерием Брюсовым. К 1910-м годам его поэзия стала казаться холодной многим его современникам. В результате его репутация постепенно начала снижаться вместе с его влиянием в русском литературном мире. После этого он написал эти строки, где он сравнивает противоположные качества языка. Поэт здесь хочет объяснить, как язык вдохновляет его и дает ему крылья для безумной мечты, позволяя ему воплощать свои мысли в поэтической форме, но в то же время язык также заковывает его.

В приведённых выше отрывках можно заметить использование несколько противоположных слов, таких как, 'верный - коварный', '¬друг - враг', 'царь - раб', 'крыло - путы', 'спасать - сокрушать', 'мститель - спаситель', для создания резкого контраста.

Здесь можно наблюдать риторический контраст идей посредством параллельного расположения слов.

Следует отметить, что 'царь - раб', 'крыло - путы ' являются контекстуальными антонимами.

В приведённых отрывках можно также заметить использования разнокорневой антитезы:-
'верный - коварный', '¬друг - враг', 'спасать - сокрушать', 'мститель — спаситель'.

Здесь в первом отрывке можно наблюдать использование сложной, т.е. многочленной, антитезы. Во втором отрывке можно наблюдать использование многочленной антитезы и в третьем отрывке - использование простой, т.е., однокленной антитезы.

Эти примеры антитезы использованы в художественной литературе.

«Есть у памяти свойство такое:
после самых суровых невзгод,

Забывается быстро плохое,
А хорошее долго живёт». (Ваншенки)

Это стихотворение написано Константином Ваншенки, вспоминая старые времена, когда Ленинград был бомбардирован и захвачен немецкими войсками во время Великой Отечественной Войны. В то время во всех кинотеатрах Москвы и Ленинграда был показан новый фильм 'Ленинград в борьбе', в котором были отражены героические поступки и беззаветная преданность солдат к своей Родине. Этот фильм поднял дух солдат, и они поняли, что борьба требует жертв, а победа заключается в ожесточенной битве.

В этом отрывке можно наблюдать противоположные слова, такие как, 'быстро - долго', 'плохой - хороший', используемые в одном высказывании для создания резкого контраста.

Здесь можно наблюдать риторический контраст идей посредством параллельного расположения слов.

Следует отметить, что слова 'быстро - долго', 'плохой - хороший' структурно являются разнокорневыми антонимами.

В этом отрывке можно наблюдать использование сложной, т.е., многочленной антитезы.

«В Гаване все разграничено четко:
у белых доллары, у черных — нет». (Маяковский)

«Одно единственное вызубрил Вилли
тверже, чем камень памятника Масео:
Белый ест ананас спелый,
черный — гнилью моченый.
Белую работу делает белый,
черную работу — черный». (Маяковский)

«Ай бэг ёр пáрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар, белый-белый,
должен делать черный негр?
Черная сигара не идет в усах вам —
она для негра с черными усами.
А если вы любите кофий с сахаром,

то сахар извольте делать сами». (Маяковский)

Это стихотворение было написано поэтом-революционером Маяковским после его поездки на Кубу. С помощью этого стихотворения поэт прямо критикует Расизм и капиталистический режим, существовавшие в 1920-х годах в Америке. Их последствия можно увидеть именно в экономической сфере, где в течение этого периода появились два новых словосочетания: 'белый воротничок' и 'синий воротничок'.

Контекстуальные антонимы белая работа и чёрная работа связана с словосочетаниями белый воротничок и синий воротничок соответственно.

«Белый воротничок» — «Это разговорный термин, используемый для описания определенных офисных должностей. Белые воротнички обычно работают на руководящих, офисных или административных должностях».

«Синий воротничок» — «термин, используемый для людей из рабочего класса, выполняющих ручной труд и получающих почасовую оплату труда. Рабочие должны носить синюю форму в рабочее время. Работа очень трудоемкая, требует физического напряжения, но работникам не платят хорошо».

Таким образом, работа «синих воротничков» – «менее престижная работа, означающая главным образом физический труд».

В приведённых выше отрывках можно заметить использование противоположных слов, таких как, 'белый - черный', 'спелый - гнилой', 'сахар - кофе' для создания резкого контраста. Слово сигара употребляется как синоним слову черный. Эти примеры приёма антитезы, потому что можно заметить риторический контраст идей посредством параллельного расположения слов.

Здесь в первом отрывке можно наблюдать использование простой, т.е. одночленной антитезы. Во втором отрывке можно наблюдать использование сложной, т.е., многочленной антитезы и в третьем отрывке - использование сложной антитезы.

В примере 'белый - чёрный' можно наблюдать использование разнокорневой антитезы, а в примерах 'спелый - гнилой', 'сахар - кофе' использование смысловой антитезы.

Эти примеры антитезы использованы в художественной литературе.

«Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок». (Есенин)

Эти строки из стихотворения «мне грустно на тебя смотреть» были написаны Сергеем Есениным в 1923 году, в котором он описывал свою жизнь, свои чувства и своё любовное отношение с актрисой Августой Миклашевской и сравнивал их с унылой осенью, забравшей все оттенки лета. Здесь поэт писал о любви, принесшей ему боль и мучение. С помощью строк «так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок» поэт даёт обзор своего прошлого. На самом деле поэт был безумно влюблен в актрису и посвятил ей много стихотворений, которые позже вошли в цикл «Московский трактир»

В этом отрывке можно наблюдать противоположные слова, такие как, 'мало - много', используемые в одном высказывании для создания резкого контраста.

В примере 'мало - много' можно наблюдать использование разнокорневой антитезы.

В этом отрывке можно наблюдать использование простой (одночленной) антитезы, т.е, антитеза с одной парой противопоставления слов.

В конце концов можно сказать, что антитеза характеризуется огромными стилистическими возможностями и разнообразием стилистических функций. Анализируя поэтические тексты, можно сделать вывод, что ведущую роль в создании художественного контраста играет антитеза, как сложное, многоаспектное стилистическое явление. Как стилистический приём, антитеза является одним из способов передачи прагматического намерения эмоционального воздействия.

(Эта статья является частью моей кандидатской диссертации.)

Список литературы:

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука. 2002. 543 с.
- Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань. 2002. 49 с.
- Бочина Т. Г. Лингвистические средства создания антитезы в языке фольклора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Казань, 1992. 16 с.
- Гончаренко А. Лексико-семантический анализ антонимов в поэме «мцыри» М. Ю. Лермонтова. Тезис. Брно: Университет Масарика, факультет образования, кафедра русского языка и литературы. 2019. 123 с.
- Гаврилова Е. С. Лингвистическое выражение противопоставления // Вестник КГУ им. Некрасова. Н.А. – Вып. 3. 2013. С. 141–143.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов : Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Корнилова Л. А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Учёные записки Казанского государственного университета. Том 150, кн. 6. 2008. С. 260 - 265.
- Корнилова Л. А. Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (97). – Казань: Казанский государственный университет, 2011. С. 241–244.
- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. - 11-е изд. - М.: Айрис-пресс. 2010. 448 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение. 1976. 384 с.

Свободный ассоциативный эксперимент: уроки РКИ с магистрантами

Рича Савант

Доцент,

Центр Русских Исследований,

Школа языковых, литературных и культурных исследований
в университете имени Джавахарлала Неру,

Нью Дели-110067, Индия,

Аннотация: Свободный ассоциативный эксперимент является методом, позволяющим раскрыть разнородные связи между словами в лексиконе человека, особенно носителя языка. К тому же, как замечает, С. И. Закорко, «... (ассоциативные связи) одновременно воспроизводят универсальные когнитивные структуры (знания), которые стоят за языковыми значениями...»

На уроке "Введение в исследовательскую работу" магистранты изучали метод свободного ассоциативного эксперимента, как один из качественных методов исследования. Они применяли этот метод для сопоставительного исследования концептов в разных языках.

Магистранты рассматривали каждое слово, или слово-сочетание, устойчивое сочетание по двум категориям: по логической связи со словом-стимулом, а также по грамматическим характеристикам.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, сопоставительное исследование, концепты, РКИ

Как известно, ассоциация - это универсальный тип связи. Философский словарь определяет этот термин следующим образом: «в психологии, связь, образующаяся при определ. условиях между двумя или более психич. образованиями (ощущениями, двигат. актами, восприятиями, представлениями, идеями и т. п.); действие этой связи — актуализация А.— состоит в том, что появление одного члена А. регулярно приводит к появлению другого (других)».1

Свободный ассоциативный эксперимент начал применяться как метод научного познания в конце XIX - начале XX веков в области психологии. Однако постепенно начал использоваться в

лингвистике, и в середине XX века появляется новая научная дисциплина - психоллингвистика.

Свободный ассоциативный эксперимент является методом, позволяющим раскрыть разнородные связи между словами в лексиконе человека, особенно носителя языка. К тому же, как замечает, С. И. Закорко, «... (ассоциативные связи) одновременно воспроизводят универсальные когнитивные структуры (знания), которые стоят за языковыми значениями...»²

Лингвист А. Тумба и психолог К. Марбе называют вербальные ассоциации как психологическими, так и лингвистическими явлениями.³

Как считает А. А. Леонтьев, «если нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть “культурную” специфику словарных единиц, ... без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент».⁴

Лингвист Р. М. Фрумкина утверждает, что ассоциативная связь определяется культурой. «Это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном опыте, который может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но который всегда является также сугубо личным.»⁵

Например, с концептом "город" в русском ассоциативном словаре приводятся следующие ассоциации: большой, деревня, герой, родной, Москва, дома, красивый, мой, спит, детства, шум, грязный, люди, дым, светлый, огни, провинция, река, строится, большая деревня, жить, коробка, метро, на карте, в колледже, скопление пороков, улица с фонарями, цивилизация и. т. д.⁶

Ассоциации называются словами-реакциями, а слово, к которому они относятся – словам-стимулом.

Лингвист В. В. Джанаева различают три вида ассоциативных экспериментов: Свободный, направленный и ценной.

«При свободном ассоциативном эксперименте участвующие стараются ответить первым словом, приходившее в ум. Не существуют никаких ограничений по отношению к типу реакции -

словами-реакциями могут быть прилагательные, существительные, устойчивые сочетания, синонимы, антонимы, фразеологизмами и.т.д.». Существует ограничение по отношению к времени или количеству слов-реакций, например, участвующим нужно писать 10 слов-реакций за 3 минуты, и др.

«При направленном эксперименте ограничивается выбор слов-реакции. Например, участвующие могут написать только слова-реакции, имеющие противоположное значение: большой ≠ маленький, или только синонимы», например, миниатюрный, микроскопический, кот наплакал и т. д. там же

«Цепной ассоциативный эксперимент является разновидностью свободного ассоциативного эксперимента. Участвующие могут отвечать любым количеством слов - реакций. Нет ограничений по отношению ко времени.» там же

Стандартные слова-реакции для какого-либо социума называются ассоциативными нормами. Это богатейший материал для исследования в области лингвистики и лингвокультурологии.

На уроке "Введение в исследовательскую работу" магистранты изучали метод свободного ассоциативного эксперимента, как один из методов, качественных методов исследования. Студенты применяли этот метод для сопоставительного исследования концептов в разных языках. Они изучали формы эксперимента, т. е. устная, письменная, устно-письменная; а также условия проведения эксперимента: ограниченность во времени, ценность первой ассоциации и др.

Магистранты рассматривали каждое слово, или слово-сочетание, устойчивое сочетание по двум категориям: по логической связи со словом-стимулом, а также по грамматическим характеристикам.

Логическая связь - это связь между словом - стимулом и словами-реакциями. Она делится на две подгруппы: центральная и периферийная. Центральная связь очевидна например, слово-стимул зима в Русском ассоциативном словаре имеет следующие реакции: снег, холод, лыжи, каток, новый год и др.

Периферийная связь неочевидна, эти ассоциации могут быть индивидуальными, у одного участника, или у нескольких, но не у большинства. Например, в сердце, Пушкин, хозяин торжествуя и др.» там же

При грамматическом анализе рассматриваются парадигматические и синтагматические отношения между словом-стимулом и реакциями. Парадигматические отношения указывают на принадлежность слов-реакции к той же части речи, к которой принадлежит слово-стимул, или (к другим частям речи.) Синтагматические отношения указывают на сочетаемость слов.

Слова-реакции могут быть классифицированы по разным критериям: по возрасту, полу, частоте употребления, ситуации функционирования, эмоционально-оценочной коннотации и т. д. В конце эксперимента они интерпретировали результаты.

Задача являлась изучением концепта «лето» в русской и индийской культуре.

Магистранты сначала ознакомились с онлайн версией русского ассоциативного словаря, в котором можно посмотреть слова-реакции, связанные с каким-либо словом - стимулом.

Слова реакции классифицированы по возрасту участвующих, от 10 лет до 100. Они также классифицированные по признаку пола, т. е. можно изучать слова-реакции только мужчин, только женщин, любые реакции, независимо от пола. В этом разделе также приводится сравнение между реакциями представителей обоих полов. Слова реакции классифицированы также по частоте и алфавиту.

Так, в онлайн версии русского ассоциативного словаря слово-стимул "лето" имеет 100 реакций. Магистранты определили, что по логической связи, большинство реакции имеет центральную связь; периферинную связь имеют реакции: выпуск с военного училища, сверкание вершин, ненастное.

Проанализировав с точки зрения парадигматических отношений, они уточнили, что из 100 реакций, большинство принадлежат к той же части речи, что и слово – стимул, т.е. являются

существительными. Далее следовали прилагательные, а затем слово-сочетания. Среди реакции был только одно устойчивое сочетание - ласковый май.

Ознакомившись с русским ассоциативным словарем, а также с условиями проведения эксперимента магистранты участвовали в свободном ассоциативном эксперименте, в котором словом-стимулом было слово лето на языке хинди - " ग्रीष्म ऋतु ".

В группе было 15 студентов, в возрасте от 20 - 27 лет. Они должны были написать свои 10 реакции на языке хинди или на английском языке за 5 минут.

В результате были полученные следующие слов-реакции: गर्म हवा, पसीना, Fridge; Ice-cream, Swimming, तैरना, Vacation, Mango, आम पन्ना , Long days, गर्मी के दिन बड़े होते हैं, और सर्दी की रातें , नाव, Hot, तेज धूप, Picnic, Morning walk, Cold drink, Cold water, ठंडा पानी, शर्बत, fruit juices, बारिश का इंतजार, बगीचा, Games early morning or evening, सूती कपड़े, नदी, सूखा, Beach, हाथ पंखा, AC, Holiday Home Work, Hiking.

Следует отметить, что многие слова-реакции на языке хинди или на английском языке совпадали у студентов, что отражает общность восприятия этого времени года.

При сравнении с реакциями, приведенные в русском ассоциативном словаре, можно было отметить, что много слов-реакций русского языка и языка хинди/английского языка совпадают. Например, жара- गर्मी- hot, фрукты - fruit juices, вода - water, отдых - vacation, на даче - बगीचा.

В русском языке большинство из слов-реакции, например, красное, скорей бы, в раю, отражают положительное отношение к этому сезону, и выражают сожаление о том, что долгожданная пара приходит к концу. Только единичные реакции имеют отрицательный оттенок, например, знойное.

Слова-реакции на языке хинди или на английском языке выражают как положительное, так и отрицательное отношение в равной мере,

например, Ice-cream, Swimming, तैरना, Vacation, mango явно положительные, а पसीना, तेज धूप, लू, सूखा – отрицательные, и желание чтобы пришел сезон дождей.

Слова- реакции отражают как традиционные, так и нетрадиционные ситуации функционирования слова – стимула. Например, традиционные, как, आम पन्ना, सूती कपडे, नदी, सूखा, а нетрадиционные - picnic, beach и Hiking.

Если проанализировать слова-реакции с точки зрения логической связи, то почти все отражают центральную связь, выражают типичную ситуацию функционирования слова – стимула, а только две реакции, где связь была неясной, например, "Picnic", "Beach".

Проделав грамматический анализ, мы обнаружили, что, как в русском языке, большинство реакций принадлежат имени существительному. Далее следовали прилагательные, свободные словосочетания. Было только одно фразеологическое, устойчивое "Holiday Home Work".

Итак, свободный ассоциативный эксперимент является одной из наиболее эффективных методик исследования языкового сознания. Ассоциативные реакции помогают выявлять мировоззрение определенного лингвокультурного сообщества и способствуют межкультурной коммуникации.

References:

1. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1791/%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF
2. Загорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnyy-assotsiativnyy-eksperiment-kak-osnovnoy-metod-psiholingvisticheskogo-issledovaniy> accessed on 05.1.23
3. В.В. Джанаева К ВОПРОСУ О СВОБОДНОМ АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-svobodnom-assotsiativnom-eksperimente/viewer> accessed on 12.4.23
4. Довголюк М. Н. Ассоциативно-вербальное поле «Армия» в русском языковом сознании (социокультурный и гендерный аспекты) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativno-verbalnoe-pole-armiya-v-russkom-yazykovom-soznanii-sotsiokulturnyy-i-gendernyy-aspekty/viewer> accessed on 20.5.23
5. В.В. Джанаева К ВОПРОСУ О СВОБОДНОМ АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-svobodnom-assotsiativnom-eksperimente/viewer> accessed on 12.4.23

6. Русский ассоциативный словарь URL:<http://thesaurus.ru/dict/> accessed on 15.1.23

Устойчивые единицы русского языка с компонентом «душа» в сопоставлении с языком Хинди

Хушбу Рой

Аспирантка

Центр русских исследований,

Школа языковых, литературных и культурных исследований

Университет имени Джавахарлала Неру, Нью Дели, Индия

roykhushboo68@gmail.com

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ устойчивых единиц русского языка с компонентом «душа» и «आत्मा», «मन» и «दिल» в языке хинди. Рассматриваются понятийные, ценностные и образные компоненты концептов «душа», «आत्मा», «मन» и «दिल», отраженных во устойчивых единицах двух языков.

Материал анализируется путём сопоставления вариантов лексического значения имен концептов: внутренний мир человека; бессмертное начало, связывающее человека и Бога; совокупность черт личности; совесть; человек; жизнь; дыхание. Показана исключительная важность этих концептов для русской и индийской культур, и их можно отнести к ключевым концептам в обеих культурах.

Ключевые слова: компонент, душа, устойчивые единицы русского языка, устойчивые единицы языка хинди, сопоставительный анализ

Понятие души является одним из ключевых понятий русской культуры. Именно в основных работах русского ученого В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелева, В. А. Маслова на русском материале и сравнение с аналогичными понятиями в других языках. Как отмечают Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенович что «...наибольшая фразеологическая продуктивность присуща словам-соматизмам, обозначающим эти органы. Кроме слов-соматизмов, такими же свойствами характеризуется лексика, обозначающая чувственное и творческое восприятие мира. К ним относятся также слова, содержащие древнейшее мифологическое понимание действительности. Это, например, огонь, земля, вода, смерть, душа, чёрт, небо и др.» (Алефиренко). На основании этого суждения, можно сделать вывод, что корпус фразеологических единиц (далее – ФЕ), содержащих имя концепта душа, в сопоставляемых языках весьма значителен.

С древних времен устойчивые выражения играют роль своеобразного университета жизни народа. В них содержатся житейский опыт и народная мудрость и в общей языковой картине мира они являются значительным пластом. Важные компоненты ценностной сферы языкового менталитета являются культурно-национальными символами, которые закрепятся во фразеологических оборотах. Эти символы позволяют реконструировать историю языка и мировоззрения наших предков, и также глубже понять характерную черту загадочной русской души. Устойчивые выражения имеют яркий национальный характер и обнаруживают языковые и культурные отличия в каждом языке.

В русском языке и также на языке хинди существует значительный состав фразеологизмов со словом «душа» и очень часто эти выражения употребляются и в разговорной и в книжной речи. Любая фраза имеет значение в соответствии с ситуацией и контекстом, поэтому одно слово может иметь разные значения в разных фразеологизмах. Анализ русской фразеологии позволит понимать восприятия души русскими и индийцами. Изучение устойчивых выражений даст возможность понять культуру, мораль и систему ценностей обеих стран. По словам Т. Б. Радбиля, понятие «душа» восходит «к идее 'воздуха', 'дыхания', подвергшейся мифологическому метафорическому переосмыслению на базе обычного переноса семантики физической сущности на психическую» (Радбиль). В словаре русского языка (Малый академический словарь) (Словарь русского языка) в 4 томе душа определяется как совокупность характерных качеств, черт, присущих личности внутреннего духовного мира человека, его переживаний, настроений, эмоций и. т. д., разг. человек (обычно при указании количества, а также в устойчивых сочетаниях). Кругом ни души, в старину: крепостной крестьянин, (обычно со словом «моя»). разг.: дружеское фамильярное обращение, перен.: самое основное, главное, суть чего-л. В лексикографической практике слово «душа», в общем, выражает некоторые значения как внутренний духовный мир человека, набор черт ханактера, бессмертное начало, связывающий человека и бога, совесть, жизнь, дыхание и. т. д.

Внутренний психический мир человека

В русском и в языке хинди существуют ряд устойчивых словосочетаний, отражающие внутренний мир человека. В большинстве исследуемых устойчивых словосочетаний с

компонентами «душа», «आत्मा», «मन» и «दिल» отражается значение «внутренний мир человека, мыслящая и чувствующая субстанция». Значение данных компонентов «внутренний мир человека» предполагает понимание души как нематериальное внутреннее пространство, для эмоций, мыслей, желаний, всей совокупности проявлений психики, которое является вместилищем. В русском языке существует значительное количество устойчивых словосочетаний, отражающие эмоциональную сфера человека. Например: душа болит, войти в душу и. т. д. Как русский язык, в языке хинди существует значительное количество фразеологизмов, отражающие эмоциональную сферу человека. Например: आत्मा खुश होना – आत्मा का तृप्त होना, मन उतरना - उदास होना и. т. д. В этом же языке степень эмоциональной напряженности метафоризируется в терминах температуры (тепла и холода). Например: горячая душа, согреть душу, охладеть душой. В языке хинди мы видим что степень интенсивности чувств, метафоризируется через обозначения вкусов «मीठा, फीका, खट्टा». Например: «मन मीठा होना - मन प्रसन्न होना», «मन फीका करना – उत्साह हीन होना» и. т. д. Н.Г. Брагина в своём книге указывает, что «глубина – поверхность, тяжесть – легкость, верх – низ являются основными параметрами души. Метафорическое словосочетание глубина души, сердца относятся к ранним христианским источникам; слово глубина в то время употреблялось в первую очередь как 'глубина морская' и, возможно, в основе образа данного фразеологизма лежит древний слой базовой метафоры «морья»: глубина души уподобляется морской глубине» (Брагина). Эти устойчивые единицы представляют параметр «поверхность». Сюда относится выражение «на душе» и его смысловые производные. В русском языке непременно выражение различных эмоциональных состояний человека через данный параметр. Например: на душе радостно, весело, грустно, спокойно и. т. д.

Выделяется в русском фразеологизме «на душе кошки скребут» яркой эмоционально экспрессивной окраской и комплексной образностью. В виде образов кошки тёмные силы представлены в нём, мелкие болезненные раны наносящих человеку. В межличностных отношениях компонент душа является критерием откровенности. В ряде синонимичных фразеологизмах отражено значение «проявление откровенности» с переходными глаголами, по степени откровенности где наблюдается градация. Например: раскрыть душу, открыть душу, обнажить душу, распахнуть душу

и.т.п. откровенно говоря, в русских фразеологизмах можно увидеть важность психологического воздействия на человека. Например: без мыла в душу влезть / залезть. В языке хинди мы нашли что синонимические устойчивые выражения, отражающие одно и то же. Например: «दिल से उतरना / दिल से गिरना - भुलाना, चाह न रखना, दिल का काफिला / दिल का खेल - मन मे नाना प्रकार के भाव». Устойчивые выражения, содержащие компонент «душа», также выражают понимание и доверие в отношениях между людьми. Здесь можно видеть значение «отказ от откровенности» в фразеологизме. Например: закрыть душу на замок. В языке хинди мы видим что устойчивые выражения с компонентами «आत्मा», «मन», и «दिल», означающие разные эмоциональные состояния человека как радостно, весело, грустно, спокойно и.т.п. фразеологизмы с этими компонентами тоже выражают понимание и доверие в отношениях между людьми.

Душа – совокупность свойств личности

Компонент «душа» очень близок к приведенному выше значению термина имя и отчасти примыкает к нему. Это условно обозначает «душа» как совокупность черт личности. Этот компонент показывает признаки эмоций, вдохновения, темперамента и. т. д.. К нему относятся ряд устойчивых сочетаний слов, оценивающих моральный облик человека наличия либо отсутствия души в терминах. Например: фразеологизм русского языка «с душой» выражают значения (с чувством, вдохновением, воодушевлением). Кроме того, этот фразеологизм может употребляться в значении (доверие, симпатия к кому – либо, испытывая расположение).

Фразеологизм русского языка «без души» употребляется в значении быть черствым, не способным к сочувствию и делать что – либо без воодушевления, вдохновения. В русском языке наличие либо отсутствие компонент «душа» является важной оценочной категорией.

Отрицательный характер человека

Существуют ряд устойчивых словосочетаний в языке хинди, выражающие отрицательные характеры человека. Устойчивые выражения с компонентами «आत्मा», «मन», и «दिल» тоже отражают отрицательные поступки человека. Здесь можно видеть что в этом же языке эти отрицательные поступки метафоризируются через

обозначения вкусов «खट्टा, कड़वा» как отражаются в категории внутренний мир человека. Например: «दिल कड़वा करना – जी दुखाना, मन मे रंजिश लाना», «दिल खट्टा करना – मन फेर लेना, मन मे दुर्भाव या रंजिश लाना». В языке хинди можно выявить что негативные характеры человека отражаются через чёрного цвета. Например: «दिल का काला - दुष्ट,दगाबाज, दुराचारी», «मन का काला - बदमाश, कपटी». В этой же категории тоже встречаются синонимические устойчивые выражения, отражающие одинаковые значения. фразеологизмы с этими компонентами выражают отрицательные характеры, поступки, мысли, хитрость человека и. т. д.

Положительный характер человека

В этой категории встречаются разные устойчивые словосочетания с этими компонентами «आत्मा», «मन» и «दिल», отражающие положительные характеры человека и тоже обозначающие совокупность свойств личности. Например: «दिल का बादशाह – मनमौजी, उदार». Эти фразеологические выражения содержат по его индивидуальным особенностям и склонностям характеристику человека. Например: «दिल का साफ होना - छल - प्रपंच से हीन होना», «दिल से मजबूत होना - धैर्यवान होना, कष्ट या सदमे से विचलित न होनेवाला» и. т. д. В этой же категории тоже встречаются синонимичные устойчивые выражения, означающие одно и то же.

Душа – человек

В русском языке существуют фразеологизмы, отражающие сам человек.Здесь можно видеть принято замещение компонент «человек» и человек компонентом «душа». С таким замещением в речевых оборотах синекдоха имеет место именование целого по его части. Например: в фразеологизме «сколько душа пожелает» всё, чего только человек пожелает.

В этой категории можно увидеть два употребления термина «душа»: для обозначения номинации жизненной сущности человека и для его обращения к другим. Обычно мы видим, что в субстантивных фразеологизмах, построенных по модели прилагательное + душа, имена концептов функционируют как представитель. Например: добрая душа - отзывчивый,

жалостливый, чуткий человек. Эти устойчивые выражения содержат по его индивидуальным особенностям и склонностям характеристику человека.

Душа – жизнь

Устойчивые выражения с компонентом «душа» существуют в русском языке, отражающие жизнь. Представление о компоненте «душа» в устойчивых сочетаниях является универсальным для всех народов и культур в значении субстанции, оживляющей тело. В русском языке можно видеть синонимичные устойчивые выражения, означающие одно и то же. Например: еле – еле душа в теле и в чём душа держится (о физически слабом, худом, хилом, изможденном человеке). Здесь можно видеть устойчивые сочетания слов, выражающие негативный оттенок человека. Например: выбить / вышибить душу (лишить кого–либо жизни, убить ударом). Устойчивое выражение библейского происхождения «положить душу» возникло в результате сокращения цитаты из Евангелия и употребляется в значении: 1. За кого – либо пожертвовать жизнью. 2. На что – либо приложить много усилий и стараний.

Душа- совесть

Существуют в русском языке фразеологизмы с компонентом «душа», которые обозначают совесть. Многие русские исследователи отмечают, что совесть является важным значением компонента «душа». В. В. Колесов отмечал, что «современное представление о душе путем семантической транспозиции сузилось, некоторые признаки души перенесены на волю (у Даля сильная душа – у нас уже сильная воля), на грех (взять на душу), на совесть (лежит на моей душе), на голову (положить душу) и т. д.» (Колесов). «Душа отождествляется с совестью, ей дано право выполнять функцию нравственного законодателя, цензора в русской языковой картине мира» (Пименова). Совесть – одна из составляющих души в древнерусском языковом сознании. В средние века у славян душа отчасти соотносилась с совестью через функциональное сходство. Устойчивые выражения как «кривить душой – поступать против совести, лицемерить, быть неискренним», «с лёгкой душой – легко, без огорчения, спокойно, не испытывая угрызений совести, с чувством облегчения», «загубить свою душу – отягчить свою совесть, сознание совершением преступления» выражают значение совести компонента «душа» в русском языке, но не выделяется в современных толковых словарях.

Душа – бессмертное начало, связывающее человека с богом
Устойчивые выражения с компонентом «душа» в русском языке, которые выражают бессмертное начало, связывают человека и бога. «В разделении души и тела находят отражение религиозные основы православия» (Пименова, Душа и дух: особенности концептуализации). Данное значение актуализируется в большинстве устойчивых словосочетаний. Они отражают идею компонента «душа» как «поля битвы Бога и Дьявола» и в случае смерти человека и тоже о ситуации перехода души в иной мир и его загробных вариантах.

Здесь можно выявить ряд устойчивых словосочетаний, отражающих компонент «душа – бессмертное начало» и «душа – человек, лицо». Например: фразеологизм «христианская душа (с пометой высок)» выражает значение «христианин» через христианский знак: человек, прошедший таинство крещения и его душа предназначенная для рая. В русском языке фразеологическая единица «продать душу дьяволу» выделяется как библейское. Оно ограничивается его сферу употребления книжной речью и высоким стилем. Фразеологизм «брать / взять грех на душу» особенно распространено в русском языке в форме отрицательного повеления с предупреждающим значением, как «не бери грех на душу».

Здесь можно увидеть довольно много фразеологизмов с религиозными именными значениями понятий, связанных с темой «смерть». Например: «отдать богу душу». В речевых оборотах отражены общехристианские представления о дихотомии души и тело. Например: «душа расстаётся с телом». Мы выявили здесь фразеологические единицы «отпустить душу на покаяние», первоначально означающие (отпустить, поиловав, простив) но в современном времени означающие (оставить в покое, не трогать, отпустить), «как бог на душа положит» означает (как получится, как удастся). В этих фразеологизмах религиозные смыслы стерты.

Устойчивые выражения с этими компонентами очень часто употребляются в обоих языках. Они включают в себя обильный исторический опыт общества и в них отражены представления, связанные с укладом жизни, культурой общества, обычаями и. т. п.

Изучение устойчивых фразеологических сочетаний является необходимым звеном усвоения языка и повышения языковой культуры. Правильное и подходящее использование устойчивых выражений делает речь своеобразным, выразительным, метким и образным.

В целом можно сделать вывод, что в русской лингвокультуре исключительная значимость концепта «душа» совершенно соизмерима со значимостью концепта «आत्मा, मन, दिल» в языке хинди. Об этом свидетельствует огромный корпус фразеологизмов русского и языка хинди, содержащий единицы разных уровней идиоматичности, разнообразных степени употребительности. Они принадлежат к разным стилям и языковым регистрам, а тенденция к метафоризации устойчивыми словесными комплексами, содержащими составляющие «душа», и «आत्मा», «मन» и «दिल» является общей для обоих языков. С данными компонентами оба языка могут иметь большие потенциалы для образования концептуальных метафор. В обоих языках существуют ряд устойчивых словосочетаний, отражающие внутренний мир человека (эмоциональная сфера человека). устойчивые словосочетания с этими компонентами выражают разные эмоциональные состояния человека как радостно, грустно, весело, легко, спокойно и т. п. в обоих языках существуют устойчивые сочетания, отражающие понимание и доверие в отношениях между людьми. В обоих языках можно видеть, что эти устойчивые выражения с данными компонентами выражают разные состояния человека как психики, совесть, положительные и отрицательные характеры человека. Рассматривая и сопоставляя тщательно эти выражения, мы заметили, что выражения в русском языке с компонентом «душа» обладают более яркими значениями, чем в языке хинди как дыхание, жизнь, бессмертное начало, связывающие с богом, религией и т. д. наше исследование показало, через эти выражения степень эмоциональной напряженности в русском языке обычно метафоризируется, обозначая температуру как «тепла и холода». Например: «душа горит, охладеть душой». Но в языке хинди степень интенсивности чувств метафоризируется в общем через обозначения вкусов «मीठा, फीका, खट्टा и т. д.». например: «मन मीठा होना, मन फीका होना». В языке хинди устойчивые выражения с

компонентами «आत्मा», «मन» и «दिल» отражают обычно негативный характер человека с помощью чёрного цвета и т. д. Например: «मन का काला, दिल का काला».

В результате изучения устойчивых единиц стали ясны некоторые особенности коммуникативного поведения русского и индийского народов. Использование многочисленных устойчивых словосочетаний в обоих языках с компонентами «душа», «आत्मा», «मन» и «दिल» для описания разнообразных проявлений человеческой психики, эмоций являются сходными чертами.

Можно видеть что эти устойчивые выражения с данными компонентами выражают разные состояния человека в обоих языках как психики, совесть, человек, положительные и отрицательные характеры человека. Мы обнаружили, что для русской языковой культуры характерен большой интерес к особенностям человеческих эмоций и переживаний, большая открытость в общении. В целом, устойчивые выражения в русском и в языке хинди содержат богатый материал для изучения особенностей языка и культуры народов.

Works cited:

- Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. (2009). Фразеология и Паремология. Москва. Изд. «Наука».
- Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007. С. 392.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 327.
- Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 244.
- Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. Пособие. М., изд. Флинта, Наука, 2013. С. 237-238.
- Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1957-1961., Т.1 (МАС).С.456-457.
- Шанский Н. М. (1963). Фразеология современного русского языка. Москва. Изд. «Высшая школа».
- Шанский Н. М. (1972). Лексикология современного русского языка. Москва. Изд. «Просвещение».
- अग्रवाल प्रतिभा (१९९२, २०१३). वृहतमुहावराकोश (खंड१-३). उत्तरप्रदेशहिंदी, लखनऊ.
- कौशिक अशोक, शास्त्री गणेश शर्मा, शास्त्री सदानंद, गुप्त तनसुखराम (१९९०). मुहावरा लोकोक्ति कोश. हिंदी पुस्तक भवन, दिल्ली.
- तिवारी भोलानाथ (प्रधान संपादक) (२००३). वृहत हिंदी मुहावरा कोश. साहित्य सहकार, दिल्ली.

Сопоставительное изучение цветов «Черный» и «Белый» в Русском языке и в языке Хинди

Уджвал Кумар Видяртхи

Аспирант

Центр русских исследований

Школа языковых, литературных и культурных исследований

Университет им. Джавахарлала Неру, Нью Дели, Индия

vidyarthi131097@gmail.com

Аннотация: в каждом языке существует неопределенно большое количество выражений с разными цветовыми терминами. Цвет - это самая важная часть визуального опыта. Каждый человек реагирует на цвет и имеет определенные предпочтения. Цветовые термины обычно используются для обозначения цветов разных объектов. Практически в культуре каждой страны было замечено удобство использования цвета как символ. Цвет вызывает определенное значение в культуре, но его значение может различаться в разных обществах и языках.

Хоть существует большое количество выражений с разными цветовыми терминами в русском языке и в языке хинди. Но в этой работе мы в основном сосредоточились на сопоставительном изучении цветовых терминов «черный» и «белый» в русском языке и в языке хинди.

Ключевые слова: сопоставление, цвет, черный, белый, культура, познание, изучение

Мы живем в цветном мире. Цвет, который окружает нас в повседневной жизни, оказывает глубокое влияние на наше настроение и поведение. В одежде, интерьере, пейзаже и даже естественном освещении цвет может изменить наше настроение от грустного до счастливого, от замешательства до интеллекта, от страха до уверенности. Цвет – это свойство зрительного восприятия и неотъемлемая часть культуры. Это вызывает определенное значение в культуре, но его значение может различаться в разных обществах и языках. Каждый человек реагирует на цвет и имеет определенные предпочтения. Как универсальное явление, цвет является важной частью человеческого опыта и играет важную роль в нашей повседневной жизни. Все в нашей естественной среде имеет свой цвет, и в каждом языке мира есть свои цветовые термины. Цветовые

термины часто используются людьми для выражения своего понимания и чувств.

Метафора - это своеобразный выразительный способ, заменяющий одно слово другим. Она может передать гораздо больше, чем коннотативное значение самого слова. Она проникает в ежедневную жизнь не только в языке, но и в мыслях и действиях. Наша простая концептуальная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по своей сути метафорична. Метафора широко употребляется в повседневной речи. В человеческом познании и общественной деятельности метафора играет очень важную роль. По Лакоффу и Джонсону, сущность метафоры состоит в том, чтобы реализовать узнавание других вещей через понимание одной вещи, и это средство объяснения языковых явлений с помощью когнитивной теории. Метафора возникает в процессе мышления и может эффективно отражать процесс понимания людьми мира. Понимание людьми новых вещей часто основано на метафорах.

Каждая страна по-своему интерпретирует особый оттенок цвета, соответственно разные языки по-разному описывают разные цвета и их оттенки, а также имеют свою символику и метафорическое употребление цветов, отражая определенные понятия, чувства и эмоции. Цвета в разных языках и культурах могут передавать разные коннотативные интерпретации.

Существует большое количество метафорических выражений и словосочетаний с цветами как в русском языке, так и в языке хинди. Целью данной работы является сопоставительное изучение цветковых терминов «черный» и «белый» в русском языке и в языке хинди.

Когда мы используем цвета для выражения, объяснения и понимания других категорий, мы используем их метафорически. В соответствии с метафорическими значениями каждого цветкового термина, основные цветковые концептуальные метафоры включают сходства и различия между русским и хинди. Существует много цветковых терминов, таких как красный, белый, синий, желтый, черный и т.д., которые используются метафорически. Но в этой статье используется только цветы «черный» и «белый» для сопоставительного изучения.

Сочетания с цветом «черный» в русском языке:

Черный – это цвет тайны, символ тьма, а тьма – лучшее убежище для людей, занимающихся тайными делами. Незаконное дела часто совершаются в темноте. Цвет черный часто ассоциируется с отрицательными качествами и имеет ужасное, злое и незаконное значение.

Особенности цвета черный:

1. Нечестность,
2. Неизвестно,
3. Что-то скрытое,
4. Неожиданность,
5. Злобность.

Черный означает темноту, отсутствие света и что-то скрытое. Этот цвет обозначает подозрительность, тайну и замешательство, которые неизвестны людям. Когда используется цвет черный в словосочетании, то это показывает его скрытую и темную сторону.

В русском языке много метафорических выражений с цветом «черный», например: черное дело, черная душа, черный ход, черная мысль (गंदी सोच), злой язык (काली जुबान) и т.д.

Когда мы употребляем выражение «черное дело», то здесь цвет черный показывает тайность и темноту. Значит, работа неизвестна другим, она скрыта. Темнота – это лучшее убежище для людей, когда они занимаются тайным делом. Незаконные дела часто осуществляются в темноте. Это видно только для тех людей, которые занимаются этой работой, а для других это неизвестна.

Выражение «черный ход» тоже используется в переносном значении. В выражении «черный ход» цвет черный показывает скрытность, значит это неизвестно и скрыто для простых людей.

Но в языке хинди для того же выражения мы используем цвет «черный» или вместо цвета используем другое слово. Для «черный ход» мы используем “चोर दरवाज़ा” или “पीछे का दरवाज़ा”, но для «черное дело» мы используем тот же цвет в языке хинди “काला धंधा”. Хотя мы используем другие слова вместо цвета или иногда используем один

и тот же цвет, но их значения и познания для использования этого цветового термина не меняются в языке хинди. В языке хинди мы часто используем словосочетание с цветом «черный» “काली जुबान”, но в русском языке для того же выражения мы не используем цвет «черный», а вместо цвета «черный» мы используем другое слово. Слово это «злой». Хотя мы используем другие слова вместо цвета «черный», но их значения и познания не меняются в русском языке. Сочетания с цветом «белый» в русском языке:

Белый – это цвет покоя и снега. Белый передает чистоту и также несет в себе значение невинности. Этот цвет используется для описания качества или состояния чистоты.

Особенности цвета черный:

1. ясность,
2. невинность,
3. холодность,
4. чистота.

В русском языке много метафорических выражений с цветом «белый», например: белый террор, белый мир, белый денег, святая ложь (सफ़ेद झूठ) и т.д.

Террор – это особая форма политического насилия, характеризуется жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью. Это наложение крайнего страха с целью принуждения людей, особенно по политическим мотивам. Террор значит устрашать, запугивать. Это означает физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства политических противников.

Белый террор в России – это понятие, которое обозначает крайние формы репрессивной политики антибольшевистских сил во время Гражданской войны. Это понятие включает в себя совокупность репрессивных законодательных актов, а также их практическую реализацию в виде радикальных мер, направленных против представителей советской власти, большевиков и сочувствующих им сил.

Исторически это связано с Россией и со гражданской войной в России. Понятие «белый террор» вошло в политическую терминологию периода революции и гражданской войны. В России понятие «белый террор» применялось для обозначения политики

правительств Белого движения, демократических антибольшевистских правительств и иных контрреволюционных сил в стране, а также интервентов в ходе Гражданской войны.

Но в языке хинди мы не используем слово террор с цветом «белый» и также не существует эквивалент словосочетания «белый террор».

लेकिन यह कैसा सफ़ेद झूठ है।

В языке хинди слово “झूठ” (ложь) воспринимается как вред. Это слово содержит отрицательную коннотацию. А вот цвет белый относится к чистоте и ясности. Но когда мы используем выражение “सफ़ेद झूठ” (святая ложь), то это дает ощущение тотальности. Вот почему, чтобы показать ощущение тотальности мы используем “सफ़ेद झूठ” как метафорическое выражение в языке хинди.

Но в русском языке для выражения “सफ़ेद झूठ” мы не используем цвет «белый», а вместо цвета «белый» мы используем другое выражение «святой». Хотя мы используем другие выражения вместо цвета «белый», но их значения и познания не меняются в русском языке.

Сопоставительный анализ

Цвет играет важную роль в нашей ежедневной жизни и в межкультурном общении. С помощью языка языковые сообщества воспринимают цветовые термины по-разному. В этой работе было проведено сопоставительное изучение цветовых терминов «черный» и «белый» в русском языке и в языке хинди. Цветы «черный» и «белый» содержат много культурной информации, а метафорические значения иногда отличаются друг от друга и когда-то они выражают одинаковые значения, как визуально, так и психологически. Мы нашли, что некоторые сочетания с цветом «черный» имеют эквивалент, например, «черное дело», а некоторые имеют не эквивалент, например, «черный ход» означает скрытность, значит в доме есть скрытая дверь для выхода или входа. Сочетания с цветами «черный» и «белый» передают разные значения в русском языке и в языке хинди. Целью сопоставительного изучения является глубокое понимание

иностранного языка и иностранной культуры. Еще подобное исследование помогает изучать языки в иностранной аудитории.

В мире так много метафорических выражений с разными цветовыми терминами. Но я не могу перечислить их все. В этой области ещё многое предстоит изучить и я буду продолжать изучать цветовые термины.

(Это работа принадлежит к моей кандидатской диссертацией.)

Список литературы:

URL: <http://www.ruscorporu.ru>

URL: <http://www.cosh.site>

Ахренова, Наталья Александровна. "Метафора в когнитивном аспекте." Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология 2 (2010): 7-13.

Попова, З. Д., and И. А. Стернин. "Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс]." URL: <http://zinki.Ru/book/kognitivnaya-lingvistika/ponyatiekoncepta>.

Тарасов, О. В. "Метафора как средство познавательной деятельности." Вестник Башкирского университета 10.3 (2005).

Ушакова Д.Н., Толковый словарь, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/833966>

ABBY Lingvo Live, <https://www.abbyy.com/en-ee/lingvolive-web>

Adams, F. M., & Osgood, C. E. (1973). A Cross-Cultural Study of the Affective Meanings of Color. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 4 (2), 135–156.

Berlin, B., & Kay, P. (1969). *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press.

Davidoff, J. B. *Cognition through color*. MIT Press Cambridge, MA. 1991.

Davies, Ian R.L.; Corbett, Greville G.; and Laws, Glynis. Mapping Russian basic colour terms using behavioural measures. *Lingua* 82, 313-332. (1990).

Ian Davies, Greville Corbett. The basic color terms of Russian. January 1994.

McDaniel, Chad, K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms. *Language* 54, 610-646. (1978).

Morgan, Gerry. Colour terms in Russian: reflections of typological constraints in a single language. *Journal of Linguistics* 24, 31-64. (1988).

Morgan, Gerry; and Corbett, Greville G. Russian colour term salience. *Russian linguistics* 13, 125-141. (1989).

Lost in translation: A case study in translating idiom, proverb, Lullaby and riddle from Hindi to English

Dr. Hari Madhab Ray

Centre for Linguistics, SLL&CS,
Jawaharlal Nehru University, New Delhi-110067
hmray@jnu.ac.in

Abstract: “Translation is an operation performed on languages: a process of substituting a text in one language for a text in another” or in other words, “the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL)” (Catford, 1965). This paper is a study of translation of a few selected Hindi Proverb, riddle, lullaby, game rhyme which form an integral part of everyday life of the Hindi speaking community. Eight different native speakers of Hindi with varying proficiencies in English were asked to translate proverbial expression, Lullaby, Game rhyme, and Riddle used in everyday communication to English. These translations were then further analysed to see the degree of equivalence in phonetics, semantics and structure between the original and the translations, what is being retained and what is lost in the translation. The author wanted to see if English can indeed convey the essence, meaning, originality, accuracy and aesthetics that lie behind these Hindi proverbial expression, limerick and rhymes.

Keywords: Translation, Lullaby, idiom, proverb, Lullaby, riddle, Hindi and English

1. Introduction

Our experience and knowledge about our culture and other cultures is mediated through various forms of interpretation and translation, including written translations, sub-titling, dubbing, and various types of online and offline interpreting activities. The most obvious case in point is perhaps literature. It is also an effective medium to know of other cultures. The great literary works and religious texts are being translated from one major language to other languages. Grammar Translation Method of Second Language Teaching also helped in learning the language where the learners can enjoy the original piece of writing in the source language. Most of us know writers such as Tolstoy, Pushkin, Homer, Rabindra Nath Tagore, Premchand, Sharad Chandra Chattopadhyay only through translated version of their works. But our reliance on translation does not stop here. Our understanding of political issues, of art, of scientific terminologies, of mathematical algorithm and of various other areas which are central to our lives is no less dependent

on translation than our understanding of world literature. Any idea or thought of a language can be translated into another language. In India where multilingualism is a norm, it is not an exceptional phenomenon, translation or interpretation is a daily activity. It is ubiquitous in nature. People in rural areas without having professional degree or certificate in translation carry out this activity amicably. Translations become even more crucial when we talk about minor languages and cultures which are suffering because of increasing globalisation, linguistic imperialism and focus on lingua franca, intranational language or English in educational institutes and in administration. To preserve the language, culture, folklore, literature, local flora and fauna of a community we need to document it and also, make it more accessible to the world. Translation can also help in this direction in expressing the need of the lesser known linguistic community and disseminate their literature, art, culture to other communities.

This paper is a study of translation of a few selected Hindi Proverb, riddle, lullaby, game rhyme which form an integral part of everyday life of the Hindi speaking community. To see if English can indeed convey the essence, meaning, originality, accuracy and aesthetics that lie behind these proverbial expression, limerick and rhymes. It aims to study what is being retained and what is lost in the translation.

2. Research Methodology

Eight different native speakers of Hindi with varying proficiencies in English were asked to translate proverbial expression, Lullaby, Game rhyme, and Riddle used in everyday communication to English. These translations were then further analysed to see the degree of equivalence in phonetics, semantics and structure between the original and the translations. The consultants are from Jawaharlal Nehru University, who were studying different foreign languages or pursuing their research in JNU. The age group varies from 21-31 years. Both male and female consultants with varying degree of competence in English and with different economic background were interviewed for the study. They were given the selected Proverb, lullaby, riddle and Game rhyme in Hindi and were asked to translate it in English in their best possible way. The responses of the language consultants were tabulated and analysed accordingly.

3. Translation: Theory and Practice

Translation is definitely a daunting task. Without having the adequate knowledge of both the languages, cultures, grammars, pragmatics and contextual use of language translation is not possible. To begin with my personal experience in translation, I feel that there are many things lost in translation. My exposure in translation studies began while I was a student, a course titled 'Translation: Theory and Practice' was taught by Prof. GJV Prasad at Jawaharlal Nehru University and Prof. Vaishna Narang also introduced translation theory in Applied Linguistics course. As a course requirement for 'Translation: Theory and Practice', I chose to translate a Bengali poem 'Banolata Sen' by Jibanananda Dash and a Rajbanshi short story 'Jagannathi Bilai' by Raysaheb Panchanan Barma. I had to face a lot of difficulties because Jibanananda Dash is known for using living metaphors in his writings and Panchanan Barma has used many Rajbanshi idioms and proverbs in the short story which made me clueless about translation equivalence. I felt many ants in my pants. So what is there in translation which made many translators clueless? Even the Nobel laureate Rabindra Nath Tagore had to face difficulties while translating his own writings into English. He had a fair amount of knowledge in both the languages- Source Language i.e. Bengali and the Target language i.e. English.

If we go back to the definition of translation used by J.C. Catford (1965) in his book, 'A Linguistic Theory of Translation', where he says, "Translation is an operation performed on languages: a process of substituting a text in one language for a text in another" or in other words, "the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL)". So translation equivalences may be set up, and translations performed, between any pair of languages or dialects-related or unrelated and with any kind of spatial, temporal, social or other relationships between them. According to Catford (1965), "any theory of translation must draw upon a theory of language- a general linguistic theory". Catford (1965) brings out the idea heavily influenced by linguistics that equivalence is not operative on all language levels at once but tends to be "rank-bound" for example, there might be equivalence on the level of phonetics, semantics, syntax or pragmatics. Since most translating operates on one or several of these levels, "in the course of a text, equivalence may shift up and down the rank scale". One might equally say that translators mix and match different types of translation solutions as they go along. Though I personally do not vouch for his Structuralist notions of general linguistic theory because it provides categories drawn from generalization based

on observations of languages and language events. But he applies the fundamental categories of linguistic theory to the levels of grammar-unit, structure, class, system, rank scale and rank shifts. He talks about various types of translation, total translation vs. restricted translation, full translation vs. partial translation, free translation, literal translation, word for word translation, transliteration and so on. Following J.R. Firth, Dostert and Macdonald (1979) are 'concerned with the problem or the fact of the transference of meaning from one set of patterned symbols into another set of patterned symbols'.

Literal aspect of translation is associated with the word level and sentence level translations of a work where as non-literal aspect deals with the contextual, communicative, cultural and pragmatic level of translation. The field of translations has always worked in close proximity with Linguistics. For the literal aspect, the implicit information of grammatical rules and the in-built structures of the target language has always come from the field of Linguistics. However, the role of Linguistics in the non-literal aspect is debatable. Within the field of translation studies, there have been various theories providing varying level of importance of literal or non-literal aspect of translation. Yakob Retsker (1950) published a landmark paper on "regular correspondences" in translation, where he distinguished amongst (a) established equivalents (b) analogue translation, where the translator chooses between synonyms, and (c) "adequate" translation (or "substitution"), where the translator uses various resources to render the style and function of the text. The first two clearly correspond to the literal aspect whereas the third constitutes the non-literal aspect of translation. Fedorov (1978) says that translations are not just indicators of difficulty but also bearers of value and thus attempts to map out how a successful translation can be "adequate" in both form and content, urging the both literal and non-literal aspects of translations. He instead classifies translation based on the kind of text that the translator wants to produce: referential texts, where the translator must pay careful attention to terms; publicity and propaganda, where the effect on the receiver is what counts; and literary works, where "it is important to reproduce the individual particularities of the text". In Fedorov's version (1978), the grounding in the three linguistic persons is fairly clear, as is the attempt to make general linguistic principles compatible with literary criteria (Pym, 2014).

As it is clear from the above discussions of various theories over time Linguistics cannot help translators make decisions, but it can and has helped describe the toolbox with which they work (Pym, 2014). Following this lead in 1964, the linguist and Bible translator Eugene Nida proposed that Chomsky's early generative transformational grammar could help guide translators' decisions: "A generative grammar is based upon certain fundamental kernel sentences, out of which the language builds up its elaborate structure by various techniques of permutation, replacement, addition, and deletion". Nida's evocation of transformational grammar in 1964 was an elegant way of explaining what was being translated: "kernels" could partly replace problematic idealist assumptions about "ideas" or "messages". The beautiful idea was nevertheless promptly quashed by Chomsky's pronouncement, in the following year (1965), that deep-seated universals did not "imply that there must be some reasonable procedure for translating between languages" (Chomsky 1965). His linguistics was not going to support the venture (Pym, 2014).

Now talking about application of Linguistics on the Non-literal aspect of translation, Linguistics has had a shaky relationship with translation in this area. Starting from the theories about the importance and role of translators' interpretation to the level of participation to be expected from the reader. A search to find Universals like Nida (1964) but different from the UG of Chomsky bloomed in Gideon Toury's landmark work, 'Descriptive Translation Studies and beyond' (1995). In the decades since then we have learned a great deal about the historical and cultural varieties of translational discourse increasingly in non-Western cultures, about the role of translation in the shaping of cultures and identities, and about the way concepts of translation respond to factors like communication technologies and power relations. Remarkably a little of that knowledge, however, can be called linguistic in any strict sense. Translation scholars have increasingly sought their dancing partners in the fields of cultural studies, sociology and psychology (Pym, 2014). Thus as Kussmaul (1995) put it in the early days of process studies, "the investigation of comprehension and production processes involves not only linguistic but also psychological, at least psycholinguistic and possibly also neuropsychological, knowledge and methods."

As summarised by Pym (2014), in terms of research, there are many areas in which translation scholars turn to linguistics in search of models and guidance. One such area is of the limits and historical dynamics of

the translation as a concept itself. A second area might be the use of process research to test traditional linguistic assumptions about what translators do, for example whether there is automatized cognitive mapping from form to form or, instead, a visualised situation to which the target utterance is holistically judged to be suitable both things certainly happen, and there are things in between, but we do not know exactly when or why. A third area, closely related, would be the integration of findings from neuroimaging experiments involving symmetric and asymmetric bilinguals, where translation is involved in some of the experiments but has not really been reflected on as such. This research might explain anecdotal observations that people who learn L2 late in life tend to make better translators and interpreters. And one final area in which applied linguistics might fruitfully rethink translation is in L2 acquisition. There, in the L2 class, the pragmatics of communicative events and awareness that mental translation is happening much of the time might come together. The result should be new teaching methods that include translation as one of the fundamental language skills, alongside speaking, listening, writing and reading. In all these areas, the fundamental challenge is for translation to be approached as a communicative act.

So as a linguist what do we need to do? What is our role? How do we look at translation? Because our job is not only to look at the meaning and literal aspect of the translation. We may have to go beyond this and look for word for word, morpheme by morpheme translation. Linguists and Scholars who work on languages know about Leipzig glossing rules in which each linguistic category is represented as for example in Hindi;

- a. [piṭʌʃi kʰana kʰaṭe hɛ̃] पिताजी खाना खाते हैं
 piṭʌ-ʃi khana kʰa-ṭ-e hɛ̃
 Father-hon food eat-imp-msg.hon aux-msg-hon
 'Father eats food'

Consider another example;

- b. [mãne bæccekɔ aya se d̪uḍʰ pilwaya] माने बच्चेको आया से दूध पिलवाया
 Ma-ne bacc-e-ko maid INS milk pi-l-wa-ya
 Mother-ERG child-OBL-ACC maid INS milk drink-CAUS-PST-3.msg
 'Mother fed milk to the baby by the help of the maid' Or, 'Mother made the maid feed milk to the baby'

The purpose of the Leipzig glossing rules is to provide a descriptive category and label to each morpheme along with its grammatical

functions. Word by word meaning and also literal meaning of the sentence or text provided here for better understanding of the grammatical category and its labels. The sound is represented in IPA (International Phonetic Alphabets) so that one can get to know the actual pronunciation of the source language. If the scholar is aware of the local script of the language which can be optionally included before or after the IPA lines. The people who are working in the field of literature, art and culture might develop a feeling of cynicism about this aspect of interlinear morphemic gloss, they may not entirely agree with linguistic aspect of translation. But they cannot deny the importance of linguistics and interlinear morphemic gloss when it comes to writing a grammar of a lesser known languages, corpus linguistics and machine translation. We are aware of machine translation, google translation, Itrans and many software which are available in the market, if the internal linguistic mechanism are not properly worked out, the software will produce jargons and nonsensical outputs and results. The English sentence 'I like mango' can be translated into Hindi as [mɛ̃ am pəsənd kərt̪a hu] में आम पसंद करता हू or [mɛ̃ am pəsənd̪ kart̪i hu] में आम पसंद करती हू depending on the subject and its gender. The computer may also provide us an output, [mɛ̃ am t̪ərəhə hu] में आम तरह हूँ, because in English the word 'like' is lexically ambiguous, one is used for the verb 'like' and another one is used for comparison. These things must be properly spelled out and translation algorithm must be devised accordingly.

In translation, many things are lost. It has been observed that homophonous and polysemous items may not have equivalence in the target language. If we translate the following English sentences into any other language, we may miss many things. The one of the things will be the homophony of the words 'can', 'fly' and 'saw' in (a-c); and also phonetic equivalence and consonance in 'sells', 'shells' in (d).

(a) Can he cane me for kicking the can? (b) Time flies like an arrow, Fruit flies like bananas (c) I saw a saw to saw (d) She sells shells on the seashore.

The translator has to go beyond the structural norms and he has to find the equivalence in the target language. The equivalence in form, content, meaning, rhyme etc. has to be worked out tediously with aesthetic effect in the target language.

4. Case Study

Eight native speakers of Hindi with varying proficiency in English were interviewed for the study. They were asked to translate a few selected proverbial expression, riddle, Game rhyme and also a lullaby of Hindi to English. Their views and written responses were noted down to see the accuracy in different areas of grammar and also to carry out a cross comparison among the translated versions of the consultants.

4.1 Idiomatic and proverbial expression

Idioms are group of words or chunk of words strung together as a single unit which has a specific meaning. The compositional meaning of the constituent parts of the idioms are different from the specified meaning. The meaning of an idiom can be expressed by other words or group of words but the specific meaning which a particular idiom expresses vividly and subjectively in a given context which cannot be matched with other words or a group of words. The constituent parts of the idioms neither can be changed nor can be replaced by other synonymous words. The change of any word or its parts will destroy the specific meaning of the idiom or the new combinations may turn into something else with different meaning. The traditional belief of idiom is that they are once metaphorical in their origins and lost their metaphorical sense over time. These exist in the minds of the language users as frozen items or dead metaphors. Idioms are brief and has a clear meaning. The subjective meaning is expressed objectively with force and vividness. It does not hurt the sentiment of the interlocutors rather it is an accumulated knowledge of a community which is expressed by simple interpretation. The structure of idioms is limited and there is less flexibility either in terms of syntax or in terms of lexical items. Idioms are lexically frozen and idiomatic phrases are traditionally seen as being distinct from ordinary literal language because they are non-compositional in their conventional interpretations are not functions of the meanings of their individual parts. It has been understood that the literal meaning of the idioms is rejected as inappropriate and then only the nonliteral idiomatic meaning is accessed through retrieval.

According to Oxford English Dictionary, “Proverb /prɒvɜːrb/ is a short sentence that people often quote, which gives advice or tells you something about life.” It can have a religious and philosophical meaning and provide inspiration and food for thought. They exist as little pieces of wisdom or thought in the minds of the speakers in a language. Proverbs are somewhat different from idioms (i.e. a group of words established by

usage as having a meaning not deducible from those of individual words) by the fact that they tend to convey a direct message or meaning, usually in the form of a phrase or a sentence. The words used tend to have a deeper meaning and are not as cryptic or hidden as those used in idioms. The experimental research in psycholinguistics and cognitive linguistics on idioms, proverbs and formulaic sequences have shown that they are not dead metaphors or fully lexically fixed expressions. In fact, they are analysable and decomposable lexically, syntactically and semantically. They are characterized as constructions and not treated as peripheral aspects of language.

The proverb [muh me ram bəgal me cʰurɪ] मुँह में राम बगल में छुरी were given to 8 native speakers of Hindi to translate it in English. They have translated the proverbs in their best possible manner which is tabulated in the following table. The Symbol C stands for Consultants or Language Consultants;

Prove rb	[m`uh me ram bəgal me cʰurɪ]		मुँह में राम बगल में छुरी
C-1	One who can't be trusted.	C-2	Sweet in nature but ready to stab someone in the back.
C-3	Enemy from inside, doing sweet things from outside.	C-4	Holy tongue, evil soul.
C-5	sweet poison.	C-6	Butter would not melt in one's mouth.
C-7	Lord in the mouth, knife in the hand or God in the breath, Sword/dagger in the clothes.	C-8	Lord in the mouth and dagger up in sleeve.

The word 'Ram' is replaced with 'god', 'lord' in the English translation. Some consultants also reported to use 'Jesus' in place of 'Ram'. Majority of the participants made use of sense translation as in the Table C1 to C6 but C7 and C8 followed the literal translation. The Consultant C6 used the English equivalent proverbial expression "butter would not melt in one's mouth." Literal translation is followed in the Google translation. The translation for '[mu~h me ram bəgal me cʰurɪ]' is 'Ram in the mouth, knife next to it'. (See Appendix-2). Sense translation is followed in 'dichindkhoj.com' as 'butter would not melt in mouth'. It also reports that [mu~h me ram bəgal me cʰurɪ] is not found in their database.

4.2 Riddle

Riddles used by children and adults form an important part of folkloristic tradition. These are specific to socio-cultural settings and gatherings. Riddles are shared and enjoyed amidst a social gathering. The origin of many riddles are obscure, but are thought to be antique and old in vocabulary selection. The riddles are not simply an instrument for amusement for the children, teenager and adults but a worthy of serious study from sociological, cultural, ethnological and anthropological, comparative and linguistics point of view. Language used to express riddles is often redundant, ornamental, or rhythmic in nature. Its meaning is concealed, to be found through clues given by the riddler.

The riddle [həri t̪hi mən bhəri t̪hi..] हरी थी मन भरी थी were given to 8 native speakers of Hindi to translate it in English. They have translated the riddles in their best possible manner which is tabulated in the following table.

Riddles	[həri t̪hi mən bhəri t̪hi t̪hi	हरी थी मन भरी थी
	lak ^h moṭi̪ Jəḍi̪ t̪hi raJa Ji ki bag me ḍufala oṛe khəri̪ t̪hi]	लाख मोती जड़ी थी राजा जी की बाग में दुशाला ओढ़े खड़ी थी

C1	She was all beautiful green as well as arrogant She had all the glitter attached to her She was all standing in the king's garden While standing have a shawl.	C2	It was green and plentiful Was studded with millions of pearls And was standing in the king's garden Covering herself in a shawl.
C3	Green color, full of heart and lots of pearl In the king's garden, it is covered by all sides.	C4	She was green Replete with lakhs of pearls that could be easily seen Standing in the king's meadow Huddled in a shawl's shadow. Who is she?

C5	She was green, decorated with millions of pearls In the king's garden, she was standing with herself covered.	C6	The green was filled with the mind The languets was pearl, In king's garden The wall was standing.
C7	Green and she was serene Jewelled with countless pearls In the garden of the king She was standing in blanket.	C8	She was content and happy, adorned with countless pearls, draped in the shawl in the King's garden.

It has been observed that the solution to the riddles refer some objects or household items which are found in the culture. These things are part and parcel of their lives. The person who does not know the language will be unable to capture the imagination of the riddle makers and users. The flora and fauna of local culture, its trees, fruits, vegetables animals, insects, household items, agricultural tools etc are well depicted in the riddles. Nobody can tell us who has created the riddles, it is passed on from the old generation to the new. Riddles are formally structured. They are available in verse, song or in rhythmic prose. The riddles are used by the young children. The older people may also use while they converse with the children or play with them in leisure time. The texts and words of riddles are not so tight even the order of words if changed or manipulated with the pattern the riddle may serve it purpose. However, the children modify the words and its rhyme according to their convenience. The informants felt it difficult to translate the riddle and while translating they missed the rhyme and melody of the source language. However, C4 tried to maintain the rhyme and melody in the English translation.

4.3 Rhyme used in Game

The game rhyme [əkkəɖ bəkkəɖ bəmbə bo..] अक्कड़ बक्कड़ बॉम्बे बो was given to 8 native speakers of Hindi to translate it in English. They have translated the riddles in their best possible manner which is tabulated in the following table.

Game Rhyme	[əkkəɖ bəkkəɖ bəmbə bo əʃʃi nəbbe pure ʃə ʃə me mila ɖʰaga	अक्कड़ बक्कड़ बॉम्बे बो अस्सी नब्बे पुरे सौ सौ में मिला धागा
------------	--	--

	cor nikalke b ^h aga]	चोर निकल के भगा
--	---------------------------------	-----------------

C1	Akkar Bakkar Bombay Bo Eighty ninety hundred In hundred rupees you got thread With which thief had run away.	C2	Can't help, it's just a game!
C3	Akkad Bakkad Bambay Bo Eighty, ninety and hundred Hundred is break out, thief ran away.	C4	Eenie meenie miney mo Eighty ninety hundred in tow If you catch a thread in hundred Consider that you caught a thief red handed.
C5	Inky pinky ponkey, eighty, ninety and goes to hundred Got a thread through hundred and the thief ran away.	C6	Akad Bakad Bambe bo Eighty ninety two hundred When threads met to hundred The thief ran out.
C7	Here, there, nowhere in the country Eighty, ninety, full century As thread was found in the century Thief ran away in hurry.	C8	Ninety nine, hundred In a hundred, there is a thread The thief was caught and ran away

In different online sites we sought to get information and meaning of the game rhyme 'akkad bakkad bambe bo' Virali Modi's response from quora.com is cited below; (See Appendix-4)

"There is no meaning to this poem, just like 'inky binkey bonkey'. Kids just use the poem to decide who's turn it is to do something first. Or just 'eenie meenie mine mo', catch a tiger by the toe, if he hollers let him go, 'eenie meenie miney mo'. It's similar to that, since this poem also makes no sense and because children use this poem to decide the order in which a game will be played." Another person Farah Wasti replies, "It is a nursery rhyme for children mainly familiarising them with the numbering system. It also used to correct the pronunciation of alphabets

and words by a child..” (Quora.com, see Appendix-4). The informant C2 also reports that it is non translatable, “can’t help, it is just a game”. The informant C7 reports that ‘akkad bakkad bamboo bo’ is “used only for rhyming purpose and it lacks a semantic content.” Since it is a game rhyme, ‘the focus is on the incident of running away’.

4.4 Lullaby

The word ‘lullaby’ indicates traditional, unpolished, usually rustic or rural naïve verse with a focus on household things, sleep, play, festivity, and personified animals that is recited by mothers, caregivers, elders and siblings to very little children, and by the children themselves. Sanyal (1965) classifies Rajbanshi lullabies into various categories and provides examples of each of the category. The categories are sleeping the child, bathing the child, massaging the child, frightening the child, showing the moon and dangling the child. The repetitive pattern, melody, soothing voice of the mother/elder helps the baby to get sleep. Lullabies also help the baby effortlessly to learn their language of the environment. It is also impossible to capture the spirit of the rhymes. It is difficult to determine the basic source of the lullabies, as it is not written down and it travels fast from one region to another, changes with the language and also assimilates with the local culture with distinct flora and fauna.

The lullaby carries lots of information about customs and costumes, ethnic foods, and folktales of the linguistic community. Lullabies has lots of beautiful images, imagery and also narrative interest. We may find usage of figures of speech as for simile, metaphor, personification, pun and parody. Rare words which are old and archaic are also found in the lullabies. In many instances, the grandmother uses informal register or slangs in the lullaby. The variety of words and its contextual use help the children to enrich their vocabulary in the language. It can be said that the children do not care in which language a lullaby is sung. They settle down if the melody is soothing, gentle and repetitive. They love to hear the same familiar, treasured songs over and over. Lullabies provide a rich resource for enhancing multicultural breadth in an early childhood program. Learning music and words together, often accompanied by hand and body motions, is a wonderful way to wire brain connections for children’s learning as well as bring children pleasure (Honig 1995; 2004). The lullaby [so Ja munna so Ja..] सो जा मुन्ना सो जा were given to 8 native speakers of Hindi to translate it in English. They have translated the riddles in their best possible manner which is tabulated in the following table.

Lullaby	[so ʃa munna so ʃa lal pələŋ pe so ʃa məmmi papa ayeŋge d̪her kʰilona layeŋge]	सो जा मुन्ना सो जा लाल पलंग पे सो जा मम्मी पापा आएंगे देर खिलौना लाएंगे
---------	---	--

C1	Munna should sleep He would sleep on red bed His parent (mother father) would come Who would bring many toys.	C2	Sleep tight child Sleep on the bed dear Mom dad will come And bring many toys
C3	Baby go to sleep on the red bed Your parents are coming soon And will bring lots of toys.	C4	Sleep baby sleep Sleep on the red bed Mom and dad will surely come And bring you toys abundant!
C5	Sleep baby sleep Sleep on the red bed Mommy daddy will bring toys.	C6	Go to sleep Munna, go to sleep Sleep on the red bed Your mother and father will come They will bring lots of toys.
C7	Sleep little one sleep Sleep on the red bed When mom and dad will come They will bring lot of toys.	C8	Go to sleep dear, go to sleep dear boy Sleep on the red bed for Mummy and Dady They will come and bring lots of toys.

It has been noticed that the translations of the syntax, meter and rhyme scheme of the original lullabies will be lost somewhere in the target language as these are non-translatable. In Hindi, 'Munna' is generally an address term for a baby boy or someone can have a name 'Munna'. The word 'Munna' is retained in the translated version in C1 & C6 but the other informants have replaced it with 'baby', 'child', 'dear', 'little one'. The Hindi version of the lullaby is clearly sung for a baby boy and it is

not lulled for a baby girl. If the same lullaby is used for singing to a baby girl, the elder may use the word 'munni' or the name of the baby girl. In the translated version this subtle information is lost. The rhyme and melody of the Hindi lullaby is also lost in the English translation. The translated version does not have the soothing, pleasing, melodious effect as it was found in the Hindi original.

5. Conclusion

Vocabulary plays a very crucial role in second language (L2) learning and teaching. But the vocabulary of a given language is much more than a list of individual words. A speaker's lexicon also contains a wide range of multiword units such as phrasal verbs ("put up with"), social routines ("take care"), collocations ("plastic surgery"), and idioms ("bite the bullet") (Zyzik, 2009). Many of these multiword units contain one or more figurative elements, such that the meaning of the entire phrase is not easily predicable as we saw in the examples mentioned before. Native speakers use these expressions so fluidly in everyday situations that they are not even aware of figurative nature, unless a non-native speaker asks them. Idioms, as illustrated in the examples above, are one element with a figurative or nonliteral meaning. Some figurative expressions can be broken down to work out the meaning; linguists refer to these as "transparent" or "decomposable" idioms. On the other hand, there are opaque idioms that have little or some overlap with the literal meaning. One must be careful and not think of these idioms, rhymes and riddles as simply the "colourful" side of language or just "amusing" expressions. While this is a common perception, it is inaccurate (Zyzik, 2009). Idiomatic phrases are often used to achieve a desired communicative effect that cannot be easily expressed without figurative language. In fact, research shows that idioms have more specific and complex meanings than their literal paraphrases (Gibbs, 1992). Whatever might be the area of application for the second language learner, for any kind of native like proficiency, whether it be for translation or for purely communicative purposes, the sheer number of idioms and their high frequency in discourse make them an important aspect of vocabulary acquisition and language learning in general. Learning these idioms, rhymes and riddles not only helps the learner in commanding the language better but also, provides a very good insight into the lifestyle and culture of that language community. Which in turns helps the learner in making a much better use of its linguistic database in contextual arrangements. A learner who has acquainted himself with these rhymes, idioms and riddles of the language will surely make much

lesser mistakes in appropriate usage of different terms in different contexts.

While translating from one language to other, it is observed that for some words there is no equivalent word in the source language or in the target language. Names of jewellery items may differ from one language community to another. Articles of clothing, the Food items, Household items, Local flora and fauna are also different. The riddles, idioms, proverbs, and lullabies though generic in nature but specific to culture and to a linguistic community. These words may lead to translation difficulties and in many instances non-translatable, if translated from one language to another, it may lose its original sense; essence, originality, aesthetics. The solution adopted by many translators is to transfer the SL item into the TL text with appropriate foot notes.

Though Languages are similar in underlying level they differ in different levels of grammar- in terms of phonetics, phonology, morphology, syntax and semantics in surface level. Languages in the world may have only three vowels and some languages may allow more than twenty vowels, the average numbers of consonants are 25-30 but languages may have more than 96 consonants. Many languages in the world are tonal languages, while some are stress sensitive, some are syllable timed languages. Some languages may have the tendency for isolating morphology, other languages may have agglutinative or fusional characteristics, some may allow polysynthetic and incorporation and other may follow root and pattern morphology. The basic word order of simple declarative sentence may also vary from SVO, SOV, VOS, VSO, OVS, OSV etc. Linguistic categories of one language cannot be mapped exactly onto their functional elements in other languages. They have different scopes of application in both semantic and pragmatic terms. So while translating from one language to another language these differences are bound to occur and will be reflected in the translated text. And these differences and difficulties of translation should not be considered as exceptions rather it should be treated as the norms of the language.

To conclude, a good translator must be aware of the following;

(a) A fair amount knowledge of the Source language and the Target language. In fact, the translator should be competent in both the languages and its grammatical rules and grammatical categories, writing systems, social customs and conventions.

(b) A good translator should be aware of the Translation types, techniques and methods of translation, purpose and motive of translation he/she will be carrying out.

(c) A good translator must understand the text with pragmatically determined contexts, sociolinguistically determined constructions, Formulaic sequence, collocational patters, figures of speech and literary terms as for example hyperbole, pun, irony, sarcasm, metaphor etc. used in the texts and also works on achieving on stylistic embellishment in the translated versions.

(d) If the translator can have the access to the biographical details of the original author of the text, knowledge of the history and socio-political tension at the time of writing the text and also gather additional information about the author which can help to translate the text in a better way.

(e) The translator should be aware of purpose, goal, motive, the target group, the audience, readers for whom the text is being translated.

(f) The translator should avoid adding some extra colour from his/her side in the translated text.

Most of the consultants felt in this study felt it difficult to translate the aforesaid sentences and they realised that there are many things lost in translations. Though there are difficulties in translating a text from one language to another the translator should not lose his/her patience even after all these difficulties, once this herculean task of translating a text is achieved a good translator feels the joy, satisfaction and fulfilment of achieving something great in life.

Acknowledgements:

I would like to thank the informants who participated in the study. There are many students and research scholars who contributed in the study though their inputs ad discussions. I would to thank Prof. Meeta Narain, CRS, JNU for inviting me to deliver a talk in AAJ: Linguists and Translators Meet on 30th July, 2017. The lecture prepared and delivered there culminated into a research paper later. My special thanks to Priya, Madan, Sachin, Ravi, Asis, Defendal, Vagisha, Shilpa, Khushboo, Sakshi, and other informants who helped me for data collection and also providing their invaluable inputs.

References:

- Catford, J. C. 'A Linguistic Theory of Translation'. London: Oxford University Press. (1965).
- Chomsky, N. 'Aspects of the Theory of Syntax'. Cambridge MA: MIT Press. (1965).
- Dostert, H. Bozena and Macdonald, R. Roderick. 'Machine Translation'. Mouton. (1979).
- Fedorov, Andrei. Contribution to the history of the emergence of translation theory in the USSR (original in Russian), *Babel* 24(3-4), 144-49. (1978).
- Gibbs, R. 'What do idioms really mean?'. *Journal of Memory and Language*, 31, 485-506. (1992).
- Honig, A Sterling. 'The Language of Lullabies'. *YC Young Children*. Vol. 60. No. 5. Pp-30-36. National Education for the Education of Young Children. (2005).
- Lehmann, Christian. 1982. "Directions for interlinear morphemic translations". *Folia Linguistica* 16: 199-224.
- Lyons, John. 'Firth's Theory of "Meaning"'. In C.E. Bazell, J.C. Catford, M.A.K. Halliday & R.H. Robins (eds.) In *Memory of J.R. Firth*. London: Longmans. (1966).
- Komissarov, V. *Linguistic Models of the Translation Process*. (1972).
- Kussmaul, Paul. 'Training the Translator'. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/ Philadelphia. (1995).
- Nida, E.A. 'Toward a science of translating'. Brill. (1964).
- Nida, E.A& Taber, Charles, R. 'The Theory and Practice of Translation'. (1982).
- Pym, Anthony. 'Translating between languages'. *Handbook of Linguistics*, New York: Routledge. (2014).
- Ray, Hari Madhab. 'Numerals in Rajbanshi/Kamtapuri'. In *Language in India*. www.languageinindia.com ISSN 1930-2940 Vol. 18:9 September 2018. 49042. (2018).
- Ray, Hari Madhab. 'Idiomatic Usage of Rajbanshi/Kamtapuri Numerals.' *Language in India* www.languageinindia.com ISSN 1930-2940, 2018. (2018).
- Retsker, Y. I. 'On regularities in correspondences in translation into the native language'. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, pp. 156-183. (1950).
- Sanyal, Charu Chandra. 'The Rajbanshis of North Bengal'. The Asiatic Society. Kolkata. (1965).
- Toury, Gideon. 'Descriptive Translation Studies and Beyond'. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam. Netherlands. (1995).
- Zyzik, Eve. 'Teaching and Learning Idioms: The Big Picture' *Celar News*, v.13, n.2. (2009).
- <https://www.google.co.in/search?>
- <https://dict.hinkhoj.com/मुँह%20में%20राम%20बगल%20में%20छुरी-meaning-in-english.words>
- <https://www.quora.com/Hindi-language-What-is-the-meaning-of-Akkad-Bakkad-Bambe-Bo>
- <https://brainly.in/question/586735>
- The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. the Committee of Editors of Linguistics Journals. Leipzig, May 31. (2015).
- Advanced Learner's English Dictionary, Collins Cobuild. Harper Collins Publishers. 4thEd. 2003. Pg. 1150. (2003).

On the translation of film titles from Hindi into Russian: Challenges & Strategies

Dr. Meenu Bhatnagar

Assistant Professor

CRS, JNU, New Delhi

meenu.bhatnagar@gmail.com

Abstract: The paper attempts to focus on the translation of Hindi Film titles into Russian language. It analyses the translation of various Hindi film titles into Russian and discusses the strategies and techniques used in translating them. This paper was presented in an International Seminar “Negotiating Culture: New Frontiers in Translation and Language Learning” held on 22nd and 23rd January, 2019 in Gauhati University, Guwahati.

Keywords: Film title translation, Translation strategies, Hindi, Russian, culture-specific terms

Translation plays a significant role in facilitating intercultural communication [Komissarov V.N., Alimov V.V. & oths.] and cross-cultural interaction in this era of globalization and extensive technological developments. Globalization is influencing the way in which societies are communicating with each other today. Conversely, it is also a prominent factor in popularizing translation. Translation of scientific, socio-political texts, literary works, as well as films have served as an important factor in spreading knowledge and promoting understanding between societies. Talking about film translation, it can be said that film translation has acquired a whole new dimension globally due to the rapidly growing cultural exchange. Films are a unique audio-visual art form which play a pivotal role in providing a glimpse into the culture, beliefs, customs and traditions of different societies. Films serves as an extremely influential means to develop an understanding and interest towards each other not just within a particular society but in different societies at large owing to their socio-cultural content. Take the case of Indian (Bollywood) films in Russia - Indian films are hugely popular in Russia for various reasons such as their high emotional content, engaging story line, colorful sets and costumes, mesmerizing music, etc. It can be inarguably said that Indian films have played a huge role in acquainting Russians with Indian society, it's value system and culture. This was made possible by the immense contribution of translation (of films into Russian).

Film translation is peculiar because of its audio and visual content which has its own challenges and constraints. Film translation can be evaluated not only from the commercial point of view, but also academic. It has been observed that the translation of films in India has significant commercial interest, but has not yet attracted enough academic interest, as much as it has in numerous other parts of the world. The issues and problems of translating Hindi films into Russian and the identification of the preferred techniques and strategies involved in this process remain mainly unexplored. Beyond the obvious reasons for huge adoration and fan following for Hindi films in Russia, it would be interesting to flip our focus on the issues concerning translation of films, in particular the film titles. This paper attempts to probe into some techniques involved and challenges posed in translating linguistic and cultural nuances of Hindi film titles into Russian.

When speaking about the translation of film titles, it is essential to acknowledge their role and purpose. Film titles are an important aspect of the identity of a film. In this regard, Soren Kolstrup writes that “The title is a means for guiding our reception and our interpretation of a text, either by stressing a specific point of view or by giving us a resume/abstract of the film”. [Kolstrup,] Film titles may reflect the storyline, it is often the first reference point to grab attention and to get the audience attracted to and excited about the film. Film titles may also provide the audience with some idea about the content and the genre of the film, based on which the viewers may decide whether or not to watch the film, hence a great deal of importance is attached to translation of film titles. Peter Newmark remarks that “The title should sound attractive, allusive, suggestive, even if it is a proper name, and should usually bear some relation to the original, if only for identification” [Newmark, 56]. Film titles have the ability to encapsulate the essence of the film. A film is referred to by its title, therefore, “The aim of translating film title is to inherit, that is to say, the translator should apply audience-oriented translation skills on the base of referring to film content in order to enter the market successfully... The great mission of film title translation is to incarnate the cultural value and develop the understanding between different countries.” [Qui Linn, 68]

In order to get to the specifics of translation of film titles, it is crucial to understand that although they are concise in form, their pattern may vary. On the basis of their form/structure, film titles could comprise of a single word or a combination of two or more words. Film titles could be

named after the central character (s) (main protagonist or antagonist) in the film, for example: *Gandhi*, *Bhagat Singh*, *Newton*; *Saina*; *Seeta aur Geeta*; *Rustom*; *Sarbjit*; *M.S. Dhoni- The untold story*; *Mary Kom*; *Shakuntala Devi*; *Bajrangi Bhaijaan*; *Padmaavat*; *Jodha Akbar*; *Tiger*; *Munna Bhai MBBS*. Film titles could be named after the location of the story's development/or where the action develops or takes place: *Aligarh*; *Bombay*; *Mission Kashmir*; *LOC Kargil*; *Gangs of Wasseypur*; *Uri*, *Bombay to Goa* etc. Film titles may contain culture specific information/terms Kanyadaan; Honour Killing; *Maang Bharo Sajana*, *Page 3*; *Dulhan Hi Dahej Hai*. It could be a catchy phrase like *Jane Bhi do Yaaro*, *Qarib Qarib Single*; *Bhaag Milkha Bhaag*; *Band Baja Baraat*; *Vicky donor*; *Toilet: Ek Prem Katha*; *Lipstick under my Burkha*; *Zindagi na Milegi Dobara*; *Udta Punjab*; *Lions of Punjab*; *Ka & Ki* etc. Film titles could be based on literary works and historical events, situations like *Omkara*, *Makbool*, *Devdas*; *Parineeta*; *Namesake*; *Haidar*; *Saawariya*; *Pinjar*, *Shatranj ke Khiladi*; *Mangal Pandey -The Rising*; *Ghazi attack*; *Batla House*; *Mission Mangal*; *Film titles can be direct like Border*; *Devdas*; *Fashion*; *Metro*; *Gandhi*, *Newton*; *Saina* or they can be full of idioms, slang or humor, for example *Choudvin ka chand*; *Jal bin machli* *Nritya bin Bijli*; *Bheja Fry*; *Fukrey*; *Fuddu*; *Tere Bin Laden*; *Biwi no.1*; *Delhi Belly* etc.

Like translation of any other text, film titles also may pose a fair amount of difficulties in translation. Discussing the problems of translations of the film titles Dynel M. writes that "among most recurrent problems in translations of film titles are puns and humour, proper names, culture specific content, such as references to other films and literature, etc., lack of semantic equivalents and lexico-syntactic problems". [Surdyk & Urban., 165]

A plethora of procedures and strategies to achieve adequacy in translation have been put forth by various translation theorists. Translation procedures suggested by Vinay Jean-Paul and Dalbernet Jean include adaptation, calque, equivalence, modulation, borrowing, literal translation and transposition; although they also refer to strategies like compensation, expansion and contraction. According to Lawrence Venuti, translation strategies "involve the basic tasks of choosing the foreign text to be translated and developing a method to translate it" [Lawrence Venuti, 19, 240]. Venuti describes translation strategies in terms of Domestication and Foreignization. Domestication focuses on minimizing the strangeness by introducing the common words used in

the target language whereas Foreignization is based on retaining the culture-specific items of the original. Peter Newmark identifies the several Translation procedures like “(1) Transference (2) Cultural equivalent (3) Neutralization (i.e. functional or descriptive equivalent) (4) Literal translation (5) Label (6) Naturalization (7) Componential analysis (8) Deletion (of redundant stretches of language in non-authoritative texts, especially metaphors) (9) Couplet (10) Accepted standard translation (11) Paraphrase, gloss, notes, etc. (12) Classifier” (Newmark, 103). Mona Baker discusses eight strategies involved in translation: Translation by a general word; Translation by more neutral word; Translation by cultural substitution; Translation using a loan word; Translation by paraphrase using related word; Translation by paraphrase using unrelated words; Translation by omission; Translation by illustration. [Baker, 26-42]

When dealing with the culture specific elements in translation numerous strategies may be used to convey the culture specificities in the target language. Eugene Nida classifies the cultural terms into 5 major categories, namely ecology, material culture, social culture, ideological culture and linguistic culture. [Nida,15, 130]

Generally speaking, the translation process needs to be target-oriented, keeping the reader/viewer in mind. Roman Jakobson states that “all cognitive experience and its classification is conveyable in any existing language”. (Jakobson, 234). Easy as it may sound but expressing the same essence to fill the linguistic and cultural gap remains a daunting task. Moreover, it is imperative that for negotiating the linguistic and cultural differences a high level of literacy in both the source language and target language and a great deal of familiarity with cultural knowledge is required on the part of the translator to be able to faithfully convey the sense of the original text. Eugene Nida writes that the “differences between cultures may cause more severe complications for the translator than do differences in language structure.” [Nida, 130]. He in fact emphasizes on the importance of being a bicultural over bilingual. He believes that “for a truly successful translation, biculturalism is even more important than bilingualism”. [Nida, 130].

Focusing on the strategies used in translation of Hindi film titles, it can be said that the choice of any strategy may be dictated by the form and/or the sense of the original title. Analysis of the translation indicates that translation of film titles based on the main character (protagonist or

antagonist) of the film or geographical location do not pose much difficulty in translation into another language. Such titles are generally translated with the help of transliteration. Here are some examples of the use of transliteration technique in translating the film titles into Russian: *Aligarh* – *Алигарх*; *Delhi-6* – *Дели-6*; *Bombay*– *Бомбей*; *Seeta aur Geeta* – *Сита и Гита*; *Gandhi* – *Ганди*; *Newton* – *Ньютон*; *Padmavat* – *Радмават*; *Zila Ghaziabad* – *округ Газиабад*.

However, the titles which have strong cultural connotation or those which are ambiguous are the ones which pose challenges in translation into another language. Film titles like *Kanyadaan*, *Toilet: Ek Prem Katha*, *Page 3*, *Band Baja Baraat*, *Calendar Girls*, *Mukti Bhawan*, etc have strong reference to specific socio-cultural aspects of Indian society which are easily understood by an Indian audience, but may pose difficulty in understanding by a Russian audience (or any foreign audience). Direct translation of these film titles could be misleading and often confusing. Since film titles also serve the purpose of advertising the film, wrong or misleading translation may not be appealing to the target audience and may commercially affect the success of the film. Here is a brief analysis of a few film titles:

Translation of the film title '*Rang de Basanti*' as '*Цвет шафрана*' can be termed as free translation and cannot be called an adequate translation as the saffron (*basanti*) colour is not just any colour but it has a particular meaning in this usage, which the translation is not able to capture. The colour has more to do with patriotism, sacrifice and fighting for justice and against corruption. The phrase in the original title has been taken from a popular patriotic song. The formulation of the phrase in Russian (*Цвет шафрана*) seems to be inadequate, misleading and raises questions on the fidelity of the translation. Inadequate formulation of translation of the title could be attributed to a lack of cultural knowledge and connotation attached with these words in Indian culture.

Translation of the film title 'Page 3' into Russian '*Страница номер 3*' is a literal, (or word to word) translation which shows a lack of pragmatism by the translator. In India 'Page 3' is a recent culture concept which is associated with a particular page (no.3) in supplementary newspapers, which carries news on glamour, entertainment, and fashion culture of the high society, as well as gossip on celebrities. The direct translation, however, doesn't look adequate enough to convey the spirit of the

movie. While in Hindi the title conveys the content of the film, whereas the same cannot be said for its translation into Russian.

Another interesting example is of the film title *'Toilet: Ek Prem Katha'* for which three different versions of translation into Russian were found to be in use, *'Туалет: история любви'*; *'Проект «чистая Индия» - история любви'*; *'Марафет: ещё одна история любви'*. Whereas the first translation into Russian *'Туалет: история любви'* is a literal translation and may sound strange to any foreigner, whereas, the second translation *'Проект «чистая Индия» - история любви'* is based on the contextual adaptation as it provides a better connection with the mission or project this film is associated with. The habit of relieving oneself in an open field is something very prevalent in (rural) India, a concept often incomprehensible for foreigners. It is as much an issue of hygiene as it is a matter of one's privacy, safety and dignity. The second translation is evidently done by a translator who is aware of the Indian Government's mission called "Swachh Bharat", and, therefore, has substituted the word "toilet" with the name of the mission to convey the summary of the film. Such a translation may simply be called a Euphemism translation to convey the content and spirit of the original film title. The third translation into Russian *'Марафет: ещё одна история любви'* appears to be an inadequate translation. The translator needs to take into account that it is not the denotative meaning of the translation which is crucial for the meaning of the source phrase, but the pragmatic meaning.

Another Hindi film title *'Mukti Bhawan'* is translated into Russian as *'Дом спасения'* and *'Отель спасения'*, using literal translation approach. The word "*Mukti*" is used in its mythological sense to convey the meaning of attainment of emancipation "Moksh" or "Nirvana" at the end of one's life. The plot of the film is based on a strong Hindu belief of attaining moksh if one dies near the banks of the river Ganges in Varanasi. In our view, the translation into Russian seems to oversimplify the meaning of the original title as the absence of equivalent cultural concept and the lexicon in the target language compels the translator to follow the direct method.

Translation of the Hindi film titles *'Gharjama'* as *'Любимый зять'* does not quite reflect the exact meaning of the title into Russian. The Indian audience is aware of this peculiar concept but it is a strange concept for a foreign society. While the original title is a term used for a son-in-law

living with his in-laws, whereas the translation into Russian conveys the meaning of a 'favorite son-in-law'. The concept of a son-in-law living with his in-laws does not in any way indicate that he is the favorite. This kind of translation shows a lack of direct equivalents in the target language. Perhaps, the point of reference for such a translation could be the end of the film when the son-in law emerges as a savior and so wins the love and affection of the family. Some more examples of translation based on story line of the film are 'Special 26' – '26 грабителей', 'Sholay' – 'Месть и закон'; 'Ka & ki' – 'Он и она'

Translation of film titles like '*Kuch kuch hota hai*' as '*Всё в жизни бывает*'; '*Khoon Bhari Maang*' as '*Жажда мести*', '*Band Baja Barat*' as '*Свадебный переполох*', '*Фанаа*' as '*слепая любовь*', '*Dhoom*' as '*Байкеры*' is done by paraphrasing using unrelated words due to the absence of direct equivalents in Russian. Translation of the film title 'Secret Superstar' as Тайная суперзвезда is done using calque technique, whereas for the translation of the title '*Zindagi na milegi dhabara*' as '*Жизнь не может быть скучной*' free formulation technique is used which cannot be called an adequate translation.

In conclusion, it can be said that a number of techniques are used in the translation of Hindi film titles into Russian. Analysis of translation of some film titles shows the use of techniques like transliteration, literal translation, free translation, paraphrasing as well as calques. It is seen that transliteration or form-based translation is predominantly used in translation of film titles with proper names. In case of film titles with culture specific words, techniques like literal translation, paraphrasing are commonly observed, in a few cases even content-based translation is noticed. Some translations were found to be inadequate due to the untranslatability of linguistic or cultural nuances in Russian or their failure to create an impact similar to the original. It is necessary to emphasise the words of J. C. Catford who views cultural untranslatability "as a variety of linguistic untranslatability" [Catford, 103] and in order to overcome ??, it is essential to not lose sight of the content of the film while translating the title so as to minimize confusion, avoid misunderstanding and to enhance the appeal. The constraints of keeping the title short or concise, often leads to the use of the direct method or literal translation. To achieve adequacy in translating culture specific words, Mona Baker talks about the strategy of translating using cultural substitution to replace "a culture-specific item or expression with a target language item which does not have the same propositional

meaning but is likely to have a similar impact on the target reader” [Baker, 31]. It is also worthwhile to focus on the purpose of translation. The Skopos theory put forth by Hans J. Vermeer considers the ‘purpose’ of translation in target language paramount in comparison with the linguistic transference. It is the “purpose” which determines the linguistic choices as well as the strategies involved in translating a text from one language into another. The purpose of the film titles is to attract and appeal to the audience, therefore, the translation needs to be oriented towards the target audience and at the same time faithful to the original title. Unless the spirit of the original title is captured in translation and a similar impact is created in the target language, adequacy and faithfulness of the translation will remain a challenge.

Bibliography:

- Alimov. V.V., Theory of Translation, 2nd edition, URSS publication, 2004.
- Barkhudarov L.S., Language and Translation, (Issues of general and private (specific) theory of translation), Moscow, 1975
- Arnheim, R. (1957). Film as art, University of California Press, Berkeley <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/105649269982016> (05.01.2019)
- Baker Mona, In Other Words: A coursebook on translation, Routledge, London, 1992
- Bassnett- McGuire Susan, Translation Studies: Revised Edition, London Routledge, 1991
- Bazin A. (1967). What is cinema? Vol. I. Trans. by H. Gray, Berkeley, CA.: University of California Press.
- Catford J.C., A Linguistic theory of Translation, Oxford University Press, 1978
- Champoux Joseph E., FILM AS A TEACHING RESOURCE Journal of Management Inquiry, 1999 8(2), c. 240-251.
- Jacobson Roman, On Linguistic aspects of translation, <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/jacobson.pdf>, c. 234
- Kolstrup Soren, Film Title and its Historical Ancestors or How did we get where we are?, P.O.V. Issue No. 2, November 1996 https://pov.imv.au.dk/Issue_02/section_1/artc1B.html (11.01.2019, 20.01.2019 & 24.08.2021)
- Komissarov V.N., Theory of Translation,
- Kracauer S., Theory of film: The redemption of physical reality, Oxford University Press, New York, 1973
- Munday Jeremy, Introducing Translation Studies Theories And Applications, 2nd Edition, Routledge, 2001
- Newmark Peter, A textbook of Translation, Prentice Hall Inc., 1988, c 103
- Nida Eugene, Toward a Science of Translating with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden: E.J. Brill, 1964. Print.pg. 130
- Nida Eugene, Language, culture and translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2005, Pg.5
- Qui Linn, Application of Contextual Adaptation in Film Title Translation., International Journal of English Language Teaching Vol. 2, No. 4, page. 68 <https://www.eajournals.org/wp-content/uploads/Application-of-Contextual-Adaptation-in-Film-Title-Translation.pdf> (17.01.2019)

Surdyk Augustyn and Anna Urban, "Mistranslations of Film titles: between fidelity and advertising", *GLOTTODIDACTICA* XLIII/1 (2016) Adam Mickiewicz University Press POZNAŃ DOI: 10.14746/gl.2016.43.1.12 c. 161-178

Venuti Lawrence, *The Translation Studies Reader*, edited by L. Venuti, Routledge, London, 2000, 524c.

Venuti Lawrence, *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London / New York: Routledge, 1998.

Vinay Jean-Paul and Dalbarnet Jean, *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology of Translation*, John Benjamins Publishing Company, 1995

<https://tv.yandex.ru/1104/program/marafet-eshhyo-odna-istoriya-lyubvi-3326416>
(10.01.2019 & 24.08.2021)

<http://indiakino.net> (10.01.2019 & 24.08.2021)

Proper names in Russian-Marathi literary translations

Dr. Megha Pansare

Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Shivaji University, Kolhapur, India
megha.pnsr@gmail.com

Abstract: Proper nouns are an important element of any literary work. In the process of literary translation, the translation of proper nouns needs to be transferred from the source text to the target text. As the proper nouns are closely associated with the culture of the language they belong to, their translation is a challenge for translators. There is no specific and fixed strategy to translate the proper names and so the translators use various techniques to work with the proper names in the translation process. Their main orientation is to do it while keeping in view the target audience. The transcription / transliteration and semantic translation or translation-creativity is the two main strategies used by the translators of literary texts.

The present paper seeks to analyse the problems of transfer of proper names in the translation of Russian literature into Marathi.

Keywords: Proper nouns; Transcription/ Transliteration; Russian-Marathi Translation

Proper nouns are an important element of any literary work. The proper nouns mainly include 'anthroponyms' i.e. the names of persons or group of people, including a personal name, patronymic, surname, nickname, pseudonym, Cryptonym and nickname as well as 'toponyms' i.e. names of geographical places like countries and regions, settlements, buildings and streets etc. Apart from this the proper nouns also include the names of works of art like book titles, names of newspapers or journals, names of companies, organizations and institutions, cultural festivals and so on.

In the process of literary translation, the translation of proper nouns needs to be transferred from the source text to the target text. As the proper nouns are closely associated with the culture of the language they belong to, their translation is a challenge for translators. It involves a rather delicate decision-making process in the translation of fiction because though proper names have only identifying function, they are informative.

Many times, the names in fiction may carry meaning, they are loaded with semantic content in the source context, contribute to characterization and play some specific role within the literary work. Authors sometimes invent new names which are fantastic and apt in the source language culture. Hence, their translation becomes complicated. There is no specific and fixed strategy to translate the proper names and so the translators use various techniques to work with the proper names in the translation process. Their main orientation is to do it while keeping in view the target audience.

The transcription / transliteration and semantic translation and translation-creativity are the two main strategies used by the translators of literary texts. Though absolute equivalence is impossible, the translators try to achieve transcription / transliteration accuracy and preserve the effect of the proper names intended by the original author. Russian literary works from various fields like literature, arts, natural sciences, sociology, economics, politics, religion, history and geography, philosophy, psychology, criticism, biographies and many more have entered the Marathi literary polysystem through translation. A major part of these translations is from politics i.e. Marxism-Leninism, Lenin's thought and correspondence, Socialist ideology and socialist way of life.

The Russian – Marathi literary translation activity has gone through various phases in the historical process: one, the translations of Russian literature through English during the colonial period and the 'foreignization' and 'domestication' strategies used by the translators; and two, the translations done directly from Russian.

Transcription / transliteration of proper names is a significant part of literary translation, and hence, in this historical process the methods followed by various Marathi translators show different patterns. Marathi transcriptions/ transliterations of Russian proper names based on English transcriptions / transliterations:

Here, the transcription / transliteration goes far away from the original proper names in Russian. This is quite evident from the various translated texts published by translators, who had no knowledge of Russian.

Transcriptions/ transliterations of Russian proper names done directly from Russian language:

We find very few translators in this category, who have published direct translations of Russian literary works in Marathi.

However, there seems to be no standard way to transcribe / transliterate the Russian proper names in Marathi. The reason is the specific problems faced by Marathi translators in the process of transcription / transliteration.

Transcription is about reproducing spoken words in writing. However, foreign language transcription takes words spoken in a foreign language and transfers them into a different written language, and sometimes a different script. Transcription is concerned primarily with accurately representing the phonemes of another script.

Transliteration is about converting written characters of one language into a script of another language. Transliteration is concerned primarily with accurately representing the graphemes of another script.

In Russian language the proper nouns are not written exactly the way they are pronounced. Hence, the translator has to decide whether s/he wants to take the proper noun to the target reader as it is pronounced or it is written. In case of Russian-Marathi literary translations there seems to be no uniformity among the translators as to transcribe the proper nouns or transliterate them.

Initially, when there existed a practice of Russian – English – Marathi literary translations, the translators followed two strategies: either ‘domestication’, which is used in adaptations of literary works with Indian names given to the characters or even to the geographical places; or ‘foreignization’, transcription / transliteration based on the English transcription / transliteration of Russian proper nouns. Before 1970s there was a trend of adaptations of Russian literary works in Marathi. However, due to more acceptance to translation in course of time, this trend did not continue. The practice of translating Russian literature from English exists even today. In this case, the translators are mainly professionals working for the commercial publishing companies and most of the books chosen by the publishers are best-sellers or classics. For example: the Marathi translation of ‘Doctor Zhivago’ (2001) was based on its English translation, and the transcription / transliteration of proper nouns seems to be far from their original forms because actually they are re-transcriptions or re-transliterations of proper names in

English. Here, the translator / publisher can simply consult the language expert and use the proper names as close to those in the source text. However, it is generally not done.

Today the translators of Russian - Marathi direct translation activity do transcription / transliteration of proper nouns from the source text language and attempt to make them as close to the original proper names as possible. However, it is essential to discuss the problems faced by them in this process as it is a matter of concern to the language experts / translators in Marathi. This is an attempt to explore this particular area in the present research paper.

Firstly, some Russian proper nouns have already been transcribed / transliterated in Marathi in the historical process. Most of them were transcribed / transliterated from English and have become familiar to the Marathi readers. They are established forms of Russian proper names in the Marathi literary field. Hence, using the proper transcription / transliteration of such proper names is a challenge for translators. For example: रशिया, मॉस्को, सेंट पीटर्सबर्ग, लेनिनग्राड; झार पीटर, लिओ टॉलस्टॉय, फ्योदर डोस्टोवस्की, अँन्टॉन चेकॉव्ह, मॅक्झीम गॉर्की.

The translators today have been trying to use the new version of these names and taking efforts to establish them in translated literature. As an initial attempt, the proper names are given along with their established forms in the bracket. For example: रसीया (रशिया), मस्क्वा (मॉस्को), सांक्त पितिरबूर्ग / पिचिरबूर्ग (सेंट पीटर्सबर्ग), लेनिनग्राद (लेनिनग्राड); त्सार प्योत्र (झार पीटर), ल्येव तल्स्तोय (लिओ टॉलस्टॉय), फ्योदर दस्तयेव्स्की (फ्योदर डोस्टोवस्की), अन्तोन चेखव (अँन्टॉन चेकॉव्ह), मक्सीम गोर्की (मॅक्झीम गॉर्की) etc.

The second problem is to find the equivalence of sounds in Marathi. Here is the Transliteration Table of alphabet of the Russian – Marathi language pair. It attempts to map the letters of the source script - Russian - to letters pronounced similarly in the target script - Marathi.

Russian	Marathi	Russian	Marathi	Russian	
	Marathi				
Aa	अ / आ	Kk	क्	Xx	ख्*
Бб	ब्	Лл	ल्	Цц	त्स्

Вв	व्	Мм	म्	Чч	च्*
Гг	ग्	Нн	न्	Шш	ष्
Дд	द्***	Оо	ओ	Щщ	श्य*
Ее	ये	Пп	प्	Ъ	-
Ёё	यो	Рр	र्	Ы	अि*
Жж	ज्ह् / झ्ह*	Сс	स्	Ь	-
Зз	ज्	Тт	त्***	Ээ	ए
Ии	इ	Уу	उ	Юю	यु
Йй	य्	Фф	फ्**	Яя	या

a/ The problem of non-equivalence:

There are some Russian phonemes for which there are no graphemes in Marathi. They are [ж], [x], [щ] and [ы]. So, they are generally represented by the following sounds in Marathi [ज्ह्] / [झ्ह], [ख], [श्य] and [अि] respectively. Here, the letters [ख] and [अि] create confusion. Russian sound [x] is different than the Marathi sound [ख]. The Russian [x] is velar fricative voiceless, whereas Marathi [ख] is a velar, affricate – aspirated sound. However, due to non-availability of similar sound in Marathi, the sound [ख], which is somewhat close to it is used as an equivalent. However, due to lack of knowledge of Russian sounds the Marathi reader considers it as Marathi [ख] and pronounces it in a wrong manner. [अि], too is considered as Marathi soft [इ]. Also [फ] – a labial, affricate-fricative [फ] is replaced by labial, stop / affricate aspirated Marathi sound [ph].

b/ The equivalence of [д'] and [т']:

[д] and [द]: The hard consonant [द] has an equivalent [द] in Marathi. However, the soft consonant [द'] does not have any equivalent. Hence, the sound [ज] - [ज], which is considered close to it is used to represent it. Hence, the [द'] and [ज] are used as same sound in the transcription of proper names. See the examples: Дон (दोन); Денис (देनिस / जिनीस); Владимир (व्लदिमीर / व्लजिमीर). But this creates confusion in the mind of

Marathi reader as the grapheme [ज] represents two different sounds in Marathi, and it is unclear, which is the correct pronunciation. For example, Зоя (जोया), Елизавета (इलिजव्येता), Роза (रोजा)

[ɽ] and [ɽʰ]: The hard consonant [ɽ] has an equivalent [त] in Marathi. However, the soft consonant [ɽʰ] does not have any equivalent. Hence, the sound [ɽ] - [च], which is considered close to it is used to represent it. For example, Тарас Бульба (तरास बूल्बा) - Тимур (तिमूर / चिमूर). However, the grapheme [च] represents two different sounds in Marathi, i.e. [ɽʰ] and [च]. Hence, it becomes unclear, which is the correct pronunciation. For example, the name Татьяна is transcribed as [तच्याना], and may be considered as [Татьяна] or [Тачяна]. Similarly, the transcription of the name [Степан] may be considered as [Степан] or [Счепан].

In this situation there is an attempt to add a nukta under Marathi sounds represented by letters [ज] and [च]. This is done in Devanagari script in Hindi to differentiate between the pronunciation of sounds / words of Arabic and Persian origin. So, [ज़] for [з] / [д'] and [च़] for [ɽʰ] may solve this problem to some extent.

c/ Voiced and voiceless consonants and assimilation:

The question whether the proper name should be transcribed or transliterated is important in translation, as the pronunciation of a word depends on the position of voiced or voiceless consonants in Russian.

The names may take different form in transcription and transliteration. For example, compare the transcription and transliteration of these proper nouns respectively: [Лев] - [ल्येफ] / [ल्येव] , [Ярослав] – [इरस्लाफ] / [इरस्लाव], [Давид] – [दवीत] / [दवीद], [Эдуард] – [एदुआर्त] / [एदुआर्द], [Олег] – [अल्येक] / [अल्येग], Глеб – [ग्ल्येप] / [ग्ल्येब].

There is a general practice of using transliteration in case of assimilation / voicing and devoicing / of consonants in the proper names.

The problem is what is more important, the original name in spelling or the original pronunciation? Because, the reader pronounces the name

while reading silently, it seems appropriate to transcribe the names in translation. However, the written form of the name, too, should reach the target reader, because it is the introduction to the culture of target text language. Keeping both the aspects in mind, it is felt that the transliteration of names would be more appropriate, as the progressive assimilation of sounds, especially at the end of a word, doesn't create much difficulty for the reader of translation. Marathi, too, has a similar tendency of progressive assimilation of these sounds.

Generally, there are several accepted methods in any language pair to transfer the proper names in the target language. In Russian-Marathi pair we observe the following:

a/ There is a tradition of transcribing the English translations of names of some reputed Russian institutes in Devnagari script. For example, Российский университет дружбы народов is translated into Russian as a form of calquing as The Peoples' Friendship University of Russia and interestingly, this English calque gets transcribed in Marathi in the literary works as पीपल्स फ्रेंडशिप युनिव्हर्सिटी ऑफ रशिया. Another example is Кремль क्रेम्लिन.

b/ Sometimes it is convenient to translate the meaning of the Russian proper name into the target language. It is actually a loan translation or calquing. For example, the same name Российский университет дружбы народов becomes लोकमैत्री विद्यापीठ, रशिया with the changed word order as per the norms of Marathi system. Союз Советских Социалистических Республик सोविएत समाजवादी प्रजासत्ताक संघ and Чёрное море काळा समुद्र are a few more examples of such translation.

Hence, the name of the museum Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина is either transcribed from English as द पूष्किन स्टेट म्युझियम ऑफ फाईन आर्ट्स or translated into Marathi as पूष्किन शासकीय ललित कला संग्रहालय. Площадь Революции रिव्होल्युशन स्क्वेअर or क्रांती चौक and

c/ There are also a few examples of transcription of Russian nouns and use of their calques simultaneously. For example, the soviet terms like

‘колхоз’ कल्खोज (सामूहिक शेती); перестройка и гласность पेरेस्ट्रोइका आणि ग्लासनस्च (पुनर्रचना आणि खुलेपणा); самиздат समिज्दात (गुप्त छपाई व वितरण)

d/ Semi-calque or words / phrases half of which is adopted from the source language while another half is from the target one.

The name of a street is transcribed / transliterated, while the words ‘road’, ‘station’ and ‘square’ are either transcribed from English or translated into Marathi. For example, Садовая улица सदोवया रस्ता / मार्ग, Советская улица सव्येत्स्कया रस्ता / मार्ग, Улица Чехова चेखव रस्ता / मार्ग, Лесная улица लिस्नाया रस्ता / मार्ग; станция метро Арбатская अर्बात्स्कया मेट्रो स्टेशन / स्थानक, станция метро Новослободская नवस्लबोदस्कया मेट्रो स्टेशन / स्थानक, станция Юго-Западная यूग-जापदनाया स्टेशन / स्थानक; Озеро Байкал बैकाल सरोवर , Уральские горы उराल पर्वतराशी / पर्वतरांगा, Пётр Первый पीटर / प्योत्र पहिला, Пётр Великий महान पीटर / प्योत्र

e/ Culturally loaded, exotic words require their transcription / transliteration along with explanation.

For example, names of Russian dishes in a menu: Борщ - बोश्च (बीट, भाज्या आणि मांस घालून बनवलेले सूप), Пельмени पिल्मेनी (बीफच्या खिम्याचे सारण भरून उकडलेले, कानवल्याच्या आकाराचे डंपलिंग), Щи शयी (कोबी सूप), Блины ब्लिनी (पॅनकेक), Пирожки पिरष्की (बेक केलेले किंवा तळलेले विविध प्रकारचे सारण भरलेले पाई) etc.

Names of souvenirs: Матрёшка मत्र्योश्का (रशियन पारंपरिक लाकडी बाहुली), Самовар (चहासाठी पाणी उकळण्याचे रशियन भांडे)

Names of space crafts: Спутник स्पूतनिक (अंतरिक्ष यान) Восток वस्तोक (अंतरिक्ष यान) Союз सयूज (अंतरिक्ष यान)

e/ Sometimes there arises a need to create a neologism when there is not an equivalent in the target language for the name. For example, Русская печь रशियन ऊबशेगडी

f/ Abbreviations: «КГБ» (Комитет государственной безопасности) केजीबी (राज्य सुरक्षा समिती) «СНГ» (Содружество Независимых Государств) स्वतंत्र राष्ट्रांचे राष्ट्रकुल

There are no distinct and competing standards for the transcription/transliteration of Russian Cyrillic into Devnagari script. In reality, transcription/ transliteration is often carried out without any consistent standards. Hence, it is essential to take steps to standardize the transcription / transliteration of Russian proper nouns in Marathi. Considering the problems discussed in the present paper, the Marathi translators of Russian literature need to arrive at a consensus and bring uniformity in transcription / transliteration of the proper nouns.

Shadowing Technique in Simultaneous Interpretation: The First Step

Dr. Sonu Saini

Assistant Professor,
Centre of Russian Studies, SLL&CS,
Jawaharlal Nehru University
sonusaini@jnu.ac.in

Amit Jakhmola

Specialised Interpreter,
Ministry of External Affairs,
New Delhi
amitjake@gmail.com

Abstract: There is an acute shortage of simultaneous interpreters of Russian to English/Hindi languages and vice-versa in India. There is no specific established institute or organisation in India where interested candidates can receive professional training for simultaneous interpretation. Most of the interpreters in Russian to English/Hindi or vice versa have learned the skill through practical experience. The article provides a window into the world of interpreters. The study discusses the shadowing interpretation technique as the first step of learning. Apart from the historical background, the study also describes the required skills, processes, precautions, and preparation to become a potential interpreter. The learners may adopt these techniques and practices as per the steps mentioned in the article and enable themselves to become professional interpreters.

Keywords: Simultaneous interpreter, Shadowing, Interpretation, Techniques of interpreters, First step of interpretation

Emerging from the development of global villages is the increased demand for learning foreign languages. One of the key aspects of research and job-oriented work in a foreign language is translation and interpretation. The translation is in the written form, where one conveys the meaning of the source text from one language to another. Whereas interpretation is a similar process, but it is performed orally.

Interpretation is one of the oldest practices and professions. The history of interpretation takes us back to the 3rd millennium B.C. in Ancient Egypt. The service of an interpreter in Ancient Egypt was traced in Public Administration. The other documentation about interpreters can

be traced to Ancient Greece and the Roman Empire in administration, commerce, religion, and army. Traces of interpreters' service have also been found in the middle Ages in monasteries. The previous century also has a rich history of interpreting popular events such as the Paris Peace Conference in 1919.

Image

Interpretation is also considered one of the most challenging tasks or practices in second or foreign language learning in India. There may be many reasons that develop such thought, but one of the main reasons is the non-availability of official training and awareness on interpretation in Russian studies. Along with some basic information, the first shadowing technique has been explained and adopted innovatively in this study. This information and technique is the first step towards working in the field of interpretation.

Required skills for SI:

Simultaneous interpretation (SI) is considered one of the most challenging practices. The interpreter listens to the speech, while simultaneously comprehending and translating it through communication using their command over the source and target languages. An interpreter must have an expansive knowledge of the culture of the source and target languages, along with international affairs to contextualise the interpretation. Excellent command and excellent communication skills are also expected from a good interpreter.

Before we start learning interpretation, we should understand the classification of languages in our work. The classification of languages helps us to identify the possible outcome and level of interpretation. The question on the classification of languages is often asked by recruiters to understand the working language groups of the candidate. The International Association of Conference Interpreters (IACI), Switzerland, has classified the active and passive working languages. As understanding a particular language and speaking it are different skills, it is up to the interpreter how they would classify their active or passive working languages. The interpreter should be able to define their active and passive language groups. For example, if an interpreter's mother tongue is Hindi, it will be classified as 'A Language'. He is fluent in English and Russian; then it will be considered as 'B Languages'. The 'C language' is assessed when an interpreter can understand but may not speak or express the ideas fluently. The interpreter may choose to work

from 'C Language' into 'A Language' or 'B Language' but may not work from 'A Language' or 'B Language' into 'C Language'.

As per the classification of IACI, the working language of an interpreter may be defined as A, B, C:

A Language

It is the mother tongue or equivalent of the interpreter working from othanotherlanguage/s. It is the language in which the interpreter works as a simultaneous or consecutive interpreter. In 'A language', the interpreter would understand and convey even the more complicated ideas of the speaker.

B Language

It is not the interpreter's mother tongue, but they may speak it fluently. The language is considered to be learned as foreign or acquired as a second language. It is also considered the active language of the interpreter in which they could work in simultaneous or consecutive interpretation.

C Language

It is considered the passive language of the interpreter in charge; they may not speak fluently but will understand. The interpreter will not work to translate into the C language but may work from C language into B or A languages.

The process of SI:

Any event is interpreted through a soundproof booth and an interpretation audio system. The interpreter/s would sit in the booth, listen to the speaker through headphones and interpret the speech through a mic. The listeners or audience will listen to the interpretation through headphones by selecting the dedicated channel. The interpreter would translate the speech from the source language to the target language with a delay of 5-7 seconds. It is recommended to start interpreting as soon as possible. The interpreter may wait for the completion of a logical utterance/unit to start the interpretation. The interpreter should also consider that he is just a short distance from the speaker.

Recommended time duration for SI:

The Department for General Assembly and Conference Management of the United Nations recommends 7-8 three-hour meetings per week.

There should be two or three interpreters for the meetings, who would alternate with each other every 20-30 minutes. One interpreter should interpret for 20-30 minutes at one go; after that break of 20-30 minutes is required. This means there should be a minimum of two interpreters for meetings or events of more than 30 minutes and less than 3 hours. A break of 20-30 minutes after their respective interpretation is required to maintain the quality of the interpretation. The interpreters should have good coordination between them as well. Therefore, if the meeting/event is for more than 20-30 minutes, then there should be two interpreters who would work turn by turn or divide the task to get proper breaks between their speeches.

Precaution and Preparation for SI:

The interpreter should always enquire in advance and make sure about the model/type of dedicated interpretation system and soundproof booth. Sometimes the technical service provider may depute an incompatible system, which may cause the quality of the interpretation to decline. The material for the event or meeting may be requested in advance to prepare for the task. The interpreter may also consider bringing in his laptop/tablet to get an additional screen while interpreting. In the absence of the material, the interpreter should research the topic or theme of the meeting and learn about the event on similar themes held in the past. This preparation will help the interpreter acquire the required vocabulary and terminology. It is equally essential for the interpreter to know the speaker. The interpreter can browse and listen to the previous speeches of the speaker to get acquainted with the pace and intonation of the speaker in order to anticipate the ideas/issues that may come up during the interpretation. The interpreter should also work on possible terminology/glossary that may come up during the interpretation. In order to be better prepared, glossaries can be developed for important topics in their field for interpretation assignments. The dictionary or terminology should not only contain mere words but should be derived from the context.

Technique - Shadowing and Innovative Practice

The first step for an interpreter in training is to start with shadowing. This technique is considered one of the best practices for beginners. We have tried to include some innovative steps to receive more effective outcomes from the shadowing technique. As the term suggests, one has to listen to a speech and repeat the same in the source language. For example, if the speech is meant to be translated into English, the

interpreter should listen to it and repeat it in English. The interpreter should practice shadowing in 'B Language' to improve fluency. The primary aim of this exercise is to train the brain to listen and speak simultaneously. The best part about shadowing is that one can do it alone and anywhere. While shadowing, it is equally important to monitor the output and listen to the speaker simultaneously. This can be done by placing the headphones slightly or entirely off of one ear. The interpreter can listen to the speaker with one ear and listen to their output with the other ear. The shadowing practice would help the learner acquire skills and improve their competency level. We may divide the simultaneous interpretation learning shadowing technique into the following stages:

Step 1: Shadowing

In the beginning, the speech should be easy and at a slow or moderate speed. The shadowing exercise may be repeated 2-3 times. This practice will be beneficial for the next step. The selected speech should be practised 2-3 times with a dedicated goal for each practice session. The learner should avoid shadowing news channels/podcasts and choose a structured speech. It is also essential to record your shadowing session using a dictaphone or cell phone to monitor the output. This will help you to analyse the speech for omissions and improve the quality of the speech. Choose a speech where the speaker has an excellent command of the language.

It is better to practice in groups. The learner may ask fellow interpreters to prepare and deliver a speech during the practice session. The learner may invite their fellow interpreters or friends/family members to listen to his speech or his recorded shadowing session as the listener can analyse the ideas and provide feedback. People not connected with interpretation may also be invited as they can act as pure listeners and provide inputs from a different point of view. Suppose a learner interpreter is shadowing in B(acquired) language. In that case, it is recommended to use a transcript/text of the speech as it is typical for a learner to miss out on prepositions/ articles or other small details. Once the learner interpreter has mastered the speech, he can gradually move to a faster speaker.

Step 2: Shadowing with Distraction

After practising the first step, the second step adds a new difficulty level. In this step, the learner needs to listen to the speech and do the shadowing, similar to step 1. In addition to shadowing, the interpreter should use various distraction methods simultaneously. For example,

while practising shadowing, the interpreter should try to write the counting from 1 to 100 (like 1, 2, 3, 4, 5, ...) on a piece of paper. The next time shadowing with distraction should increase the level of distraction and may start writing reverse counting from 100 to 1 (like 100, 99, 98, 97, ...). You can also write your favourite poem, which you know by heart while shadowing. There can be various distraction methods that may be practised, along with shadowing, such as tapping on the desk while tapping the foot on the floor, turning on the radio in the background, playing a favourite song in the background, etc. If the shadowing method with distraction is being practised in the classroom along with a group of students, other students can help the interpreter by talking loudly while the fellow interpreter is engaged in shadowing. The learner, in all the circumstances, should focus only on shadowing, i.e. repeating what is there in the source speech. This shadowing technique with the distraction method helps to increase your concentration and prepare the brain for interpretation.

Step 3: Increasing the Decalage in Shadowing

The decalage is the time difference between the beginning of a speech in the source language and the beginning of the interpretation or shadowing. Initially, the decalage may be 2-5 seconds in steps 1 and 2. In the third step, the decalage may be increased to 10-20 seconds. The interpretation should be recorded, which may be used for analysis later. This technique will help the interpreter to improve memory.

Step 4: Paraphrasing in Shadowing

The fourth step is paraphrasing in the source language while practising the shadowing technique. In this step, the interpreter should not repeat everything like a parrot. He should also focus on specific aspects of the speech. The interpreter should focus on essential vocabulary, understand the context, and avoid leaving out anything. The translator would listen to the speech and paraphrase it in the same source language. The interpreter should try to use synonyms or other words to convey the idea or message of the speech. This step will increase the comprehension skills of the interpreter.

Step 5: Maintain a logbook

The interpreter can write their output on paper and maintain a logbook for the interpretation session. The interpreter can mention the difficulties/challenges faced during the session. This will help the interpreter analyse the output for omission/ incorrect grammatical

constructions and contemplate why the particular mistake/omission was made. After the shadowing session, the interpreter can note and write proper word combinations/structures in the logbook, which may come in handy while interpreting in future. The interpreter should also note difficult sounds/words and practice them until their production is done effortlessly. An interpreter needs to do deliberate practice. Interpretation requires total concentration and effort from the interpreter. The interpreter should also practice taking breaks from the course if he is tired.

Conclusion

Shadowing is an effective method to develop concentration, maintain composure during real-time interpretation, and improve pronunciation. While shadowing, the learner is not interpreting but only repeating the input/speech verbatim, but it helps to develop valuable skills that are essential in real-time interpretation. The shadowing practice not only creates interpretation skills but also improves language skills. As part of a foreign language course, shadowing helps the learner speak fluently. The brief historical background required skills, classification of languages as A, B, C, the process of SI, precaution and preparation of SI, various steps of shadowing, and maintaining a logbook would also help the interpreter to understand the field of interpretation better and to acquire skills of simultaneous interpretation.

**Перевод стихотворения туркменского Национального поэта -
магтумкули фраги с Русского на язык Хинди**

Dr. Mona Agnihotri

Assistant Professor (Russian)

Department of English and Modern European Languages,

Faculty of Arts, University of Allahabad,

Prayagraj, U. P.

dr.magnihotri@allduniv.ac.in

Перевод с туркменского на русский:

Перевод этого стихотворения с туркменского языка на русский был сделан Ю. Гордиенко, который был русским советским поэтом, переводчиком, и журналистом. Он был членом Союза Писателей СССР. Сначала я представляю русский перевод этого стихотворения Махтумкули Фраги. Название этого стихотворения на русском языке - Они не Вернулись.

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Из дальних кочевий назад не пришёл Абдулла.
Мамеда-Сапу и джигитов тропа увела
На поиски брата. Пустыня следы замела.
Вернулись ходившие с ними. Они не вернулись.

О, тяжкая доля у матери взятых сирот!
За месяцем месяц, за годом сменяется год.
Не видел ли кто их? Скажи мне, заезжий народ.
Вернулась луна из пустыни. Они не вернулись.

Недуг побороли принявшие некогда яд,
С добычей пришли уходившие в степи назад.
Из Мекки вернулись, в кругу домочадцев сидят
Хаджи заслужившие имя...Они не вернулись.

С вестями уходят, с вестями приходят гонцы,
Больших караванов и малых звенят бубенцы.
Успели не раз побывать в Индостане купцы,
С деньгами вернулись хивины. Они не вернулись.

За тёплым дождём на кибитки обрушился град.
За братом погибшим на гибель отправился брат.

Их жёны с утра на пустую дорогу глядят,
Тоскуют в разлуке с родными. Они не вернулись.

И сердце и печень свои занимают места,
Замкнувшись от скорби, давно не смеются уста.
О них не слыхали ни шейх, ни погонщик скота.
Вернулись скитальцы седыми. Они не вернулись.

Фраги, по ночам твои сны прогоняет тоска.
Мир зол и широк, караванная тропка узка.
Пустыня молчит. Как сурово безмолвье песка!
Из дома уйдя молодыми, они не вернулись...

Перевод (с Туркменского на Русский) Ю. Гордиенко

Теперь представляю мой перевод этого стихотворения Махтумкули
Фраги , название которого на языке Хинди получается таким - वो नहीं
लौटे

Мой Перевод с русского на Хинди:

वो नहीं लौटे

दूर बंजारो के खेमे से अब्दुल्ला वापिस नहीं आया।
मोहम्मद - सापू और साथियों को ले गई पगडंडियाँ
भाई की तलाश में। रेगिस्तान ने निशानों को मिटा दिया।
उनके साथ गए हुए लौट आए। वो नहीं लौटे।

फूटी क्रिस्मत उस माँ की जिसके लाल पकड़े गए!
महीनो पे महीने, साल पे साल बीतते चले गए।
किसी ने उन्हें देखा है? मुझे बताओ, ओ लोगों दूर से आए हुए।
चाँद रेगिस्तान से लौट आया। वो नहीं लौटे।
कभी ज़हर पीकर भी मौत से जीतकर लौटे,
स्तेप की ओर गए हुए लूट के साथ वापिस लौटे।
मक्का से लौट आए, घर के लोगों के बीच आकर बैठे
हाजी नाम के काबिल...वो नहीं लौटे।

खबर लेकर जाते हैं, खबर लेकर आते हैं खबरी,
बड़े-छोटे कारवाँओं की बजती है घंटी।
एक बार भी हिन्दुस्तान न जा पाए व्यापारी,
पैसों के साथ लौट आए। वो नहीं लौटे।

गर्म बारिश के बाद खेमों पर ओले गिरे।
एक शहीद भाई के लिए शहादत की ओर भाई चले।
उनकी पत्नियाँ सुबह से तके सूनी राहें,
अपनो से बिछडने का गम लिए। वो नहीं लौटे।

दिल भी अपनी जगह पर, जिगर भी अपनी जगह पर है,
दुख से सिले होंठ बहुत वक़्त से हँसे नहीं है।
उनके बारे में न शेख ने, न चरवाहे ने सुना है।
घुमक्कड बूढ़े होकर लौट आए। वो नहीं लौटे।
फ़िरागी, रातों को तेरे ख़वाबों को उदासी छू ले।
दुनिया ज़ालिम और बडी है, कारवाँ के रस्ते पतले।
रेगिस्तान चुप है। रेत की ख़ामोशी कितनी सख़्त है।
घर से जवानी में गए, वो नहीं लौटे...

Махтумкули Фраги или Магтумкули Пираги – поэт-мыслитель Туркменского народа. Он жил в Туркменистане в 18-м веке. Он был сыном Довлет-мамеда Азади, который тоже в то время являлся суфи-поэтом Туркменистана. Он был высоко-образованным человеком, и оказал огромное и серьёзное влияние на своего сына - Махтумкули.

Личная жизнь Махтумкули Фраги была полна трагедиями – когда он был ещё молодым, умер его отец, которого он уважал; ещё девушку Менгли, которую он любил выдали замуж за богатого человека (так как Махтумкули не смог заплатить достаточный «калим»* за неё) – калим значит деньги, которые заплатят мужская сторона женской стороне во время свадьбы (как в мусульманской культуре есть традиция мехр); более того два его старшие брата погибли в плену в Афганистане; и если это не было бы достаточной тоской для одного человека, после того как он женился на другую женщину и стал отцом, умерли его два сына, когда они были ещё маленькими!

Все эти события очень сильно повлияли на него, и он начал сочинять стихи и путешествовать по своей стране и по другим странам намеренно для того, чтобы смириться своей болью.

Дина Немировская пишет - «Любовь к Менгли он принёс через всю жизнь – ей посвящено много стихов.»

И ещё – «Тоска по братьям нашла отражение во многих стихах».

У Махтумкули Фраги есть ещё стихотворение по названию – Сын, первая часть которой называется – «смертью». В ней есть следующие строчки про сына –

«Я болен, я гибну от ран.
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.
Мой сын не дождался меня:
Он мёртв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Моё сумашедшее стремя.»

Тоска и боль эта нашла отражение во многих его стихотворениях, особенно тоска по своим братьям, как и на этом стихотворении, которое я перевела с русского на Хинди:

«За тёплым дождём на кибитки обрушился град.
За братом погибшим на гибель отправился брат.»
Мой перевод этих строчек на Хинди получился таким –

«गर्म बारिश के बाद खेमों पर ओले गिरे।
एक शहीद भाई के लिए शहादत की ओर भाई चलें।»

Горе, тоска, печаль – эти чувства больше всего отражены в стихах Махтумкули Фраги. Его стихи имеют красивую лирику, мелодию, ритм и рифму, и читать их очень приятно – по крайней мере, в русских переводах этих стихов.

Самое название этого стихотворения «Они не Вернулись» изображает эта печаль и боль, и создаёт мрачную картину для их читателей. Когда я читала это стихотворение первый раз, я

чувствовала боль и тоска Махтумкули Фраги. Это сильно захватило моё сердце, как действительно сильно он страдал за своих погибших братьев, и поэтому я решила перевести именно это стихотворение из сборника его стихотворений.

Почему мне лично понравился он и его стихи – это потому, что ему очень нравилась наша страна – Индия, и он в своих стихах часто писал или, по крайней мере, упоминал об Индии! Он называл Индию «Индостаном»! И у нас в языке Урду есть такое название Индии – «Хиндустан». Кажется, что когда он начал путешествовать по миру, он успел посетить и Индию. Даже в его стихотворении, которое я перевела с русского на Хинди – Они не Вернулись – он упоминает Индию в следующих строчках:

«С вестями уходят, с вестями приходят гонцы,
Больших караванов и малых звенят бубенцы.
Успели не раз побывать в Индостане купцы,
С деньгами вернулись хивины. Они не вернулись.»
Мой перевод этих строчек на Хинди –

«खबर लेकर जाते हैं, खबर लेकर आते हैं खबरी,
बड़े-छोटे कारवाँओं की बजती है घंटी।
एक बार भी हिन्दुस्तान न जा पाए व्यापारी,
पैसों के साथ लौट आए। वो नहीं लौटे।»

Большую часть своей жизни Махтумкули передал к его путешествиям – по Ирану, по Афганистану, где когда-то погибли два его старших брата, и изображение Индии в его стихах показывает, что он успел дойти до северной части Индии, и Индия сильно повлияла на него, и создала чёткие впечатления. И эти путешествия, и его знания о культуре этих разных стран нашли места в его стихах. Он писал о многих странах, особенно которых он лично посетил во время своих путешествий, включая Индию.

Фраги или Пираги (иногда пишется и как – Пырагы), который значит – разлучённый, является его псевдонимом, о котором пишет Дина Немировская в своей статье онлайн – «В зрелом возрасте поэт избрал себе псевдоним Фраги (разлучённый). В конце каждого стихотворения он помещал этот псевдоним...», как делал наш поэт-философ – Рахим! Разница в том, что Рахим помещал своё имя в начале строчки своих стихотворений, так:

«रहिमन धागा प्रेम का, मत तोरो चटकाय
टूटे पे फिर ना जुरे, जुरे गाँठ परी जाय।»

В стихотворении - Они не Вернулись - тоже в предпоследних строчках Фраги помещает свой псевдоним таким образом:

«Фраги, по ночам твои сны прогоняет тоска.
Мир зол и широк, караванная тропка узка.»
Мой перевод этих строчек на Хинди –

«फिरागी, रातों को तेरे ख्वाबों को उदासी छू ले।
दुनिया ज़ालिम और बड़ी है, कारवाँह के रस्ते पतले।»

Считают, что первая публикация его стихотворений вышла где-то в 1912 году, так как эти стихотворения были наизусть изучены народом Туркменистана и продолжалась как устная традиция в течении очень долгого времени. Это скорее всего напоминает мне о стихах нашего поэта-мистика, Кабира! Конечно были в Индии и другие такие поэты, как Рахим, Нанак, и другие, но мне больше всего нравятся стихи Кабира, может быть потому, что он успел очень коротко изобразить очень глубокие знания жизни через свои стихотворения.

Фраги считают «Пушкином» Туркменистана, так как Фраги отказался писать стихи на арабском или персидском языке, как была принято писать в те времена в Туркменистане, подобно Пушкину – Пушкин тоже начал писать на русском языке, когда в России французский язык считался «культурным» языком! Имя Махтумкули так же дороже для туркменского народа, как для русских имя Александра Сергеевича Пушкина. Туркменистан гордится им. Недавно в Астрахани на площади напротив Астраханского Государственного Университета открыли памятник Махтумкули Фраги – это бронзовая статуя, высота которой свыше шести метров. «Это подарок приездента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова к 450-летию Астрахани».

Махтумкули имел знания арабского и персидского языков потому, что ещё в детстве он изучал арабский и персидский языки в

медресе, где преподавал его отец. Но Фраги делал туркменский язык языком поэзии, языком литературы! Хотя Фраги изучил и хорошо знал и арабский и персидский языки, он решил писать на туркменском языке. И благодаря этому его считают национальным поэтом Туркменистана, и каждый год 18 мая Туркменистан отмечает годовщину его дня рождения и это очень большой праздник для туркменского народа.

Стихотворения Фраги полны мудростью, любовью и преданностью к своей стране, и они до сих пор вдохновляют народ Туркменистана. Полная и точная биография в письменной форме о Фраги не существует, но можно многое узнать о его жизни и бытия через его стихи. Кроме изображения своей печали и боли в своей личной жизни, он и много писал о природе Туркменистана, о его народе тоже. «Память людская судит о поэте прежде всего по тому, насколько смог он отразить в своём творчестве заветные думы и чаяния народа, его интересы, стремления, мечты, в какой мере удалось ему воплотить в произведениях главные проблемы эпохи.»

Теперь немножко о переводе. Дело в том, что перевод всегда очень смелое и сложное дело – литературный перевод ещё более тем – и в литературном переводе самый сложный перевод – это является переводом стихов, потому что стихи имеют свой ритм, свою рифму, и в стихах ограниченными словами передаются безграничные мысли. Поэтому аккуратный перевод стихов, сохраняя ритм, рифму и количество слов, и мысли поэта, это почти невозможное дело.

Хотя очень было приятно мне переводить это стихотворение Махтумкули Фраги с русского на язык Хинди, было бы ещё лучше если я смогла бы прочитать и перевести это стихотворение с языка, на котором оно было написано изначально, т.е. с туркменского языка на Хинди. К сожалению, из-за отсутствия такой возможности, пришлось быть довольной переводить стихотворение это с русского на Хинди. И поэтому можно сказать, что мой перевод этого стихотворения – это на самом деле является переводом перевода! В таких случаях, обычно перевод получается не таким оккуратным со всеми мыслями и чувствами оригинального. За это я заранее прошу прощения и надеюсь, что я успела перевести это стихотворение должным образом и успела отдать этому стихотворению должное.

Если время мне дало возможность, я бы с удовольствием стала переводить остальные стихи Махтумкули со сборника, где я нашла стихотворение - Они не Вернулись. Я с детства очень любила читать и писать стихи, особенно на языке Хинди. И поэтому очень приятный опыт был для меня перевод стихотворения - Они не Вернулись с русского на Хинди.

В 2014 году я получила возможность и имела честь представить мой перевод стихотворения - Они не Вернулись – на конференции, организованной Посольством Туркменистана в честь национального поэта Туркменистана, Махтумкули Фраги, по событию 290-летия со дня рождения его. Для меня это до сих пор является огромным счастьем!

«В 2024 году Туркменистан широко отметит 300-летие со дня рождения великого философа и поэта Махтумкули.» так предполагает сайт – Туркменпортал.

References:

Website:

Каррыев, Б. А., и М. Овезгельдыев. «Избранное [Магтумкули Фраги] (fb2)

читать онлайн. КулЛиб coollib.com, Издательство «Художественная Литература», 1983 г., www.coollib.com/b/293917/read . 09 Oct. 2022

Дина Немировская, «Махтумкули Фраги», Родное Слово, 03.08.2017,

www.souzpisatel.ru 20 June 2023

Turkmenportal, 15.01.2021, www.turkmenportal.com 19 June 2023

अलेक्सांद्र इवॉनविच कुप्रिन की कहानी 'आखिरी शब्द' का रूसी से हिंदी में अनुवाद और विश्लेषण

Dr. Radha Mohan Meena
Assistant Professor,
CRS, JNU, New Delhi
mohan1385@gmail.com

सार-संक्षेप: अलेक्सांद्र इवॉनविच कुप्रिन का जन्म १८७० में पेन्ज़ा में हुआ था। वह रूसी साहित्य के प्रतिष्ठित लेखकों में से एक है। कहानी "आखिरी शब्द" नैतिकता और प्रबुद्ध वर्ग पर एक व्यंग्य है। इस लेख में उपरोक्त कहानी को मूल रूसी से हिंदी में अनुवाद और अनुवाद की कठिनाइयों का विश्लेषण किया गया है।

मुख्य शब्द: आखिरी शब्द कहानी का अनुवाद, अनुवाद की कठिनाई

आखिरी शब्द

पाठ प्रकाशन के साथ सत्यापित है: ए.आई. कुप्रिन। 9 खंडों में एकत्रित कार्य। खंड 5. एम।: हुडा साहित्य, 1972. एस 124 - 129।

हाँ, जज साहब, मैंने उसे मार डाला!

हालांकि इस चिकित्सकीय जांच ने व्यर्थ ही मेरे लिए बचने का रास्ता छोड़ दिया है - मैं इसका उपयोग नहीं करूंगा।

मैंने उसे अपने होशो-हवास में मार डाला, जानबूझकर, दृढ़ विश्वास के साथ, आराम से, बिना किसी पश्चाताप, भय या हिचकिचाहट के मार डाला। यदि मृतक को जीवित करना आपकी शक्ति में होता, तो मैं अपना अपराध फिर से दोहराता।

उसने हमेशा और हर जगह मेरा पीछा किया। उसने हजारों मानव भेष धारण किए और कोई हिचकिचाहट के बिना - बेशर्मा! - महिला के कपड़े भी पहने। उसने मेरे रिश्तेदार, अच्छे दोस्त, सहकर्मी और अच्छे परिचित होने का नाटक किया। बच्चों को छोड़कर उसने हर उम्र के लोगो का भेष धारण किया (वह यह कर नहीं पाया)। वह मेरे जीवन में कुछ ज्यादा ही घुस गया और उसमें विष घोल दिया। सबसे अजीब बात यह थी कि मैंने उसकी सभी बातों, हाव-भावों और बर्ताव को पहले ही भांप लिया था।

मुझसे मिलते हुए वह अपनी बाहें फैलाता और संगीतमई आवाज में कहता:

-- आह! मैं किसे... देख रहा हूँ! इतने दिनों बाद ... और? तबीयत कैसी है?

और उसी क्षण उसने खुद को उत्तर दिया, हालाँकि मैंने उससे कुछ नहीं पूछा था:

-- धन्यवाद। बहुत खूब। थोड़ा - थोड़ा करके। आपने आज के अंक में पढ़ा?...

यदि इस दोहरान उसने देख लिया की मेरे मसूड़े में दर्द हैं तो वह हिनहिनाने का मौका छोड़ेगा नहीं:

--क्या हुआ दोस्त, इतने मुरझाये हो? कुछ हुआ. . . !

वह दृष्ट पहले से जानता है कि मैं मसूड़े के दर्द से परेशान नहीं हूँ बल्कि इस से परेशान हूँ कि अब तक पचासों बेवकूफों ने यहीं फालतू प्रश्न पूछ लिया है। उसने मेरी मानसिक पीड़ा को बढ़ाया, जल्लाद!

वह ठीक उसी समय मेरे पास आता जब मेरे पास अथाह काम होता था। वह बैठता और कहता :

-- अरे! लगता है मैंने तुम्हें परेशान कर दिया?

और वह अपने और अपने बच्चों के बारे में उबाऊ, थकाऊ बकबक करते हुए दो घंटों तक मेरे साथ बैठा रहा। उसने मुझे अपने बालों को नौचते और अपने होठों को काटते जब तक की खून नहीं निकल गया देखा और मेरी अपमानजनक पीड़ा को देखने का आनंद लिया।

मेरे पूरे महीने के काम करने के मिजाज को चौपट कर उबासी लेते खड़ा हुआ और बोला -

हमेशा तुमसे बात करने लग जाता हूँ। और मेरे पास काम है। रेलवे में वह हमेशा मुझसे एक ही सवाल के साथ बातचीत शुरू करता था:

क्या मैं पूछ सकता हूँ कि आप कितनी दूर जाना चाहेंगे? उसके बाद:

- कुछ काम से या ऐसे ही ?

- आप कहां काम करना चाहते हो?

- शादी हुई ?

- कानूनीतौर पर? या ऐसे ही ?

ओह, मैं उसकी सभी आदतों से अच्छी तरह परिचित हूँ। आंखें बंद कर के भी ऐसा लगता है जैसे वह जिंदा हो। वह मुझे कंधे पर, पीठ पर और घुटने पर थपकी मारता है, मेरी नाक के सामने बड़े इशारे करता है, जिससे मैं थरथर काँपता हूँ और झपटता हूँ, मुझे मेरे कोट के बटन से पकड़ता है, मेरे चेहरे पर साँस लेता है, थूक के छींटे मारता है। यहां वह अक्सर टेबल के नीचे अपना पैर रखकर हिलाता है, जिससे टेबल लेंप खड़खड़ाता। बातचीत के बीच लंबे विराम में वह अपनी उँगलियों से मेरी कुर्सी के पिछले हिस्से को थपथपाता है और बुदबुदाता: "हाँ..." और फिर थपथपाता और फिर बुदबुदाता "हाँ..." वह उँगलियों से टेबल पीटता, ताश की बाजी जीतता और बड़बड़ाता: "और यह क्या है? और यह? और यह? गर्म रूसी बहस में अपना पसंदीदा तर्क ले आता:

अरे, दोस्त, तुम बकवास कर रहे हो!

- बकवास क्यों? मैं डर कर पूछता हूँ।

- क्योंकि बकवास है !

मैंने इस आदमी का क्या बिगाड़ा है, मैं नहीं जानता। लेकिन उसने मेरे अस्तित्व को बर्बाद करने की कसम खाई और उसने ऐसा किया। उसकी वजह से मैं अब समुद्र, चंद्रमा, हवा, कविता, चित्रकारी और संगीत से गहरी घृणा महसूस करता हूँ।

तोलस्तोय? वह मौखिक रूप से, लिखित रूप में और छाप कर शोर मचाया - परिस्थिति पत्नी पर छोड़ कर, और वह खुद ... और तुर्गनेव के साथ तो वह जैसे ... जूते सिलता हो ... रूसी भूमि के महान लेखक ... हुर्रे! ..

पुश्किन? अरे, वह जिसने भाषा बनाई। याद है उसकी : "रात शांत यूक्रेनी रात, साफ़ आसमान" ... और वह शादीशुदा है, जानते हैं, उसको ... और तीसरे भाग में, जानते हैं कि उसके साथ क्या किया? और याद रखें ... श ... यहां कोई महिला नहीं है, याद है फिर उसकी यह कविता :

हम एक नाव पर जा रहे हैं

नाव के नीचे पानी...

- दोस्तायेवस्की?... पढ़ा है कि कैसे वह एक रात तुर्गनेव के पास पश्चाताप करने आया... गोगोल - जानते हैं कि उसे क्या बीमारी थी?

मैं एक फोटो प्रदर्शनी में जाता हूँ और एक शांत शाम के प्राकृतिक दृश्य के सामने रुक जाता हूँ। लेकिन उस गधे ने मेरा पीछा किया, मेरे पदचिन्हों से। वह पहले से ही मेरे पीछे खड़ा है और आत्मविश्वास से कहता है:

--बहुत अच्छी तरह से बनाया गया है ... छोर ... हवा ... चाँद जैसे सचमुच का हो ... याद है, नीना, तिप्याएव का "निवा" के लिए आवेदन? कुछ तो समान है...

मैं ओपेरा में बैठा "कारमेन" को सुन रहा हूँ। लेकिन वह पहले से ही यहाँ है। वह मेरे पीछे बैठा, पैरों को मेरी कुर्सी के पहिये पर रखा, पिछले वाले कार्यक्रम के गाने साथ-साथ गाता और मुझे उसके शरीर की हर हरकत से नफरत है। और मैंने सुना कैसे इंटरवेल में वह जान-बूझकर जोर से बोलता खासकर मेरे लिए:

-जदोडडोवी के पास डिस्क शानदार है। असली शल्यापिन। अंतर करना मुश्किल है।

हाँ! यह वह था, उसके जैसा कोई नहीं, जिसने हर्डी-गार्डी, ग्रामोफोन, बायोस्कोप, फोटोफोन, जीवनीकार, फोनोग्राफ, ऑक्सेटो-फोन, मोनोपैन म्यूजिकल बॉक्स, मैकेनिकल पियानोवादक, ऑटोमोबाइल, पेपर कॉलर, ऑलोग्राफी और अखबार का आविष्कार किया।

उससे बचने का कोई उपाय नहीं है! कभी-कभी तो मैं रात में दूर समुद्र के किनारे, एक चट्टान पर भाग जाता था, और वहाँ एकांत में लेट जाता था। लेकिन वह छाया की तरह मेरा पीछा करता, मुझ पर चोरी छुपे नजर रखता और अचानक आत्मविश्वास और आत्मसंतुष्ट हो कर कहता :

-- कितनी शानदार रात है ना काचेनका? और बादल? एकदम जैसे तस्वीर में है। लेकिन अगर कोई कलाकार ऐसा चित्र बनाने की कोशिश करता है, तो कभी विश्वास नहीं करेंगे।

उसने मेरे जीवन के सबसे अच्छे पलों को मार डाला - प्यार के पल, प्यारी, मीठी, यादगार जवानी की रातें। कई बार जब मैं चुपचाप, प्यारे, मनोहर रास्तों से चांदनी रातों में गुजरता तो वह औरत बनकर मेरे कंधे पर अपना सिर झुकाता और एक नाटककार की आवाज में कहता :

- बताओ, क्या आपको प्रकृति पसंद है? जहाँ तक मेरी बात है, मैं प्रकृति के प्रेम में पागल हूँ।

या:

--बताओ, क्या तुम चांदनी में सपने देखना पसंद करते हो?

उसके अनेको रूप और रंग थे, लेकिन मेरा उत्पीड़न एक जैसा रहा। उसने प्रोफेसर, डॉक्टर, इंजीनियर, महिला डॉक्टर, वकील, छात्र, लेखक, एक आबकारी अधिकारी की पत्नी, ज़मींदार, अधिकारी, यात्री, आगतुक, अतिथि, अजनबी, दर्शक, पाठक, पड़ोसी का रूप धारण किया। अपने लड़कपन में, यह सोचना मूर्खता थी कि यह सभी अलग-अलग लोग थे। लेकिन वह अकेला था। आखिरकार कड़वे अनुभव ने मुझे उसका नाम बता दिया। यह एक रूसी बुद्धिजीवी है।

यदि उसने मुझे व्यक्तिगत रूप से पीड़ा नहीं दी, तो हर जगह उसने अपने निशान, अपने विजिटिंग कार्ड छोड़े थे। पहाड़ बेशताऊ और माशूक की छोटी पर मुझे उसके द्वारा छोड़े गए संतरे के छिलके, मछली के डिब्बे और कैंडी (मिठाई) की पन्नी मिली। अलुपका के पत्थरों पर, इवानोव्स्काया घंटी टॉवर

के शीर्ष पर, इमात्रा के ग्रेनाइटों पर, बखशीसराय की दीवारों पर, लेरमन्तफ़ की गुफाओं में - मैंने उनके द्वारा बनाए गए शिलालेखों को देखा:

"पुष्या और कुज़िकी, साल 1903, 27 फरवरी"।

"इवानोव"।

"सारापुल से ए. एम. प्लोखाख्वस्तोफ़ "।

"इवानोव"।

"पिचोरिना"।

"इवानोव"।

" एम डी ... पी. ए. आर. तलोचका और अखमेट"।

"इवानोव"।

"त्रोफिम झुवापुदोफ़। समारा शहर"।

"इवानोव"।

"मिन्स्क से एडेल सोलोविचिक"।

"इवानोव"।

"इस पहाड़ी से, एस निकोदिम इवानोविच बेज़परेचनी ने समुद्र के दृश्य की प्रशंसा की

"इवानोव"।

मैंने सभी आगतुक रजिस्टर में उनकी कविताएँ और टिप्पणियाँ पढ़ी; पुश्किन हाउस में, और लेरमन्तफ़ के पहाड़वाले घर में, और प्राचीन मठों में। "यहाँ पेन्ज़ा से चीकू-नोवा थे। उन्होंने क्वास पिया और स्टर्जन (समुद्री मछली) खायी। हम आपके लिए भी यही कामना करते हैं।" "मैंने महान रूसी कवि, पिस्तौल की वरोनेज़ पुरुष व्यायामशाला के हस्तलिपि के शिक्षक के पुराने घर का दौरा किया।"

"हे विशाल आई - पेत्री (पहाड़ का नाम) आप की जय हो

इस देवदार की शाही पोषक में

आज तुम्हारी इस शक्तिशाली छावनी में

यह सेवानिवृत्त सैन्य अधिकारी प्रोसिन आया है। "

मुझे बस कोई रूसी किताब खोलनी थी, मैं तुरंत उस पर टूट पड़ा। "इसी किताब को पफनूचेनक ने पढ़ा।" "लेखक मूर्ख है।" "लेखक महोदय ने कार्ल मार्क्स को नहीं पढ़ा।" या अचानक एक लंबा और बेस्वाद, गुच्छे जैसा, पेंसिल से बना वृत्त। और, निश्चित रूप से उसी ने , सभी किताबों में कोनों को मोड़कर, पन्नों को फाड़ दिया और एक किताब के साथ स्टीयरिन की मोमबत्तियों को बुझा दिया।

जज साहब! आगे बताना मेरे लिए मुश्किल है ... इस आदमी ने मुझे जो कुछ भी प्रिय था, उसे प्यार और कुंठा से डांटा, उपहास किया और बिगाड़ दिया। मैं बहुत लंबे समय तक अपने आप से संघर्ष करता रहा... साल बीतते गए। मेरी नसें और अधिक चिड़चिड़ी हो गईं ... मैंने देखा कि हम दोनों को इस संसार में घुटन हो रही है। हम में से किसी एक को जाना ही होगा।

मुझे पहले से यह आभास था कि कुछ छोटी सी, फालतू चीज मुझे अपराध करने के लिए प्रेरित करेगी। और ऐसा ही हुआ।

आप विस्तार से जानते हैं। डिब्बे में इतनी भीड़ थी कि यात्री एक दूसरे के सिर पर बैठे हुए थे। और वह, अपनी पत्नी, बेटे, स्कूली छात्र, और बहुत सी चीजों के साथ, दो बेंचों पर कब्जा किए हुए था। इस बार उसने शिक्षा मंत्रालय की वर्दी पहनी थी। मैं उसके पास गया और पुछा :

- क्या आपके पास खाली जगह है?

उसने एक हड़्डी पर बैठे बुलडॉग की तरह मेरी ओर देखे बिना उत्तर दिया:

नहीं। यहाँ एक और सज्जन बैठे हुए हैं। यह उसका सामान है। वह अभी आ रहा है। ट्रेन चलने लगी। मैं जानबूझकर पीछे रह गया। दस मील निकल गए।

सज्जन नहीं आए। मैं जानबूझकर चुप खड़ा रहा और शिक्षक की ओर देखा। मैंने सोचा कि उसकी अंतरात्मा नहीं मरी है।

ऐसे ही और पंद्रह मील निकल गए। उसने रसद की एक टोकरी निकाली और खाने लगा। फिर उन्होंने चाय पी। चीनी को लेकर पारिवारिक बहस हुई।

-- पेट्या! तुमने चुपके से चीनी का टुकड़ा क्यों ले लिया?

--सच में, भगवान की कसम, पिताजी, मैंने नहीं लिया। यह आपके लिए है, भगवान की कसम।

- कसम मत खाओ और झूठ मत बोलो। मैंने जानबूझकर सुबह गिनती की। अठारह टुकड़े थे, और अब सत्रह।

- भगवान की कसम

--भगवान की कसम मत खाओ। झूठ बोलना शर्मनाक है। मैं तुम्हें सब कुछ के लिए माफ कर दूंगा, लेकिन मैं झूठ को कभी माफ नहीं करूंगा। झूठ सिर्फ कायर बोलते हैं। झूठ बोलने वाला हत्या कर सकता है, और चोरी कर सकता है, और मालिक और देश को धोखा दे सकता है ...

और चलता गया चलता गया... मैंने इन भाषणों को उस से अपने गरीब बचपन में भी सुना था, जब वह पहले मेरी दाई माँ थी, और फिर शिक्षक थे, और बाद में, जब उन्होंने एक उदार समाचार पत्र में लिखा ।

मैंने टोका :

तो तुम झूठ बोलने के लिए अपने बेटे को डांटते हो, और खुद उसके सामने झूठ बोलते हो कि इस जगह पर कोई सज्जन आने वाले थे। कहाँ हैं यह सज्जन? मुझे दिखाओ उसे ।

शिक्षक ने भौंहे चढ़ाई और चेहरा लाल हो गया।

--जब आप से बात नहीं हो रही है तो कृपया अनजान यात्रियों को परेशान न करें। क्या होगा आप की इज्जत का जब सब पीटेंगे? कंडक्टर, मैं आपको बता रहा हूँ । यहाँ वे हर समय निर्लज्जता से अजनबियों को परेशान कर रहे हैं। कृपया कार्यवाही करें। अन्यथा, मैं पुलिस को बताऊंगा और शिकायत पुस्तिका में डाल दूंगा।

कंडक्टर ने मुझे पितृत्व रूप से डांटा और चला गया। लेकिन शिक्षक बहुत देर तक शांत नहीं हो सके ...

- चूंकि वे आपको स्पर्श नहीं करते हैं, इसलिए आपको स्पर्श भी नहीं करना चाहिए। और एक टोपी और कॉलर में भी, जाहिर तौर पर, एक बुद्धिजीवी ... अगर कोई किसान या कारीगर खुद को अनुमति देता ... अन्यथा, एक बुद्धिजीवी!

बौद्धिक! जल्लाद ने मुझे जल्लाद कहा! यह खत्म हो गया है... उसने अपना वाक्य सुनाया।

मैंने अपने ओवरकोट की जेब से एक रिवाल्वर निकाली, ट्रिगर दबाया, और आँखों के बीच शिक्षक की नाक के पुल पर निशाना साधते हुए, मैंने शांति से कहा:

- प्रार्थना करना।

वह पीला पड़ गया और चिल्लाया: "करौं-उ-उल!"

यह उसका अंतिम शब्द था। मैंने ट्रिगर खींचा।

मैंने मार दिया जज साहब। फिर से कहता हूँ: मेरी आत्मा में कोई पछतावा, दया नहीं है। लेकिन एक भयानक विचार मुझे कुतरता है और मेरे जीवन के अंत तक कचौटता रहेगा - चाहे मैं उन्हें जेल में बिताऊं या पागलखाने में:

"उसका एक बेटा है! अगर वह पूरी तरह से अपने पिता के स्वभाव को विरासत में ले ले, तो उसका क्या होगा?"

विश्लेषण: कहानी 'आखिरी शब्द' 1908 में प्रकाशित हुई। इस कहानी के माध्यम से लेखक ने नैतिकता की बात करने और उसे व्यवहार में लाने के मध्य के विरोधाभास को व्यंग्यात्मक तरीके से बखूबी दर्शाया है। अलेक्सान्द्र इवॉनविच कुप्रिन अपनी कहानी में ऐसे अनेकों मुहावरों और शब्दों का प्रयोग करते हैं जिनके समतुल्य हिन्दी में मिलना मुश्किल होता है या उन्हें हिन्दी में उस तरह प्रयोग नहीं किया जाता है। जैसे Педагог побагровел и выкатил глаза अर्थात् शिक्षक का चेहरा नीला पड़ गया लेकिन हिन्दी में नीले की जगह चेहरा लाल पड़ जाना अधिक उपयुक्त प्रतीत होता है अतः अनुवादक को यह जानना जरूरी हो जाता है की अनूदित भाषा में क्या ऐसे बोला जाता है या नहीं? अनुवाद प्रक्रिया में भाषा, शैली और सांस्कृतिक शब्द अनुवाद को जटिल बना देती है। यदि अनुवाद एक जैसे या समान संस्कृति वाले साहित्यिक कार्यों का हो तो उन्हें समझना आसान होता है लेकिन जहां एक दूसरे की संस्कृति से पाठक ठीक से परिचित नहीं हो उस स्थिति में कई अभिव्यक्तियों को समझाने के लिए अतिरिक्त व्याख्या और सूचना की आवश्यकता पड़ती है। जैसे - *Хвала тебе, Ай-Петри великан* इस वाक्य में आई - पेतरी क्या है इसे समझने के लिए अतिरिक्त सूचना देना आवश्यक है की यह क्रीमियन पर्वत की एक चोटी है। हालांकि रूस- उक्रेन युद्ध की वजह से अब लोग इस क्षेत्र के बारे में जानने लगे हैं फिर भी इसे ठीक से समझने के लिए आवश्यक ऐतिहासिक तथ्यों को जानना जरूरी है।

किसी भी भाषा में दूसरी भाषा के शब्दों का आना आम बात है लेकिन अनुवाद में इनके समानार्थी शब्द नहीं मिल पाते हैं अतः इनका शाब्दिक अनुवाद ही संभव होता है। जैसे - *Да! Это он, не кто, как он, избрел шарманку, граммофон, биоскоп, фотофон, биограф, фонограф, ауксето-фон, патефон, музыкальный ящик монопан, механического тапера, автомобиль, бумажные воротники, олеографию и газеты. Пили квас и ели осетрину.*

सन्दर्भ सूची:

Александр Иванович Куприн, Последнее слово,
http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_1900.shtml

Dr. Sonu Saini

Assistant Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University
sonusaini@jnu.ac.in

Abstract: This work is a translation into Hindi of an interview with Olga Slavnikova, recently conducted in Russian by the Institute of Translation in Moscow. In her exclusive interview, the writer touches on many modern problems and aspects of human life. It covers writing skills, heroes of fiction, the Russian language, the mission of literature, writers, readers, and translators. She also reflects on the division of responsibilities between men and women in the family. The interviewee also provides insights into the values associated with writing skills in literature and translation.

Keywords: Olga Slavnikova, Russian language, interview, writing skill, translation, translator.

लेखिका: ओल्गा स्लाव्निकवा के बारे में: रूसी लेखक और पत्रकार। 1997 में इनका पहला उपन्यास “कुत्ते जितना फ़ैल गया जो, वो टिड्डा” प्रकाशित हुआ, जो तुरंत ही ‘रूसी बुकर’ पुरस्कार की शॉर्टलिस्ट में आ गया। “2017” नामक इनके उपन्यास को 2006 में ‘रूसी बुकर’ पुरस्कार मिला। इसके अलावा इन्हें 2018 में “लम्बी कूद” नामक उपन्यास पर रूसी राष्ट्रीय साहित्यिक पुरस्कार “बलशाय़ा कनीगा” (बड़ी किताब) प्राप्त हुआ।

लेखन कला और लिखने के लिए विषय के बारे में

इस बारे में लोग अपने अलग-अलग अनुभव बताते हैं। मैं उपन्यास कैसे लिखती हूँ? कोई भी उपन्यास लिखने में कम से कम तीन-चार-पाँच साल लगते हैं, मैं तो अब तक यही जानती हूँ। किसी उपन्यास लेखक का जीवनकाल उसके उपन्यासों से नापा जा सकता है और मेरा खयाल है, कि अगर ज़िन्दगी यूँ ही चलती रही, याददाश्त ने मेरा साथ दिया तो भगवान की मर्ज़ी से, 4-5 किताबें तो दे ही दूँगी। जबकि मेरे पास लेखन के विषय तो और भी ज़्यादा हैं। मुझे उन विषयों में से चुनना होगा। मैं हमेशा जोखिम भरे विषय चुनती हूँ। जो पाठकों के बीच हमेशा पसन्द नहीं किए जाते हैं। सिर्फ़ तभी आप कोई नई बात कह सकते हैं। सबसे पहले, तो लेखक, खुद से नई बात कहता, अपनी भाषा और अपने पात्रों के माध्यम से और जब लेखक ऐसा कर लेता है, तो वह खुश हो जाता है।

लेखक के पात्रों के बारे में: पात्र कैसे होते हैं, और लेखक के लिए कितना मायने रखते हैं?

पात्रों की आप कितनी भी अनदेखी करें, लेकिन ज़िन्दगी की तड़प और दर्द उन्हीं के पास होता है। आजकल मैं बूढ़े हो रहे लोगों की ज़िन्दगी में दिलचस्पी लेने लगी हूँ। जवान लोगों के बारे में लेखक बहुत कुछ लिखते हैं। हाँ, जवानी के दिन काटना मुश्किल होता है। ज़िन्दगी जीना कितना मुश्किल होता है? क्या आप जानते हैं, इसके लिए एक खास लफ़्ज़ है — “ज़िन्दगी की उम्र” और एक उम्र जीने के बाद कैसा लगता है? यह बात बहुत ज़रूरी है, क्योंकि ज़िन्दगी में तमाशे बहुत होते हैं। और ज़्यादातर ये तमाशे बहुत तकलीफ़ दे जाते हैं। इन तकलीफ़ों को कैसे झोला जाए?

रूसी भाषा के बारे में

आप जानते हैं, कि भाषा भी एक जीती-जागती चीज़ होती है, जो कई बार लेखक से भी ज़्यादा होशियार होती है। भाषा, जो अपना इस्तेमाल करने वालों के बीच ही पलती-बढ़ती है, जिसके सैकड़ों-हज़ारों मायने होते हैं और जो खुद ही आगे ही आगे तरक्की करती रहती है। ऐसी जुबान के साथ ताल से ताल मिलाना — बेहद मुश्किल होता है, लेकिन लेखक को ऐसा करके बेहद सुकून मिलता है। भाषा — मुश्किल तो होती ही है, खूब दौलतमन्द और मालामाल भी होती है, क्योंकि ‘एक लफ़्ज़ मतलब हज़ार’ होते हैं और उसका तरह-तरह से इस्तेमाल किया जा सकता है। मुझे यह बहुत अच्छा लगता है, कि दूसरी जुबानें भी रूसी भाषा में आकर घुल-मिल जाती हैं। हमारे यहाँ ऐसे भी लोग हैं, जो रूसी भाषा में अंग्रेज़ी के लफ़्ज़ों के इस्तेमाल के खिलाफ़ हैं। लेकिन मुझे यह अच्छा लगता है, कि अंग्रेज़ी के सहारे अपनी रूसी भाषा में हम बात को दूसरे ढंग से कह सकते हैं और बात कहने के कई अलग-अलग तरीके मिल जाते हैं। अब, ज़रा, नौजवानों की बातचीत सुनिए। जैसे कुछ लोग “मुझे तुमसे मुहब्बत है” की जगह अब “आई लव यू” या “ईलू-ईलू” का इस्तेमाल करने लगे हैं। कितना प्यारा लगता है!

क्या आप रूसी भाषा में कुछ नया जोड़ती हैं?

मुझे इस बात पर फ़क्र होता है जब मेरी सरल और सहज रूसी भाषा को भी लोग एक कामयाबी बताते हैं, —जैसे मेरी किताबों के पाठक, —मैं पहले की तरह, हालाँकि मुश्किल जुबान में लिखती हूँ, उसमें गहरी और भारी बातें करती हूँ, यह समझते हुए भी, कि इस तरह मैं अपने पाठक कम कर देती हूँ और किताबों का तर्जुमा करने वालों के लिए एक भारी आफ़त खड़ी कर देती हूँ। लेकिन फिर भी, अलिव्सान्दर कबाकफ़ गुज़रने से पहले मेरे बारे में ये कहते हैं: कितना तोड़ती-मरोड़ती है ये, कितने अलंकार लगाती है, आगे कोई जगह ही नहीं बचती, जबकि होता ये है, कि मैं बात को कहने के पाँच-छह तरीकों में से कोई एक तरीका चुन लेती हूँ। पर ये जुबान की सजावट पर जोर देने वाले लोग मेरे पीछे पड़ जाते हैं, और ये चाहते कि मैं सजी-धजी बनावटी भाषा में लिखूँ। मैं सोचती हूँ — चलो, कोई बात नहीं और इस सबको झेलते हुए अपना काम आगे जारी रखती हूँ।

लेखक की खासियतें

हालाँकि यह अजीब लगता है, लेकिन खुद पर लगाम लगानी ही पड़ती है। आम तौर पर यह माना जाता है, कि लेखक को बेतरतीब और मनचली ज़िन्दगी जीनी चाहिए, यानी उसे, शराबी-कबाबी होना चाहिए, आवारागर्दी करनी चाहिए और बद-तमीज़ होना चाहिए। लेकिन तब लेखक लिखेगा कब? वैसे भी बे-तरतीब ज़िन्दगी के तज़रबे, या सब तरह की आवारागर्दियाँ - सब एक जैसी ही तो होती हैं,

उनसे मिलता क्या है ? कहने का मतलब यह है, कि लेखक को अपना टाईम-टेबल बहुत सोच-समझकर बनाना चाहिए, उसे अपना समय ठीक ढंग से खर्च करना चाहिए ।

साहित्य का मिशन

मेरा खयाल है, कि रूसी साहित्य हो, या दुनिया का साहित्य सबका मिशन एक ही है । एक क्रिस्सा सुनाती हूँ । एक दफा मैं एक लाइब्रेरी में अपने पाठकों से मिल रही थी, जब मैं अपनी बात कह चुकी, तभी एक औरत मेरे पास आई, जिसके हाथ में मेरी किताब थी और वो उस किताब पर मेरा ऑटोग्राफ़ माँगने लगी । मैंने देखा कि किताब इतनी बार पढ़ी गई है कि वो घिस चुकी थी और वो फूलकर दोगुनी मोटी हो गई थी । वो मुझे अपने जीवन की कहानी बताने लगी कि काम पर से जब उसकी छँटनी कर दी गई थी तो, उसके कुनबे में भी परेशानी पैदा हो गई थी । नौजवानों को तो आप जानती ही हैं, लेकिन इस किताब ने मुझे बचा लिया । इसका मतलब यह नहीं है कि मेरी किताब ने उसे ये सिखाया कि छँटनी से कैसे बचा जाए, या अपने नौजवान बेटे से कैसे बात की जाए, किताब ने तो उसे ये बताया कि दुनिया में कुछ दूसरी चीज़ें भी हैं, जैसे खूबसूरती है, मकसद हैं, मतलब साहित्य का मिशन ही यहाँ है — कि वो पाठक की जिन्दगी को बे-मकसद होने से बचाए कि पाठक दिन भर के काम के बाद थका-हारा जब घर पहुँचे तो उसे ये पता हो कि मेज़ पर एक किताब उसका इंतज़ार कर रही है । और ये भी ज़रूरी है कि वो मेज़ खाली नहीं पड़ी हो, कुछ काम वहाँ करने के लिए बाक़ी हो ।

समकालीन साहित्य की ज़रूरतें

कितनी अजीब बात है, कि अब समय आ गया है, जब हमें नई “आन्ना करेनिना” की ज़रूरत है, ऐसी नई प्रेमकथा, जिसमें समलैंगिक प्रेम की कहानी कही गई हो । यह आज के समय की ज़रूरत है इसी को कहते हैं, मुहब्बत की एक नई शकल, जिसे बहुत से लोग समझ ही नहीं पाते, जिसके लिए किसी जलसे-जुलूस की कोई ज़रूरत नहीं है, इसका विरोध इतना काम नहीं करेगा, जितना बड़ा काम कोई उपन्यास कर सकता है, ताकि आपसी समझ पैदा हो सके । मैं चाहती हूँ, कि ऐसी कोई किताब हो, जिसे पढ़कर पाठक रोने लगें, और जो उनके दिल के नाजुक तारों को इस तरह से छेड़े कि वो झनझाने लगें — तब हम एक दूसरे को अपना दुश्मन मानना बन्द कर देंगे ।

अपने पाठक के बारे में

अपने पाठकों से जुड़ने और उनसे सीधी बातचीत करने की भी एक तकनीक होती है । मेरा मतलब है, कि हमें वास्तविक पाठक की कल्पना करनी पड़ती है: उसकी उम्र, उसके पेशे, उसके मिजाज़ उसके घर-परिवार आदि के बारे में । जानते हैं, जब मैंने ऐसी कोशिश की, तो मेरी नई रचना के लिए एक पात्र सामने आ गया । जिसे मैंने चुपचाप अपनी नई कहानी में जोड़ लिया ।

अनुवाद के बारे में

अनुवादक भी लेखक ही होता है लेकिन वो एक खास तरह का लेखक होता है । सवाल ये है कि बेहतरीन अनुवाद कैसा होना चाहिए ? बेहतरीन अनुवाद वो होता है, जिसे पढ़कर ऐसा लगे कि आप अनुवाद नहीं बल्कि मूल भाषा में कोई किताब पढ़ रहे हैं और इसके साथ-साथ उस किताब में मूल किताब का जीवन ही गूँज रहा है । क्या ऐसा हो सकता है ? जी हाँ, बिलकुल हो सकता है ! यहीं अनुवादक की प्रतिभा दिखाई देती है । मैं अपनी किताबों के अनुवादकों से हमेशा कहती हूँ : मक्खी पर मक्खी नहीं बैठाइए, अपनी भाषा में मेरी बात को अपने ही ढंग से रखिए । अगर मूल पाठ में कुछ बदलाव करने की ज़रूरत

पड़े तो बेशक कीजिए — अलग से कुछ जोड़ना भी पड़े तो बेहिचक जोड़िए, अगर आपको यह लगता है कि इन बदलावों से किताब बेहतर बनेगी, तो बदलाव जरूर कीजिए। मेरी नज़र में अनुवाद पूरी तरह से एक स्वतंत्र विधा है और अनुवादक लेखक का सहयोगी रचनाकार होता है।

अनुवादक के बारे में

अनुवादकों के लिए मैं कोई फ़ायदेमंद लेखक नहीं हूँ। अनुवाद का पारिश्रमिक प्रति शब्द दिया जाता है और मेरी रचनाओं का अनुवाद करना बेहद टेढ़ी खीर है। इसलिए मैं अपने हर अनुवादक का — चाहे वो किसी भी भाषा के अनुवादक हों, चीनी हों, जर्मन हों या इतालवी भाषा के हों, सभी का हद से ज़्यादा सम्मान करती हूँ। मैं ये समझती हूँ कि इस इन्सान ने कड़ी मेहनत करने का फ़ैसला कर लिया है। बिना यह सोचे-समझे ही कि उसकी इस मेहनत का फल कैसा होगा। वो कोशिश तो कर रहा है न। मैं लोगों में इस भावना की सराहना करती हूँ कि वो हिमालय की चोटी पर चढ़ने में भी हिचकते नहीं हैं। उनकी इस बहादुरी के लिए ही मैं उनकी शुक्रगुज़ार हूँ और उनका स्वागत करती हूँ।

आप किस ऐतिहासिक पात्र से बेहद नफ़रत करती हैं ?

लेखक का काम किसी से नफ़रत करना नहीं है, ये बात तो आप भी समझते होंगे। नफ़रत किसी इन्सान को किसी दूसरे इन्सान से जुड़ने नहीं देती। और हर आदमी — लेखक के लिए एक पात्र ही होता है। उदाहरण के लिए रूसी ज़ार प्योतर प्रथम को ही ले लीजिए या फिर स्तालिन को। और क्या आप जानते हैं कि पिट्चरबूर्ग क्रांति पर खड़ा है ? पर फिर भी वो एक रोमांचक पात्र हैं, इस बात को, भले, हम किसी दूसरे ढंग से कहें, लेकिन बात वही रहेगी। मैंने आपके सामने इतिहास के पन्नों से दो पात्र पेश किए हैं। इतिहास में इन दोनों का ही बड़ा महत्व है, लेकिन लेखक के सामने सवाल ये उठता है कि इन दोनों को किस रूप में प्रस्तुत किया जाए ?

क्या आपको लगता है कि तीसरा विश्व युद्ध होगा ?

हाँ, हो क्यों नहीं सकता ? हम तो इसका अंदाज़ा भी नहीं लगा सकते कि युद्ध के हालात पैदा करना कितना आसान है। हमें यह मालूम ही नहीं है, कि कैरेबियन संकट के बाद कितनी ही बार विश्व युद्ध होते-होते बचा है। कितनी ही बार ये दुनिया बाल-बाल बची है। बस, तीन-चार गलतियाँ हो जाएँ — और युद्ध शुरू। यह सब बेहद खतरनाक है।

युद्ध के कारणों के बारे में

देखिए, नया युद्ध संसाधनों को लेकर शुरू होगा। कोई भी लड़ाई, किसी का हित साधन करती है और ये हित न मेरे हैं, न आपके, न हमारे परिवारों के, न मेरे पाठकों के, चाहे वे कहीं भी बसे हुए हों। बात ऐसी है कि किसी भी युद्ध की शुरुआत के लिए, हितों पर बहुत बड़ी चोट होनी चाहिए, और जिसके हितों पर चोट की गई है, वो खिलाड़ी भी महाखिलाड़ी होना चाहिए और उस महाखिलाड़ी के लिए हम और आप किस खेत की मूली हैं ? इसलिए खेद की बाद यह है कि मैं आशावादी नहीं, बल्कि निराशावादी हूँ। मर्दों और औरतों के बारे में

आम तौर पर ऐसा कहा जाता है कि औरतें पैसों के पीछे भागती हैं। मर्दों के लिए कहा जाता है कि सब मर्द धोखेबाज़ और मन के कच्चे होते हैं। ये सब सुनकर बड़ा गुस्सा आता है, क्योंकि ये सभी बातें सरासर झूठी हैं। मेरे ही कुनबे का उदाहरण लें। हमारे परिवार में सबकी ज़िम्मेदारियाँ बँटी हुई हैं।

हाल ही में मेरे पति कवि विताली पूखअनफ़ का ऑपरेशन हुआ था और वे अस्पताल में थे । घर पर मुझे कपड़े धोने थे, लेकिन मुझे वाशिंग मशीन तक चलाना नहीं आता । बात ये है कि परिवार में हमारे बीच काम बँट्टे हुए हैं और इस बँट्टवारे में ये नहीं देखा गया कि कौन से काम मर्दों के हैं और कौन से औरतों के । हममें से जो जिस काम को अच्छे ज़्यादा अच्छे तरीके से करता है और हममें से जिसके पास समय होता है - वो काम करता है । मेरे पति खाना बहुत अच्छा पकाते हैं, लेकिन अगर मैं ओवन में भी मुर्गा बनाऊं, तो वो भी मुझसे जल जाता है ।

मनुष्य के सबसे ज़रूरी गुणों के बारे में

मेरी नज़र में इनसान का सबसे ज़रूरी गुण है कि उसे बहादुर होना चाहिए । उसे किसी भी बात से डरना नहीं चाहिए, न मुश्किल कामों से, न बीमारी से, और न ही मौत से । जो डर गया वो मर गया यानी जो बहादुर है - वो ही आज़ाद है ।

नींबू पानी और दुर्भाग्य
लेखक: मिखाइल जोषेको

Dr. Subhash Kumar
Coordinator of Russian Language
Amity School of Languages
Amity University Haryana
subhashjnudelhi@gmail.com

लेखक परिचय: मिखाइल जोषेको (जुलाई 1895 – जुलाई 1958) एक प्रसिद्ध सोवियत लेखक और व्यंग्यकार थे। रूसी साहित्य में अन्तोन चेखव के बाद के व्यंग्यकारों में मिखाइल जोषेको का नाम अग्रणी है। जोषेको को रूसी क्रांति के बाद के दशक और सोवियत रूस के उदयकाल में अपनी कहानियों में शुष्क हास्य और भावशून्य व्यंग्य के लिए बहुत ही लोकप्रियता प्राप्त हुई। प्रस्तुत कहानियाँ 'नींबू पानी' (Лимонад) और 'दुर्भाग्य' (Беда) भी उसी समय के प्रकाशित कहानियों में से हैं। उनकी कहानियाँ छोटी लेकिन बहुत ही तीक्ष्ण व्यंग्य भरी होती थीं। उनकी लेखनी के क़ायलों में प्रसिद्ध रूसी लेखक मक्सिम गोर्की का भी नाम आता है, जिनके आग्रह पर उन्होंने नए सोवियत रूस के ऊपर कहानियाँ लिखीं। इस कहानी संग्रह का नाम 'नीली किताब' है, जिसमें उनकी कहानियों के पात्र नए सोवियत रूस के सामान्य नागरिक हैं। मिखाइल जोषेको की प्रसिद्ध कृतियों में नीली किताब (Голубая книга), लेनिन की कहानियाँ (Рассказы о Ленине), सूर्योदय से पहले (Перед восходом солнца) इत्यादि प्रमुख हैं।

Keywords: मिखाइल जोषेको, नींबू पानी, दुर्भाग्य, सोवियत लेखक, सोवियत कहानियाँ, रूसी लेखक, रूसी व्यंग्यकार

नींबू पानी

मैं शराबी बिल्कुल भी नहीं हूँ। और, अगर कभी पीता भी हूँ, तो बहुत ही कम, वो भी शालीनता या अच्छी कंपनी की खातिर।

एक बार मैं कभी भी दो बोतल से ज्यादा नहीं पी सकता। मेरा स्वास्थ्य अनुमति नहीं देता। मुझे याद है, एक बार अपने पुराने देवदूत दिवस पर (नामकरण वाले दिन) मैंने एक पऊआ गटक लिया था। लेकिन वो जवानी के दिन थे, तब मेरा दिल पूरी मजबूती से धड़कता था और दिमाग में तरह-तरह के ख्याल कुलबुलाया करते थे।

अब तो बुढ़ापा आ गया है।

हाल ही मैं मेरे एक परिचित, कॉमरेड पतीत्सिन, जो की एक सहायक पशुचिकित्सक हैं, ने मेरी जाँच की और जानते हैं, डर के मारे काँपने लगे।

उन्होंने कहा, “आपका स्वास्थ्य तो बहुत गिर गया है। कहाँ जिगर है, कहाँ मूत्राशय, पता करना भी मुश्किल है। आपकी हालत तो बहुत ही खस्ता हो गयी है।”

मैं उस सहायक पशुचिकित्सक को पीट देना चाहता था, लेकिन मैं फिर भी शांत रहा।

मैंने सोचा कि पहले किसी अच्छे डॉक्टर को दिखाकर पता कर लूँ।

डॉक्टर के जाँच करने पर, कोई खराबी नहीं दिखी। उसने कहा, “आपके सारे अंग सही हैं। आपका मूत्राशय भी ठीक है और उसमें कोई रिसाव नहीं है। जहाँ तक दिल की बात है, वह तो बहुत ही अच्छा है, यहाँ तक कि अपने आकार से बड़ा ही है, लेकिन पीना छोड़ दीजिए, अन्यथा मौत होना बहुत ही आसान सी बात है।”

मरना तो मैं बिल्कुल नहीं चाहता। मैं जीना चाहता हूँ और अभी तो मैं जवान ही हूँ। नेप (NEP= New Economic Policy= नव आर्थिक नीति) के पहले साल में मैंने 43 साल ही पूरे किए हैं। मेरा स्वास्थ्य और मेरी शक्ति अभी जोबन पर हैं। सीने में दिल भी अभी बड़ा है। बड़ी बात यह है कि मूत्राशय से कोई रिसाव भी नहीं है। ऐसे अंग के साथ तो आनंद से जीया जा सकता है। फिर भी मैंने सोचा कि मुझे पीना छोड़ देना चाहिए। तो तय किया और पीना छोड़ दिया।

अब नहीं पियूँगा, नहीं पियूँगा। एक घंटे नहीं पी, दो घंटे नहीं पी। शाम को पांच बजे मैं खाने के लिए कैटीन गया।

मैंने सूप पीया लेकिन जैसे ही भुना हुआ मांस खाने लगा तो पीने की तलब लगने लगी। मैंने सोचा, “शराब की जगह कोई सॉफ्ट ड्रिंक या फिर नींबू पानी ले लेता हूँ।” मैंने उस वेटर को आवाज़ लगायी, जिसने मेरा खाना परोसा था।

मैं बोला, “ओ घोंचू! मेरे लिए नींबू पानी भी ले कर आना।”

वो मेरे लिए एक खूबसूरत ट्रे में एक जग नींबू पानी सजा कर लाया गया। उसे मैंने छोटे गिलास में डाल लिया।

नींबू पानी पी कर मुझे लगा कि यह तो वोदका है। मैंने और डाला। हे भगवान, यह तो सचमुच में वोदका थी! बचा हुआ भी डाल लिया – यह तो असली वोदका थी।

मैं चिल्लाया, “और लेकर आओ”।

मैंने सोचा कि आखिर दौर चल ही पड़ा।

और परोसा गया।

मैंने और चखा। अब कोई शक की गुंजाइश नहीं बची थी कि यह असली वोदका नहीं है।

पैसे देते समय मैंने कहा, “अबे घोंचू! मैंने तुमसे नींबू पानी माँगा था, और तुम क्या लेकर आए?”

उसने कहा, “हमारे यहाँ तो इसे हमेशा नींबू पानी ही कहा जाता है। बहुत लंबे समय से इसे इसी नाम से पुकारते हैं। और माफ़ कीजिएगा, असली नींबू पानी तो हम रखते भी नहीं क्योंकि उसका कोई खरीददार ही नहीं है।”

“ठीक है, एक और ले आओ, बस अंतिम बार,” मैंने कहा।

और इस तरह मैं कभी शराब छोड़ नहीं सका, जबकि मेरी इच्छा बहुत ही प्रबल थी, बस सिर्फ हालात ने ही धोखा दे दिया। जैसा कि कहा जाता है – जिंदगी सिर्फ अपने नियमों से चलती है। हमें तो बस उसके इशारों पर चलना होता है।

गिनलिये प्रुदकी गाँव में येगोर इवानिच ग्लोतोव नाम का एक किसान दो साल से घोड़ा खरीदने के लिए पैसे बचा रहा था। इसके लिए उसने खाना-पीना तक कम कर दिया था, तम्बाकू छोड़ रखा था, और शराब का स्वाद तो वह बिल्कुल ही भूल चुका था। जैसे कि उस की याद को काटकर हटा दिया हो। येगोर इवानिच शराब को बिल्कुल भी याद नहीं करेगा, चाहे उसे मार ही क्यों न दिया जाए।

बोतल की याद तो, निश्चित रूप से, उसे अपनी ओर खींचती थी, लेकिन वह व्यक्ति अडिग बना रहा, क्योंकि वास्तव में, उसे एक घोड़े की जरूरत थी।

उसने सोचा, "पहले मैं एक घोड़ा खरीद लूँ और फिर शराब को हाथ लगाऊँगा। लेकिन तब तक धैर्य बनाये रखना होगा।"

दो साल तक किसान ने पाई-पाई कर पैसे जमा किए। तीसरे साल उसने पैसे गिने और खरीददारी के लिए यात्रा की तैयार करने लगा।

जाने से ठीक पहले, पड़ोस गाँव से एक किसान येगोर इवानिच के पास आया और उसने येगोर को अपना घोड़ा बेचना चाहा। लेकिन येगोर इवानिच ने इस प्रस्ताव को ठुकरा दिया। उसे थोड़ा डर भी लगा, फिर भी उसने कहा,

- क्या बोल रहे हो, चाचा! मैंने दो साल तक घास-फूस खाकर पैसे इस आस में जमा किए कि कोई अच्छा घोड़ा खरीदूँगा। और तुम बोल रहे हो कि मैं तुमसे जैसा-तैसा घोड़ा खरीद लूँ। यह तो अच्छी खरीदारी नहीं होगी... नहीं, भाई, मुझे डराओ मत। अच्छा होगा कि मैं शहर जाकर ही सही खरीददारी करूँ।

और इसलिए येगोर इवानिच शहर जाने को तैयार हो गया। उसने पैसों को कपड़े की पट्टियों में लपेटकर तलवे के नीचे बाँधा, उसके ऊपर अपने जूते चढ़ाए, छड़ी उठाई और चल दिया।

जल्द ही बाजार में येगोर इवानिच ने अपने लिए एक घोड़ा पसंद कर लिया।

यह एक साधारण खेतिहर घोड़ा था, जिसका पेट बहुत फूला हुआ था। उसका रंग भी कुछ साफ नहीं था - जैसे कि सूखी मिट्टी के साथ गोबर।

घोड़ा व्यापारी पास में ही खड़ा था और ऐसे दिखा रहा था कि उसका घोड़ा बिके या न बिके, इससे उसे कोई फर्क नहीं पड़ता।

येगोर इवानिच ने अपने पैर की उँगलियों को अपने जूते में घुमाया, पैसे की थाह ली और घोड़े को प्यार से देखते हुए कहा:

- भाई, घोड़ा तो मेरे हिसाब से यही है। बेच रहे हो क्या?

- घोड़ा? व्यापारी ने लापरवाही से पूछा। - हाँ, बेच रहा हूँ। बिल्कुल बेच रहा हूँ।

येगोर इवानिच भी दिखाना चाहता था कि उसे घोड़े की जरूरत नहीं है, लेकिन वह खुद पर काबू नहीं रख पा रहा था और मुस्कराते हुए कहने लगा:

"भाई, मुझे घोड़े की बहुत आवश्यकता है। मुझे इसकी सख्त जरूरत है। इसके लिए तो मैंने तीन साल तक घास-फूस खाकर गुजारा किया है, मेरे दोस्त। अब तुम समझ सकते हो, कि मुझे घोड़े की कितनी जरूरत है ... अच्छा, तुम्हारे घोड़े की कीमत कितनी होगी? सही-सही बताना।"

व्यापारी ने कीमत बताई, लेकिन येगोर इवानिच यह जानता था यह कीमत वास्तविक नहीं थी और यह सिर्फ मोल भाव के हिसाब से कही गयी थी, इसलिए उसने कोई बहस नहीं की। वह घोड़े की जांच करने लगा। उसने अचानक घोड़े की आँखों और कानों में फूंक मारी और आँख मारते और जीभ को ऊपरी दाँतों के पीछे लगाकर टिकटिक आवाज करते हुए, घोड़े की थूथन के सामने अपना सिर हिलाया जिससे कि अब तक शांत पड़ा हुआ घोड़ा इस हद तक डर गया कि वह येगोर इवानिच को देखे बिना ही धीरे-धीरे इधर-उधर लात चलाने लगा।

जब घोड़े की जाँच पूरी हो गई, तो येगोर इवानिच ने फिर से अपने जूते में पैसों को टटोला और व्यापारी को आँख मारते हुए कहा:

- तो, घोड़ा बेचोगे न?

"बेच सकता हूँ, अगर सही कीमत मिले तो" व्यापारी थोड़ा नाराज होते हुए बोला।

- तो ... क्या कीमत लोगे इस घोड़े की?

व्यापारी ने कीमत बताई और फिर दोनों के बीच सौदेबाजी शुरू हो गई।

येगोर इवानिच ने अपने जूते को दो बार थपथपाया। उसने दो बार जूते उतारे, पैसे निकाले और फिर दो बार जूते पहने। अपने हाथों से आँसू पोंछते हुए, उसने भगवान की कसम खाकर कहा कि वह छह साल से घास-फूस खा रहा है और उसे घोड़े की सख्त जरूरत है। व्यापारी ने कीमत थोड़ी और कम कर दी। आखिरकार कीमत तय हो गयी।

"ठीक है, ले लो", व्यापारी ने कहा। "अच्छा घोड़ा है। और देखो, अयाल कितना बड़ा है! रंग कितना सुंदर है!"

- रंग ... वो तो कुछ खास नहीं है, मेरे दोस्त। - येगोर इवानोविच ने कहा। - घोड़े का रंग तो बड़ा ही नीरस है... दाम थोड़ा और कम करो।

- तुम्हें रंग से क्या करना? व्यापारी ने कहा। - रंग से क्या खेतों में हल चलाओगे?

उसके इस तर्क से आहत हो, वह भौचक रूप से घोड़े को देखने लगा। फिर अपनी टोपी को जमीन पर पटककर, उसे अपने दोनों पैरों के बीच दबा लिया और ज़ोर से कहा:

- चलो, ठीक है!

फिर वह एक पत्थर पर बैठ गया, जूते उतार कर पैसे निकाल लिए। दुखी हो बहुत देर तक वह पैसों को गिनता रहा, फिर सिर को थोड़ी दूसरी तरफ घुमाकर उसने पैसे व्यापारी को सौंप दिये, जो उँगलियों को मोड़कर उन्हें गिनने लगा। येगोर अपने पैसे को किसी और के हाथ में जाना सहन नहीं कर सकता था।

अंततः व्यापारी ने पैसे को गिनकर अपनी टोपी में छिपा लिया और उसे बड़ी इज्जत से 'आप' संबोधित करते हुए कहा:

- ये घोड़ा अब आपका हुआ... ले जाइए...

येगोर इवानिच घोड़ा लेकर चल पड़ा। वह उसे बड़ी शान से ले जा रहा था। उसने घोड़े को पुचकारा और उसका नाम मारुस्का रखा। और जब चौक पार कर वह पास की गली में पहुँचा, तो उसे एहसास हुआ कि

उसके जीवन में कौन-सी घटना घटी थी। यह याद करते हुए कि उसने कितनी चालाकी और चतुराई से सौदेबाजी की, तो अचानक उसने अपनी टोपी उतार फेंकी और खुशी से पागल होकर उसे अपने पैरों से कुचलने लगा। फिर वह उल्लास में अपनी बाहों को लहराते और यह बुदबुदाते हुए चलने लगा:

- आखिरकार मैंने घोड़ा खरीद ही लिया। सच में, मैंने तो व्यापारी को उल्लू भी बना दिया।

जब उसका उल्लास थोड़ा कम हुआ, तो येगोर इवानिच अपनी अपनी दाढ़ी के बीच कुटिल मुस्कान बिखेरते हुए, आँखें मटकाकर राहगीरों को अपनी नायाब खरीदारी देखने को आमंत्रित करने लगा। लेकिन राहगीर उदासीनता से चले जा रहे थे।

येगोर इवानिच सोचने लगा "कम से कम कोई अपना गाँववाला ही सहानुभूति के लिए मिल जाता। काश किसी अपने गाँववाले से भेंट हो जाती।"

और तभी उसे अपने पास के गाँव का एक जान-पहचान का किसान दिखा।

"दोस्त!", येगोर इवानिच जोर से चिल्लाया, "अरे दोस्त, जरा जल्दी-जल्दी यहाँ आओ।"

वह काला आदमी बेमन उसके पास आया और बिना दुआ-सलाम के घोड़े को देखने लगा।

येगोर इवानिच ने कहा, "ये देखो, मैंने यह घोड़ा खरीदा है।"

"घोड़ा" यह न समझ आते हुए कि वह क्या पूछे, उसने कहा, "तो क्या तुम्हारे पास घोड़ा नहीं था?"

"यही तो बात है, प्यारे!", येगोर इवानिच ने कहा, "अगर मेरे पास घोड़ा होता तो मैं बकबक क्यों कर रहा होता। चलो, मैं तुम्हें दावत देता हूँ।"

"नेकी और पूछ-पूछ। चलो, चलें। लेकिन दावत में शराब तो होगी न?" मुस्कराते हुए उस किसान ने पूछा।

येगोर इवानिच ने हाँ में सिर हिलाया, अपने बूट को थपथपाकार पैसे दिखाये और घोड़े को अपने पीछे ले चल पड़ा। उसका जान-पहचानवाला आगे-आगे चल रहा था।

यह सोमवार की बात थी। और बुधवार की सुबह जब येगोर इवानिच गाँव लौट रहा था तो उसके साथ में घोड़ा नहीं था। वह काला आदमी येगोर इवानिच को जर्मन बस्ती तक छोड़ने आया।

"तुम दुखी मत हो।" उस आदमी ने कहा। "तुम्हारे पास कोई घोड़ा नहीं था और वैसे भी यह तो घोड़ा था भी नहीं। दारू का जश्न हुआ, ये एक बात हुई। मजा आ गया, भाई। ये यादगार चीज हुई।"

येगोर इवानिच बलगम थूकते हुए चुपचाप चला जा रहा था।

और वह जान-पहचानवाला जब बस्ती के पास पहुँचकर विदा लेने लगा, तो येगोर इवानिच ने धीरे से कहा, "भाई, मैं दो सालों से घास-फूस खाकर गुजारा कर रहा था... सब बेकार..."

उस आदमी ने गुस्से में हाथ हिलाया और वापस जाने लगा।

"रुक जाओ!" येगोर इवानिच बहुत ही डरावनी आवाज में चिल्लाया। "मेरे भाई, जरा रुक जाओ।"

"अब क्या हुआ?", उस आदमी ने सख्ती से पूछा।

येगोर इवानिच ने अपनी पलकें झपकाते हुए कहा, "मेरे प्यारे भाई! आखिर ऐसा क्यों? बेकार में ही मैं दो सालों तक घास-फूस खाकर गुजारा कर रहा था... आखिर किसलिए... आखिर किसलिए... वे शराब बेचते हैं?"

आदमी ने हाथ हिलाया और शहर की ओर चल पड़ा।

1923

अनुक्रमणिका:

Зощенко, М., Голубая книга. Избранное в двух томах, т-2. Художественная литература: Ленинград. 1978.

<https://www.culture.ru/persons/9974/mikhail-zoshenko> checked on 29/06/2020 12:22 PM
Kumar, Subhash. Translation of the Stories of M. Zoshchenko from Russian into Hindi and Analysis of the Problems encountered in Translation. Submitted for M. Phil. Dissertation: Jawaharlal Nehru University. New Delhi. July, 2013
<https://nukadeti.ru/skazki/zoshhenko-beda> checked on 29/04/2023

अंतोन चेखव की कहानी पपाशा का हिंदी में अनुवाद

Dr. Yogesh Kumar Rai

Assistant Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS,
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
rajnu@hotmail.com

Shambhavi

Centre of Russian Studies, SLL&CS,
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
shambhavijha87@gmail.com

सार संक्षेप: अंतोन चेखव 19वीं सदी के महानतम उपन्यासकारों में से एक हैं। उनका जन्म 1860 में रूस के तगनरोग नामक कस्बे में हुआ था। चेखव की कहानियों के विभिन्न पात्र रूसी जीवन की पूरी तस्वीर प्रस्तुत करते नजर आते हैं। प्रस्तुत लेख अंतोन चेखव की लघु-कथा 'पपाशा' (रूसी-Папаша, हिंदी- पापा) का हिंदी अनुवाद है। यह लघु-कथा, पहली बार जून 1880 में कला और हास्य प्रकाशन स्ट्रेकोज़ा (ड्रेगनफ्लाई) में प्रकाशित हुई थी। लघुकथा वर्तमान में "प्रेक, द बेस्ट ऑफ यंग चेखव" पुस्तक में उपलब्ध है। कहानी की शुरुआत एक पिता और माँ की अपने 15 वर्षीय बच्चे के बारे में चर्चा के साथ होती है। अपनी कथा के पात्रों के माध्यम से लेखक ने उस समय रूसी समाज में व्याप्त भ्रष्टाचार को बहुत ही कलात्मक और हास्यपूर्ण ढंग से चित्रित किया है। चेखव एक उत्कृष्ट लेखक हैं जो लगभग कुछ भी जीवंत कर सकते हैं।

मुख्य शब्द: अंतोन चेखव, पपाशा, हास्यपूर्ण ढंग, चेखव, चेखव की रचना, व्यंग

पापा

जलपरी से पतली काया वाली प्यारी माँ ने मोटे थुलथुले पापा के कार्यालय में प्रवेश किया और खॉसन का नाटक किया। जैसे ही वह अंदर आई, नौकरानी पिता की गोद से उछलकर परदे के पीछे छिप गई; माँ ने इस पर ज़रा भी ध्यान नहीं दिया, क्योंकि वह अपने पति की ओछी हरकतों की अभ्यस्त थी और एक समझदार पत्नी की तरह अपने पति को देखती और समझती थी।

- "प्यारे गोलू", माँ ने पिता की गोद में बैठते हुए कहा, "प्रिय, मैं तुमसे जरूरी बात करने आई थी। अपने होठों को पोंछो, मैं तुम्हें चूमना चाहती हूँ।"

पापा ने अपनी पलकें झपकाईं और अपनी आस्तीन से अपने होंठ पोंछ लिए।

-बताओ, तुम क्या चाहती हो? - पापा ने पूछा।

-बताओ क्या,... हम अपने बेटे के साथ क्या करें?

-क्या हुआ उसे?

-तुम्हें नहीं पता? हे भगवान! आप सभी पिता कितने लापरवाह हैं! यह बहुत बुरी बात है! प्यारे गोलू, अगर तुम एक अच्छे पति नहीं बन सकते तो कम से कम एक अच्छे पिता तो बनो।

- फिर से वही पुरानी बातें शुरू मत करो! मैं यह बात हजार बार सुन चुका हूँ!

पापा ने चिढ़ते हुए उसे झटक दिया और मां पिता की गोद से गिरते-गिरते बची।

- तुम सब मर्द ऐसे ही हो, तुम लोगों को सच बर्दाश्त ही नहीं होता।

-यहां तुम हमारे बेटे के विषय में बात करने आई हो या मेरा सच बताने?

- ठीक है, ठीक है,... प्यारे गोलू, हमारे बेटे को गणित में फिर से खराब अंक आए हैं।

- हाँ, तो क्या?

- तो क्या का क्या मतलब? उसे परीक्षा नहीं देने देंगे! वह पास होकर चौथी कक्षा में नहीं जा पायेगा!

- ना पास करें। यह कोई बड़ी बात नहीं है। जब तक वह पढ़ रहा है और घर पर उपद्रव नहीं कर रहा, तब तक सब ठीक है।

- लेकिन, वह पंद्रह साल का हो चुका है! जरा सोचो, क्या इस उम्र में तीसरी कक्षा में होना सही है, उस बेवकूफ गणित के शिक्षक ने उसे फिर से फेल कर दिया...आखिर ये क्या है?

- मुझे लगता है उसे पिटाई लगनी चाहिए।

माँ ने अपनी पतली सुंदर उंगली को पिता के मोटे होठों पर घुमाया, और उसने सोचा कि वह उनकी भौंहों को सहला रही है।

- नहीं, प्यारे गोलू, उसको पीटने के लिए मत बोलना ... इसमें हमारे बेटे की कोई गलती नहीं है। यह एक साज़िश है। विनम्र होने की जरूरत नहीं है, हमारे बेटे की योग्यता को देखते हुए यह कह पाना बिल्कुल गलत है कि उसे साधारण अंकगणित नहीं आते होंगे। मुझे हमारे बेटे पर पूरा भरोसा है!

- वह बहुत चालू है, बस! अगर वह उधम मचाने के बजाय पढ़ाई करता तो ... तुम कुर्सी पर क्यों नहीं बैठ जाती, मेरी अम्मा? मुझे लगता है कि तुम मेरी गोद में इतने आराम से नहीं बैठ पा रही हो।

माँ पापा की गोद से उठी और इठलाते हुए कुर्सी की ओर गई।

- हे भगवान, क्या बेरुखी है! - वह भुनभुनाते हुए बैठी और आंखें बंद कर लीं। - नहीं, तुम अपने बेटे से प्यार नहीं करते! हमारा बेटा इतना अच्छा, इतना तेज, इतना सुंदर है... साज़िश, सब साज़िश है! उसे एक और साल पीछे नहीं रखा जाना चाहिए! मैं ऐसा नहीं होने दूंगी!

-ऐसा ही होगा, अगर वह बदमाश अच्छे से नहीं पढ़ेगा ... आह, तुम मां लोग भी ना! ... ठीक है, भगवान के लिए जाओ,... मुझे कुछ काम है।

पापा टेबल की ओर मुड़े, कागज के एक पर्चे की ओर झुके, और उसी सावधानी से पर्दे की तरफ देखा, जैसे एक कुत्ता अपने प्लेट को लेकर सशंकित रहता है।

- "नहीं, मैं यहां से नहीं जाने वाली। मैं नहीं जाऊँगी... मुझे पता है कि मैं एक बोज़ हूँ, लेकिन तुमको मुझे झेलना होगा। तुम, गणित के शिक्षक के पास जाओ और उनसे कहो कि हमारे बेटे को अच्छे अंक दें। उन्हें बताओ कि हमारा बेटा गणित में अच्छा है लेकिन उसकी तबीयत ठीक नहीं है। इसलिए वह हर किसी को खुश नहीं कर सकता! तुम शिक्षक के ऊपर दबाव डालो! क्या इतने बड़े लड़के को तीसरी कक्षा

में होना चाहिए? तुम अपनी तरफ से पूरी कोशिश करो, प्यारे गोलू! क्या आप जानते हैं कि सोफिया निकोलेवन्ना को लगता है कि हमारा बेटा राजकुमार है?

- मुझे भी सुनकर अच्छा लग रहा है, लेकिन मैं नहीं जा रहा हूँ! मेरे पास इधर-उधर भटकने का समय नहीं है।

- नहीं, तुम्हें जाना होगा।

- मैं नहीं जाऊंगा... यह बात पक्की है... भगवान के लिए तुम यहाँ से जाओ, महारानी... मुझे यहाँ कुछ काम है...

"तुम जाओगे!"

माँ खड़ी हुई और चिल्लाकर बोलीं।

-मैं नहीं जाऊंगा!"

- तुम्हें जाना होगा!!! - माँ चिल्लाई। - और यदि तुम नहीं गए, तो तुम अपने इकलौते बेटे पर जरा सी भी दया नहीं करोगे,...

माँ चिल्लायी और अत्यंत गुस्से में पर्दे की ओर इशारा किया ... पापा सन्न और हक्के-बक्के रह गए, बेमतलब ही गीत गुनगुनाने लगे, और अपना ओवरकोट उतार कर फेंक दिया ... जब भी माँ पर्दों की ओर इशारा करती थीं तो वे हमेशा होश खो बैठते थे और स्तब्ध हो जाते थे। उन्होंने उम्मीद छोड़ दी बेटे को अंदर बुलाया गया और उसे बोलने को कहा गया। उसने कहा कि वह खुद शिक्षक से बेहतर अंकगणित जानता है, और यह उसकी गलती नहीं थी कि इस दुनिया में केवल लड़कियों को, अमीर आदमियों को और चापलूसों को ही अच्छे अंक आते हैं। बेटा फूट-फूट कर रो पड़ा और उसने गणित के शिक्षक का पूरा पता बताया। पिता ने अपनी दाढ़ी बनायीं, अपने गंजे सिर पर कंधी की, अच्छे कपड़े पहने, और "अपने इकलौते बेटे पर दया करने के लिए" निकल गए।

पापा अधिकांश पिताओं की तरह अघोषित रूप से गणित के शिक्षक के पास चले गए। जब आप बिन बताए प्रवेश करते हैं तो आप अजीब-अजीब चीजें सुनते और देखते हैं! उन्होंने शिक्षक को अपनी पत्नी से कहते हुए सुना, "तुमने मुझे बर्बाद कर दिया है, अरिआदना! तुम्हारी सनक का कोई अंत नहीं है!" उन्होंने शिक्षक की पत्नी को शिक्षक को गले लगाते हुए देखा, शिक्षक की पत्नी ने कहा, "मुझे माफ कर दो! मुझे पता है मैंने तुम्हारे लिए कुछ भी नहीं किया है, लेकिन तुम मेरे लिए सब कुछ हो!" पापा को शिक्षिका उस रूप में अत्यंत आकर्षक लगी, पूर्ण सजे परिधान में भी वह शायद इतनी आकर्षक नहीं लगती। ढीठ की तरह अंदर घुसते हुए पापा ने कहा "नमस्ते"। शिक्षक अवाक रह गया। शिक्षिका शरमाती हुई बिजली की गति से दूसरे कमरे में चली गई। "क्षमा करें," पापा ने हल्की मुस्कान के साथ शुरू किया, "हो सकता है, मैंने आपको परेशान कर दिया। मैं समझ सकता हूँ। कैसे हैं आप? क्या मैं अपना परिचय दे सकता हूँ? यह मेरा कार्ड है। जैसा कि आप देख सकते हैं, मैं सिर्फ एक मामूली आदमी नहीं हूँ। बल्कि, आपकी तरह ही एक मेहनती कर्मचारी हूँ।" पापा जोर से हँसे। "वैसे आपको परेशान होने की कोई जरूरत नहीं है, बिल्कुल भी नहीं।"

शिक्षक शिष्टता में हल्का मुस्कराये, और कुर्सी की ओर इशारा किया। पापा घूमे और बैठ गए।

पापा ने अपनी सुनहरी घड़ी चमकाते हुए बात आगे बढ़ायी - "मैं आपसे बात करने के लिए आया था, श्रीमान। हां। बेशक, आपको मुझे माफ करना होगा। मैं कोई कुशल वक्ता नहीं हूँ। मेरी तरह के लोग सीधा और स्पष्ट बोलते हैं।" पापा हंसे। "क्या आप विश्वविद्यालय गए थे?"

- हां, गया था।

- "सही! आज गर्मी है। इवान फेदरोविच, आपने मेरे लड़के को फेल कर दिया है। जो की ठीक है। जो जैसा बोता है वैसा ही काटता है। पापा हंसे। "फिर भी, यह दुखद है। क्या आपके कहने का मतलब यह है कि मेरा बेटा वास्तव में गणित नहीं समझता है?"

- मैं आपको कैसे बताऊं? वह इतना बुरा नहीं है, लेकिन, क्या आप जानते हैं, वह पढ़ाई नहीं करता है। हाँ, वह पढ़ाई में बुरा है।

- वह इसमें बुरा क्यों है?

शिक्षक ने घूर कर देखा।

- क्या क्यों? - शिक्षक बोले। - क्योंकि वह कुछ नहीं जानता है और पढ़ता भी नहीं है।

- दया कीजिए, इवान फेदरोविच! मेरा बेटा बहुत अच्छे से पढ़ रहा है! मैं उसे खुद पढ़ाता हूँ... वह रात-रात भर पढ़ता है... वह सब कुछ अच्छी तरह समझता है... और क्या होगा अगर वह इसमें अच्छा नहीं है... वह जवान है... हम में से कौन जवान नहीं रहा है? कहीं मैंने आपको परेशान तो नहीं किया?

"नहीं, ऐसा नहीं है? मैं तो आपका आभारी हूँ। पिता शायद ही कभी हम शिक्षकों के पास आते हैं। यह दिखाता है कि आप हम पर भरोसा करते हैं, और विश्वास ही हर चीज की कुंजी है।"

- बिल्कुल...दखल नहीं देते हैं। इसका मतलब है कि मेरा बेटा चौथी कक्षा में नहीं जाएगा?"

- जी। क्योंकि वह सिर्फ गणित में ही फेल नहीं है।

- "मैं उसके अन्य शिक्षकों से भी मिल सकता हूँ। हा! हा! हा! लेकिन गणित का क्या? क्या आप कुछ कर सकते हैं?"

- मैं नहीं कर सकता, सर!" (शिक्षक मुस्कराये) "मैं नहीं कर सकता! मैं चाहता था कि आपका बेटा पास हो जाए। मैंने अपनी तरफ से पूरी कोशिश की, लेकिन आपका बेटा पढ़ाई नहीं करता और बेशर्मी से बात करता है। वह बार-बार मुसीबत में पड़ जाता है।

- यह युवावस्था है, क्या किया जाए? बस कम से कम आप उसे पास कर दीजिये।

- मैं नहीं कर सकता!

- "ओह, अब चलो भी, यह कुछ भी नहीं है! क्या कह रहे हैं आप? जैसे कि मुझे नहीं पता कि क्या किया जा सकता है और क्या नहीं। बेशक, आप कर सकते हैं इवान फेदरोविच!

- "मैं नहीं कर सकता! क्या कहेंगे दूसरे छात्र, जो फेल हो गए हैं! यह उचित नहीं है, चाहे आप इसे कैसे भी देखें। नहीं, मैं नहीं कर सकता!"

पापा ने आँख मारते हुए कहा।

- आप कर सकते हैं, इवान फिदोरीच! इवान फिदोरीच! चलो लंबी बात नहीं करते हैं! यह ऐसी बात नहीं की हमें इसके बारे में तीन घंटे बात करनी पड़े ... मुझे बताइए, आपको क्या उचित लगता है? आखिरकार हमें पता है कि आपका न्याय क्या है। हे हे हे! स्पष्ट रूप से बोलो, इवान फेदोरीच, बिना किसी संकोच के! आपने उसे जानबूझ कर फेल किया ना ... इसमें न्याय कहां है?

शिक्षक ने अपनी आँखे बड़ी कर ली और... सिर्फ; पर वह नाराज क्यों नहीं हुए शिक्षक का यह रहस्य हमेशा के लिए रहस्य बना रहेगा।

पापा ने आगे कहा, "आपको कुछ आशा थी"। "आप एक अतिथि की प्रतीक्षा कर रहे थे।" वे हंसे। "सही? और मैं यहाँ हूँ! हाथ कंगन को आरसी क्या। जैसा कि आप देख सकते हैं, मैं इस बारे में सब कुछ समझता हूँ कि सरकारी सेवा में होने का क्या अर्थ है। आप प्रगति में कितना भी विश्वास करें, पुराने तरीके ही सबसे अच्छे और प्रभावी हैं। अच्छा सुनिए, जो मेरा है वह आपका है!"

जोर-जोर से सांस लेते हुए पापा ने अपना बटवा निकाला और उसमें से पच्चीस रूबल का नोट शिक्षक की ओर बढ़ा दिया।

- ये लीजिये!

शिक्षक गुस्से से लाल हो गए और.....सिर्फ। उन्होंने पापा को बाहर का रास्ता क्यों नहीं दिखाया, यह रहस्य मेरे लिए हमेशा के लिए बना रहेगा।

- आप, पापा ने आगे कहा, - शर्मिदा मत हों.....मैं समझता हूँ.....जो लोग कहते हैं कि वो घूस नहीं लेते- वो लोग ही सबसे ज्यादा घूस लेते हैं.....और आजकल कौन घूस नहीं ले रहा है? मेरे दोस्त, इसे अस्वीकार करना नामुमकिन है। अभी तक आपने घूस नहीं लिया है? अब रहने भी दीजिए!

- नहीं, भगवान के लिए नहीं.....

- कम है? पर, इससे ज्यादा मैं दे नहीं सकता.... आप क्यों नहीं ले रहे?

- बस भी कीजिये!.....

- जैसी आपकी इच्छा लेकिन आपको पास तो करना पड़ेगा। मेरी खातिर ना सही, पर उसकी माँ के वास्ते। वह रो रही है, क्या आपको पता हैउसे दिल की घबराहट है और दूसरी कई चीजें।

- मुझे आपकी पत्नी से सहानुभूति है पर यह मैं नहीं कर सकता।

- अगर हमारा बेटा चौथी कक्षा में नहीं आया, तो..... तो क्या होगा? म्म्मम्म..... नहीं, आपको करना होगा!

- मुझे खुशी होती, पर यह मैं नहीं कर सकता..... क्या आप सिगरेट लेंगे?

- बहुत बहुत धन्यवाद आखिर पास करने में दिक्कत क्या है वैसे आप किस रैंक पर हैं?

- उपाधि धारी... हालांकि, रैंक VIII के अनुसार। हम्म!...

- समझा! अब हम दोनों कि मित्रता होनी तय है और वो भी कलम के सिर्फ एक झटके से, आह? हे हे!

- मैं नहीं कर सकता, नहीं कर सकता!

पापा कुछ देर चुप रहे, कुछ सोचा और फिर से श्रीमान शिक्षक पर धावा बोल दिया। यह काफी देर तक चलता रहा। शिक्षक को अपने अडिग निर्णय "मैं नहीं कर सकता" को लगभग बीस बार दोहराना पड़ा। अंत में पिताजी शिक्षक से तंग आ गए और अधिक असहनीय हो गए। पिताजी ने शिक्षक को चूमना शुरू कर दिया, शिक्षक से अंकगणित में अपनी परीक्षा लेने के लिए कहा, उसे कुछ अश्लील चुटकुले सुनाए, और छेड़खानी करने लगे। शिक्षक अंदर तक सिहर गया।

- वान्या, तुम्हारे जाने का समय हो गया है! - शिक्षिका दूसरे कमरे से ज़ोर से चिल्लाई। पापा समझ गए कि क्या हो रहा है। अपने छोटे मगर चौड़े कद-काठी से उन्होंने शिक्षक के निकलने का रास्ता रोक

दिया। पस्त हुए शिक्षक ने रिरियाना शुरू कर दिया। अंत में उसे लगा कि उसने सबसे सरल उपाय सोच लिया है।

- तो बात यह है, - शिक्षक ने पिता से कहा। - मैं तुम्हारे बेटे के वार्षिक अंक तभी सही कर पाऊंगा जब मेरे दूसरे साथी उसे अपने विषयों में पास कर देंगे।

- सच में?

- हाँ, अगर वे करेंगे तो मैं करूँगा।

- मैं सहमत हूँ! हाथ मिलाइये! आपमें कुछ बात तो है! मैं उन्हें बताऊंगा कि आपने उसे पहले ही पास कर दिया है। मैं आपको शैंपेन की एक बोतल भेंट स्वरूप दूँगा। वे लोग घर पर कब मिलेंगे?

- अभी ही देख लीजिए।

- ठीक है। और आज से आप और मैं दोस्त हुए, है ना? क्या आप कभी घंटे-दो घंटे के लिए घर पर आना चाहेंगे?

- बिलकुल, खुशी से। भगवान आपका भला करें।

- अलविदा! फिर मिलेंगे! हे हे हे हे हे! अलविदा!

और निश्चित रूप से मैं आपके सहयोगियों को आपकी शुभकामनाएं व्यक्त करूँगा! आपकी पत्नी को मेरे तरफ से नमस्कार।... आना न भूलें!

पापा घूमे, अपनी टोपी पहनी और चल दिए।

“अच्छा आदमी है, शिक्षक ने पापा को जाते हुए देखकर सोचा। - "जो उसके दिल में है वही उसकी जुबान पर भी है। सीधा और दयालु, ... मुझे ऐसे लोग पसंद हैं।

उसी शाम, माँ फिर से पिता की गोद में बैठ गई (और उसके बाद नौकरानी बैठी)। पापा ने उन्हें भरोसा दिलाया कि "हमारा बेटा" पास कर जाएगा, और यह भी बताया कि आप विद्वानों को पैसे से नहीं मना सकते, बल्कि सही व्यवहार से और जरा सी धमकी से।

दो जर्मीदार
इवान सिरगेयेविच तुरगेनेव

अनुवादक:

डॉ.विनय कुमार अम्बेदकर
सहायक प्राध्यापक, रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
vinay.ambekar@gmail.com

उज्ज्वल कुमार विद्यार्थी
शोधार्थी, रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
vidyarthi131097@gmail.com

चंदन कुमार
शोधार्थी, रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
kumarchandan0088@gmail.com

लेखक परिचय: इवान सिरगेयेविच तुरगेनेव का जन्म 9 नवम्बर 1818 को पश्चिमी रूस के अर्योल शहर के एक कुलीन घराने में हुआ था, जो कि अपने साहित्यिक धरोहर के लिए जाना जाता है। उन्होंने रूसी उपन्यास, लघु कथा लेखन, कविता, नाटक, अनुवाद, आदि विधाओं में ख्याति प्राप्त की थी। प्रारंभिक शिक्षा के उपरांत उन्होंने मॉस्को विश्वविद्यालय में एक वर्ष तक अध्ययन किया। उसके बाद वे सेंट पीटर्सबर्ग विश्वविद्यालय चले गए, जहाँ उन्होंने 1834-1837 तक रूसी साहित्य, भाषा शास्त्र के साथ साथ रूसी आदर्श कृतियों का भी अध्ययन किया।

उनकी पहली प्रमुख कृति “एक शिकारी की डायरी” (*Записки охотника – जापिसकी अखोतनिका*) थी, जो कि एक कहानी-संग्रह है। यह 19 वीं सदी के रूसी यथार्थवाद में मौलिक पत्थर साबित हुई। इस कहानी-संग्रह में उन्होंने अपनी अर्योल शहर के दूर-दराज के इलाकों में यात्रा के दौरान रूसी किसानों की जीवन – खास तौर पर दास प्रथा (*Крепостничество – क्रेपस्तनीचेस्त्वो*) एवं पश्चिमी रूस की प्राकृतिक सुंदरता से अवगत कराया है। “दो जर्मीदार” इस कहानी-संग्रह की एक कहानी है। यह कहानी दो जर्मीदारों के बारे में है, जिनकी सोच एक-दूसरे से मेल नहीं खाते हैं।

मुख्य शब्द: रूसी, साहित्य, अनुवाद, हिन्दी, शिकारी और जर्मीदार

दयालु पाठकों, अपने कई पड़ोसियों से आपका परिचय कराने का सम्मान मुझे पहले ही मिल चुका है; अब अगर आपकी इजाजत हो तो, यह अनुकूल अवसर देखकर (वैसे तो हम लेखकों के लिए हर अवसर अनुकूल होता है), मैं दो और जर्मीदारों से आपका परिचय करा दूँ, जिनके इलाके में मैं अक्सर शिकार के लिए जाता था, जो बहुत ही सम्मानित और निष्ठावान व्यक्ति हैं और कई जिलों में लोग उनका आदर-सम्मान करते हैं।

सबसे पहले में आपको सेवानिवृत्त मेजर जनरल व्याचेस्लाव इलारियोनोविच ख्वालित्स्की के बारे में बताता हूं। एक लम्बे और सुडौल आदमी की कल्पना कीजिये, जो पहले कभी पतला हुआ करता था, वैसे तो वह बड़े उम्र का आदमी है, लेकिन बिल्कुल बूढ़ा भी नहीं है, और बुजुर्ग भी नहीं है, जैसा कि कहते हैं, वह अभी भी जवान मालूम पड़ता है। यह सच है कि उसका चेहरा, जो कभी आकर्षक हुआ करता था और अपेक्षाकृत अभी भी सुंदर है, अब कुछ बदल गया है, उसके गाल गुलगुला गए हैं, उसके आंखों के आस-पास महीन झुर्रियां किरणों की तरह नजर आने लगी हैं, और पुरिकन के कथनानुसार, जैसा कि सादी कहा करता था - कुछ दांत टूट चुके हैं, उसके हल्के सुनहरे बाल, कम से कम, जो कुछ भी अब बचा है, बेंगनी रंग के नजर आने लगे हैं, यह उस मसाले का असर है जिसे उसने रोमानी घोड़े के मेले में एक यहूदी से खरीदा था, जो अपने आप को अर्मेनियाई बताता था; लेकिन व्याचेस्लाव इलारियोनोविच निर्भीकता से बोलता है, जोर से हंसता है, उत्साह से झूमता है, अपनी मूंछें ऐंठता है और अंत में खुद को एक बूढ़ा घुड़सवार कहता है, जबकि हम सभी यह जानते हैं कि असल में बूढ़े लोग अपने आप को बूढ़ा नहीं कहते हैं। वह आमतौर पर एक फ्रॉक कोट पहनता है, जिसमें ऊपर तक बटन होता है, सफ़ेद कॉलर के साथ एक ऊंची टाई और एक सैन्य किस्म के चमक वाले भूरे रंग के पतलून; वह अपने सिर पर झुकी हुई टोपी पहनता है, जिससे उसके सिर का पिछला हिस्सा खुला रहता है। वह बहुत दयालु व्यक्ति है, लेकिन बहुत ही अजीब अवधारणाओं और आदतों वाला है। उदाहरण के लिए, उन लोगों के साथ वह कभी भी बराबरी का व्यवहार नहीं कर सकता, जो अमीर या हैसियत वाले नहीं हैं। उनसे बात करते हुए आमतौर पर वह उन पर बगल से नजर डालता है, और उसका कड़ा और सफ़ेद कॉलर उसके गाल में गड़ने लगता है, या वह अचानक मुड़ता है और उन्हें एक स्पष्ट एकटक नजर से देखता है, रुकता है और अपने माथे की पूरी त्वचा के साथ अपनी भौंहें उठाता है; यहां तक कि जब वह उनसे बात करता है, तो बहुत से शब्दों का उच्चारण करने का उसका अपना एक अलग तरीका होता है, उदाहरण के लिए, वह सीधे-सीधे कभी नहीं कहता: "धन्यवाद, पावेल वासिलिच", या: "यहां आओ, मिखाइल इवानिच", बल्कि हमेशा यही कहता है: "धन्यवाद, पाल असिलिच", या: "यहां आओ, मिखल वानिच"। वह समाज के निचले स्तर के लोगों के साथ और भी अजनबी व्यवहार करता है: वह उनकी ओर बिल्कुल भी नहीं देखता है और उन्हें अपनी इच्छा बताने या आदेश देने से पहले, वह कई बार एक व्यस्त और खोये हुए अंदाज में लगातार कई बार दोहराता है: "क्या नाम है तुम्हारा?... क्या नाम है तुम्हारा?", पहले शब्द "क्या" पर असाधारण रूप से अधिक जोर देने के साथ बाकी का उच्चारण बहुत जल्दी करता है, जिससे ऐसा प्रतीत होता है, मानो वो बेवजह कौवे की भाँति काँव-काँव कर रहा हो। वह संकटमोचक और भयानक रूप से गांठ का पक्का है, लेकिन वह अपनी जागीर का ठीक से बंदोबस्त नहीं करता है: उसने एक सेवानिवृत्त हवलदार को अपने प्रबंधक के रूप में रखा था जो कद-काठी में छोटा और असामान्य रूप से मुख था। हालांकि, उसके जागीर के बंदोबस्त में अभी तक किसी ने भी सेंट पीटर्सबर्ग के एक महानुभाव अधिकारी को पछाड़ नहीं पाया है, जिसने अपने प्रबंधकों के रिपोर्टों से देखा कि उसके खलिहान में अक्सर आग लग जाती है, जिससे बहुत सारा अनाज बर्बाद हो जाता है, - उसने सख्त आदेश दिया कि जब तक आग पूरी तरह से बुझ न जाए, तब तक खलिहान में ढेर न लगाएं। उसी महान व्यक्ति ने अपने सभी खेतों में अफीम लगाने का फैसला किया, जाहिर तौर पर सरल गणना के परिणामस्वरूप: कहा जाता है कि अफीम राई की तुलना में अधिक मंहगा होता है, इसलिए अफीम की

खेती अधिक लाभदायक है। उसने अपने कामगार किसान महिलाओं को सेंट पीटर्सबर्ग से प्राप्त हुए नमूने के आधार पर पुरानी टोपी पहनने का भी आदेश दिया था; और वास्तव में आज तक उसकी जमीन पर किसान महिलाएं वह पुरानी टोपी पहनती हैं... केवल वे उन्हें अपने रुमाल के ऊपर पहनती हैं... लेकिन उन्हें छोड़िये, हम व्याचेस्लाव इलारियोनोविच पर वापस आते हैं। व्याचेस्लाव इलारियोनोविच को निष्पक्ष काम-क्रिया का शौक है और जैसे ही वह किसी सुंदर स्त्री को अपने जिले के शहर की सड़क पर चलते हुए देखता है, वह तुरंत उसका पीछा करता है, लेकिन वह जल्द लड़खड़ाने लगता है - यह एक अद्भुत स्थिति है। उसे केवल समाज के निचले स्तर के लोगों के साथ ताश खेलने का शौक है; ताकि वे उसे महामहिम कहते रहे, और यह वह है, जो उन्हें धक्का देता है और डांटता है, जितना उसका दिल चाहता है। जब वह एक राज्यपाल या किसी अधिकारी के साथ खेलता है, तो उसमें एक अद्भुत परिवर्तन दिखाई देता है: वह मुस्कुराता है, अपना सिर हिलाता है और उनकी आंखों में देखता है - वह सकारात्मक रूप से शहद की तरह रिसता हुआ प्रतीत होता है। यहां तक कि जब वह हारता है, तो शिकायत भी नहीं करता है। व्याचेस्लाव इलारियोनोविच पढ़ाई से ज्यादा वास्ता नहीं रखता है, और पढ़ते समय वह लगातार अपनी मूँछें और भौंहें को हिलाता है, पहले अपनी मूँछों से, फिर अपनी भौंहों से जैसे कि कोई लहर नीचे से ऊपर की ओर उसके चेहरे पर हिलोरें ले रही हो। व्याचेस्लाव इलारियोनोविच के चेहरे पर यह लहर जैसा गति विशेष रूप से उस समय उभरा हुआ नजर आता है, जब वह (मेहमानों के साथ निश्चित रूप से) "पत्रिका डेस डिबेट्स" के मानकों को पढ़ रहा होता है। चुनावों में वह एक महत्वपूर्ण भूमिका निभाता है, लेकिन कंजूसी के कारण वह नेता की मानद उपाधि से इनकार करता है। "सज्जनों, वह उन रईसों से कहते हैं, जो आमतौर पर उसके पास आते हैं और दयालुता एवं स्वतंत्रता से भरे स्वर में बोलते हैं - मैं इस सम्मान के लिए बहुत आभारी हूँ; लेकिन मैंने अपना बाकी समय एकांतवास में व्यतीत करने का फैसला किया है।" और इन शब्दों को कहकर वह अपने सिर को कई बार दाईं और बाईं ओर घुमाता है और फिर गरिमा के साथ अपनी ठुंडी और गाल को टाई पर रखता है। अपनी युवावस्था में वह किसी महत्वपूर्ण व्यक्ति का सहायक था, और अब उस आदमी की जब भी चर्चा करता है तो उसका पूरा नाम लेकर; लोगों का कहना है कि उसने एक से अधिक कर्तव्यों का पालन किया, उदहारण के लिए, पूरी पोशाक पहनकर और यहां तक कि हुक बांधकर उसने स्नानघर में अपने प्रमुख की पीठ साफ करता था, लेकिन लोगों की हर अफवाह पर भरोसा नहीं किया जा सकता है। हालांकि जनरल खवालिंस्की खुद अपने जीवन के बारे में बात करना पसंद नहीं करते हैं, जो आमतौर पर काफी अजीब बात है: ऐसा लगता है कि उन्हें युद्ध में जाने का कभी अवसर नहीं मिला। जनरल खवालिंस्की एक छोटे से घर में अकेले रहते हैं; उन्होंने अपने जीवन में वैवाहिक सुख का अनुभव नहीं किया है और इसलिए उन्हें अभी भी एक अच्छा दूल्हा माना जाता है और यहां तक कि एक बहुत ही योग्य वर माना जाता है। लेकिन उसकी एक नौकरानी है, जिसकी उम्र लगभग पैंतालीस साल है, जो काली आंखों वाली, काली भौंहों वाली, मोटी-ताज़ी और मूँछों वाली है, सप्ताह के दिनों में भी वह कलफदार कपड़े पहनती है और रविवार को वह मलमल के कपड़े पहनती है। व्याचेस्लाव इलारियोनोविच राज्यपालों और अन्य अधिकारियों के सम्मान में जमींदारों द्वारा दी जाने वाली बड़ी रात्रिभोज-सम्मेलन में काफी अच्छे हैं: यहां कोई भी कह सकता है कि ऐसे मौकों पर वह पूरी तरह से अपने प्राकृतिक रंग में

होता है। इन अवसरों पर वह आमतौर पर, यदि राज्यपाल के दाहिनी ओर नहीं, तो कम से कम उनसे अधिक दूरी पर नहीं बैठता है; रात के खाने की शुरुआत में वह अपने आत्मसम्मान का अधिक पालन करता है और अपनी कुर्सी पर वापस बैठकर बिना सिर घुमाए मेहमानों की गर्दन और खड़े कॉलर के साथ साथ नीचे की तरफ देखता है, लेकिन भोजन के अंत में वह खुश हो जाता है, सभी लोगों की तरफ देखकर मुस्कुराना शुरू कर देता है (वह रात के खाने की शुरुआत में राज्यपाल की तरफ देखकर मुस्कुराता है) और कभी-कभी उनके अनुसार वह निष्पक्ष काम क्रिया के सम्मान में हमारे धरती की सजावट के लिए एक सेकी हुई रोटी भी प्रदान करता है। जनरल खवालिंस्की का सितारा सभी गंभीर और सार्वजनिक समारोहों, परीक्षणों, सभाओं और प्रदर्शनियों में भी बुलंद रहता है; चर्च में कोई भी उसके तरह की शैली के साथ आशीर्वाद के लिए नहीं जाता है। यात्राओं, चौराहा और इस तरह के अन्य स्थानों पर व्याचेस्लाव इलारियोनोविच के लोग शोर नहीं करते हैं या चिल्लाते नहीं हैं; इसके विपरीत लोगों को अलग करने या गाड़ी को बुलाने के लिए वे एक सुखद भरी मध्यम आवाज में बोलते हैं: "मुझे जाने दो, मुझे जाने दो, जनरल खवालिंस्की को जाने दो", या: "जनरल खवालिंस्की की गाड़ी ..." हालांकि, खवालिंस्की की वर्दी काफी पुरानी है; पैदल चलने वालों की पोशाक फटी पुरानी है (तथ्य ये है कि वे लाल आवरण के साथ भूरे रंग के होते हैं, जो शायद ही उल्लेख के लायक लगता है); घोड़ों ने भी काफी अच्छा जीवन व्यतीत किया है और अपने जीवनकाल में बहुत सेवाएं प्रदान की हैं, लेकिन व्याचेस्लाव इलारियोनोविच के पास वैभव का कोई ढंग नहीं है और यहां तक कि धन का दिखावा करने के लिए अपने पद से नीचे के बारे में सोचते हैं। खवालिंस्की के पास वाक्पटुता का कोई विशेष उपहार नहीं है, या सम्भवतः उन्हें अपनी अलंकारिक शक्तियों को प्रदर्शित करने का कोई अवसर नहीं मिला हो, क्योंकि उन्हें न केवल तर्कों से विशेष घृणा है, बल्कि आमतौर पर होने वाले बात-विवाद भी उन्हें बर्दाश्त नहीं होता है, और सभी प्रकार की लंबी बातचीत से बचना है, खासकर युवाओं के साथ। वास्तव में इस बात में अधिक सच्चाई है; युवा पीढ़ी के साथ सबसे बुरी बात यह है कि वे अपने बुजुर्गों के उचित सम्मान और विनम्रता को भूल जाने के लिए जैसे हमेशा तैयार रहते हैं। खवालिंस्की ज्यादातर ऊंचे स्तरवाले व्यक्तियों के सामने चुप रहता है, जबकि निचले स्तरवाले व्यक्तियों के साथ, जिसे वह पूरी तरह तुच्छ समझता है, हालांकि वह बराबर उनसे मिलते-जुलते रहता है, उसकी टिपण्णी तेज और रुखी होती है, उसके मुंह से लगातार निम्नलिखित वाक्य निकलते रहते हैं: "आप क्या बकवास कर रहे हैं", या: "में अंत में खुद को खोजने के लिए मजबूर हूं, मेरे प्रिय महोदय, जरा होश में रहकर बात करें", या: "आखिरकार आपको पता होना चाहिए कि आप किससे बात कर रहे हैं", और आदि। विशेष रूप से डाकिया, स्थायी सलाहकार और स्टेशन मास्टर उससे डरते हैं। वह कभी भी अपने घर किसी को दावत पर नहीं बुलाता है और एक प्रचलित अफवाह के अनुसार, वह एक कंजूस की तरह जीवन व्यतीत करता है। लेकिन इन सबके बावजूद वह एक बहुत बढ़िया जमींदार है। एक बूढ़ा सिपाही, निस्वार्थ व्यक्ति, सिद्धांतों वाला, विक्स गोगनार्ड - उसके पड़ोसी उसके बारे में कहते हैं। प्रांतीय अभियोजक अकेला ऐसा आदमी है, जो मुस्कुराता हुआ नजर आता है, जब उसकी उपस्थिति में जनरल खवालिंस्की के उत्कृष्ट और दृढ़ गुणों का उल्लेख किया जाता है - लेकिन ईर्ष्या लोगों से क्या नहीं कराती!..

अब हम दूसरे जमींदार की बात करते हैं।

मरदारी अपलोनीच स्तेगुनोव किसी भी तरह से खवालिंस्की की तरह नहीं था; उसने शायद ही कहीं सेवा की हो और उसे कभी भी एक सुंदर व्यक्ति नहीं माना जाता था। मरदारी अपलोनीच एक बूढ़ा, छोटे कद वाला, मोटा और गंजा आदमी है, उसकी दोहरी ठुंडी, छोटे-छोटे मुलायम हाथ और बड़ा-सा गोल पेट है। वह बहुत मेहमाननवाज और खुशमिजाज आदमी है; कहा जाता है की वह अपनी ही खुशी के लिए जीता है; सर्दियों और गर्मियों में वह एक धारीदार अस्तर वाला लबादा पहनता है। केवल एक चीज में वह जनरल खवालिंस्की की तरह है: वह भी एक कुंवारा आदमी है। वह पांच सौ आदमियों का मालिक है। मरदारी अपलोनीच जमीनी तौर पर अपनी संपत्ति की देखभाल करता है; दस साल पहले उसने मोस्को में बुतेनोव के यहां से एक थ्रेशिंग मशीन खरीदी थी, ताकि वह समय से पीछे न रह जाये; उसे एक कोठरी में डालकर ताला लगा दिया और फिर इस ओर से निश्चित हो गया। कभी-कभी जब गर्मियों में मौसम सुहावना होता है, तो वह अपना घोड़ागाड़ी बाहर निकालने का आदेश देता है और फसलों को देखने तथा फूल बटोरने के लिए अपने खेतों की ओर निकाल जाता है। मरदारी अपलोनीच का जीवन और रहन-सहन बिल्कुल पुराने ढंग का है। और उसका घर पुराने जमाने का बना है: सामने के हॉल में क्वास, मोमबत्तियाँ और चमड़े की खूब गंध आती है; वहीं दाईं ओर पाइप और वाशबेसिन के साथ एक छोटा-सा भोजन कक्ष है; भोजन कक्ष में पारिवारिक फोटो, मक्खियाँ, जिरेनियम फूलों का एक बड़ा गुलदान और एक पुराना पियानो है। अतिथि कक्ष में तीन सोफे, तीन मेज़, दो आईना और जंग लगे इनेमल और कांस्य, नक्काशीदार हाथों वाली कर्कश आवाज के साथ एक घड़ी है; अध्ययन कक्ष में कागज़ों से लदी एक मेज और पिछली सदी के विभिन्न साहित्यिक कार्यों से कटे हुए चित्रों से ढकी एक नीले रंग का चित्रपट, बदबूदार किताबों, मकड़ियाँ और धूल से भरी अलमारियाँ, एक गद्दीदार कुर्सी, एक इटालियन खिड़की और एक बंद दरवाजा, जिसका रुख बगीचे की ओर है... एक शब्द में, सब कुछ पहले की तरह है। मरदारी अपलोनीच के पास बहुत सारे नौकर-चाकर हैं, सभी पुराने जमाने की शैली में कपड़े पहनते हैं; ऊंचे कॉलर वाले लंबे नीले कोट, मटमैले रंग का पैंट और पीले रंग की छोटी बेल्ट। वे मेहमानों को मालिक कहकर संबोधित करते हैं। उसके जागीर की निगरानी का काम किसानों के एक भंडारी द्वारा किया जाता है, एक दाढ़ी वाला किसान, जो हमेशा भेड़ की खाल से बने हुए कोट पहने रहता है, उसके घर की देखभाल एक कंजूस झुर्रीदार बूढ़ी औरत द्वारा किया जाता है, जो हमेशा अपने सिर पर भूरे रंग का रुमाल बांधे रहती है। मरदारी अपलोनीच के अस्तबल में विभिन्न प्रकार के तीस घोड़े हैं; वह जागीर में ही बनायी गई घोड़ागाड़ी में सवारी करता है, जिसका वजन डेढ़ सौ पूड़ है। वह मेहमानों का बहुत गर्मजोशी से स्वागत करता है और जी खोलकर उनका खातिरदारी करता है, अर्थात् रूसी व्यंजनों के नशीले गुणों के लिए धन्यवाद, वह उन्हें शाम तक प्रिफ़रेन्स खेलने के अलावा कुछ भी करने के किसी भी अवसर से वंचित करता है। वह खुद कभी कुछ नहीं करता है और यहां तक कि उसने "सपनों की व्याख्या की किताब" भी पढ़ना बंद कर दिया है। लेकिन रूस में अभी भी ऐसे बहुत जमींदार हैं; सवाल यह है कि मैंने किस उद्देश्य से उसके बारे में बात करना शुरू किया था और क्यों?.. खैर उस प्रश्न का उत्तर देने के लिए मैं आपको मरदारी अपलोनीच के साथ अपनी मुलाकातों में से एक का वर्णन करने की इजाजत चाहूंगा।

में गर्मियों में उसके पास शाम के सात बजे पहुंचा था। अभी अभी शाम की प्रार्थना समाप्त हुई थी और एक पादरी, एक युवा आदमी, जो जाहिर तौर पर काफी सहमा हुआ लग रहा था और हाल ही में धार्मिक विद्यालय से पढ़ाई पूरी करके आया था, एक कुर्सी के एकदम किनारे पर दरवाजे के पास अतिथि कक्ष में बैठा था। मरदारी अपलोनीच ने हमेशा की तरह बहुत ही सौहार्दपूर्ण ढंग से मेरा स्वागत किया; वह हर मेहमान को देखकर वास्तव में बहुत खुश होता था और कुल मिलकर वह अत्यंत भले स्वाभाव का व्यक्ति था। पादरी उठा और अपनी टोपी संभालने लगा।

- जरा रुको, जरा रुको श्रीमान, - अभी भी मेरे हाथ को पकड़े हुए मरदारी अपलोनीच ने कहा, - जाओ नहीं... मैंने तुम्हारे लिए वोदका मंगवाई है।

- नहीं महाशय, मैं नहीं पीता, - पादरी ने सकपकाते हुए कहा और उसके गाल कानों तक लाल हो गया।

- क्या बकवास है! पादरी हो तो क्या हुआ! - मरदारी अपलोनीच ने उत्तर दिया। - मिशका! युशका! श्रीमान के लिए वोदका लाओ!

लगभग अस्सी साल का एक लम्बे कद वाला और दुबला-पतला बूढ़ा युशका एक काले रंग की थाली में वोदका का एक गिलास लेकर आया, जिसमें मांस के रंग के कुछ धब्बे थे।

पादरी ने मना करना शुरू कर दिया।

- पीजिये मालिक, मना मत कीजिए, यह अच्छी बात नहीं है, - जर्मीदार ने तिरस्कारपूर्ण लहजे में कहा।

बेचारे युवक को बात माननी पड़ी।

- ठीक है, मालिक, अब तुम जा सकते हो।

पादरी ने विदा लेने के लिए अपना सिर झुकाना शुरू किया।

- बस, बस, हो गया, अब जाओ... अच्छा आदमी है, - मरदारी अपलोनीच ने उसकी ओर देखते हुए बोलना जारी रखा, - वह मुझे बेहद पसंद है; एक बात है - वह अभी भी नौसिखिया है। वह सभी उपदेशों को मानता है, लेकिन शराब नहीं पीता है। लेकिन आप अपनी सुनाइये, आप कैसे हैं, मेरे मालिक? आजकल क्या कर रहे हैं? तबीयत ठीक है न? चलिए, बालकनी में चलते हैं - देखिए क्या शानदार शाम है।

हम बाहर बालकनी में गए, बैठे और बातें करने लगे। मरदारी अपलोनीच ने नीचे झांककर देखा और अचानक जबरदस्त उत्तेजित हो उठा।

- ये किसकी मुर्गियां हैं? किसकी मुर्गियां हैं? - वह चिल्लाया। किसकी मुर्गियां बगीचे में छुट्टा घूम रही हैं? युशका! युशका! जाकर पता करो कि बगीचे में किसकी मुर्गियां घूम रही हैं?.. किसकी मुर्गियां हैं? मैंने कितनी बार मना किया है, कितनी बार कह चुका हूँ!

युशका दौड़ता हुआ बाहर आया।

- कितनी गड़बड़ है! - मरदारी अपलोनीच ने जोर देकर कहा, - यह भयानक है!

अभागी मुर्गियां, जैसा कि मुझे अब तक याद है, दो धब्बेदार और एक सफ़ेद कलगी वाली शांति से सेब के पेड़ों के नीचे इधर-उधर विचर रही थी, और कभी-कभार लंबे समय तक कुड़कुड़ाने के आवाज के साथ अपनी भावनाओं को व्यक्त कर रही थी, तभी अचानक युशका बिना टोपी के, हाथों में छड़ी लिए और

तीन अन्य व्यस्क गृह-दास के साथ उनकी ओर दौड़ा। और फिर एक अच्छा खासा तमाशा शुरू हुआ। मुर्गियां कुड़कुड़ाने लगी, अपने पंख फड़फड़ाये, इधर-उधर फुदकीं, इतना जोर से कुड़कुड़ाई कि कान सुन्न पड़ गये; गृह-दास दौड़ रहे थे, गिर-पड़ रहे थे और ठोकर खा रहे थे; और बालकनी से उनका मालिक पागलों की तरह चिल्ला रहा था: "पकड़ो, पकड़ लो! पकड़ो, पकड़ो! पकड़ लो, पकड़ो, पकड़ो!.. किसकी हैं ये मुर्गियां, किसकी मुर्गियां हैं?" आखिर में एक नौकर एक कलगी वाली मुर्गी को पकड़ने में सफल रहा, वह उसके ऊपर ही जा गिरा और ठीक उसी समय लगभग ग्यारह साल की एक लड़की, जो पूरी तरह से अस्त-व्यस्त लग रही थी और उसके हाथ में एक छड़ी थी, गली से बाड़ के ऊपर से कूदकर बगीचे में आयी।

- ओह, अब पता चला कि ये किसकी मुर्गियां हैं! - जमींदार ने खुशमिजाज अंदाज में चिल्लाकर कहा।
- वे कोचवान येरमिल की मुर्गियां हैं! उसने उनके लिए अपनी नतालका को भेजा है... हालांकि उसने पराशा को नहीं भेजा, - जमींदार ने धीमी आवाज में कहा और मुस्कराया। - अरे युशका! मुर्गियों को छोड़ो, इस नतालका को मेरे पास पकड़ कर लाओ।

लेकिन इससे पहले कि युशका उस डरी हुई बच्ची के पास पहुंच पाता, भण्डारिन अचानक प्रकट हुई, उसने उस लड़की का बांह पकड़ा और उसकी पीठ पर कई थप्पड़ जड़ दिए।

- बिल्कुल सही, सही किया, - जमींदार बोल, - वो, वो, वो! वो, वो, वो!.. मुर्गियां को अपने पास रखो अक्टोत्या, - उसने ऊंचे आवाज में बोला और मुस्कराते हुए चेहरे के साथ मेरी ओर मुड़ा; - मालिक, कितनी मजेदार धर-पकड़ चल रही थी? मैं तो पसीने-पसीने हो गया, ये देखिए।

और मरदारी अपलोनीच ठहाका लगाकर हंस पड़ा।

हम बालकनी में बैठे रहे। शाम सच में असाधारण रूप से शानदार थी।

हमारे लिए चाय लायी गई।

- आप मुझे बताइए, मरदारी अपलोनीच, - मैंने पूछना शुरू किया, - खड्डे के परे, वहां सड़क पर, क्या वे आपके किसानों की झोपड़ियां हैं?

- हां... और क्या?

- कैसे आदमी हैं आप, मरदारी अपलोनीच? यह सच में शर्म की बात है। किसानों को गंदे और तंग झोपड़ियां आवंटित किये गए हैं; उनके आस-पास एक भी पेड़ नजर नहीं आता है: यहां तक कि एक माली भी वहां नहीं है; केवल एक कुआं है, और वह भी किसी काम का नहीं। क्या आपको उन्हें बसाने के लिए कोई और जगह नहीं मिली?.. और लोग कहते हैं कि आपने उनसे पुराने तम्बाकू के खेत भी छीन लिए हैं?

- और जमीनों की इस परिसीमन का क्या किया जाए? - मरदारी अपलोनीच ने मुझे जवाब दिया। यहां मेरे पास यह परिसीमन है (उसने अपने सिर के पीछे की ओर इशारा किया।) और मुझे इस परिसीमन से कोई लाभ नहीं दिख रहा है। और जहां तक मेरे तम्बाकू के खेतों को हथियाने और उनके लिए कोई तालाब नहीं खुदवाने का सवाल है, - मालिक, मुझे इसके बारे में पता है, मैं अपना काम जानता हूं। मैं एक सीधा-सादा आदमी हूं और पुराने तरीके से काम करता हूं। मेरी राय में अगर कोई आदमी मालिक है, तो वह मालिक है, और अगर कोई किसान है, तो वह किसान है। बस, यही बात है।

बेशक इस तरह के स्पष्ट और ठोस तर्क का जवाब देने के लिए मेरे पास कुछ भी नहीं था।

- और इसके अलावा, उसने आगे कहा, - ये किसान भी बुरे और मनहूस लोग हैं। विशेष रूप से वो दो परिवार; फिर भी, मेरे दिवंगत पिता, भगवान उनकी आत्मा को शांति दे, उन्हें सहन नहीं कर सके, कतई वे उन्हें बर्दास्त नहीं कर सके। और आप जानते हैं कि ये मेरा वसूल है: यदि पिता चोर है, तो बेटा भी चोर होगा; अब आप चाहे जो कहें... ओह, खून, - खून एक बड़ी चीज है! मुझे आपको यह बताने में कोई आपत्ति नहीं है कि मैंने उन दो परिवारों से सेना में भर्ती के लिए बारी-बारी से बहुत से लोगों को भेजा, जबकि अभी उनकी बारी नहीं आयी थी और अन्य तरीकों से भी उनसे छुटकारा पाने की कोशिश की। लेकिन क्या किया जाए, वे मेरे लिए बहुत जल्दी शापित हो गए।

इस बीच हवा पूरी तरह से शांत थी। कभी-कभार ही हवा का कोई झोंका आता था, और घर तक आते-आते वह शांत पड़ जाता था, हमारे कानों तक नियमित और लगातार आने वाली आवाज अस्तबल की ओर से सुनाई देती थी। मरदारी अपलोनीच चाय से भरी एक प्लेट को अपने होठों तक लाया और पहले से ही अपने नथुने को चौड़ा कर लिया था, जिसके बिना, जैसा कि हम जानते हैं, कोई भी सच्चा रूसी चाय नहीं पीता है, लेकिन वह ठिठक गया, कान लगा कर सुना, अपने सिर को हिलाया, चाय की चुस्की ली और प्याली को मेज पर रखते हुए काल्पनिक मुस्कान के साथ कुछ बुदबुदाया, मानो किसी अनैच्छिक आघातों की गूंज हो: "च्युकी, च्युकी, च्युक! च्युकी, च्युक! च्युकी, च्युक!"

- यह क्या है? - मैंने हैरानी के साथ पूछा।

- ओह, वहां मेरे आदेश पर वे एक लफंगे आदमी को सजा दे रहे हैं... क्या आपको वास्या - रसोईया की याद है?

- कौन वास्या?

- अरे वही, जो हमें अभी दोपहर का खाना परोस रहा था। वही ना, लंबी मुछों वाला।

मरदारी अपलोनीच की स्पष्ट और नम्र निगाहों के सामने भीषण आक्रोश भी टिक नहीं सकता था।

- अरे, यह क्या मेरे भाई, ये क्या है? - उसने अपने सिर को हिलाते हुए कहा। - आप मुझे ऐसे क्यों देख रहे हैं, जैसे मैंने कोई गुनाह किया हो? जो प्यार करता है, वही दंड भी देता है, आप तो खुद भी जानते हैं।

पंद्रह मिनट बाद मैंने मरदारी अपलोनीच से विदा ली। गांव से गुजरते हुए मैंने रसोईया वास्या को देखा। वह सड़क पर चल रहा था और दांतों से अखरोट फोड़ रहा था। मैंने कोचवान से घोड़ागाड़ी को रोकने के लिए कहा और उसे अपने पास बुलाया।

- क्या भाई, आज वे तुम्हें सजा दे रहे थे? - मैंने उससे पूछा।

- आपको कैसे पता? - वास्या ने जवाब दिया।

- तुम्हारे मालिक ने मुझे बताया।

- खुद मालिक ने?

- किस बात के लिए उसने तुम्हें सजा देने का आदेश दिया था?

- ओह, ठीक ही तो है मालिक, मैं इसी लायक था। वे हमें यूं ही छोटी-मोटी बातों के लिए सजा नहीं देते हैं, नहीं, हमारे यहां ऐसा नहीं है, - नहीं, नहीं। हमारे मालिक ऐसे नहीं हैं; हमारे मालिक... हमारे मालिक जैसा कोई दूसरा आपको पूरे प्रांत में नहीं मिलेगा।

- चलो! - मैंने कोचवान से कहा।"... तो ऐसा है, पुराना रूस!" – वापस लौटते समय पूरे रास्ते में मैं यही सोचता रहा।

